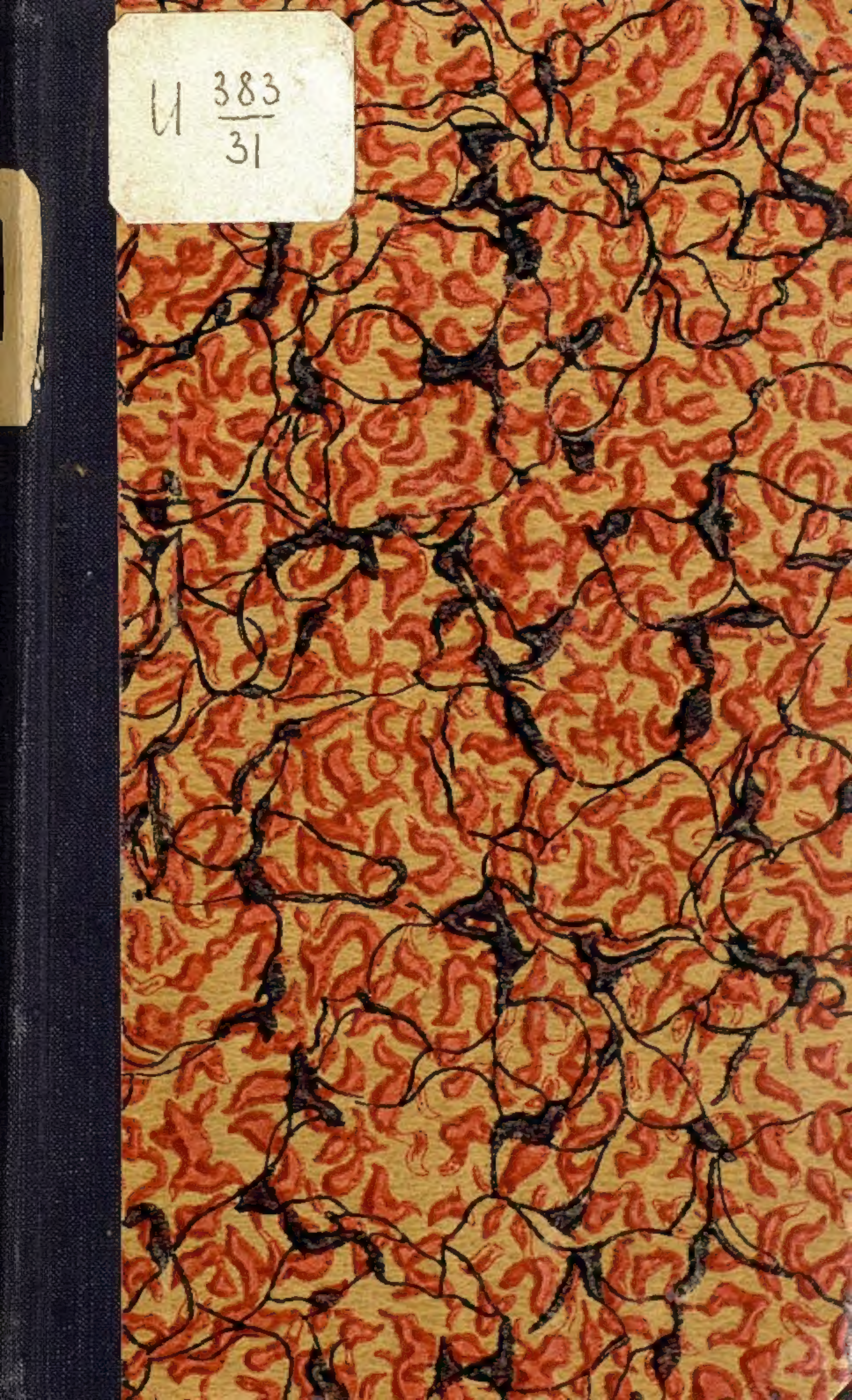

И 383
31

ИСТОРІЯ
ЗЕМЛИ
ВАРЯЖСКОЙ РУСИ.

ИСТОРІЯ
ЗЕМЛИ ВАРЯЖСКОЙ РУСИ
И БОРЬБЫ РУССКАГО НАРОДА
СЪ
ЛАТИНСКОЙ ПРОПАГАНДОЮ
ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ЕЯ.

Мужайтесь, Русски Ахиллесы,—
Богини Сѣверной Сыны!

Составилъ В. Лызловъ.

ВИЛЬНА.

Типографія М. Б. ЖИРМУНСКАГО, Нѣмецкая улица, домъ А. Манасевича.

1886.

Дозволено цензурою. 25 Іюня 1885 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изложенію исторіи западной части Витебской губерніи, заключающейся въ трехъ уѣздахъ ея: Люцинскомъ, Рѣжицкомъ и Динабургскомъ, мы удерживаемъ для нея названіе, которымъ она называлась только въ началѣ историческаго времени Русскаго государства. Изъ многихъ историческихъ названій этой страны мы не рѣшались придать къ ней ни одного изъ нихъ, такъ какъ они всѣ оказываются случайными и не народными; тогда какъ названіе земли Варяжской Руси или Чудоронины оказывается основнымъ ея названіемъ.

Мы опасаемся, что читающей публикѣ трудъ нашъ, по названію, покажется смѣлой и рискованной выходкой, такъ какъ вопросъ о Варягахъ въ современномъ литературномъ мірѣ остается спорнымъ и нерѣшеннымъ. Однакожъ представленные нами новые выводы мы старались выяснить основательными данными о Варягахъ, почерпнутыми изъ хорографій, легендъ и эпоса, сличенныхъ съ литературными свидѣтельствами по этому предмету, для чего мы, въ недавнее время, издали предварительный къ настоящему нашему труду „Историческій очеркъ культурной хорографіи земли Варяжской Руси," съ приложеніемъ къ этому очерку хорографической карты, указывающей Варяжскіе пункты по Европѣ и въ описываемой нами странѣ.

Впрочемъ задачею своего труда мы избрали не одинъ доисторическій періодъ нашей страны: мы большее свое вниманіе сосредоточили на изложеніи ея исторической судьбы, находящейся въ болѣе ближайшей связи съ современной нашей жизнью и представляющей большій интересъ. Хотя вообще въ исторіи

даются свѣдѣнія о нашей странѣ мимоходомъ (τὰ παριστορικὰ ἔργα т. е. свѣдѣнія какъ будто о помимо историческихъ событіяхъ), а почему она и представляетъ темный районъ для историческаго изслѣдованія, о чемъ мы уже объяснили въ предисловіи къ упомянутому очерку; хотя затѣмъ, по объему своему, въ составѣ Русской территоріи она представляетъ маленькій, почти незамѣтный уголокъ земли: но она, съизпоконъ вѣковъ, находилась въ ближайшей связи съ Русскою землею, и въ предѣлахъ ея разрѣшились самые важные вопросы Русской Исторіи,—вслѣдствіе чего она и получаетъ чрезвычайно важное историческое значеніе.

Доказательства связи нашей страны съ Русскою землею оказываются изъ доисторическихъ памятниковъ, легендарныхъ и литературныхъ свидѣтельствъ объ этой связи, а также и изъ многовѣковой борьбы Русскаго народа за ея принадлежность ему съ народами, покушавшимися на отторженіе ея отъ Русской земли; а историческое ея значеніе раскрывается, какъ изъ значенія мотивовъ этой борьбы, заявленныхъ врагами нашими подъ девизами внесенія къ намъ ими Вѣры и культуры, съ которыми будто бы наша страна не была знакома до вступленія ихъ въ нашу сторону,—девизами, измышленными для замаскированія захвата и присвоенія ими нашей земли, такъ и изъ результатовъ этой великой борьбы, дорогихъ для нашего народа и отечества.

Раскрытіе этихъ мотивовъ, доказательства фиктивности религіозныхъ и культурныхъ притязаній Латинской Пропаганды, руководившей вторгавшимися въ нашу страну народами, составляетъ передовую задачу историческаго этого нашего изслѣдованія о судьбѣ нашей страны, съ исполненіемъ каковой задачи освѣщается панорама этой многовѣковой темной борьбы нашей страны и многосложныхъ катастрофъ, постигшихъ ея судьбу. Изученіе этихъ мотивовъ, неумѣстности и дерзости замысловъ Пропаганды составляетъ не легкую задачу, такъ какъ много фактовъ, много данныхъ изъ дѣяній Пропаганды скрыты и извращены ею, съ цѣлію оправданія своихъ замысловъ.

Да, эти замыслы были когда то опасными и крайне враждебными для нашихъ предковъ, которые, для сокрушенія ихъ, должны были вынести многовѣковую борьбу съ Пропагандою! О, сколько жертвъ пало въ ужасной борьбѣ съ этою неодолимою гидрою, величавшеюся Крыжацкимъ Закономъ! Весь районъ нашей страны съ сосѣдними уѣздами Псковской и Витебской губерній, буквально говоря, упитанъ священною кровью нашихъ предковъ, отражавшихъ внезапныя вторженія фанатиковъ—крыжаковъ. Здѣсь каждый холмъ, каждый потокъ были свидѣтелями роковыхъ событій прошлыхъ дней! Всѣ эти крыжаки, Нѣмецкіе рыцари, Литовскіе драбы и жолнеры, Польскіе косиньеры, адскіе легіонеры и проч. агенты Латинской Пропаганды, укрѣпясь на высяхъ нашей страны и въ Ливоніи, какъ хищные коршуны, терзали Русскую землю въ коварныхъ нападеніяхъ и набѣгахъ на наши города и заявляли въ силу этихъ своихъ случайныхъ успѣховъ притязанія для себя на историческую славу, культурныя заслуги и геральдическія привиллегіи, покрывая, между тѣмъ, своихъ противниковъ всякаго рода клеветами и оскорбленіями. Для отраженія этихъ враговъ, на борьбу съ ними за неприкосновенность правъ своего народа и наслѣдственныя свои права на нашу страну, Сами Вѣнценосцы наши Монархи сходили съ Своихъ высокихъ Троновъ, чтобы предводительствовать своими ратями, направлявшимися на защиту нашей страны: и страницы ея бытописаній украшаются дивными, поучительными подвигами многихъ Русскихъ витязей, покрывшихъ свои имена незабвенною славою мужества и гражданскихъ доблестей! Какъ велика и трудна была задача нашихъ борцовъ, на это указываютъ памятники этой борьбы въ нашей странѣ,—масса враждебныхъ твердынь, т. е. рыцарскихъ замковъ, паденіе которыхъ увѣнчало неувядаемыми лаврами сыновъ Русской Беллоны и служитъ тріумфомъ славы нашихъ предковъ. Быть можетъ, дѣянія героевъ нашей страны уступаютъ громкой славѣ своихъ собратьевъ, которые пріобрѣли ее, ратуя за отечество далеко за предѣлами

его, напр: подъ Цареградомъ, на Альпахъ, Кавказѣ и т. д.; однакожъ подвиги героевъ, сражавшихся за неприкосновенность ихъ родины, имѣютъ большій интересъ для народа, чѣмъ подвиги первой категоріи. Въ памяти народа не сохранились воспоминанія о смѣлыхъ подвигахъ Кульнева, совершенныхъ имъ въ Финляндскую войну, тогда какъ результатъ Клястицкой битвы и вообще пораженіе адскихъ легіоновъ сливаются въ сказаніяхъ народа съ однимъ его именемъ, что на дѣлѣ было однакожъ нѣсколько иначе. Что же Русскій народъ считаетъ героевъ, сражавшихся за судьбу нашей страны вообще героями своей родины, достаточно самого поверхностнаго знакомства съ тѣмъ эпическимъ ореоломъ, которымъ онъ окружаетъ имена ихъ, начиная съ Александра Невскаго и Довмонта Псковскаго. Признательность народа къ ихъ заслугамъ такова что онъ прощаетъ въ своей памяти иныя ихъ ошибки и неудачи, оправдывая въ своемъ приговорѣ ихъ доблестныя усилія и намѣренія, какъ это видно въ преданіяхъ объ Іоаннѣ Грозномъ, не удержавшемъ впрочемъ своихъ завоеваній въ Ливоніи. Такимъ образомъ, хотя наша страна и не играла главной роли въ исторіи и не была въ историческомъ періодѣ самостоятельною областью; но какъ въ доисторическое время, такъ и въ историческій періодъ своего бытія, она представляетъ массу занимательныхъ научныхъ вопросовъ.

Быть можетъ, найдутся мыслители, которые скажутъ: „какой интересъ представляетъ въ настоящее время, полное такимъ сильнымъ стремленіемъ жизни впередъ, повѣсть о прошломъ времени, превратившемся въ мертвую букву? Вѣдь всѣ эти громкія дѣянія прежнихъ героевъ становятся эхомъ, постоянно день ото дня слабѣющимъ.“ Такъ, мы согласны, что звукъ прежней славы слабѣетъ въ шумѣ наступающихъ волненій и новыхъ заботъ: но наука, помимо Богини Славы, ревниво охраняетъ память тѣхъ событій и дѣяній, которыя порѣшили спорные вопросы, касающіеся интересовъ живущихъ поколѣній и сливающіеся съ злобою текущихъ дней, въ виду

возстановленія истины, такъ часто извращаемой ложною, случайною славою. Если въ какой другой странѣ, то, въ особенности, на аренѣ нашей страны хранится масса такихъ вопросовъ, возникающихъ и возобновляющихся время отъ времени, ища оправданія своего происхожденія въ прошломъ времени, въ которомъ наши враги стремились обезславить Русское имя и покрыть клевстою дѣянія нашихъ предковъ. Выходя изъ доисторическаго времени, отъ котораго въ нашей странѣ хранится столько памятниковъ культурной ея дѣятельности и благосостоянія, съ началомъ вторженія крыжаковъ въ Ливонію, мы вступаемъ въ періодъ ея многовѣковой борьбы съ Латинской Пропагандой,—борьбы, лишившей её мира и спокойствія и превратившей ее въ область ужасовъ и хаотическаго круженія. Темныя дѣянія крыжаковъ, коварная пропаганда іезуитовъ, возбудившая Поляковъ на мѣсто павшихъ крыжаковъ, остаются, благодаря усиліямъ ихъ наслѣдниковъ и сторонниковъ, окруженными и до сего времени таинственнымъ мракомъ, освѣщеніе и разсѣяніе котораго составляетъ долгъ науки, очищающей народъ отъ суевѣрія и фанатизма, развивающихся подъ покровомъ этого мрака. Такое усиліе, въ особенности, обязательно со стороны Русскаго гражданина, предки котораго были жертвою этой коварной эксплоатаціи, маскировавшей свое вторженіе священными девизами и эмблеммами и павшей среди своихъ неимовѣрныхъ усилій съ позоромъ. Потомки этой Химеры, называемой пропагандой, не во имя ея побѣды, а во имя мистификаціи ея,—и въ наше время заявляютъ о своихъ пресловутыхъ правахъ и привиллегіяхъ, присвоиваемыхъ ими въ силу заслугъ этой мистификаціи, дѣйствовавшей не только въ разрѣзѣ съ правдою дѣла, но въ контрастѣ съ требованіями разума. Если 30 лѣтняя война протестантовъ съ Католиками въ Германіи занимаетъ выдающееся мѣсто въ наукѣ, то тѣмъ большій интересъ не только для Русскаго патріота, но и вообще въ наукѣ должна представлять борьба Латинской пропаганды въ предѣлахъ нашей страны,

хотя и не основавшей въ районѣ ея прочнаго бастіона, но оставившей послѣ себя много уроковъ для назиданія потомству. Дѣянія и замыслы этой пропаганды тѣсно сливаются съ именемъ нашей страны, а почему и заглавіе нашего труда мы сочли необходимымъ распространить указаніемъ на связь нашей страны съ пропагандою, какъ на лицевой предикатъ ея.

Конечно, мы не обольщаемъ себя надеждою, чтобы нашъ трудъ былъ безупречнымъ произведеніемъ, для чего мы не владѣли достаточными матеріальными средствами, которыя были необходимы намъ и во время приготовленія къ дѣлу на пріобрѣтеніе источниковъ, а равно и при самомъ изданіи труда: но мы не щадили для него и послѣднихъ своихъ скудныхъ средствъ, и усилій. Быть можетъ, критика будетъ упрекать насъ въ недостаткѣ ссылокъ, цитатъ и т. д.,—въ чемъ мы поскупились во избѣжаніе обременительныхъ для насъ типографскихъ расходовъ: но, если читающая публика подаритъ нашъ трудъ ея благосклоннымъ вниманіемъ, то мы, при второмъ изданіи его, надѣемся избѣжать этого упрека, имѣя подъ рукою для того всѣ источники и матеріалы въ наличности.

Долгомъ считаю заявить мою искреннюю признательность г. содержателю типографіи М. Б. Жирмунскому, который далъ мнѣ возможность осуществить свое завѣтное желаніе, принявъ безкорыстное участіе въ изданіи моего труда, считая его предпринятымъ на пользу Отечества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Іереміады Латинской пропаганды у Инфлянтскихъ замковыхъ руинъ, находящихся въ культурномъ тайникѣ Варяжской Руси.

Стран.

Стран.

ГЛАВА I.

Историческія свѣдѣнія о древнихъ народахъ, соприкасавшихся съ нашею страною, и связь Руссовъ съ Римскою имперіею, Византіею и Датчанами.

ГЛАВА II.

Бытъ и администрація древнихъ Руссовъ; судьба Варяговъ; государственное значеніе княжеской дѣятельности и городовой жизни.

Стран.

ГЛАВА III.

Вторженіе Нѣмцевъ въ Ливонію и нашу страну подъ фирмою торговли и Латинской пропаганды.

Стран.

ГЛАВА IV.

Исторія темнаго происхожденія нашихъ замковъ и конкурренція Ливонскихъ рыцарей съ своимъ духовенствомъ за владеніе ими.

Стран.

ГЛАВА V.

Доблестныя дѣянія Псковичей и Литовскихъ витязей подъ кровавымъ заревомъ крыжацкихъ пожаровъ.

ГЛАВА VI.

Последнія безчестныя продѣлки рыцарей въ нашей странѣ и алчные ихъ замыслы на канунѣ ихъ пораженія.

ГЛАВА VII.

Борьба рыцарей подъ защитою своихъ замковъ съ Московскими полками.

ГЛАВА VIII.

Дѣянія карателя Латинскихъ мистификацій, рыцарскихъ профанацій и Ливонскихъ коварныхъ гостей—Московскаго Царя Іоанна Васильевича Грознаго.

ГЛАВА IX.

Героическая борьба Русскаго народа за Ливонію со всѣми своими сосѣдями и истомленіе въ ней Іоанна Грознаго.

Стран.

ГЛАВА X.

Ужасное состояніе нашей страны въ теченіи полвѣка, со вступленіемъ въ нее Поляковъ, послѣ Запольскаго мира.

Стран.

ГЛАВА XI.

Внуки Іоанна Грознаго, какъ исполнители культурныхъ его принциповъ и какъ искренніе безкорыстные миссіонеры, во время Московской войны за Малороссію съ Поляками, или состояніе нашей страны на зарѣ пробужденія ея отъ вѣковаго мертвеннаго сна.

ГЛАВА XII.

Безправныя присвоенія Латинской пропаганды въ нашей странѣ вопреки договоровъ; пиры и оргіи Польской Шляхты въ воздвигнутыхъ ею палацахъ въ нашей странѣ, на канунѣ паденія Посполитой рѣчи.

ГЛАВА XIII.

Паденіе Польши и пораженіе конфедератовъ, косиньеровъ и адскихъ Легіонеровъ на аренѣ нашей страны выступившихъ на защиту Польши.

ГЛАВА XIV.

Трагико-Комическая судьба мечтателей о Крыжацкихъ традиціяхъ и золотыхъ дняхъ на вѣки падшей Посполитой рѣчи.

ВВЕДЕНІЕ.

Іеремiады Латинской пропаганды у Инфлянтскихъ замковыхъ руинъ, находящихся въ культурномъ тайникѣ Варяжской Руси.

Таинственный былъ край, великій,
Куда онъ бодро снисходилъ;
На зовъ его являлись мертвыхъ лики,
И съ ними онъ безстрастно говорилъ.
Въ скупой землѣ онъ не искалъ стяжаній,—
Онъ жизнь искалъ, гдѣ жизни слѣдъ погасъ.

Mihi quidem nulli satis eruditi videntur
quibus nostra ignota sunt.

Cicero.

I. Ни въ одной области пашего обширнаго отечества не сохранилось столько памятниковъ отъ прошлой боевой судьбы страны, сколько такихъ памятниковъ вы встрѣчаете, вступая въ область трехъ уѣздовъ Витебской губерніи: **Люцинскаго**, **Рѣжицкаго** и **Динабургскаго**. Не говоря объ общихъ могильникахъ, находящихся у поселеній, на всемъ этомъ районѣ, буквально говоря, взору наблюдателя открывается общій могильникъ, разсѣянный по полямъ, лѣсамъ, болотамъ, и группирующійся въ особенности: во 1-хъ, на восточной и южной окраинахъ этого района, гдѣ, до сего времени, сохраняется почти непрерывная линія кургановъ и могилъ, уходящая далеко въ сосѣднія съ нею стороны, за границу этихъ уѣздовъ; а 2-я линія идетъ по западной границѣ этого района, группирующаяся около Шваненбурга, Адзеля и Анерадена. На первой линіи выдаются, по своей обширности, особенно слѣдующія группы могилъ, а именно: въ Люцинскомъ уѣздѣ— *девять могильниковъ около Люцина*, у *Звирдзина* подъ рощею, у *Зальмуйжа*, *Шкельбанскій могильникъ*, *Чертовскія могилы*, а также *Ругайжскія*, *Боловскія*, *Маріенгаузенскія*, *Конецпольскія*,

Истринскія, *Искачевскія*, *Пунцелевскія*, *Нерзенскія*, *Сальновскія*, *Пасиньскія*, *Кушнеровскія* на островѣ и др., въ Рѣжицкомъ уѣздѣ—*Андрепненскія*, *Вараклянскія*, у сел. *Бѣсовки*, *Рыкопольскія*, *подъ Волкенбергомъ*, *не вдали Голянъ*, *Ковнатъ*, *Презменскія* и др., въ Динабургскомъ уѣздѣ—у *Каменца* подъ желѣзною дорогою, у деревень: *Разрывки и Клычки*, *Вышковскія*, *Варковскія* и проч. Кромѣ этихъ могильниковъ, много разбросано ихъ по лѣсамъ, какъ напр. у деревень: *Гарбаровъ* и *Рантортa*. Иные могильники оказываются въ двухъ или одномъ общемъ холмѣ, какъ напр. у горы *Ершовки* подъ Люцином. Наружность этихъ могильниковъ представляетъ иногда одинъ общій холмъ, или нѣсколько кургановъ, напр. у Ершовскаго бастіона, приписываемаго Іоанну Грозному подъ Люциномъ; или — массу разнообразныхъ холмовъ, кургановъ и могилъ; или — поле, покрытое камнями, имѣющими на себѣ высѣченные кресты; или — правильные могильники съ деревянными Русскими крестами, напр. въ лѣсу подъ дер. Гарбарами. Надъ нѣкоторыми могилами находили высѣченныя изъ камня лошадиныя головы, на затылкѣ которыхъ оказывался высѣченный крестъ. Многіе изъ нашихъ мѣстныхъ могильниковъ, поступивши подъ пашни, оказываются непримѣтными для посторонняго взгляда, а иные скрываются въ глубинѣ лѣсовъ. Но между всѣми этими могильниками выдается гора *Сцибла* за Еверсемуйжемъ въ Люцинскомъ уѣздѣ, усѣянная могильными холмами, сохраняющими въ своей внутренности тысячи жертвъ. И Сциблинскій могильникъ принадлежитъ къ древнимъ могильникамъ, такъ какъ онъ покрытъ очень старымъ лѣсомъ. Отъ нашихъ могильниковъ отдѣляются вѣтви могилъ, уходящія въ Островской уѣздъ и сконцентрировавшіяся особенно: у села Петровскаго и дер. Петропавловской; затѣмъ въ Себежскомъ уѣздѣ, оказывающіяся у Синяго озера, подъ названіемъ кургана „Выдра"; далѣе въ Дриссенскомъ уѣздѣ и за Двиною въ Виленской губ. по направленію такъ называемой *Ольгердовой дороги*. Изъ этихъ могильниковъ одни оказываются остатками побоищъ, состоящими изъ насыпей неправильной формы; но другіе могильники составляютъ остатки кладбищъ, напр. на Кушнеровскомъ островѣ, подъ Бовоньемъ, у Маріенгаузена, гдѣ, до сего времени сохраняются могильные памятники, т. е. камни съ крестами, на которыхъ камняхъ иногда находятся упомянутыя высѣченныя лошадиныя головы, имѣющія на затыльникѣ кресты. По-

слѣдній знакъ указываетъ на могилу рыцаря—кавалера или всадника (eques). Въ связи съ нашими могильниками, конечно, находятся также и могильники 2-й линіи Лифляндской губерніи, разсѣянные у Ашерадена, Кальценау и, такъ называемые *Фіанды*, подъ Маріенбургомъ.

По одному расположенію этихъ могилъ — которыя, очевидно, военнаго происхожденія, можно думать, что онѣ заключаютъ жертвы борьбы народовъ, преимущественно, стремившихся изъ-за Балтійскаго моря въ Ливонію, укрѣпясь въ которой, они открыли барьеръ борьбы отъ Ашерадена и Адзеля съ бывшими владѣльцами нашей земли. Трудно подъискать не только въ Россіи, но едва ли и въ цѣломъ мірѣ, мѣстность, такъ плотно усѣянную могильными холмами, принимая даже во вниманіе Смоленско-Московскую дорогу, извѣстную въ исторіи міра по кровавымъ слѣдамъ Наполеонова похода на Россію. Очевидно, такая масса печальныхъ памятниковъ и остатковъ разрушенія не могла образоваться естественнымъ путемъ и произошла отъ борьбы многихъ народовъ въ продолжительный періодъ времени. Изученіе подобной борьбы никогда не можетъ быть безплоднымъ. Если мирное общественное кладбище, какъ поле жизни и покоя, возбуждаетъ въ душѣ мыслителя много завѣтныхъ думъ,— какія же чувства должны волновать сердце патріота, встрѣчающагося съ мѣстами грозныхъ роковыхъ битвъ прошлаго времени?. Въ благовѣніи къ памяти борцовъ, изъ которыхъ многіе пали преждевременными, забытыми жертвами, онъ преклоняется предъ мавзолеями, воздвигнутыми надъ ихъ могилами благодарнымъ потомствомъ. Хотя въ нашей странѣ вы встрѣчаете Русскій мавзолей только у одной клястицкой битвы, но сколько есть мѣстъ, достопамятныхъ для русскаго патріота въ нашей странѣ, кромѣ Клястицъ? Окровавленные холмы нашей страны въ книгѣ народныхъ судебъ свидѣтельствуютъ о разрѣшившейся у подножія ихъ роковой судьбѣ не одного великаго народа. Въ Русской литературѣ имѣется много историческихъ монографій и очерковъ нашей страны, но всѣ они составляютъ компиляціи изъ иностранныхъ источниковъ, занимающихся изложеніемъ судьбы нашей страны въ своихъ національныхъ интересахъ. Почти всѣ эти компиляціи слѣдуютъ нѣмецкимъ историкамъ, которые, чтобы оградить свое право на нашу страну, начинаютъ исторію ея судьбы по своему,—со времени водворенія въ Ливо-

ній ихъ націй, затѣняя такимъ образомъ право Русскаго народа, какъ бы временнаго и случайнаго ея владѣльца, неимѣющаго историческихъ культурныхъ заслугъ въ его исконной землѣ, при отрицаніи которыхъ они указываютъ на руины замковъ, и свои матрикулы и хроники, какъ на панацею ихъ культуры, прославившей нашу страну. *) При такомъ положеніи и обстановкѣ дѣла исторія нашей страны представляетъ спорные вопросы объ исконномъ владѣльцѣ ея народѣ и значеніи замковъ, а равно и о достоинствѣ хроникъ,—вопросы, остающіеся до сего времени подъ покровомъ превратныхъ объясненій, притворныхъ и коварныхъ жалобъ и іеремiадъ,—вопросы, затемняющіе мрачную судьбу нашей страны, бывшей этой вѣчной темной, дымной ареной грозныхъ битвъ, на которой все погибло, стало тайною, или извращено насиліемъ пропаганды для своихъ видовъ... Для раскрытія этихъ тайнъ, мы и обратимся къ народу, къ хорографіи и къ наукѣ,—съ разслѣдованіемъ этихъ тайнъ въ легендахъ, на скрижаляхъ бытія и по письменнымъ памятникамъ.

II. Туземцемъ нашей страны Польскіе историки называютъ **) Латыша, у котораго и снимемъ предварительный допросъ о прошломъ нашей страны. Обращаясь къ нему съ вопросомъ о происхожденіи описанныхъ нами могильниковъ, мы узнаемъ отъ него, что одни изъ нихъ,—самые древніе, принадлежатъ **Криву**, болѣе же поздніе онъ называетъ военными могилами (karakappi). Подъ Кривомъ Латышъ разумѣетъ Русскаго человѣка, который былъ владѣльцемъ его страны, носившей названіе иногда Кривской земли, на что указываетъ масса названій у поселеній; но Кривъ

---

*) Изслѣдованіе этого района принадлежитъ Бракелю. (Mittheilungen aus der Geschichte Ostseen Provinzen. 1 Th. 352 Seite.). Юрзевичъ, по свидѣтельству Бракеля (Die Riesenberge und Hünergräber in Litavien. Samlungen der Kurlan. Geselschaft 1840 г. Lib. 1. 45—49.), называетъ наши могилы вообще могилами Гуновъ. Археологическими изслѣдоаніями нашей страны и Литвы занимались графы Тышкевичъ и Плятеръ, а также и Брандтъ, Напьерскій, Буссе, Шиpенъ, Коль и др. Изслѣдователемъ Ольгердовой дороги былъ Ксенофонтъ Говорскій, помѣстившій о ней статью въ Витебск. Губерниск. Вѣд. 1860, № 5. О нашихъ замкахъ писали Сементовскій и Дружиловскій въ Пам. Книж. Витебск. губ., Сырокомля—объ Инфлянтахъ.

**) Балинскій, Буйницкій а также и нѣкоторые Нѣмецкіе писатели называютъ Латыша пресѣленцемъ, а именно: Рутенбергъ въ своей исторіи Остзейскихъ провинцій, ч. 1 стр. 19, но откуда вышли къ намъ Латыши, они не даютъ вѣдѣнія.

былъ разъ изгнанъ врагами изъ нашей страны, что узнаемъ изъ Латышской пословицы: „злой Криве, бѣжи вонъ изъ хаты, твоя свейта, т. е. платье горитъ“. Изъ этихъ враговъ страны Латышъ указываетъ неопредѣленно на перваго давняго врага страны, не зная откуда онъ пришелъ, а въ другомъ онъ признаетъ пришельца изъ-за Двины. О первомъ онъ говоритъ, что въ его странѣ жилъ чужеземецъ, пришлецъ, котораго онъ называетъ вообще **брылемъ**, а также **крижутомъ**, т. е. распинателемъ (пос. Люц. уѣз. Крижуты), прятавшимся подъ камнями. Впрочемъ этотъ брыль старался привлечь къ себѣ туземца подкупомъ, наймомъ и тяжело наказывая за неустойку, которому ссужалъ въ долгъ деньги, однакожъ подъ проценты. Слѣдовательно, брыль воровскимъ образомъ водворялся въ нашей странѣ. Это преданіе фактически объясняется въ нашихъ Псковскихъ лѣтописяхъ въ нѣсколькихъ происшествіяхъ, изъ которыхъ мы находимъ болѣе подходящимъ къ этому преданію нападеніе рыцарей на Псковскихъ купцовъ, при помощи измѣнниковъ Подкурскаго и Торгоши въ 1459 г., подведшихъ за деньги Нѣмцевъ на Псковичей. Подъ чужеземцемъ брылемъ Латышъ разумѣетъ рыцарей, господство которыхъ въ Ливоніи и въ нашей странѣ такъ прославляется Нѣмецкими историками и которымъ приписывается въ нашей странѣ всякій замѣчательный памятникъ отъ прошлаго времени, вопреки однакожъ преданіямъ Латыша. Какъ брыль мстилъ Латышу за неустойку, хранится такое преданіе. Обращаясь къ циклу преданій при—Эвикштинскаго Латыша, находившагося подъ господствомъ рыцаря болѣе продолжительный срокъ времени, мы встрѣчаемся съ болѣе ясными данными по этому поводу. Такъ въ сказаніяхъ о построеніи *Крейцбургской* кирхи преданіе говоритъ о замурованіи въ стѣнахъ ея живыми и сторожа и сторожихи, которые напились къ своей обязанности за водку, и, такъ какъ они не успѣли словить людей, разбрасывавшихъ ночью произведенную днемъ постройку, за что и преданы были строителемъ этой кирхи такой мучительной казни. Нѣмцы такъ пріучили своихъ подданныхъ къ этой казни, что между народомъ хранится повѣрье въ прочность только той каменной постройки, въ закладкѣ которой былъ замурованъ живымъ какой нибудь человѣкъ. И, дѣйствительно, при раскопкахъ рыцарскихъ замковъ, во многихъ изъ нихъ найдены были замурованные въ стѣнахъ человѣческіе ске-

леты, напр. слѣды подобнаго рода замурованія имѣются въ Люцинскомъ замкѣ. Такъ какъ складъ Рыцарскаго общества препятствовалъ по своимъ принципамъ къ слiянiю страны не только съ сельской, но и вообще съ общественной жизнью, то, для слiянiя съ народомъ, рыцарство въ особенности заботилось о построенiи мельницъ и корчемъ, устройство которыхъ и въ настоящее время совершенно отличается по своей обширности отъ корчемъ Русской земли. Однакожъ хранящееся преданiе въ Рѣжицкомъ уѣздѣ о сожженiи крестьянами Вецакрогольской корчмы показываетъ, что рыцари ошибались и въ подобныхъ своихъ расчетахъ. Впрочемъ всѣмъ этимъ дѣянiямъ рыцарей туземецъ не придаетъ значенiя великихъ подвиговъ, а только набѣговъ, открытыхъ врагами страны въ то время, когда богатырей ея не было дома, т. е они были на войнѣ съ Татарами. Гдѣ же были камни брыля?

На окраинахъ нашей страны и на холмахъ ея высятся, какъ командиры этой юдоли,—руины замковъ, построенiе которыхъ Нѣмецкими историками присвоивается рыцарямъ, по преданiе Латыша приписываетъ построенiе *Люцинскаго*, *Рѣжицкаго и Марiенгаузенскаго* замковъ тремъ богатыршамъ сестрамъ: *Люцiи*, *Марiи и Розалiи*, которыя, въ виду наступленiя непрiятеля, строили эти замки одновременно однимъ молотомъ, перебрасывая этотъ молотъ дружка дружкѣ со своихъ стѣнъ. По свидѣтельству Мантейфеля, и основанiе *Волкенбергскаго* замка приписывается также четвертой старшей ихъ сестрѣ. *) Это преданiе указываетъ, что нашъ народъ не потерялъ ни мужества, ни энергiи при отраженiи рыцарей крестоносцевъ, также, какъ ихъ встрѣтили мужественно и Жмудины, между которыми оказываются ратоборцами уже не женщины, а богатыри, напр. Джугасъ, вырывавшiй дубы съ корнемъ и поражавшiй рыцарей массами. По преданiю Латыша, наши героини хотя и оказываются застигнутыми сильнымъ врагомъ, но онѣ не уступили силѣ своего врага, и, какъ оказывается изъ преданiя, онѣ, скрывшись въ свои замковые непроницаемые подвалы, почиваютъ живыми въ гробахъ, выходя изъ этихъ подваловъ, для ободренiя своихъ подданныхъ, два раза въ годъ на замковыя стѣны, а именно: во время заутрени на Христовъ день и на Ивановъ день. Въ эти подвалы онѣ схоронили свои несмѣтныя

*) Это преданiе разсказываетъ Мантейфель въ своихъ Польскихъ Инфлянтахъ, изд. 1876 г. въ Познани на Польскомъ языкѣ.

богатства, охраняемыя страшными чудовищами. По другому преданію, княжна Люція мужественно, долгое время оборонялась отъ врага, не допуская его до своего города; однакожъ она, наконецъ, должна была отступить предъ непріятелемъ, ко-рый уже настигалъ ее подъ ея городомъ; тогда вдругъ поднимается буря, и между нею и преслѣдующимъ ее врагомъ упадаетъ съ неба изъ облака оз. Цирма, которое и остановило ея врага. Въ этой легендѣ народъ указываетъ, что его предки въ борьбѣ съ рыцарствомъ пользовались и природными преградами страны. Очень замѣчательно, что, по преданію Латыша, на защиту его домочадцевъ и безащитныхъ его женъ, какъ вообще въ Русской землѣ ослужатъ и природныя силы страны, напр. лѣса, озера, болота, морозы и т. д. что раскрывается изъ приведеннаго преданія о происхожденіи озера Цырмы, явившагося на почвѣ внезапно противъ враговъ, преслѣдовавшихъ нашу княгиню, а также изъ многихъ и другихъ такого же рода преданій, напр. о провалившемся подъ Люцин. деревнею Иснавдою рыцарскомъ награбленномъ золотѣ въ рѣкѣ, а подъ Нерзою въ озерѣ. Теперь, съ возвращеніемъ страны подъ власть Россіи, эти преданія тускнѣютъ: такъ, напр. тѣнь Люціи успокоилась и перестала появляться на стѣнахъ замка. Кто эти были сестры: Люція, Розалія и Марія—положительно угадать трудно. Мы предполагаемъ, что едва ли преданіе это не указываетъ ли на катастрофу, постигшую судьбу Фландры, Инфлянтскаго князя?

Кромѣ этихъ передовыхъ замковъ въ нашей странѣ были второстепенные меньшіе замки, какъ то: *Лаудерскій*, *Бирженскій*, *Ушвальдскій*, *Дзенигальскій*, слѣдовъ которыхъ уже не оказывается въ настоящее время. Преданіе говоритъ, что ихъ строила нечистая сила ночью, украдкой до перваго пѣтуха, при крикѣ котораго нечистая сила исчезла, не успѣвъ окончить своей работы. Изъ сопоставленія этихъ преданій оказывается, что исторія, судьба нашей страны главнымъ образомъ замыкается на Люцинскомъ, Рѣжицкомъ и Маріенгаузенскомъ замкахъ.

III. Такъ темно крайне нелестное показаніе Латыша о дѣяніяхъ славнаго рыцарства въ нашей странѣ! Такая враждебность къ нему преданій зависитъ отъ того, конечно, что время воспоминанія о господствѣ рыцарей въ нашей странѣ для туземца оказывается тягостнымъ кошемаромъ *). Вообще циклъ народныхъ преданій о ближай-

---

*) О пропагандѣ и культурѣ Нѣмцевъ Латышъ въ своей пѣснѣ такъ гово-

шемъ прошломъ своей страны не только не говорятъ о совмѣстной съ рыцарями жизни туземца, но слышатся жалобы о подавленіи болѣе свѣтлыхъ первыхъ дней страны, древней культуры и всякой ея свободы. Изъ этихъ же преданій мы видимъ, что и самое существованіе замковъ состоялось при помощи тайныхъ, паническихъ ужасовъ, угрожавшихъ непокорному туземцу. Но замки, при построеніи которыхъ Латышъ былъ труженникомъ, сдѣлались для него не только недоступнымъ жилищемъ его господина, но притономъ ужаса и истязаній. Въ пѣсняхъ Латыша, изданныхъ Спрогисомъ, одна изъ пѣсень говоритъ: „о Рига, Рига! красива ты, Рига! но кто тебя сдѣлалъ красивою? тяжелая неволя Лифляндцевъ!“ А въ другой изъ пѣсень своихъ Латышъ обращается къ соловью, сидящему на башнѣ Рижскаго замка, съ просьбою слетѣть съ вершины замка къ его жилищу, находящемуся въ лѣсной глуши. Кто же загналъ Латыша въ эту глушь, на то мы находимъ отвѣтъ въ другой его пѣснѣ, гдѣ говорится, что въ *Кокенгаузенскомъ* замкѣ ковались серебряныя цѣпи для его невѣсты, но она отказалась отъ нихъ и бѣжала за границу. Однакожъ преданіе о скрытомъ городкѣ на Золотой горѣ указываетъ, что рыцари не могли истребить совершенно ни мѣстной торговли, ни культуры. По повѣрью народа, этотъ завороженный городокъ раскрывается не для всякаго; посѣтившіе этотъ городокъ видѣли въ немъ богатыя купеческія палатки съ дорогими всякаго рода товарами; для непрошенаго гостя этотъ городокъ вдругъ исчезаетъ предъ его глазами. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей говорятъ, что въ прежнее время, подъ Люципомъ, существовало много притоновъ контрабандной торговли, окончившейся только въ 1850-хъ годахъ. Изъ чего оказывается, что пребываніе у насъ рыцарей было кратковременнымъ, случайнымъ, врывавшимся, но не только не водворившимся,. но оставшимся безслѣднымъ; оно было для народа на столько-жь враждебнымъ, на сколько было враждебнымъ и вторженіе Монголовъ въ Восточную Россію.

IV. Обращаясь отъ словесныхъ источниковъ къ письменнымъ, мы, прежде всего, встрѣчаемся съ массою хроникъ, оставленныхъ

ритъ: „Русская земля сильна крестами, а его обезсилена господами; чрезъ крестъ солнце восходитъ, а черезъ его землю оно заходитъ.“ Этотъ мѣткій, страшный приговоръ рыцарской культурѣ высказываетъ грусть Латыша о потерѣ имъ прежней родной себѣ Русской культуры.

рыцарями Ливонскаго ордена Меченосцевъ, которые признаются основателями нашихъ замковъ, обратившихся теперь въ руины, и съ отрывочными свѣдѣніями о нашей странѣ въ Русскихъ лѣтописяхъ, во всемъ противорѣчащими хроникамъ. Литературные трибуналы Европейской интеллигенціи признаютъ авторитетъ за рыцарскими хрониками, указывая на искусство ихъ изложенія и богатство ихъ содержанія, и относясь вообще съ недовѣріемъ къ достовѣрности нашихъ безграмотныхъ, по ихъ мнѣнію, лѣтописцевъ. Хроники, какъ произведенія монаховъ, должны вызывать къ себѣ полное довѣріе изслѣдователя. Онѣ раздѣляются на раннія и позднія хроники, т. е. современныя существованію рыцарства, и на появившіяся послѣ паденія рыцарей. Позднія хроники противорѣчатъ раннимъ хроникамъ, заключая въ себѣ описаніе славы, мужества и религіозныхъ подвиговъ рыцарства, о чемъ ни въ преданіяхъ народа, ни въ раннихъ хроникахъ не только не находимъ намека, но даже варіаціи иного смысла. Такъ болѣе ранняя хроника, такъ называемая Орденская, прямо, не смягчая нисколько смысла, подвигамъ Вольквина, 2-го нашего магистра, даетъ названіе трибуляцій, т. е. погромовъ, или ужасовъ, наводимыхъ въ набѣгахъ на сосѣдей: „много сдѣлалъ этотъ магистръ трибуляцій“, заключаетъ хроника жизнеописаніе Вольквина. О другихъ магистрахъ эта хроника также прямо выражается относительно качества ихъ подвиговъ, что они при своихъ набѣгахъ жгли, грабили, убивали несчастныхъ жителей и уводили ихъ въ плѣнъ. Эти трибуляціи по нѣмецки называются вообще Streifzüge и Scharmützeln. Въ изложеніи поздними хрониками первыхъ рыцарскихъ подвиговъ слава ихъ возвышается и преувеличается, очевидно, при желаніи хроникъ, представивъ низкую степень развитія туземцевъ, придать прибытію пришельцевъ въ Ливонію значеніе желанныхъ гостей, тогда какъ первыя хроники говорятъ о грабежахъ и захватахъ ихъ героями земель и богатства у нашихъ предковъ, о насильственномъ и коварномъ водвореніи этихъ героевъ въ нашей странѣ. Позднія хроники указываютъ преимущественно на особенное высшее идеальное значеніе замковъ, какъ на разсадники и религіи, и культуры, какъ на кломбы среди пустыни. Въ послѣднемъ своемъ показаніи позднія хроники противорѣчатъ хроникамъ раннимъ, которыя приписываютъ: во 1-хъ, оборонительное значеніе замку для своей колоніи, и во 2-хъ, угрожающую заса-

ду карателей на возмущавшихся туземцевъ противъ рыцарства, въ силу чего существованіе замковъ неимѣло культурнаго значенія: Хорографія объясняетъ значеніе этихъ священныхъ пріютовъ Христовыхъ воиновъ, тоже, не какъ культурныхъ кломбъ. Осматриваясь на сосѣднія замковыя поселенія, мы встрѣчаемся съ ужасными названіями этихъ поселеній, какъ напр. у Волькенбергскаго замка съ Рѣжицкимъ поселеніемъ *Бѣсовкой*, и у Люцина съ *Девелевщизной*, съ *Шаудерами*, (т. е. ужасомъ), *Крижутами*, т. е. распинателями, (Kreizigern по Коцебу), у Маріенгаузена съ *Чертовкою*. Внушительныя названія!

V. Какъ оказывается, культурное вліяніе этихъ кломбъ замыкалось въ очень незначительныхъ предѣлахъ, быть можетъ, не далѣе своихъ стѣнъ. *) Ворвавшись насильственно въ чужую землю, рыцарямъ нѣкогда было заниматься въ этихъ кломбахъ культурными планами, и эти кломбы были не болѣе, какъ боевыми пунктами съ замаскированными названіями: въ родѣ Крейцбурга, Маріенгаузена и т. п. Замкнувшись въ этихъ кломбахъ, рыцари занимались преимущественно военными экзерциціями и завоевательными замыслами, не имѣя ни средствъ, ни силъ къ перемѣнѣ бытовыхъ условій страны, ни времени ко введенію новаго общественнаго устройства; а почему въ надѣлѣ туземцевъ страною мы находимъ, еще до сего времени, процвѣтающій порядокъ надѣла землею, оставшійся отъ варяговъ, подымно т. е. не на душу, а подворно. Дѣятельность Рыцарей и Поляковъ заключалась только въ томъ, что они изгоняли Русскихъ собственниковъ, замѣняя ихъ Латышами. Однакожь Латыши оказывались не способными къ усвоенію рыцарской культуры а почему мы находимъ у насъ и теперь слѣды бояръ. Что эти бояре были изъ Руссовъ, тому служатъ доказательствомъ названія у Латышскихъ поселеній, напоминающія о Русскихъ боярахъ: Чапша, Павша, Селога, Щертовка—Русскія фамиліи, извѣстныя по Раковорскому побоищу и изъ Псковскихъ лѣтописей. Бояре раздѣлялись на путныхъ, вольныхъ и панцырныхъ. Панцырные получали по 2 волока земли и обязаны были замковою службою, а путные посольскою.

---

*) Эти кломбы, т. е. замки, мы, въ настоящее время, обыкновенно представляемъ крѣпостями грандіозныхъ размѣровъ въ родѣ Русскихъ крѣпостей; но такое представленіе слишкомъ ошибочно, потому что они не превосходили величиною нашихъ остроговъ, имѣя внутри еще болѣе худшее устройство.

Хотя Нѣмецкіе историки присвоиваютъ нашу страну, съ XIII вѣка, рыцарству, но это присвоеніе не оправдывается ни документами, ни хорографіею, ни историческими обстоятельствами: водвореніе рыцарей въ нашей странѣ совершилось наканунѣ ихъ изгнанія изъ нея. Успѣвъ выманить своимъ крючкодѣйствомъ уступку имъ нашей страны отъ лицъ, не имѣвшихъ на то права, рыцари въ теченіи своего существованія не были полными хозяевами нашей страны, а только извѣстныхъ пунктовъ около своихъ замковъ, хозяевами,—условными и временными. Между документами, встрѣчаются правда, нѣкоторые документы о границахъ рыцарскихъ владѣній съ сосѣдями, которые они заключали какъ будто для того, чтобы послѣ же договора тотчасъ напасть на этого же сосѣда, съ которымъ они заключили договоръ. Договоры эти имѣли особый исключительный характеръ, какого мы не встрѣчаемъ въ договорахъ культурныхъ народовъ, а именно. Убѣдясь въ неуживчивости рыцарей, государи выговаривали отъ набѣга рыцарей извѣстныя части своихъ владѣній, или же оставляли въ совмѣстномъ владѣніи съ ними извѣстные пункты, чему служитъ доказательствомъ *договоръ* съ ними *Гедимина*, заключенный о нашей странѣ въ 1838 году, или миръ съ ними Ольгерда, такъ называемый pax latrunculorum, т. е. миръ разбойниковъ, или договоръ Кейстута и Ягеллы объ огражденіи отъ этихъ разбойниковъ, — рыцарей, Литовскихъ границъ. Вызывая вниманіе читателя къ этимъ фактамъ, мы желаемъ поставить его, прежде знакомства съ многосложными происшествіями этого времени, на ту точку зрѣнія, что состояніе страны при рыцаряхъ было періодомъ неукротимаго насилія, разбоевъ и ужасовъ, безсмѣнныхъ эпидемій, голода и моровъ. Не смотря на появленіе въ ней замковъ, она была спорною землею между рыцарями съ ихъ сосѣдями, такъ сказать, барьеромъ безъисходной борьбы. Границы этой спорной земли заходили за Шваненбургъ и Адзель, съ котораго предѣла народъ и въ настоящее время считаетъ начало Лпвоніи, называя земли къ востоку отъ Шваненбурга то землею Видовъ, то Россіею *). (Рутенбергъ въ своей исторіи (стр. 21 и 23 — 1 ч.)

---

*) Въ хроникахъ подъ Московіею разумѣются вообще Псковъ и Новгородъ, а наша страна называется Русскою землею. Въ 1399 году Рыцарскій посолъ хвастался предъ Венгерскимъ королемъ о покореніи рыцарями Витлянда, также какъ Альшеке хвастался въ XIII в. покореніемъ Семгаліи.

старается доказать, что Воды происходятъ отъ Готовъ и что эти Воды тѣ, о которыхъ Іорнандъ, писатель V вѣка, говоритъ, какъ о жителяхъ при-Вислянскихъ). Какъ рыцари пріобрѣли нашу страну ясно обнаруживается изъ разсказа Альнпеке (его хроника ст. 11392—11606) вообще о покореніи Семигаліи,—и на дѣлѣ выходитъ, что эти замки служили защитою разбойниковъ и грабителей, скрывавшихъ здѣсь свои грабежи. Изучая время водвореніе рыцарскихъ фамилій въ нашей странѣ, оказывается, что даже Рѣжицкій округъ около Евпкшты получилъ перваго колониста только въ лицѣ магистра Борха (1470—1486 г.). Незначительное число этихъ колонистовъ не только не могло оказать культурнаго вліянія на свою страну, какое вліяніе, быть можетъ, могли оказать Ливонскіе колонисты по своей численности въ самой Ливоніи; но наши колонисты находились въ самомъ жалкомъ положеніи, такъ что, по окончаніи въ 1578 году войны Іоанна Грознаго, они до одного всѣ убрались отъ насъ; ихъ положеніе за это время рисуется въ легендѣ о провалившейся кирхѣ въ Рѣжицѣ подъ землю съ Нѣмцами. Поэтъ Уландъ записалъ жалобную пѣснь *Мертвецовъ*, заслышанную туземцами въ 1584 г. и списанную въ 1836 году имъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Уландъ, кажется, ошибся. Мы нигдѣ не слышали въ Рѣжицѣ среди народа о провалившейся тамъ кирхѣ, но въ Люцинѣ указываютъ на мѣсто провала Православной церкви, каковой провалъ Уландъ и присвоилъ къ Рѣжицкой іереміадѣ, по обычаю нашихъ пропагандистовъ. Есть въ Люцинѣ также преданіе объ отплытіи образа Богоматери изъ Люцина по вторженіи нѣмцевъ въ Люцинъ. Къ этой же эпохѣ и относится преданіе о провалившейся церкви въ Люцинѣ. Однакожъ преданіе о кирхѣ не настолько извѣстно въ народѣ, на сколько извѣстно преданіе объ исчезшемъ Золотомъ городѣ подъ Ляудеромъ, при наступленіи крыжаковъ на нашу страну. Это преданіе напоминаетъ о г. Киржачѣ, исчезшемъ при нашествіи Монголовъ на В. Россію и противорѣчитъ культурѣ рыцарей.

VI. Сами хроникеры передаютъ ужасныя легенды освоихъ замкахъ; такъ Фабрицій о Феллинскихъ руинахъ передаетъ, что мимо ихъ туземцы боялись проходить ночью, считая ихъ мѣстомъ ночныхъ привидѣній и ужасовъ. Въ Феллинской легендѣ оказывается значеніе рыцарскихъ замковъ, имѣвшихъ вывѣску и названіе, какъ Божіихъ, священныхъ домовъ (Haus), но, на самомъ дѣлѣ,

служившихъ притономъ страшныхъ разбойниковъ, собравшихся со всего свѣта въ Ливонію. Если такой взглядъ сложился у туземца на значеніе Феллинскаго замка, бывшаго однимъ изъ центральныхъ замковъ самой Ливоніи, какого же рода могъ сложиться взглядъ на значеніе нашихъ краевыхъ замковъ, служившихъ не для управленія страною, которой при нихъ небыло и которая находилась во власти другихъ владѣльцевъ, а только отправлявшихъ назначеніе больверковъ и засадъ, находившихся въ теченіи трехъ вѣковъ въ постоянныхъ осадахъ отъ своихъ сосѣдей? Какой культуры они могли быть кломбами, когда они были, въ теченіи всего своего существованія, только пунктами непримиримой борьбы рыцарей съ своимъ духовенствомъ и Рижанами, для которыхъ рыцари старались преградить въ этихъ замкахъ пути сношеній съ Русскими и Литовцами? Рыцари упорно удерживали за собою владѣніе Динабургомъ и Рѣжицею, какъ барьерами, съ которыхъ они врывались то въ Литву, то въ Псковскую землю; духовенство также упорно отстаивало за собою владѣніе Маріенгаузеномъ, Крейцбургомъ и Шваненбургомъ, опираясь на нихъ въ своей связи съ Литвою и Русскими. А почему эти замки никогда не служили артеріями для интересовъ своей страны, а только пунктами разрѣшенія Ливонскихъ катастрофъ, при которыхъ судьба страны ни для рыцарей, ни для духовенства не имѣла никакого значенія, старавшихся вообще удерживать за собою только владѣніе ея торговыми путями и стратегическими пунктами. Рыцари являлись въ эти замки для стяжанія себѣ преимущественно служебныхъ градацій, и изъ рядовъ Динабургскихъ и Рѣжицкихъ рыцарей мы видимъ многихъ потомъ Ливонскими магистрами. Между нашими рыцарями оказываются тѣ изъ отпѣтыхъ буйцевъ, рука которыхъ не дрогла рѣзать престарѣлыхъ беззащитныхъ Псковскихъ монаховъ при Довмонтѣ, которые убивали безоружныхъ пословъ, какъ напр. Псковскихъ пословъ подъ Опочкою въ 1340 г., Польскаго посла Лопскаго въ Рѣжицкой башнѣ въ 1856 г., мирныхъ купцовъ и т. д. Это—наши замки были свидѣтелями крайняго кощунства рыцарей надъ своими духовными властелинами въ лицѣ архіепископовъ: Фехтена, Шверина, Стодевешера и Бланкенфельдта. Народныя преданія представляющія нашихъ рыцарей брылями, прятавшимися только подъ камнями, а также и хроники только мимоходомъ упоминающія о нихъ, какъ о безземельныхъ ратоборцахъ почти совершен-

но ихъ игнорируютъ. Какъ и устройство ихъ братствъ, такъ и бытъ ихъ во многомъ разнились отъ Ливонскихъ конвентовъ, такъ что фохты нашихъ замковъ не засѣдали въ капитулѣ Ливонскаго магистра; за тѣмъ и корпорація ихъ признается узаконенною не ранѣе, какъ съ XIV вѣка, — что очевидно исключаетъ ихъ изъ рядовъ регулярнаго рыцарства. Это ихъ темными дѣяніями сдѣлалось страшнымъ имя Ливонскихъ рыцарей. Какъ слава воинственныхъ Турковъ укрѣпилась ужасными дѣяніями Ассассиновъ, Туркопеловъ, такъ и имя Ливонскихъ рыцарей становилось страшнымъ для сосѣдей дѣяніями Рѣжицкихъ и Динабургскихъ струтеровъ. Мы не находимъ никакихъ административныхъ слѣдовъ рыцарства въ бытѣ нашей страны, не смотря на переходъ нѣсколькихъ націй чрезъ нашу страну и не смотря на многія катастрофы, пережитыя ею послѣ рыцарства. Да, тайный ужасъ рыцарскаго имени еще и теперь витаетъ въ окрестности замковыхъ рыцарскихъ руинъ.

VII. Тѣмъ болѣе наши рыцари не могли имѣть никакого культурнаго въ нашей странѣ вліянія, что они своимъ соперникомъ имѣли могучій народъ, не скупившійся, при распространеніи своей культуры между иноплеменцами, ни на какія жертвы и посвящавшій себя всецѣло при этомъ призваніи. Это—народъ былъ Русскій, который проводилъ въ Ливоніи свою культуру и словомъ и дѣломъ. Этотъ народъ имѣлъ съ давняго времени у себя дѣеписанія, достоинство которыхъ поставлялъ въ изображеніи со всею правдою заслугъ своихъ героевъ, не утаявая ни одного и чернаго ихъ поступка. Оттого его дѣеписанія вездѣ ясны, точны, дышатъ истиною, между тѣмъ какъ хроники отличаются хвастовствомъ и неточностью. Напр. мы нигдѣ у нихъ не находимъ разсказа о время и способѣ пріобрѣтенія нашей страны рыцарями, а также и о время основанія нашихъ замковъ, даже самыхъ передовыхъ, между тѣмъ какъ Псковскія лѣтописи до подробности указываютъ время основанія своихъ крѣпостей, напр. Изборской, Опоченской, Красногородской и т. д. Напротивъ, въ хроникахъ мы встрѣчаемся съ крайними клеветами на Русскую культуру. Болѣе раннія хроники, какъ болѣе откровенныя, напр. *Генриха Латыша*, хроникера XIII в. описываютъ страну и туземцевъ въ болѣе правдивомъ положеніи, чѣмъ позднія хроники, описывающія туземца на самой низкой степени культурнаго развитія, не имѣвшаго понятія о самыхъ первыхъ

условіяхъ общественнаго быта, не знавшаго употребленія монеты жившаго безъ всякихъ укрѣпленій. Хроника Генриха Латыша указываетъ на нѣсколько крѣпостей (castra) въ Ливоніи, напр. на Кокеносъ, Герсике,. (Описаніе древней Герсиканской крѣпости находится въ хроникѣ Ніенштедта, а описаніе руинъ древнихъ Эстонскихъ крѣпостей: Варболы, Палы, Виліенской или Феллинской оставилъ Левисъ въ своемъ сочиненіи: Ueber die Entstehung, den Zweck und Untergang der Ritterschlösser in Livland,— *Варболу*, *Юрьевъ*, *Фелинъ*, *Аскраденъ и др.*; *) указываетъ на монету озеринги, указываетъ на князей и старшинъ, управлявшихъ, каждый на своемъ посту, страною, указываетъ какъ на родовое, такъ и на общественное управленіе, унаслѣдованное туземцами съ незапамятныхъ временъ, указываетъ на примѣры между туземцами почитанія завѣтовъ предковъ и стремленія ихъ къ сохраненію чести и памяти въ потомствѣ,—на высокую преданность ихъ къ религіи и вѣрѣ отцовъ: и весь этотъ доисторическій складъ жизни,—достояніе многовѣковой культуры, глубоко и живуче привившейся къ нашей странѣ, падаетъ подъ ударами крыжаковъ и рыцарей, не знавшихъ никакого состраданія къ судьбѣ своего противника, для котораго уже ничего не оставалось, кромѣ упованія на вознагражденіе въ небесахъ. Въ позднихъ хроникахъ находится уже иной отзывъ о нашей странѣ. Читая отзывы визитаторовъ и іезуитовъ,—писателей XVII и XVIII в., о развитіи и состояніи Латышей, послѣ паденія рыцарей, мы видимъ нашу страну въ ужасно одичавшемъ состояніи, очутившуюся въ такомъ состояніи, конечно, благодаря рыцарскому управленію. Угнавши туземца въ лѣса, замкнувши страну и простой народъ отъ всякаго сообщенія съ сосѣдями, лишивши средствъ для внутреннихъ сношеній, такъ какъ для простаго народа былъ не свободенъ даже и проѣздъ по дорогамъ, рыцари стянули всѣ источники обогащенія въ свою пользу и въ пользу всякаго пришлаго нѣмца, такъ что Ливонія представляетъ двѣ крайности: богатство и роскошь у колонистовъ и крайнюю нищету туземца. Рыцарь неспособенъ былъ культивировать своихъ подданныхъ, не умѣя подѣлиться съ ними своими средствами, считая непримиримо чуждыми для

---

*) Кромѣ Герсиканскаго замка, Мантейфель указываетъ на дер. Рушендорфъ при Евикштѣ, какъ на бывшую Русскую крѣпость или городъ; мы же имѣемъ свѣдѣніе о слѣдахъ городищъ: у дер. Ушкацово подъ Пылдою, и о Висунъ городкѣ, на мѣстѣ котораго рыцари основали Волькенбергъ и др.

себя в нашу страну и интересы туземца. И, въ самомъ дѣлѣ, монашескіе ихъ статуты, не только не соотвѣтствовали этому призванію, но противодѣйствовали, развивая прежде всего алчность къ золоту, къ франтовству и щегольству, не говоря о честолюбіи, вслѣдствіе котораго мы и находимъ у Ливонскаго дворянства такую массу матрикулъ и геральдикъ. Сами хроники оставили массу голословныхъ доказательствъ рыцарской алчности къ золоту. Эти хроники, прежде всего выставляютъ вѣнцомъ всякаго рыцарскаго похода цѣнность добычи (ablatio auri et argenti sine fine 1236 f. Chronica Alberti, abbati Stadensis). Куда же этотъ грабежъ назначался, и какъ имъ пользовались рыцари, потомки которыхъ прославляютъ культурную дѣятельность своихъ предковъ — на то намъ отвѣчаютъ самыя хроники, повѣствующія о судьбѣ богатства награбленнаго нашимъ землякомъ Магистромъ Гильзеномъ, пріобрѣвшимъ и Инфлянты, и это богатство во время набѣговъ на Литву. Отъ него оно перешло во владѣніе его потомка, его наслѣдника Вейсенштейнскаго командора Гельвига Гильзена, который, когда умеръ, оставилъ послѣ себя чудовищное богатство, заключавшееся въ тоннахъ золота, каковыя тонны золота налетѣвшій на неохладѣвшій трупъ покойника, до прибытія сосѣдей и свидѣтелей, магистръ Керисдорфъ укралъ и отправилъ въ 1433 году въ Германію. Богатство это рыцари собирали для собственной пользы и удовольствія, чему доказательствомъ служитъ откровенное сожалѣніе хроникера Руссова, упрекающаго своихъ рыцарей въ страсти къ грубому и безобразному щегольству, такъ что нѣкоторые командоры, тщеславясь своимъ богатствомъ, носили на себѣ полпудовыя серебряныя цѣпи. Собранное богатство свое рыцари не знали, куда употребить съ пользою, а почему хроникеръ Руссовъ радуется и высказывается съ дѣтскимъ паѳосомъ, что все это золото Гильзена улетѣло на родину Нѣмцевъ, въ Германію, а не осталось на пользу нашей страны. Всѣ эти факты защитники пропаганды опускаютъ изъ вниманія; забываютъ о бѣдствіяхъ страны и послѣдствіяхъ этой фанатической борьбы, величаются только своими мимолетными побѣдами и присвоеніемъ чужого богатства, которымъ будто не умѣли распорядиться сами туземцы; вымышляютъ о какихъ то благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ ихъ миссіи и культуры, водворившихся на аренѣ адскихъ ужасовъ и разрушенія, благодаря буд-

то бы искусству ихъ мистификацій, религіозныхъ церемоній и юрисдики.

VIII. Наконецъ, допуская время—вторженіе рыцарей въ XIII и XIV ст. на извѣстные пункты нашей страны, еще нѣтъ возможности признать господство Германизма въ ней, каковое господство оказывается сомнительнымъ и не полнымъ даже въ Ливоніи, потому что изъ дипломатическихъ актовъ этого періода времени, заключенныхъ ими, при сношеніяхъ съ Русскими и Литовцами — оказываются всѣ акты составленными или на Русскомъ или на Латинскомъ языкахъ. Вообще первые рыцарскіе договоры съ Русскими и Литовцами совершенно нельзя объяснить безъ помощи Англійскаго и Датскаго языковъ. Не только рыцарскіе конвенты состояли большею частью изъ этихъ націй, но даже многіе изъ нашихъ магистровъ были по происхожденію изъ этихъ націй, какъ напр. Іокс, Вильякимъ, Фреймерсенъ, Букеноде, Брюге, Фитингофъ, Туркъ, а также и нѣкоторые изъ архіепископовъ, напр. Фридрихъ-Баро Богемецъ, Габунди и др. Нѣтъ сомнѣнія, что Нѣмецкая нація получила перевѣсъ вообще въ Ливонской колоніи только въ XV вѣкѣ, по паденіи Нѣмецкаго ордена въ Пруссіи. Вникая въ эти обстоятельства, очевиднымъ оказывается, почему съ перваго же раза является такое разное направленіе у позднихъ хрониκъ, заботящихся о національномъ Нѣмецкомъ интересѣ, въ контрастѣ съ ранними хрониками, не задававшимися такими сложными цѣлями, какъ національность и культура, имѣя въ виду одну пропаганду католицизма. Да и служеніе самой пропагандѣ нетолько нашей сборной со всего свѣта рыцарской Ливонской братіи было номинальнымъ и кажущимся, но даже и самаго Нѣмецкаго рыцарства оказывается въ такой же недѣйствительности, по изслѣдованію А. Коцебу. Нѣтъ, рыцари нашихъ замковъ не только не принесли мира и благоденствія для нашей страны, но бѣдствія ея, борьба ея съ рыцарствомъ составляютъ самую лицевую сторону во всѣхъ хроникахъ, изъ которыхъ Альнеке изложеніемъ судьбы этой борьбы занялъ большую часть своей обширной хроники. Многихъ волненіи они стоили и славнымъ Псковичамъ и бѣднымъ Витеблянамъ и Литовцамъ. Не принесли они радостей и счастья и для самихъ рыцарей, память которыхъ Архіепископъ Фридрихъ Баронъ предалъ проклятію за лютыя и студныя ихъ дѣянія въ отношеніи своего духовен-

ства и Рижан. Впрочем мы не отрицаем великих способностей и сил у наших колонистов, из которых многие прославили свое имя на страницах Истории, но не во время рыцарства и не на арене служения Польской пропаганде, а на служении Русской культуре; так напр. кому известны подвиги наших Инфлянтчиков, воевавших за Польские интересы во время войны Алексея Михайловича с Польшею или также их подвиги во время Северной войны, между тем как имена Бауеров, Минихов, Барклаев, Витгенштейнов, Ридигеров сияют историческим значением, не нуждаясь ни в матрикулах, ни в величаниях хроникеров. Не в период рыцарства, жившаго принципами солдатчины, не в союзе с Полякующей пропагандой наши немцы-колонисты приступили к культурным инициативам к мирному и честному труду, но поступив под скиперт Русскаго Царя. Это в пылких головах наших Остзейских литераторов (Ширена, Экардта, Мантейфеля и др.) раждаются иллюзии об исторической славе нашей страны во время рыцарства, тогда как честные историки напр. Коцебу и NN (Refractor. 1836 г. № 19 и след.) с ужасом озираются на прошлые дни нашей Ливонии и печальную судьбу самаго рыцарства, служившаго мячиком для честолюбцев так долгое время, пока оно не отреклось в последнее время от своих прежних принципов. Мечтатели—литераты приписывают заимствование Русскими военнаго искусства от рыцарей, но это крайнее заблуждение: употребление пороха Русские узнали не от рыцарей, и широкий меч рыцарей был грозен только для нашего туземца, но в поле против Скифов рыцари с этими мечами редко имели успех.

IX. Как ни обманчивы деяния рыцарской культуры, но вступивший в страну после рыцарей властитель из-за Двины, Литовец с возвещением вольностей, свободы и привилегий, оказался еще более тяжким деспотом при своей колонизации, из-за которой он попрал и его национальностью, и бытовыми его условиями, эксплуатируя ими для процветания в стране католицизма. Против вступления в страну этого пропагандиста Латыш обращается с молитвою к Небу, прося Перуна расколоть его стрелами мост, по которому Литовцы вступили в страну, а, по вступлении их, он заживо погребает себя в сырую землю. Под Литовцем туземец разумеет, оче-

видно, Полякующаго Литовца, сдавившаго нашего туземца сильнѣе, чѣмъ рыцарство; однакожъ хроники и Польскіе историки (Мантейфель и Крашевскій) называютъ послѣдняго другомъ рыцарской культуры, поборникомъ противъ которой выставляютъ древняго Литовца, котораго Латышъ называетъ прямо Русью. Въ такомъ разногласіи и враждебности съ мѣстными преданіями оказываются нѣмецкія и іезуитскія хроники, чего неоказывается между Русскими лѣтописями и нашими мѣстными преданіями. Въ особенности, замѣчателенъ циклъ преданій нашего туземца о послѣдней катастрофѣ паденія Ливонскаго ордена, совершенно во всемъ согласный съ Русскими лѣтописями.

X. Съ общимъ единодушіемъ Латышъ принимаетъ возвращеніе Руссификаціи, отказавшись и отъ Нѣмецкой культуры, и отъ Польскихъ привиллегій и свободъ, разрушившихъ его историческій бытъ и національность: а почему вся Рыцарская мистификація и Полонизація оказываются пустымъ вымысломъ, чуждымъ въ бытѣ нашей страны. Для падавшей пропаганды было чувствительно не столько оружіе Русскихъ вождей, сколько ихъ административныя мѣры, которыми они воскрешали въ нашей странѣ основы древней Русской культуры. Съ затаенною радостью страна встрѣчала вступленіе въ нее *Іоанна Грознаго*, привѣтствуя его какъ Исполина, какъ давно желаннаго своего Освободителя. Въ то время, какъ Нѣмецкіе хроникеры не съумѣютъ пріискать словъ, чтобы очернить безъ всякой причины и повода незабвенную память нашего Великаго Государя, народъ нашей страны слагаетъ дивныя легенды о Немъ, окружая имя Его ореоломъ величія, приписывая ему исполинскіе подвиги. Воспоминаніе о Немъ въ народѣ граничитъ съ благовѣніемъ къ Его личности. Въ то время, какъ, въ теченіи почти 4-рехвѣковаго своего у насъ существованія, ни одинъ изъ рыцарей не оставилъ въ народѣ воспоминанія не только о своихъ подвигахъ, но даже ни объ одномъ своемъ рыцарскомъ имени, этотъ же народъ хранитъ воспоминаніе едва-ли не о каждомъ мѣстѣ битвы Іоанна Грознаго, такъ что, по истеченіи четырехъ вѣковъ, можно безошибочно возстановить, по памяти народа, путь Грознаго Царя по нашей странѣ. Въ своемъ представленіи объ Его могуществѣ, народъ придаетъ Іоанну Грозному сверхестественные подвиги, указывая на горы, какъ на остатки его батарей, какъ на осадныя подготовленія для приступовъ къ замкамъ, напрuм. при Люцинѣ,

Ашерадене, Кокенхосѣ и т. д. — По понятіямъ народа оказывается, что, такія работы никому не посильны, но не для Грознаго, который могъ бы передвинуть горы на горы, чтобы освободить изъ плѣна свой народъ, которому онъ преданъ и любитъ его беззавѣтно. Освобожденіе своей страны отъ рыцарства, народъ приписываетъ Іоанну Грозному, и, въ доказательство своего убѣжденія, указываетъ на одинъ изъ источниковъ нашей страны, называемый въ народѣ *Царскимъ Ключемъ*, потому что Государь, вступая въ нашу страну, по обѣдѣ своемъ при этомъ ключѣ, бросилъ въ него при всѣхъ боярахъ свой царскій перстень, въ знакъ обрученія своего съ судьбою страны. Отъ царскихъ ключей преданіе переноситъ своего Героя къ берегамъ Синяго озера, гдѣ памятникомъ Его пребыванія указываетъ на плотину, идущую отъ церкви къ озеру, и на курганъ *Выдру*. Отъ Синяго озера, по преданію, Государь подступилъ къ Люцину, у котораго народъ указываетъ на холмъ Ершовку и батареи Іоанна Грознаго, для сооруженія которыхъ необходимы были массы народа и многіе годы, тогда какъ Іоаннъ Грозный вступилъ въ Ливонію только во главѣ 20-ти т. войска, съ которымъ онъ осаждалъ каждый замокъ не болѣе двухъ, трехъ дней. *) По сдачѣ неприступнаго Люцина, Государь взялъ Рѣжицу, Динабургъ и потомъ направился къ Кокенгаузену. Конечно, этотъ миѳическій орелъ нашего Государя и служитъ неопровержимымъ доказательствомъ Его великаго дѣла, тогда какъ миссія и культура рыцарей, забытыя народомъ и страною съ паденіемъ ихъ замковъ, оказываются въ исторіи цивилизаціи нисколько небывшими благодѣяніемъ для страны въ свое время и нисколь-

*) Оставивъ въ своихъ законахъ т. е. Стоглавѣ и Судебникѣ доказательства того, какимъ онъ былъ ревностнымъ стражемъ и охранителемъ нравственныхъ и общественныхъ завѣтовъ, принятыхъ имъ отъ своихъ предковъ, онъ оставилъ также въ твореніи его: „Книга Большаго Чертежа“ доказательство того, какимъ онъ былъ ревностнымъ стражемъ и охранителемъ неприкосновенности границъ своей земли. Это твореніе составляетъ гордость Русской націи, потому что мы въ это время не видимъ подобнаго ему дѣла у нашихъ сосѣдей, какъ ни у рыцарей, такъ ни у Поляковъ, имѣвшихъ только частныя записи о нѣкоторыхъ своихъ округахъ, но общаго государственнаго межеваго плана ихъ владѣній у нихъ еще не было исполнено. И эта Книга Большаго Чертежа дорога для нашей страны въ особенности, потому что Государь внесъ въ нее и землю, лежащую по рѣкѣ Лжѣ или Лужѣ съ г. Лудзою или Лужею, оставляя за этимъ городомъ его древнѣйшее названіе и причисляя его къ **Русской землѣ.**

ко не поучительными и достойными воспоминанія для потомства. Самыя лишнія хроники и Нѣмецкія исторіи не въ силахъ примирить этихъ противорѣчій позднихъ хроникъ съ ранними и этой враждебности мѣстныхъ преданій къ рыцарямъ. Откуда же почерпалъ нашъ Великій Вождь эту могучую силу для такой страшной борьбы съ массою своихъ враговъ? Вступленіе свое въ нашу страну и свои права на нее, онъ основывалъ на однородности туземной культуры съ Русскою, на единовѣріи, сродствѣ языка, на традиціяхъ и преданіяхъ страны, родственныхъ Русской націи и на чуждости ихъ для колонистовъ ея.

XI. Однакожь, когда Іоаннъ Грозный вооружился за Ливонію, *Магистръ Кетлеръ*, опирался на свои матрикулы, хроники, миссіонерскія и культурныя заслуги рыцарей и введеніе рыцарями монеты въ странѣ, указывалъ на отсутствіе документовъ о принадлежности Ливоніи Русскому народу, на отсутствіе всякаго рода историческихъ и археологическихъ свѣдѣній и памятниковъ не только распространенія Русскими въ этомъ краю своей культуры, но даже и вообще какой нибудь администраціи ихъ здѣсь, не говоря о томъ, что между туземцами и Московитами не оказывается ни какихъ доказательствъ родственности или народной связи; указывалъ въ особенности на то, что эти рыцари, просвѣтивъ Пруссовъ, съ большими трудами обратили къ христіанству и Ливонцевъ, не имѣвшихъ никакихъ сношеній не только съ Русскими, но и съ прочими другими народами, жившихъ въ лѣсахъ въ дикомъ состояніи, при патріархальномъ устройствѣ своего быта, и повиновавшихся своимъ родовымъ старшинамъ, которыхъ называли царями. Эти туземцы, подобно Литвѣ и Жмуди, своимъ сосѣдямъ, не имѣли никакого понятія ни объ ученіи Греческой религіи, ни объ ея обрядахъ. Ни письменности, никакихъ памятниковъ древности, по словамъ Кетлера, не существовало нигдѣ въ нашей странѣ, а еще болѣе не оказывается ни какихъ слѣдовъ Московщины и Русизма въ религіи или Богопочитаніи, въ законахъ, обычаяхъ, правахъ, языкѣ туземцевъ. Впрочемъ, Кетлеръ не отрицаетъ, что между Ливонцами, какъ и теперь, много обращалось разныхъ народовъ; но онъ крайне возмущается надъ вымысломъ и притязаніями царя на уплату ему какой то подати, будто бы взимавшейся Русскими съ Дерптцевъ и Нейгаузенцевъ, каковую подать Русскіе наложили всего только въ 6 солидовъ на лѣсняковъ, за охране-

ніе у послѣднихъ путей. (Хроника принца Бухау). Становясь на почву научныхъ и фактическихъ протестовъ, Кетлеръ оказывается несостоятельнымъ также въ своихъ доказательствахъ, какъ и хроникеры въ своихъ вымыслахъ. Какъ ни очевидна необоснованность возраженій Кетлера, но его сторонники и потомки упорно ихъ держатся, извращая наши лѣтописныя извѣстія о странѣ и придумавъ, для оправданія протестовъ Кетлера, такъ называемую Норманскую теорію; а почему мы и обратимся къ выясненію въ общихъ чертахъ мѣстной археологіи нашей страны.

XII. Ложь Кетлера оказывается въ каждомъ словѣ. Какъ ни старалось рыцарство, во время своего господства въ Ливоніи, объ истребленіи всякихъ слѣдовъ древней Русской культуры, археологическихъ ея памятниковъ, остатковъ литературы и письменности, и изгнаніи Русскихъ изъ нашей страны, но всѣ эти усилія оказались безсильными. Не только рыцари, но и Поляки въ союзѣ съ рыцарями не могли искоренить Русской національности изъ страны. Одинъ изъ Польскихъ хроникеровъ, писавшій въ послѣдніе дни существованія Инфлянтскаго княжества, съ грустью сознается, что, и въ его время, еще встрѣчаются внутри страны пришлые Москали, поселившіеся въ лѣсахъ, изъ которыхъ нѣтъ возможности ихъ выгнать. (Polskie Inflanty. Manteufel). Эта живучесть Русской націи въ нашей странѣ и доказываетъ преимущественное значеніе ея культуры для страны предъ пришлыми націями: Нѣмецкою и Польскою. При всемъ стараніи игнорировать существованіе подавленнаго міра, вскорѣ послѣ Кетлера сами Нѣмецкіе же ученые должны были сознаться въ принадлежноти страны Руссамъ до вторженія крестоносцевъ въ нее, какъ показываетъ Синтагма Дерптскаго проф. Менія (Дерптъ 1631 года). Указанія Іоанна Грознаго вызвали также и Польскихъ ученыхъ къ изученію судьбы Ливоніи и исторіи Русскаго народа, каковую попытку мы видимъ у историка XVI вѣка *Кромера*. Касательно судьбы письменности въ нашемъ краѣ, въ отсутствіи которой, какъ мы выше видѣли, Кетлеръ упрекаетъ Русскій народъ, между прочимъ Кромеръ оставилъ въ своей исторіи Польши замѣтельную оговорку, заключающуюся въ слѣдующемъ замѣчательномъ фактѣ. Разсказывая о походѣ *Андрея Ольгердовича* противъ Ягелы, Кромеръ говоритъ, что о судьбѣ Андрея Ольгердовича заключались, какъ ему извѣстно, въ Русскихъ лѣтописяхъ болѣе подробныя извѣстія, но куда подѣлись эти лѣтописи, *ему* не-

извѣстно. По части уничтоженія историческихъ документовъ рыцари пользуются заслуженною извѣстностью, истребивъ архіепископскую библіотеку въ 1480 г. въ Кокенгаузенѣ, желая истребить съ нею исторію о своеволіи и погрѣшностяхъ ихъ предковъ. Можно предположить, что и лѣтописи Полоцка, а также и нашей страны не миновали ихъ рукъ, потому что рыцари всегда не долюбливали Русскихъ болѣе, чѣмъ своихъ собратій изъ духовенства, не смотря на свою борьбу съ послѣднимъ. Это нерасположеніе рыцарства происходитъ естественно изъ того, что оно видѣло въ Русской націи своего грознаго мстителя, хотя никто болѣе Русскихъ, какъ оказывается изъ исторіи, не сдѣлалъ имъ столько уступокъ, въ особенности, для охраненія численности дворянства, оставивъ за послѣднимъ многія обстоятельства для возстановленія вымирающихъ фамилій. Что письменность на Русскомъ языкѣ существовала въ нашей странѣ, до вторженія въ нее крестоносцевъ, мы находимъ въ Русско-Ливонскихъ актахъ, изд. Напьерскимъ, нѣсколько актовъ, написанныхъ на Русскомъ языкѣ, въ особенности при договорахъ нашихъ князей съ рыцарями, которые даже и не употребляли своего языка въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Русскими въ теченіи XIII вѣка. Изъ *договора Герденя*, Литовскаго князя, съ рыцарями, заключеннаго въ 1264 году, оказывается, что и Литовцы сносились съ рыцарями и заключали съ ними договоры на Русскомъ языкѣ. Впрочемъ отсутствіе національной письменности не есть обсолютное доказательство отсутствія культуры у народа, который могъ пользоваться для своихъ дипломатическихъ сношеній и чужею письменностью.

XIII. Равнымъ образомъ Кетлеръ высказалъ ложь и о древностяхъ нашей страны, противъ чего мы находимъ много доказательствъ въ археологическомъ мірѣ нашей страны, музеи котораго полны предметами, принадлежащими, безъ сомнѣнія, культурному народу. На поляхъ Истринской волости, назадъ тому года четыре, найдены были *три серебряныхъ ошейника* съ застежками высшей пробы, имѣющихъ много сходства съ означенными въ рисункахъ въ Рубонѣ Буйницкаго, приложенныхъ къ статьѣ *Плятера „о гробахъ*, найденныхъ въ Инфлянтскихъ и Прибалтійскихъ провинціяхъ". Вѣроятно, эти украшенія принадлежали знатному и властительному лицу нашей страны, какъ и украшенія, помѣщенныя въ Рубонѣ. Такіе властители управляли нашею страною задолго до вокняженія

Руси въ Новгородѣ, такъ какъ въ нашей странѣ находятся остатки громадныхъ древнихъ укрѣпленій, оказывающихся въ видѣ засѣкъ, простирающихся на сотни верстъ, какія напр. мы находимъ въ слѣдахъ *засѣки, идущей отъ Люцина до Полоцка* *). Далеко меньшая засѣка оказывается въ Боловской волости между деревнями *Боговой и Роговой*. Въ этой засѣкѣ найденъ былъ въ курганѣ вѣнокъ съ бубенчиками, безспорно принадлежащій также къ атрибутамъ высокой власти. Кромѣ этихъ валовъ, въ нашей странѣ встрѣчается много кургановъ, которые въ прежнее время насыпали надъ княжескими могилами. Всѣ эти памятники суть произведенія такой силы, для разрушенія которыхъ не только слишкомъ были слабы силы рыцарства, но само время медленно справляется съ процессомъ ихъ разрушенія. Въ одномъ Франопольскомъ курганѣ найденъ былъ въ 30 годахъ наст. столѣт. скелетъ великана въ дротяной сорочкѣ съ большимъ желѣзнымъ мечемъ. Всѣ эти произведенія, безъ сомнѣнія, принадлежатъ богатырскому періоду Русскаго міра, когда онъ устраивалъ у насъ центральный пунктъ для сбора своихъ дружинъ, отправлявшихся искать счастья за моремъ. На сколько прочны были основы этой Русской колыбели, о томъ извѣдали наши враги, вторгаясь въ Ливонію. Никакія силы, никакія напряженія не были достаточны нашимъ врагамъ для рѣшительной побѣды надъ нашими предками, и еще болѣе горькою иллюзіею нашихъ враговъ оказалась попытка конкуренціи ихъ въ миссіонерскихъ расчетахъ и культурныхъ замыслахъ. Основы руссификаціи въ нашей странѣ, были такъ прочны, что, подписывая Запольское перемиріе, Іоаннъ Грозный высказалъ смѣлыя слова, надъ которыми смѣялись его враги: „Ливонія была наша и будетъ нашей"! Однакожъ, ошиблись враги нашего Великаго Царя. „Rira bién, qui rira le dernier". И въ этихъ словахъ Царя не заключалось ничего достойнаго осмѣянія, такъ какъ онъ не заявлялъ пропагандѣ состязаній ни съ ея гордыми куль-

*) Кромѣ слѣдовъ засѣки, называемой также дорогою Ольгерда (Ксенофонтъ Говорскій указываетъ эту дорогу по направленію этой засѣки), народъ указываетъ на подземныя пещеры и ходы въ Люцинѣ и Полоцкѣ, подобные Кіевскимъ, Черниговскимъ, Вильенскимъ, Черенской пещерѣ въ Подоліи и Везенбергской въ Эстоніи. Затѣмъ находятся остатки городищъ въ Люцинскомъ и Динабургскомъ уѣздахъ, изъ которыхъ Лудерское городище сохраняетъ въ народѣ о себѣ легенды.

турными и миссіонерскими замыслами и не угрожалъ истребленіемъ ея авантюристовъ, чѣмъ такъ злобно упрекаютъ его рыцари въ своихъ іеремiадахъ и что не оправдывается въ исторiи.

XIV. Въ сужденіи о культурномъ развитіи національности какой нибудь страны необходимо изученіе не однихъ только документовъ, но и вѣрованій, обычаевъ и религіозныхъ обрядовъ, привившихся къ его странѣ. По общему свидѣтельству, всѣ обычаи, повѣрья и религіозные обряды какъ въ нашей странѣ, такъ и въ Лифоніи оказываются заимствованными отъ Русскаго народа и на столько привившимися, что ни насильственныя мѣры, ни пропаганда не могли искоренить ихъ въ странѣ въ теченіи цѣлыхъ пяти вѣковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе хроникеры и миссіонеры — іезуиты, боровшіеся съ Руссификаціею въ XVI и XVII вѣкахъ. Въ этой попыткѣ рыцари потерпѣли такую же неудачу, какую потерпѣли въ попыткѣ искоренить Русскую хорографію въ нашей странѣ, замѣнивъ не болѣе трехъ, четырехъ пунктовъ ея своими Нѣмецкими названіями. Такъ нашимъ Рѣжицкому и Люцинскому замкамъ рыцари XIV вѣка дали названіе Розитена и Лоицена или Лассена, а въ XV в. напр. Борхъ уже называетъ ихъ древними Русскими названіями Руситеномъ и Лудзою, что указываетъ на слабость и несостоятельность Нѣмецкой колонизаціи въ нашей стрaрѣ. Всматриваясь въ количество хорографическихъ названій, мы видимъ, что всѣ самые значительные пункты населенія и мѣстной хорографіи получили свое названіе изъ Русскаго языка, и при томъ это количество названій составляетъ преобладающую массу предъ названіями, заимствованными отъ другихъ народовъ, какъ то: Литовскаго, Латышскаго, Нѣмецкаго и Польскаго, взятыми даже въ общей ихъ сложности. Довольно указать на нѣсколько поселеній, чтобы убѣдиться въ этой дѣйствительности, а именно: на *Петру или Старую Слободу*, *Устьронь*, *Рузары*, *Рожаново*, *Цырму*, *Питрумуйжс*, *Виболь*, *Боловскъ*, *Царыранъ*, *Вылдай*, *Хабары*, *Заболотье*, *Тарнилово*, *Стражевальдъ*, *Выкушенъ*, *Каменецъ*, *Стылово*, *Дворищу*. *Островъ*, *Заръчье*, *Кожаново*, *Райполь*, *Малново*, *Дубно*, *Дубровку*, *Купнеры*, *Ковалевку*, *Росицу*, *Велены*, *Радополь*, *Колы*, *Пестовку*, *Вышки*, *Грудзянку*, *Колунъ*, *Скудрики*, *Рѣжицу*, *Лужу*, *Кононики*, *Наголку*, *Налобню*, *Тарново*, *Видно*, *Повики*, и т. д. Что касается хорографическихъ названій, то здѣсь замѣчаемъ еще большее преобладаніе русскихъ названій изъ кото-

рыхъ выдаются слѣдующія: *оз. Лубань, Пстра, Руссонъ*, или *Рушонъ, Черсцъ, Русскелово, р. Расня, Россалово, Синяя, Утруя, Кухва, Лжа, Еша, Уша, Яша, Язынокъ, Плисса, Малмута, Мармоста, Черноксть, Вырочно, Ковши, Солки, (Большая и Малая)* и др. Многія изъ хорографическихъ названій одноименны съ древними Русскими фамиліями, служа для послѣднихъ лучшею опорою исторической генеалогіи, чѣмъ рыцарскія матрикулы, напр.: фамиліи Рыковыхъ, Корней, Орловыхъ, Лобановыхъ, Галкиныхъ, Нагихъ, Блудовыхъ, Людоговскихъ, Колачевыхъ Колычевыхъ, Гудовичей, заимствованы изъ нашей хорографіи, а Сологи,Ратши, Чалши, Павши напоминаютъ о Псковскихъ боярахъ, имена которыхъ встрѣчаются на страницахъ Псковскихъ лѣтописей *).

XV. Всѣ эти фамиліи принадлежатъ хотя не къ столь многосложной и къ тщеславной геральдикѣ, какая оказывается у рыцарей и Польской шляхты, хотя онѣ не ведутъ матрикулъ, но дѣянія ихъ составляютъ болѣе жизненный, правдивый и религіозный матеріалъ, и для исторіи, и для эпическихъ произведеній, чѣмъ рыцарскіе и шляхтскіе подвиги со всѣми ихъ мистическими гербами и девизами. Въ самомъ дѣлѣ, сравните Русскую поэму — пѣснь объ Игорѣ Новгородъ—Северскомъ, относящуюся къ XII вѣку, съ поэмою: Aulacum Danaidum—произведеніемъ рыцарей XVI вѣка,—поэмы, имѣющія общимъ своимъ предметомъ изображеніе своихъ героевъ въ минуту катастрофы. Пѣснь о полку Игоря, какъ извѣстно, разсказываетъ о попавшемся въ плѣнъ къ Половцамъ, князѣ Игорѣ; Aulaeum Danaidum описываетъ, со времени основанія Латинской пропаганды въ Ливоніи, дѣянія ея подъ управленіемъ Архіепископовъ до разрушенія ордена рыцарей Іоанномъ Васильевичемъ VI-мъ. Какая мертвая картина раскрывается при паденіи рыцарей на сценѣ замковыхъ руинъ, завершающаяся хаосомъ проклятій рабствовавшаго народа надъ своими павшими властелинами,—завершающая появленіемъ фантомовъ ужаса и новыхъ безумныхъ замысловъ! Между тѣмъ въ поэмѣ пѣвца о полку Игоревѣ мы встрѣчаемся съ дивнымъ воспроизведеніемъ тоскующей супруги о несчастіи своего доб-

*) О давности культуры своей страны народъ свидѣтельствуетъ въ названіяхъ поселеній: Стародавно, Старогоренно и др. О прочности и крѣпости обычаевъ и Русскихъ повѣрій засвидѣтельствовали всѣ Латинскіе миссіонеры XVI и XVII вѣковъ, дѣйствовавшие въ Ливоніи и нашей странѣ.

лестнаго мужа, встрѣчаемся съ описаніемъ доблестныхъ подвиговъ, на воинственной аренѣ, при усмиреніи Литовцевъ и дикихъ южныхъ кочевниковъ нашими витязями князьями—государями: Рюрикомъ и Давидомъ Ростиславовичами.

XVI. А почему не въ выгодномъ свѣтѣ оказываются всѣ эти трибуляціи, штрейфцуги и трапаціи рыцарей, при воровскомъ вторженіи ихъ въ нашу страну для наживы и грабежей, въ то время, какъ наши князья стремятся другъ предъ другомъ, къ образованію народа, и руссификаціи иноплеменцевъ великодушіемъ, и щедростью и т. п.,— что оказывается въ описаніи напр. дѣянія Рюрика II-го, не говоря уже о Владимірѣ М. и др. государяхъ. На этомъ поприщѣ наши государи достигли того, что если они не соорудили для страны столько крѣпостей, сколько рыцари соорудили для себя замковъ, за то первые на столько развили благочестіе въ народѣ, что Латышъ въ одной своей землѣ такъ говоритъ о Русской землѣ и о своей странѣ: „Русская земля сильна крестами, а его страна обезсилена господами; чрезъ крестъ солнце восходитъ, а чрезъ его землю оно заходитъ.“ Очевидно, что въ этомъ приговорѣ Нѣмецкой культурѣ, вторгшейся въ Остзейскій край съ своею непрошенною миссіею выражается крайне прискорбный отзывъ о ея международномъ значеніи; очевидно, этотъ приговоръ пропагандисты игнорируютъ, вымышляя и навязывая своимъ основателямъ идеальныя намѣренія и основаніе богочитанія, что никоимъ образомъ не высказывается изъ раннихъ хроникъ (Альнпеке и Орденской), наполненныхъ только трибуляціями, разбоями и самымъ грубымъ самохвальствомъ въ успѣхѣ трибуляцій, своихъ обмановъ и воровскихъ набѣговъ, при мистификаціи своихъ варварствъ самыми священными для христіанства девизами. И, не смотря на такую очевидную профанацію, на самое грубое вѣроломство позднія хроники находятъ въ этихъ дѣяніяхъ своихъ предшественниковъ культурныя основы и зарю Евангелія въ нашихъ странахъ! Такое злоупотребленіе апостольскимъ призваніемъ было началомъ и внѣшней ожесточенной борьбы народовъ, было началомъ и междоусобій въ средѣ самихъ же миссіонеровъ, — началомъ инквизицій, реформацій и т. п. Всѣхъ подобныхъ прелестей не оказывается въ исторіи Русскаго народа, который во время открытія этой вѣроломной борьбы, не дозволялъ себѣ подобныхъ трибуляцій и набѣговъ, не высказывался съ самохвальствомъ о разбояхъ, не измышлялъ ни мистификацій, ни ложныхъ девизовъ. Онъ выступалъ

на борьбу съ заявленіемъ только своихъ правъ на спорную землю, какъ исконную собственность его дѣдовъ и предковъ, дѣянія которыхъ эти враги такъ злословили и презирали, признавая за ними заслуги основателей только примитивной культуры.

XVII. Обращаясь къ прошлымъ давнимъ временамъ, оказывается, что при своей примитивной культурѣ, основанной на мирныхъ общественныхъ принципахъ, наши предки и въ своей хорографіи, и въ своемъ эпосѣ оставили ясныя свидѣтельства и факты сильнаго, осмысленнаго стремленія къ исторической дѣятельности, къ безупречной славѣ въ потомствѣ и къ огражденію существованія своихъ потомковъ,—что это наша страна и Ливонія составляли ту сказочную колыбель Русскаго народа, изъ которой вышли витязи—богатыри: Орлики—Рогали (поселенія по этимъ именамъ въ Рѣжицкомъ уѣздѣ), Вороны — Воркали, Соколы- -Подлесты, Соловиисры и Павы. (Тоже поселенія въ нашей странѣ). Изъ всѣхъ Русскихъ областей районъ нашей страны въ хорографическомъ своемъ архивѣ сохранилъ тѣ забытыя въ литературномъ трибуналѣ данныя, которыя такъ тщательно бережетъ народъ въ своемъ эпосѣ и легендахъ. Эта страна и есть та славная „Чудоронина“, которую нашъ народъ вспоминаетъ въ припѣвѣ къ пѣснѣ: „Во полѣ березонка стояла“, начинающемся словами: „Тары-бары“ и оканчивающемся: „Ай виль, мой чивиль, навель, навелекъ, еще чудо—перво чудо, Чудоронина моя“! Какъ отъ слова „Чудоронина“, такъ и отъ словъ: „виль, навель, навелекъ“, мы находимъ въ нашей странѣ много названій въ нашей мѣстности, напр. двѣ Чудороны, — одно названіе для озера, другое для поселенія; отъ слова „виль“—гг. Вильна, Вилейка, Антоновиль, Елеонорвиль и др., отъ слова „Чивиль“—Цивилиты пос. Люцин. у. и Цивилево Нев. у. Отъ слова „навелекъ“—названія у поселеній: Павлови, Павлицы, и древнее названіе Невеля—Набля. Слово „роно“ повторяется во многихъ названіяхъ нашихъ поселеній, напр. въ словѣ Устьронь, Заронова и др.

XVIII. Эта страна не менѣе прочихъ земель Западныхъ народовъ сохранила очевидные слѣды и доказательства связи нашихъ предковъ и съ древнимъ Римомъ, и Византіею, связи, оказывающейся въ сохранившихся у нашихъ мѣстностей названіяхъ, взятыхъ изъ Латинскаго и Греческаго языковъ, на что мы указали слѣды въ Историческомъ Очеркѣ Культурной Хорографіи Варяжской Руси. Такимъ образомъ, изучая нашъ эпосъ и хорографію мы

подходимъ къ тому многовѣковому историческому культурному тайнику Варяжской Руси, который имѣетъ завѣтное значеніе для Русскаго патріота. Напр. Румны, Румшанъ, Муромъ, Елеонорвиль, Арманы, Арканы, Румны, (rumpo) Рудзяты (rudiarius—отпущенный на волю гладіаторъ), Вакальма, Муканы, Авуканы, Кудка и Куденъ (cudo шлемъ), Кастырь, (castrum), Камбуль, (campus), Колунъ (Colyphium-задній портъ), Граверы, Савликп (sawlicus—молодецъ), Опуги, Скутоли,—названія, несомнѣнно происшедшія изъ Латинскаго языка и указывающія миліціонеровъ колонистовъ *). Бокъ о бокъ съ этими поселеніями встрѣчаются и названія, взятыя изъ языка Римскихъ негоціантовъ, а именно: Курма (curma пиво), Трулево (trulla кувшинъ), Калыши (calix чаша), Кокулы (coculum—поваренный котелъ, названіе, отвѣчающее Русскому: „котельники"), Макулишки (maculus продавецъ мяса), Ляпоры (labor трудъ), Кавлиникъ и Рестмуйже (отъ reslis канатъ). Что эти названія не случайныя, а историческую имѣютъ основу, на то служатъ доказательствомъ названія, заимствованныя нашими предками изъ хорографіи Италіи, какъ то: Брексника—отъ Брексіи или Брекчіи, Перджія—отъ Перуджіи или древней Перджіи, Чава отъ Италіанской Cava, Казино отъ Италіан. Казино, равно какъ и названія, напоминающія имена Римскихъ императоровъ, напр. Августово, Гаиево, (Гая-Калигулу) Сиверъ (Септимія Севера), Антонишки (Антонина), Бальбиново, Нумернъ (Нумеріана), Константиново, Юліаново, Еленополь, Ириниполь, Юстіанополь, Марціанополь, Трояново; нѣкоторыя названія напоминаютъ знаменитыя историческія лица, напр. Сильвестринъ—о Сильвестрѣ папѣ, Мамополь о свят. Мамѣ. При этихъ поселеніяхъ мы находимъ поселенія съ излюбленными названіями Римскихъ императоровъ у нашихъ поселеній, напр. Августовы названія: Ляудеръ (въ Италіи Лоди), Ляборони, Астичи и Пацывь; или Константиновы названія: Ауля и Царьградъ. Что названія, напоминающія о Римскихъ Кесаряхъ и Византійскихъ императорахъ, не составляли для нашей страны пустыхъ звуковъ, тому служатъ доказательсвомъ частыя находки у насъ монетъ этихъ им-

---

*) Кромѣ этихъ названій у поселеній находимъ названія: Кейчи, Кудейчи, Чиковщина. Слово „чи" мы встрѣчаемъ въ пѣснѣ: „Сыгоры,-горы ѣдутъ мазуры" и оно, вѣроятно, происходитъ отъ слова „civis" гражданинъ. Слово Чиковщина происходитъ отъ слова „чикъ",—названіе пограничной области въ Трансильваніи и означаетъ въ Польскомъ языкѣ рядъ войска.

ператоровъ, въ особенности Константина Великаго. Что Римскіе Кесари старались имѣть связь съ нашей страной, о томъ свидѣтельствуетъ ученый Сегюръ въ своей исторіи Наполеонова похода на Россію, въ которой говоритъ, что Римляне успѣли проникнуть до р. Расасни, на которой потерпѣли пораженіе. Съ котораго же времени открылись стремленія Римлянъ въ нашу страну, опредѣлить трудно. Впрочемъ капитальнымъ фактомъ, пріурочиваемымъ къ нашей странѣ, историки Длугошъ и Кромеръ указываютъ на загадочное отступленіе, во время войны Помпея съ Цезаремъ, съ исторической сцены Помпеева полководца Либонія Скрибонія, отъ имени котораго нѣкоторые ученые производятъ и названіе Ливоніи, а отъ имени Скрибоній мы находимъ у насъ поселеніе въ договорѣ Гедемина съ рыцарями: „Скрипайно или Крейпаны“. Съ этого времени завязалась та связь нашей страны съ Римомъ, на которую указывалъ вскользь Іоаннъ Грозный. Августъ вторымъ бракомъ былъ женатъ на вдовѣ Скрибоніи изъ рода Либоніевъ. О нашей странѣ мы почти не находимъ свѣдѣній въ древней литературѣ классическаго міра, такъ какъ она лежала внѣ предѣла orbis cognitarum terrarum, т. е. покоренныхъ Римскому оружію земель; однакожь она, съ давняго времени, была какъ бы станціею и перепутьемъ для культурныхъ миссій какъ Римлянъ, такъ и Византійцевъ, на пути къ землямъ, лежавшимъ на океанѣ. Хотя Нѣмецкіе писатели предполагаютъ о сокрушеніи дикими народами Гуннами зародышей этой культуры; но такое мнѣніе Нѣмецкаго литературнаго трибунала оказывается неосновательнымъ, такъ какъ ни Гунны, ни Авары не были врагами Славянской культуры, а равно и Норманскій міръ самъ произошелъ изъ Варяжскаго разсадника, бывшаго продуктомъ Славянской культуры, выдержавшей борьбы со многими народами: съ Готами, Кимврами, Свеовами и другими народами. Мѣстопроисхожденіе этого разсадника никоимъ образомъ не оказывается ни у Готовъ, ни у Нѣмцевъ, а въ полной и живучей формѣ онъ заключился у своего народа—у Славетчины (пос. Леп. уѣз.), которой онъ обязанъ и своимъ происхожденіемъ и контингентомъ. У Славетчины мы находимъ его памятники и въ литературѣ, и въ эпосѣ, и въ хорографіи. Впрочемъ районъ его миссіи не замыкался одною Славетчиною, но перешелъ въ бытъ и Германца и Галла, въ чемъ убѣждаемся изъ законодательства Карла В. о верахъ для вар-

варовъ; слѣдовательно, сами Франки и Германцы подчинялись принципамъ Варяжскаго міра. Варяжская организація была прочною и заключалась въ составѣ обществъ, слагавшихся по роду занятій, ремеслъ и промысловъ, обществъ, сохранившихся въ названіи нашихъ офеней, по имени которыхъ осталось названіе городу Будѣ Офеномъ. Какъ исполнители посольствъ, пограничной стражи и защиты (advocatiu Variscorum) подъ именемъ вередаріевъ, веровъ, Варяги были предметомъ особливой заботливости еще Константина В., при составленіи имъ законовъ для Византійской имперіи, а наконецъ объ ихъ бытѣ и въ законодательствѣ Карла В. находятся также слѣды.

XIX. Древнимъ Римлянамъ они также извѣстны; такъ Цицеронъ предостерегаетъ Аттика, одного изъ ученыхъ Римскихъ оптиматовъ, чтобы онъ ни поддался обману эссендаріевъ. Эссендаріи ковиаты, и тискаты славились искусными бойцами на колесницахъ. Вообще вары, выступавшіе на арену цирка для борьбы, прославились при императорахъ, такъ что въ Ватиканской библіотекѣ предъ статуею Траяна находится статуя Дареса, борющагося съ Энтелесомъ. Вліяніе и значеніе варовъ и даровъ въ Римѣ во времена имперіи было обширное, и въ нашемъ очеркѣ Варяжской Руси, какъ мы видѣли, ихъ поселенія находились почти на всѣхъ окраинахъ имперіи, а именно: отъ Скандинавіи, Британіи и Даніи, въ Панопіи, и, наконецъ на берегахъ Африки и Испаніи.

XX. Самою цвѣтущею изъ этихъ колоній была Панонія, гдѣ въ Трансильваніи были ихъ главные города: Луда, Себежъ, Сарканъ, Дароцанія, что нынѣ Броосъ, Рѣжица, Колочваръ или Клавзенбургъ и Торда. Впрочемъ и другія части Панонiи состояли также подъ управленіемъ варяговъ, какъ показываютъ названія поселеній, образовавшіяся изъ слоговъ: варъ или даръ, напр. Рударія, Дароваръ, Веречка, Вармэгія. Составъ варяжскихъ дружинъ состоялъ преимущественно изъ Славянъ, какъ указываютъ названія у поселеній и областей: Тарантолъ, Турочъ, Берегъ, Баранья, Колочъ, Козы, Брупы, или въ нашей странѣ: Кулей, Туковъ, Тулачей, Другалей, Жолперовъ, Паровъ и друг. Но во главѣ варяжскихъ дружинъ является начальствующимъ Русское племя на всѣхъ пунктахъ, и въ Даніи, и въ Панонiи, и въ Скандинавіи, судя по названіямъ многихъ мѣстностей по имени этого племени.

XXI. Видя составъ Русскихъ земель на обширномъ пространствѣ подъ названіями Бѣлоруссіи, Малороссіи, Червонной Руси, Велико-

россіи, нужно заключить, что у Руссовъ были владѣнія въ непосредственной, и въ посредственной зависимости. Какъ бы то ни было, только владѣнія ихъ въ Галиціи и Паноніи были, вѣроятно, въ посредственномъ владѣніи, о которомъ въ преданіи народа сохранились неясныя воспоминанія. Да и трудно было для Руссовъ устроить тамъ, на границѣ съ Римомъ и Нѣмцами, безопасное для себя убѣжище. Руссы были народъ скрытный и осторожный, а почему они и устроили въ иномъ мѣстѣ станицу для своей колыбели, недоступную для врага,—на островѣ Волинѣ, при морѣ океанѣ. Несторъ ясно указываетъ положеніе земли варяговъ при устьѣ Двины. Лѣтопись о мѣстожительствѣ варяговъ такъ говоритъ: „Двина идетъ на полуночье и впадетъ въ море Варяжское. Тѣмъ же изъ Руси можетъ идти по Двинѣ въ Варяги, а изъ Варягъ и до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова“, заливъ которой у Датчанъ до конца прошедшаго столѣтія назывался Варяжскимъ моремъ или Коданскимъ заливомъ *). Вступая въ этотъ районъ около р. Евикшты, начиная отъ Мемеля, мы встрѣчаемъ въ полномъ составѣ Варяжскую хорографію, разнообразящуюся въ названіяхъ, производныхъ отъ корней: дары, вары, какъ напр. Сондары, Фальвары, Оболдары, Пиповары, Вартулово, Варсловяны, Варемы, Пондары, Дундары, Виндары Ковпаты и Тискаты. Эта масса названій по имени Варяговъ указываетъ ясно на основную ихъ колонію у насъ, господствовавшую и надъ Напоньскою и надъ Литовскою Варягіями, потому что мы и подъ Вильною находимъ поселеніе „Конедары“, производное отъ Варяговъ, а также и Троки, которые въ одномъ документѣ Витовта называются „Warczen-Tracken“ (Kodex diplomatyczny Litwy, изд. Рачинскаго). Всѣ эти дружины состояли подъ управленіемъ дуковъ, коловъ, туловъ, турдовъ, соловъ, напр. Унсколы, Вартулы, Варколы, Руссолы, Рускол ы, во главѣ которыхъ стоялъ старшій княжескій родъ Рыки, по имени которыхъ мы находимъ пос. „Рыкополь“, у котораго находятся древніе окопы и могильники, указывающіе на прежнее значеніе этого мѣстечка. Народъ называетъ ихъ могилами великановъ подобно Жмудинамъ, указывающимъ на могилы великановъ подъ Тельшами, Россіенами и друг. мѣст. Кромѣ Рыкополя, находятся посессіи: Старый и Новый Рыковы дворы, Рычаны,

*) Въ исторіи Карла Густава Пуфендорфа въ Датскихъ грамотахъ. Въ Московіи (соч. Бухау) говорится въ 4 ст. о пребываніи у насъ варяговъ до Рюрика, по имени которыхъ и море Балтики называется Варяжскимъ.

Рыкалевъ городокъ, Друцкъ и др. Съ приложеніемъ слова „ру", находимаго нами въ названіяхъ поселеній: въ Воен. Австр. Границѣ „Рударія" и въ Даніи „Руградъ", гдѣ слово „ру" означаетъ правителя, мы получаемъ слово „Рурикъ", служащее Княжескимъ именемъ у Руссовъ. Въ составѣ нашей Славянской хорографіи мы встрѣчаемъ названія земледѣльцевъ разнаго рода, а также и разныхъ ремесленниковъ, кузнецовъ и мѣдниковъ изъ города Луды, бывшихъ извѣстныхъ подъ именемъ Лудиновъ. Всѣ эти вѣтви древней Русской культуры самой коренной и полной, съ которою никакъ не могутъ сравниться Нѣмецкая и Польская культуры, ничего подобнаго по себѣ не оставившія, кромѣ замковаго мусора, на столько прочно привились къ почвѣ нашей страны; что, хотя Русь потомъ и перенесла свои столицы сперва въ Кіевъ, а потомъ на сѣверъ, но ни чьи враждебныя усилія не могли повредить живучести нашей культуры, основанной Руссами-Варягами.

Въ виду такого противорѣчія преданій и хорографическихъ данныхъ съ показаніями хроникъ и противорѣчія послѣднихъ съ Русскими лѣтописями, историческій документальный архивъ прошлой судьбы нашей страны оказывается массою вопросовъ, еще не тронутыхъ. Такихъ вопросовъ въ области нашей исторіи имѣется много, начиная съ Варяжскаго періода и, въ особенности, въ исторіи рыцарства, начиная съ вопроса о Лотыгаліи Александра Невскаго, объ уступкѣ Константиномъ, Русскимъ княземъ, Евикштинскихъ крѣпостей во владѣніе рыцарей, о борьбѣ Довмонта и Давида Довмонтовича съ рыцарями, вынудившая послѣднихъ на упраздненіе Волькенбергскаго замка, о договорахъ съ рыцарями Гедемина и Андрея Ольгердовича, о фиктивномъ существованіи нашихъ замковъ въ XIII и XIV в., о войнѣ Іоанна Грознаго и Алексѣя Михайловича за нашу страну и замыслахъ Наполеона на Волькенбергскій замокъ, и другіе подобные имъ вопросы. Изученіе судьбы нашей страны, а по документамъ также оправдываетъ отзывъ народныхъ преданій о насильственныхъ дѣйствіяхъ рыцарей и вообще Латинской пропаганды. Напрасно будемъ искать въ дѣятельности рыцарей по документамъ какихъ нибудь культурныхъ слѣдовъ; нѣтъ, ничего не оказывается, кромѣ своеволія захватовъ чужой собственности, закрѣпляемыхъ построеніемъ замковъ, башенъ и учрежденіемъ тираніи! Минуя отъявленныхъ безобразниковъ и коноводовъ фанатической толпы крыжаковъ,

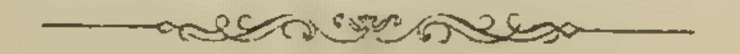
какой смыслъ дѣятельности высказывается въ подвигахъ представителей пропаганды, кромѣ національной ненависти? Обращаясь, напротивъ, къ анализу дѣяній Русскихъ передовыхъ личностей, мы встрѣчаемся съ дѣятелями высшей гуманности и безпристрастія. Что можетъ быть обаятельнѣе личности Ордына Нащокина? Какой изъ рыцарскихъ культуртрегеровъ или изъ іезуитскихъ миссіонеровъ и представителей Посполитой Рѣчи можетъ быть сопоставленъ по своимъ заслугамъ съ личностью Ордына-Нащокина, отличающагося и чистотою своихъ намѣреній, и безкорыстіемъ своихъ дѣйствій? Въ сопоставленіи дѣяній этой насильственной пропаганды, этихъ руинъ и упраздненныхъ мавзолеевъ корыстолюбивой, алчной, лживой и чуждой культуры съ доисторическими памятниками нашей родной примитивной культуры какъ осязательно раскрывается неумѣстность и враждебность первыхъ для страны и естественная живучесть послѣднихъ, вслѣдствіе ихъ правдиваго значенія и потребности! А потому какъ ни трогательны іереміады потомковъ рыцарства, но въ результатѣ ихъ получается не чувство состраданія къ плачущему, а преклоненіе предъ законами Немезиды, покаравшей неправду и наглую гордость. Тѣмъ болѣе возмутительны эти іеремiады, что онѣ вездѣ и во всемъ клевещутъ на насильственныя отношенія Русскихъ изъ-за того, что принципы ихней пропаганды не привилися въ странѣ и болѣе и болѣе дѣлаются для ней чуждыми, въ чемъ, конечно, виноватъ всегда Русскаго. Забывая исторію насильственнаго вторженія и водворенія своего у насъ и необходимыя послѣдствія и борьбы, и своего пораженія, гордые культуртрегеры требуютъ для себя и теперь такой же свободы, какою пользовались во дни своего процвѣтанія, въ настоящее время оказывающеюся аномаліею. Они жалуются и слагаютъ іеремiады паденію пропаганды, тогда какъ со времени паденія Инфлянтовъ умноженіе костеловъ въ нашей странѣ оказывается едва ли не на 10%, выше; у Инфлянтской шляхты находилось не болѣе 16 шлоссовъ и палацовъ подъ Польскимъ владичествомъ, тогда какъ ихъ теперь можно насчитать до 100. Конечно, Русское правительство и народъ относились къ Инфлянтскимъ католикамъ не съ тою уступчивостью, съ какою относились іезуиты къ нашимъ Украинскимъ Православнымъ. Конечно, всѣ эти іеремiады о паденіи правъ, о вымышленной и небывалой культурѣ и славѣ предковъ составляютъ или иллюзію или просто обманъ,

надъ которыми сами же безпристрастные ихъ единоплеменцы, напр. Коцебу, или корресподентъ Рефрактора 1836 г. (Liflåndische Briefe) смѣются и называютъ притязанія Ливонскихъ рыцарей, не болѣе, какъ шуткою. Мы надѣемся привести ясные факты, доказывающіе то безграничное сумасбродство рыцарей, при которомъ они не знали никакихъ законовъ и сдержанности въ отношеніи къ Русскимъ, считали своего противника варваромъ-кецеромъ и по своему истолковывали договоры и всякое право. Но это нашъ Грозный царь поставилъ имя нашей націи грознымъ для ея враговъ, урегулировавъ ихъ дерзкія требованія, заставивъ соблюдать букву договоровъ, признать неприкосновенность границъ. Это онъ заставилъ упорныхъ фанатиковъ отказаться отъ наскучившей комедіи и игры въ мистификацію, возвративъ природныя и историческія названія поселеніямъ, вмѣсто миссіонерскихъ измышленныхъ; обличилъ аномалію рыцарскаго быта, издавъ строгіе законы за оскорбленіе чести женщины; это онъ заставилъ отказаться нашихъ враговъ отъ теологической и юридической софистики, указывая противнику при спорахъ практическій пунктъ спора, съ котораго предметъ сперва долженъ быть названъ своимъ существеннымъ именемъ. Возвысивъ между Европейскими націями имя своего народа, онъ возвысилъ и значеніе своего званія, такъ что съ того времени имя Русскаго царя становится синонимомъ приговора правды и истины, такъ что Пуфендорфъ въ своей исторіи Карла X обратилъ вниманіе особенное на отзывъ его современниковъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ солнцѣ правды (Justus sol—чистое солнце). Видя своихъ царей исполнителями такого высшаго міроваго принципа, наши витязи—ратоборцы прежде всего оказываются отправителями законности въ полномъ значеніи этого слова, о чемъ засвидѣтельствовали наши враги, удивляясь высокимъ личностямъ Никиты Ивановича Романова, Аѳонасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина и др. Вотъ потому то, когда открылась у рыцарей рѣшительная борьба съ Іоанномъ Грознымъ за Ливонію, то какъ сами рыцари, такъ и культурные ихъ бастіоны — замки остались въ беззащитномъ положеніи въ странѣ. По окончаніи борьбы, они оказываются исторженными изъ нашей страны до единаго, какъ свидѣтельствуетъ о нихъ грамота Баторія. Даже самыя ихъ кирхи проваливаются сквозь землю вмѣстѣ съ молящимися въ нихъ народомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ легенда о Рѣжицкой

*

кирхѣ, переложенная въ стихи Нѣмецкимъ поэтомъ Уландомъ. И въ отвѣтъ на такую свою судьбу наши рыцари не имѣли никакого участія и состраданія въ сердцахъ своихъ подданныхъ, отъ которыхъ во время своего господства они изолировали себя, не дозволяя вступать ни съ ними въ родственныя связи, ни въ общественные союзы. Монашескій ригоризмъ, алчность къ золоту, жестокость еще болѣе усилили это отчужденіе. Впрочемъ эта легенда о Рѣжицкой кирхѣ не есть выраженіе народомъ сочувствія къ судьбѣ рыцарей, а скорѣе соотвѣтственная иронія надъ драмою, начавшеюся при построеніи Крейцбургской кирхи.

Что касается наслѣдника рыцарства—полякующаго пропагандиста, то мы видѣли привѣтъ туземца послѣднему въ призываніи защиты Перуна противъ него. И, дѣйствительно, Польская шляхта, заступивъ мѣсто рыцарей, относилась къ судьбѣ туземца съ жесточайшею ненавистью, чѣмъ рыцари, которые смиряли своею борьбою фанатизмъ своихъ духовныхъ миссіонеровъ, тогда какъ шляхта, вступивъ къ намъ съ разными вольностями и привилегіями, пресмыкалась у Іезуитовъ, прося у послѣднихъ инквизиціонныхъ мѣръ и средствъ къ порабощенію туземцевъ. Пріобрѣвъ нашу страну посредствомъ покупки, Польская казна, для возвращенія своихъ затратъ, передала своей шляхтѣ управленіе страною на арендныхъ условіяхъ, не ограничивая ея самоуправленія, при взысканіи съ туземца податей, надъ спиною котораго съ утра до вечера разражалось безтолковое своеволіе его пана. Кому неизвѣстно это своеволіе Польской шляхты на Литвѣ и въ нашей странѣ надъ простымъ народомъ, въ особенности если этотъ народъ состоялъ изъ Православныхъ? А наша страна до Вѣчнаго мира почти вся состояла изъ кореннаго Православнаго народа, извращеннаго въ Католицизмъ только въ прошломъ столѣтіи. Сопоставивъ преданія, эпосъ народа съ историческими вопросами страны для разрѣшенія притязаній и замысловъ чужеземцевъ на владѣніе ею, мы теперь приступимъ къ изложенію и анализу: во 1-хъ, историческихъ правъ Русскаго народа и судьбы туземца, а во 2-хъ, къ изложенію борьбы народовъ за судьбу этой страны, съ указаніемъ послѣдствій этой борьбы.



ГЛАВА I.

Историческія свѣдѣнія о древнихъ народахъ, соприкасавшихся съ нашею страною и связь Руссовъ съ Римскою имперіею, Византіею и Датчанами.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Eundo crescunt flumina, quamvis tenues ortus auspicentur.

И здѣсь я былъ, и тамъ я былъ.
Русская присказка.

I. Основываясь на преобладаніи въ нашей странѣ и Ливоніи Эсто-Латышскаго населенія, Польскіе и Нѣмецкіе писатели указываютъ на Эстовъ и Леттовъ, какъ на туземцевъ и аборигеновъ нашей страны, или автохтоновъ. Не отвергая принадлежности этихъ земель Русскому народу, они стараются пройти съ скромнымъ молчаніемъ не только миѳы и былины о древней судьбѣ его въ этой странѣ, но и положительныя данныя древнихъ писателей о немъ, подвергая ихъ строгому скептицизму изъ опасенія впасть въ баснословіе *). Такъ писатель XVII вѣка, Дерптскій профессоръ Меній въ своей синтагмѣ о происхожденіи Ливоніи, перечисливъ по древнимъ писателямъ всѣхъ народовъ, обращавшихся въ нашей странѣ, а именно: Агатирсовъ, Алауновъ, Аорсовъ, Аріевъ, Аримасповъ, Бастарновъ, Будиновъ, Бургундіоновъ, Византіевъ, Карвоновъ, Кареотовъ, Кимвровъ, Куровъ, Даковъ, Эстіевъ, Галлиъ, Гелоновъ, Глессаріевъ, Готовъ, Гутоновъ, Геллеспонтиковъ, Геруловъ, Языговъ, Игилліоновъ, Иртовъ, Манимовъ, Массагетовъ, Меланхленовъ, Лемовіевъ, Ливоновъ, Лонгобардовъ, Нагарваловъ, Невровъ, Осіевъ, Умброновъ, Пагиритовъ, Певкиновъ, Феновъ, Ругіевъ, Саліевъ, Саваровъ,

*) Rutenberg. Geschichte der Ostseen Provincen. 2 стр.

Земболъ, Семгаловъ, Ситоновъ, Судиновъ, Сулановъ, Вандаловъ, Венетовъ, Вельтовъ, Винуловъ, Ульмеруговъ, Валлаховъ и Верликовъ, опускаетъ Руссовъ, причисляя ихъ къ загадочнымъ, какъ бы случайнымъ пришельцамъ. *) Различая Руссовъ отъ Рутеновъ—народа, обитавшаго въ Юго-Западной Европѣ, эти писатели считаютъ нашихъ предковъ однимъ изъ юныхъ народовъ,—питомцемъ Готско—Тевтонской культуры, считая ихъ поглощенными впослѣдствіи Славянствомъ, съ которымъ Русскій народъ слился, не имѣя своего историческаго прошлаго, не прикасавшись ни къ одному классическому народу и будучи самымъ юнымъ изъ современныхъ Европейскихъ народовъ. Какъ ни лестно для Руссовъ происхожденіе отъ потомковъ Одина и наслѣдниковъ Валгалы, но оно не согласно ни съ духомъ, ни съ повѣрьями нашего народа. Такое стремленіе народовъ въ нашу страну проистекало изъ ея географическаго положенія у сѣвернаго культурнаго Балтійскаго моря. Это стремленіе народовъ къ намъ началось съ незапамятныхъ временъ, такъ что наша страна въ Греческой миѳологіи пріурочивается ареною не для одного древняго событія. Въ особенности въ Греческихъ миѳахъ играетъ видную роль наша главная рѣка Западная Двина, подъ именемъ Иридана. Извѣстно, что Ириданъ упоминается въ миѳѣ о Фаэтонѣ, упавшемъ въ ея воды съ колесницы, во время своего пути по земной орбитѣ вокругъ солнца, не имѣя силъ управить огненными конями, впряженными въ эту колесницу. Въ развитіи разсказа этого миѳа обстоятельства, излагаемыя въ немъ, не противорѣчатъ пріуроченію многими писателями Иридана къ нашей многоводной З. Двинѣ, называемой вообще Дюной и у Латышей Даувгою **). По паденіи въ нее Фаэтона, продолжаетъ миѳъ, яв-

*) Однакожъ Меній опустилъ указаніе на пребываніе у Двины Роксолановъ или Россолановъ, опустилъ и Видіоваріевъ Іорнанда, собравъ только тѣ названія, которыя всѣ приданы нашимъ предкамъ другими народами и которыми никогда наши предки не назывались сами, напр. Ариманы, Агатирсы, Певкины, Лемовіи, Геллеспонтики и т. д.

**) Птоломей географъ II вѣка по Р. Хр. называетъ Двину Рубономъ, а Марціанъ писатель V вѣка по Р. Хр. называетъ ее Рудономъ. Ливонскіе хроникеры и Польскіе писатели называютъ ее вообще Рубономъ, напр. Евкедій въ своей Авлидѣ величаетъ ее вездѣ Рубономъ. Буйницкій свой историческій сборникъ о нашей странѣ назвалъ Рубономъ. Кромѣ Двины замѣчательны у насъ слѣдующія рѣки, считавшіяся въ прежнее время судоходными:—Евста или Евикшта, извѣстная въ Исландскихъ сагахъ XIII вѣка; Сарія, Краславка,

ляются въ миоѣ сестры погибшаго смѣльчака и бродятъ по берегамъ Двины, оплакивая свою потерю, при чемъ отъ слезъ ихъ, падавшихъ на землю, зародился въ нѣдрахъ нашихъ странъ янтарь, который въ древнее время составлялъ самый дорогой продуктъ торговли предпріимчивыхъ народовъ, служившей главнымъ образомъ проводникомъ культуры ихъ. Курляндія и Пруссія издревле славились богатствомъ янтаря. *) Для утѣшенія горевавшихъ объ участи своего брата, по словамъ миѳа, бродившихъ сестеръ Фаэтона, прибылъ Лигурійскій Царевичъ, другъ его, что также не противорѣчитъ свидѣтельствамъ историческимъ о связи нашей страны съ Лигуріею. Такъ Ю. Цезарь упоминаетъ въ своей Гальской войнѣ о связи Свевовъ съ Рутенами и другими Гальскими народами. Несомнѣнно, что Иридапъ былъ хорошо извѣстенъ современникамъ Гомера, какъ это оказывается изъ сказки его времени, названной „Батрахиміомахія", т. е. война мышей и лягушекъ, въ которой такъ рельефно описана, подъ видомъ войны мышей и лягушекъ, состояніе нашей страны, находившейся въ спорномъ владѣніи многихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ **). Физическая географія страны нашей, изображаемая въ этой сказкѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ ей и въ настоящее время въ дѣйствительности, занятая преимущественно озерами, болотами. Что касается нашей многосложной этнографіи, то этотъ признакъ нашей страны оказывается за нею и въ настоящее время,--и теперь можно встрѣчать жителей въ одной деревнѣ ея, принадлежащихъ къ тремъ, четыремъ націямъ, напр. въ деревнѣ Пупцелахъ Люц. у., гдѣ вы находите и Эстовъ, и Латышей, и Литву, и Русскихъ ***).

II. Всѣ современные наши иноплеменцы, при сравненіи древней Исторіи съ позднею судьбою страны, оказываются однакожъ по-

---

Дубно и Ликсна, притоки Двины съ прав. ея стороны; Ика, Педецъ и Балтъ—уне суть притоки Евста; наконецъ, судоходная рѣка Свиюха съ Утруей, впадающая въ р. Великую, служила артеріею Псковской торговли

*) Въ V т. Mittheilungen aus dem. Geschichte помѣщена жалоба Дондангенскаго пробста (въ Курляндіи) о грабежѣ рыцарями его янтарныхъ копей.

**) Фабрицій, хронистъ XVI в., насчитываетъ въ нашей странѣ до 125 озеръ, изъ которыхъ Лубанъ называетъ по величинѣ моремъ. Теперь многія озера и болота у насъ осохли.

***) Геродотъ сомнѣвается въ существованіи Придана Сомнѣніе Геродота однакожъ доказываетъ только тотъ фактъ, что наша Двина въ его время уже носила другое названіе.

томками вышеисчисленныхъ древнихъ націй. Геродотъ въ своей исторіи указывалъ между прочимъ какъ на обитателей нашей страны: Гировъ, Агатирсовъ, Меланхленовъ, имена которыхъ послѣ войнъ Дарія Гистаспа и Александра Македонскаго, видоизмѣнились въ другія названія. По имени первыхъ народовъ, вѣроятно, образовалось и названіе Иридана; слово „данъ“ входитъ въ составъ многихъ славянскихъ рѣкъ, напр. Бористанъ, Данастръ, Донъ и др.; отъ слова „гиръ“ происходитъ названія позднѣйшихъ народовъ: Геруловъ, Пагиритовъ, по имени которыхъ находимъ поселеніе въ Полоцкомъ уѣздѣ Погирщины. Быть можетъ, названіе древняго города на Двинѣ Герсике или Ирисборха образовалось также отъ имени этого народа. Сѣвернѣе этого народа жили Меланхлены или чернокафтанники, извѣстные у Римскихъ писателей уже подъ иными названіями, напр. Эстіевъ или Исседоновъ, а также Глэссаріевъ. Последнее названіе дано имъ Римлянами, получавшими отъ нихъ янтарь и свиней. О торговлѣ Эстовъ свиньями свидѣтельствуетъ Тацитъ; а о торговлѣ Эстовъ янтаремъ свидѣтельствуетъ Кассіодоръ, писатель V вѣка по Р. Хр., описывавшій посольство Эстовъ къ Θеодориху, Остъ-Готскому королю, представившее этому государю въ подарокъ янтарь. Какъ обитателей береговъ Балтійскаго моря Эстовъ отмѣчаетъ въ своемъ путешествіи и Вульфстанъ, писатель IX вѣка, слышавшій о существованіи многихъ Эстскихъ городовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего короля. И, дѣйствительно, Эсты были замѣчательнымъ народомъ, и о нихъ позднѣйшіе писатели упоминаютъ также подъ именами Фенновъ, Исседоновъ, Ефлювіевъ, Лемовіевъ, Ливоновъ, Ликсовіевъ (древнее поселеніе при Двинѣ Ликсна), Осіевъ, Умброновъ, Кареотовъ, Аріевъ, Аорсовъ, Игиллiоновъ, Гелеспонтиковъ и Византиновъ; послѣднія два названія приданы имъ, вѣроятно, вслѣдствіе историческаго ихъ прикосновенія въ IV и V вѣкахъ по Р. Хр. съ Греческою Византіею. Въ нашей странѣ въ настоящее время считается Эстовъ не болѣе 2 т. съ $1/2$, а именно: въ Яновольской и Михайловской волостяхъ. Домашній бытъ ихъ бѣденъ и грязенъ. Они не имѣютъ никакихъ преданій о прошломъ, что указываетъ на нихъ, какъ на переселенцевъ изъ другой страны. Къ Финскому или Эстскому племени должно отнести и Аримаспов или одноглазниковъ Геродота, сидѣвшихъ въ горахъ и владѣвшихъ золотомъ,

подъ которымъ народомъ Геродотъ разумѣетъ, вѣроятно, жителей позднѣйшей Біарміи, издревле занимавшихся рудокопствомъ. Изысканія о культурѣ Біарміи производилъ Эйхвальдъ, а культуру Камскихъ Болгаръ изслѣдовалъ Академикъ Лепехинъ, который на одномъ надгробномъ памятникѣ прочиталъ надпись, указывающую на могилу армянина Варлаама Ивановича, очевидно Христіанина, погребеннаго въ 557 году.

III. Бокъ о бокъ съ Финскими племенами у этихъ же писателей мы находимъ группу слѣдующихъ народовъ уже другого племени, а именно: Куровъ, Куретовъ, называвшихся также Корсами, Массагетовъ или Самогитовъ, называющихся нынѣ Жмудью, принадлежавшихъ къ племени Кимерійскому, Сембовъ или Семгаловъ, и, наконецъ, племя Литовское подъ названіемъ Гутовъ (названіе волости Гутовскою въ Лепельскомъ уѣздѣ), къ которому Польскіе писатели относятъ и Латышей. Этихъ народовъ Нѣмецкіе и Польскіе историки выставляютъ въ передовой роли,—туземцами—культивизаторами Ливоніи и нашей страны, изъ которыхъ какъ извѣстно, Гуты были сильнѣйшимъ племенемъ. Однакожъ болѣе сильнымъ у насъ племенемъ были Латыши; но Латыши сами отказываются отъ всякаго своего историческаго значенія, сохраняя завѣты иного болѣе сильнаго народа—Русскаго; они были всегда въ борьбѣ съ Эстами, или же, какъ наконецъ, Эсты, никогда не выступавшіе изъ своей земли и только разъ—при своемъ богатырѣ Старкартерѣ или Калеванѣ мужественно отразившіе врага своей родины. Между тѣмъ какъ о Латышахъ мы будемъ говорить ниже подробнѣе, о Литовцахъ мы должны упомянуть теперь. Всѣхъ Литовцевъ этнографы насчитываютъ въ нашей странѣ до 400 человѣкъ, живущихъ въ Ишкатской волости въ деревняхъ: въ Яскунахъ, Кукутьѣ, Кейданахъ, Куртинахъ, Ольховкѣ и Пильвеляхъ. Всѣ эти деревни расположены на бывшей границѣ Ливонскаго Ордена съ Литовскими и Русскими владѣніями. Всѣ эти Литовцы, вѣроятно, представляютъ остатки Русской Литвы отъ временъ Гедимина и Ольгерда, потому что они остались вѣрны Русской культурѣ, такъ что и іезуиты едва успѣли совратить ихъ въ унію. Кеппенъ однакожъ предполагаетъ Литовцевъ и въ Динабургскомъ уѣздѣ, насчитывая ихъ до 41 т., но Мантейфель причисляетъ этихъ Литовцевъ къ Латышамъ. Мы однакожъ принимаемъ сторону Кепена, показаніе котораго подко-

дитъ ближе къ историческимъ даннымъ нашей страны. Вѣдь хроникеръ Альнеке и Орденская хроника указываютъ неоднократно на Литовцевъ, какъ на обитателей нашей страны еще при Тройденѣ и потомъ при Гедиминѣ. Всѣ эти хроникеры неопредѣленно называютъ нашу страну то Восточною Ливоніею и Семигаліею (напр. Ерганъ, Альнеке и Орден. хроника), то Лотыгаліею, то Витляндомъ, то, наконецъ, Иффляндами, указывая неопредѣленно ея принадлежность то Латышамъ, то Литовцамъ, то Семигаламъ, которые всѣ находились въ ближайшемъ союзѣ съ Русскими, являющимися здѣсь для отраженія вторгающихся рыцарей. Не эти однако народы были главною силою нашей страны.

III. Между передовыми народами на Алаунской возвышенности оказываются: Будины, Агатирсы и Невры Геродота, смѣняющіеся въ Вандаловъ или Вендовъ, а также Винуловъ и, наконецъ, Верляковъ, Бастарновъ, Карвоновъ, съ Ругіями, Улмиругіями, Валахами, Вельтами. По имени Будиновъ осталось много названій у Придвинскихъ поселеній, напр. Будище, Будславль, Будкапы, Будоболь. Слово „будинкъ“ и до сего времени сохраняется въ народѣ въ нарицательномъ значеніи для крѣпкаго молодца. Еще Геродотъ прославилъ ихъ мужественный отпоръ Дарію Гистаспу, послѣ котораго борьбы на юговостокѣ Европы являются въ борьбѣ съ Александромъ Великимъ Певкины заступившіе мѣсто Будиновъ, которые теперь оказываются въ борьбѣ съ Скандинавскими народами. Подъ Певкинами нѣкоторые ученые видятъ и Печенѣговъ или Пецинаковъ. По имени Нуровъ сохранилось нѣсколько названій по Витебской губ. напр. Байнуры, Нырячи, озеро Нырепецъ, а, быть можетъ, и названіе Понарскихъ горъ произошло также отъ ихъ имени, какъ думаетъ Сырокомля, какъ и названіе р. Нарева и Нарвы. Вѣроятно, слово Нурманъ или Норманъ имѣетъ происхожденіе отъ Нуровъ, какъ слова: Рухманъ, Ошмянъ, Рыкманъ, Краманъ, Громанъ, Фейманъ, Гриманъ, Леймeнъ, Зерманъ, Лиманъ и др. произошли отъ другихъ корней, имѣвшихъ въ древности смыслъ, потерянный теперь. Происхожденіе слова Норманъ несомнѣнно изъ нашей страны и оно у насъ древнѣе, чѣмъ на западѣ Европы. Этнографическое описаніе Невровъ, оставленное Геродотомъ, такъ ясно указываетъ на позднѣйшихъ Бѣлоруссовъ, что не остается никакого сомнѣнія въ ихъ потомственной связи, въ

особенности принимая во внимание вѣру туземцевъ въ оборотней, которую Полочане сохраняютъ и до сего времени. И Невры были сильнымъ народомъ на столько, что конкурировали въ своей силѣ съ самими Будинами, съ которыми они не хотѣли, по словамъ Геродота, вступать въ союзъ, при отраженіи Дарія Гистаспа, стараясь оспорить стремленіе Будиновъ подчинить себѣ Мелянхленовъ.

IV. Безъ сомнѣнія, Будины были господствующимъ народомъ на Алаунской возвышенности, на что указываютъ Датскія хроники (напр. Саксона Грамматика), приписывающія имъ главный отпоръ Скандинавскимъ и Датскимъ пиратамъ, бывшій на столько успѣшнымъ, что одинъ изъ царей Будиновъ занималъ разъ престолъ Шведскій, чего не случилось обратно со Шведами. Будины были страшны именно въ свое время для Шведовъ, которымъ въ особенности памятны были побѣды Бовы короля, памятникомъ котораго указываютъ на Бauскъ, основанный при его могилѣ, постигшей его на полѣ сраженія съ врагами, надъ которою прекрасная его супруга Рында насыпала высокій курганъ. Гдѣ находилась столица Будиновъ, свѣдѣній у древнихъ писателей не имѣется; но Константинъ Багрянородный указываетъ на замѣчательный городъ при верховьѣ Бористена, называемый у насъ въ древней литературѣ Смоленескъ. У Смоленска, по указанію Константина Багрянороднаго были сосѣднія поселенія; Витцевскъ т. е. Витебскъ и Березия. Поселенія Березовецъ и Березово—излюбленныя въ Витебской губерніи. Потомъ К. Багрянородный описываетъ Лензанинъ, Вервіянъ, Друговитовъ и Либь. Описавъ верховье Днѣпра, царственный писатель переходитъ къ описанію Кіобы или Кіева съ его Днѣпровскими порогами. Лелевель въ своей исторіи среднихъ вѣковъ Польши, объясняя Географію нашихъ странъ изъ Арабскихъ писателей IX вѣка, называетъ по Арабски этотъ городъ словомъ „Пароманза“, происхожденіе каковаго слова производитъ отъ слова: „паромъ“ т. е. перевозъ, употреблявшійся въ древности на Днѣпрѣ. Отъ слова „пара“ въ нашей странѣ происходитъ названіе многихъ мѣстностей, напр. Паревино, Парочеры, Парикуды, а въ Смоленскомъ уѣздѣ имѣется названіе Паромино для поселенія, далеко лежащаго отъ Днѣпра. Названіе это происходитъ едва ли не отъ древняго Славянскаго божества, называвшагося Пара или Паромъ, —самаго верховнаго существа. Конечно, отъ этихъ народовъ

остались эти величественные курганы, которые мы встрѣчаемъ при Мольковѣ Смоленскаго уѣзда, Вышедахъ Городокскаго уѣз. Эти курганы нисколько не походятъ на военныя могилы ни по своему размѣру, ни по своему устройству и служили совершенно для иныхъ цѣлей. Содержаніе ихъ неизвѣстно до сего времени; но сооруженіе ихъ требовало значительной массы людей. Эти курганы служатъ доказательствомъ величія того народа, который долговременными и неслучайными усиліями основалъ надъ всею этою массою свое господство, давъ имъ свои законы, обычаи и языкъ. Вѣроятно, это Будины привели въ нашу страну Прибалтійскихъ Славянъ: Вендовъ, Винуловъ, Верликовъ, Вельтовъ, Ругіевъ и Саліевъ. Что Поморскіе Венды были въ связи съ Смольянами, тому доказательствомъ служитъ поселеніе при Одерѣ, называющееся Wenden Smolen. (Джсн-Кипсонъ).

V. Наконецъ, 3-ья группа народовъ оказывается по свѣдѣніямъ Зосима, Птоломея, Марцелина, Тацита и Іорнанда. Готскій историкъ Іорнандъ, писатель V вѣка, указываетъ, что надъ Двиною паселяетъ смѣшеніе разныхъ народовъ, которые вообще называются Видіоваріями. Латышъ вообще всю Витебскую губ. называетъ Видоземе, т. е. землею Видовъ, а также землею Кривы Масса поселеній по Вит. г. названа по имени Видовъ, а именно: Миловиды, Межевиды, Жерствевиды, Видьма и наконецъ губ. гор. называется Витебскъ, въ древности Видобескъ, какъ въ древности Кривевидобескомъ назывался Торопецъ. *) Если бы эти Виды, какъ нѣкоторые ученые думаютъ, происходили отъ Готовъ, то Іорнандъ не примину́лъ бы упомянуть о томъ для чести своей націи, но онъ умолчалъ. Поселенія Видовъ мы находимъ также у южныхъ Славянъ, а также названія по нимъ и у другихъ топографическихъ пунктовъ. Кто же эти были Виды?

VI. Обращаясь затѣмъ къ Аммiану Марцелину, мы находимъ у него перечисленіе слѣдующихъ народовъ, обитавшихъ въ нашей странѣ: „Circa haec stagna (id est Meotis) ultima extimaque plures habitant gentes, sermonum, institutorum varietate disputantes; Jaxamatae, Meotae, Jazyges, Roxolanique et Alani, et cum Gelonis Agatirsi, apud quos est diamantis copiae“, т. е. у этихъ крайнихъ и самыхъ отдаленныхъ озеръ (называемыхъ Меотами, т. е. бо-

---

*) Сапуновъ, издатель Витебской Старины, производитъ названіе р. Витьбы отъ глагола „виться“, при чемъ опирается на извилистое ея теченіе; отъ Витьбы онъ производитъ и названіе г. Витебска.

лотными) живутъ народы, отличающіеся крайнимъ разнообразіемъ своихъ языковъ и законовъ, какъ то: Яссаматы, Меоіае, Языги, Россолане и Аланы съ Гелонами, у которыхъ большое количество драгоцѣннаго камня. Мы предполагаемъ подъ Яссаматами Латышей, находя у нихъ названіе главнаго ихъ божества Маіае, а словомъ Ясса или Яша у насъ называются нѣсколько Латышскихъ поселеній. Подъ словомъ драгоцѣнный камень Марцелинъ разумѣетъ янтарь. И такъ Марцелинъ, сверхъ исчисленныхъ Меніемъ народовъ, помѣщаетъ Россоланъ вмѣстѣ съ Языгами и Гелонами. Лео, историкъ прошедшаго столѣтія, въ своей исторіи древней Пруссіи помѣщаетъ Языговъ въ области Нѣмана и въ Русскихъ земляхъ, и говоритъ о нихъ, какъ о вѣтви Русскаго народа. Тацитъ говоритъ о Языгахъ, какъ о Сарматскомъ племени и даетъ имъ описаніе, тожественное съ Россоланами, указывая о наймѣ ихъ бояръ для воинской службы у Римлянъ (Ист. Тац.). Подъ Агатирсами Мурзакевичъ, издатель исторіи Смоленска, разумѣетъ Смольянъ. Кто же такіе были Роксолане?

VII. Младшій Плиній называетъ нашими обитателями Россоланъ, которые означены также и у Римскаго географа Страбона, писателя I в. по Р. Хр.; у Питеаса Масслійскаго и Ксенофонта Ламисакскаго, писателей V в. до Р. Хр. оказывается г. Русса при устьѣ Нѣмана, а одинъ изъ рукавовъ Нѣмана называется и до сего времени Русною. Какъ бы то ни было, Россолане уже, въ V в. по Р. Хр., дѣлаются на столько могущественными, что явились покорителями Римской державы. Богданъ Хмѣльницкій выразился съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ въ одномъ изъ своихъ универсаловъ, призывая своихъ козаковъ на борьбу съ Поляками, какъ потомковъ славныхъ завоевателей Рима: „Бо ежели ветхій Римъ, иже всѣхъ Европейскихъ градовъ матерью нарещися можетъ, многими панствами и монархіями владѣвый и о 645000 войска своего древле гордившійся въ давнихъ оныхъ вѣкахъ далеко меньшими противъ помянутой воинственной силы Римской силами валечныхъ Руссовъ изъ Руссіи отъ поморья Балтійскаго, альбо Нѣмецкаго собранными за предводительствомъ князя ихъ,—и онъ былъ взятый и четырнадцать лѣтъ обладаемый, то намъ теперь прикладомъ оныхъ Руссовъ древнихъ—предковъ нашихъ кто можетъ возбранити въ дѣльности воинской и уменьшеніи отваги рыцарской. *)

*) Въ древней Славянской рукописи, называемой: „Картина свѣта“ Русси

Провѣряя слова Хмѣльницкаго о владѣніяхъ древнихъ Руссовъ въ Нѣмецкихъ земляхъ, мы, дѣйствительно, находимъ массу городовъ ихъ въ Помераніи, а наконецъ и въ Даніи.

Зосимъ, писатель VI вѣка называетъ обитателей нашей страны Вандилами, смѣшавшимися съ Свевами и Аланами. Кто же такіе были Вандилы и гдѣ они жили? У Птоломея мы находимъ Карвоновъ, Саваровъ, Суовеновъ въ нашей странѣ; Вислу называетъ онъ прямо рѣкою Вандиломъ, а у Дженкинсона, XV вѣка, между Вислою и Одеромъ означены Венденъ-Смоленъ. Слѣдовательно, всѣ эти украинскіе козаки, наши Кривы или Птоломеевы Карвоны, Плинія Россоланы, Марцелиновы Агатирсы и Алане, Тацитовы Языги, наконецъ Константина Богрянороднаго и Дженкинсоновы Венденъ Смоленъ составляютъ одну націю Россовъ или Руссовъ.

VIII. Изученіе судьбы Руссоланскаго міра необходимо при изученіи Русской культуры, развившейся изъ этого міра. Исторической ареною его была однакожъ не Померанія, а страна, примыкавшая близко къ классическому міру, — Панонія, содержавшая у себя, по извѣстію Тацита, два главныхъ Римскихъ легіона. Пребываніе въ этой странѣ прочной милиціи для Римлянъ было крайне необходимымъ дѣломъ, ввиду ихъ борьбы съ Сарматами и Скиѳами и для усмиренія Германцевъ. Для такой обширной задачи, конечно, два легіона ничего не значили, а почему въ помощь къ нимъ, еще со временъ Ю. Цезаря, Римляне стали переводить сюда покоренныхъ народовъ, напр. Свеевъ, Языговъ и др., а почему Панонія оказывается какъ бы сборнымъ пунктомъ едва ли не для всѣхъ Европейскихъ націй, между которыми, еще со временъ Августа, въ обл. Иллиріи Славянство получило преобладаніе. Вслѣдствіе родственнаго сближенія Русскаго князя съ домомъ Августа, о каковомъ сближеніи мы упоминали въ очеркѣ Русской культуры, или помимо этой причины, но Рутены пріобрѣтаютъ важную роль въ Римѣ, такъ что при дворѣ Державнаго Тиверія занималъ нѣкоторое время первое мѣсто Рутенъ Макро. Съ того времени имя Рутеновъ стирается въ офиціальныхъ документахъ, подъ новымъ уже на-

---

называются также Рутоколаны; послѣднее слово „коланы" очевидно производное отъ слова: „colo"—переселенецъ, отъ котораго Рутоколаны и есть производное. Названіе Руссоколаны въ названіи поселенія въ Люцинскомъ уѣздѣ Русскелово отмѣчено географами на картахъ XII вѣка.

званіемъ, какъ бы новой націи Россоланъ или, какъ пишется въ одной Славянской рукописи, называющейся Картина міра, Рутоколанъ. Эти Россолане и служили въ Панонськихъ Римскихъ легіонахъ, которые, по сверженіи съ престола Нерона, хотя и были побѣждены Отономъ, но одолѣвъ прочія партіи провозгласили Римскимъ царемъ своего полководца Веспасіана. Вѣрно и покорно служили Россолане Веспасіану и преемникамъ его изъ его дома, но когда Траянъ началъ не вѣрно уплачивать имъ жалованье, то, при возмущеніи Даковъ, они разъ заявляютъ ему въ 101 г. о своемъ неудовольствіи, на что не послѣдовало прямаго удовлетворенія, а почему въ 117—119 г. они открыли такое возмущеніе, котораго не могъ подавить и Троянъ, умершій въ теченіи этой войны. На ближайшее отношеніе Трояна къ нашему краю указываетъ хорографія въ названіи поселеній въ Лепельскомъ уѣз. Троянова или Володькова, въ Виленскомъ уѣз. Трояиополя, служащаго въ настоящее время дачею для Православныхъ архіереевъ. Имя Трояна не безъизвѣстно и простому народу изъ сказокъ. Въ памятникахъ старинной Русской литературы изд. Кушелевымъ Безбородкомъ,—въ сказаніи о хожденіи Пресвятыя Богородицы по мукамъ, помѣщенномъ въ 14 выпускѣ памятниковъ стр. 119 упоминается между Русскими языческими божествами наряду съ Хорсомъ, Велесомъ и Перуномъ и божество Троянъ. Невѣрность уплаты жалованья Руссамъ состояла въ томъ, что чеканившаяся для нихъ монета была низкопробнаго достоинства, и объ улучшеніи достоинства Русской монеты Сенатъ не принималъ никакого участія. Возмущеніе это было на столько опасно для Римлянъ, что едва ли не съ того времени помѣщена въ Ватиканѣ статуя Дареса совмѣстно съ изображеніемъ Траяна. Попадающіяся у насъ Римскія монеты въ періодъ до Траяна всѣ на самомъ дѣлѣ низкаго достоинства, но со времени этого возмущенія оказываются монеты чистаго металла. Въ 169 г. возмутились, по свидѣтельству Ю. Капитолина, противъ Рима всѣ народы, начиная отъ Илиріи до самой Галліи, какъ то: Маркоманы, Варисты, Гермундуры, Квады, Свевы, Сарматы, Лякриниги, Бурки, Виктуалы, Созибы, Сикобоки, Костобоки, Бастарны и наконецъ Певкины, Аланы и Роксоланы. Это возмущеніе было на столько грозно, что Императоръ Аврелій, одинъ изъ лучшихъ Римскихъ государей, не могъ усмирить этого грознаго возмущенія и умеръ въ Панопіи на войнѣ съ Маркоманами. Его

преемникъ достигъ умиротворенія только хитрою политикою и золотомъ, разъединивъ и вооруживъ своихъ враговъ другъ противъ друга, а именно Германцевъ противъ Германцевъ, Славянъ противъ Славянъ и т. д. Самыми сильными и непримиримыми возмутителями были Сарматы, Маркоманы и Квады съ Вандалами, а почему Римскій Сенатъ и направилъ свой отпоръ противъ этихъ народовъ, очиствъ, какъ выражается Юлій Капитолинъ, Панонію отъ нихъ. Эти народы настолько досадили Марку Аврелію, что онъ разъ высказался по поводу Европейскихъ безпорядковъ, обращаясь къ Евреямъ: „о Сарматы, о Маркоманы, о Квады! азъ худшихъ, неже есте обрѣтохъ". Вообще находимые на картѣ, Потломея arae Alexandri Magniu Ю. Цезаря около Волги и нашей страны, попадающіяся разныя археологическія находки, какъ въ Ливоніи, такъ и въ Волжскомъ районѣ указываютъ на близкую связь нашихъ странъ съ древними классическими народами, начавшуюся еще до эпохи Р. Христова. Соображаясь съ нынѣшнею хорографіею Панонія, мы, дѣйствительно, убѣждаемся въ очевидномъ сходствѣ хорографіи Панонія съ нашею хорографіею и въ различіи ея съ Вендскою и Польскою. Послѣ этой войны имя Россоланъ уже не встрѣчается въ слѣдующихъ возстаніяхъ этихъ народовъ, особенно Сарматовъ, Певкиновъ, Гетовъ, Скиѳовъ и другихъ народовъ. Римъ имѣлъ такое довѣріе къ Панонія, что въ 195 г., призналъ выборъ Паноньскими войсками въ императоры Панонца Септимія Севера, который своими личными доблестями какъ въ Месопатаміи, такъ и въ холодной Каледоніи заставилъ сосѣдніе народы трепетать предъ Римскимъ оружіемъ. Съ этого времени не рѣдко уже Панопьскіе легіоны рѣшали выборъ императора, изъ каковыхъ выборовъ особенно вспомнить необходимо какъ о счастливомъ и удачномъ для всего міра, а именно о выборѣ Далмата Клавдія, дѣда Константина В. въ 268 г. Оставляя дѣянія многихъ изъ предшественниковъ Константина В., заботившихся о Панонія, какъ о своей родинѣ, мы вспомнимъ о дѣяніяхъ Константина В., соприкасавшихся съ судьбою нашей страны.

IX. Близкія отношенія къ Руссамъ Константина Великаго засвидѣтельствованы тѣмъ, что онъ какого то Русскаго князя поставилъ своимъ стольникомъ. Такое отличіе онъ оказалъ Русскому князю, безъ сомнѣнія, за тѣ заслуги, которыми отли-

чался этотъ князь при умиротвореніи Готовъ и Сарматовъ Константиномъ В. Уже съ давняго времени Римляне принуждены были платить дань варварамъ, но своими побѣдами Константинъ В. не только освободилъ Римскую имперію отъ такой постыдной дани, но и заставилъ самихъ варваровъ платить дань Риму. Въ войнѣ Сарматовъ со Скиѳами рабы первыхъ возстали противъ своихъ господъ за притѣсненіе, каковое возмущеніе вынудило Сарматовъ просить у Константина В. защиты противъ своихъ рабовъ, которые и были усмирены имъ. Эти рабы назывались вообще Летами, которыхъ Константинъ В. по усмиреніи часть назначилъ къ войску, а иныхъ переселилъ въ Русскія земли. Очевидно, что наши Латыгоры и Латыголы соприкасаются съ этимъ обстоятельствомъ, удерживая до сего времени просто имя Летовъ *). Второй основной слогъ ихъ имени „гола" а также и гора, вѣроятно, происходитъ отъ словъ: halosis плѣнъ и hara дворъ для животныхъ.

X. Нѣкоторые Нѣмецкіе ученые и нашъ исторіографъ Карамзинъ стараются угадать филологическій смыслъ этого названія изъ Латышской этимологіи и приходятъ къ страннымъ заключеніямъ о происхожденіи этого названія и Семигаліи отъ Латышскихъ будто бы словъ: „гола", означающаго расчищенное мѣсто, и „семе" или „земе", означающаго землю, или галл и калл, означающихъ край; и что эти названія Летгалы и Семгалы приняли въ отношеніи своего положенія къ р. Ледвѣ, впадающей въ Балтійское море, очень незначительной рѣченкѣ, о которой и никто не имѣетъ понятія, кромѣ мѣстныхъ топографовъ. Но, руководясь такой этимологіею, какъ объяснить названія поселеній: Дукштыголы, Ейраголы, Бетиголы, Биржаголы, и др. названія? Какъ будто также и правда, что Латыши занимаютъ расчищенныя мѣста? На самомъ дѣлѣ они преимущественно и заселяютъ лѣсныя части страны, напр. Маріенгаузенскій округъ и болота надъ Любанью. Слѣдовательно, это мнѣніе не выдерживаетъ критики. Наконецъ, какъ

---

*) Происхожденіе слова: „Летъ" Французскіе ученые объясняютъ въ значеніи военноплѣнный, но мы предполагаемъ происхожденіе его отъ древняго языческаго у Латышей божества, называвшагося Leeton. По свидѣтельству Ейхгорна, у Латышей богиня ада, мрака называется Letony. Вѣроятно и происхожденіе названія Кривичей отъ божества Криве.

объяснить значеніе втораго слога: „гора“? По имени этому мы имѣемъ въ нашей хорографіи много производныхъ названій, напр. Пышногора, Добригора, Седагора, Горовачка, Горикольна? Неужели эти названія произошли отъ положенія этихъ поселеній на горахъ, какъ объясняетъ происхожденіе слово „Пышногора“ Витебскій археологъ г. Сементовскій? Всѣ эти названія, какъ остатки Римской связи нашихъ предковъ, господствовавшихъ посредствомъ Римлянъ надъ Латышами и Литвою, только и находятся въ предѣлахъ края, заселеннаго этими народами. Слишкомъ ошибаются такіе ученые, которые, на основаніи филологической аналогіи, выводятъ заключеніе о значеніи названій народовъ или другихъ какихъ нибудь хорографическихъ названій, потому что многія изъ подобныхъ названій составляютъ глубокую тайну отдаленныхъ временъ и давней прошлой судьбы. -

XI. Какъ бы то ни было, вступленіе Латышей въ нашъ край послѣдовало изъ Панонiи подъ воеводствомъ Русскихъ, гдѣ въ хорографіи ея мы находимъ несомнѣнные ихъ слѣды, какъ напр.: названіе поселенія у оз. Балатона словомъ Летени, названіе одной изъ горъ Галомъ, названіе р. Грама въ древности словомъ Гара, которая рѣка имѣетъ своимъ притокомъ р. Литву. Латыши составляютъ самое преобладающее населеніе въ нашей странѣ, т. е. $^3/_4$ всего населенія; въ особенности они плотно заселили Люцинскій уѣздъ. Теперь они почти всѣ католики, но хроникеры XVI и XVII в. вообще жалуются на непреодолимую ихъ преданность Руссификаціи, и только іезуиты могли ихъ совратить, при помощи инквизиціи, въ Латинскую вѣру. Они и въ настоящее время, отличаются отъ За-Евикштинскихъ Латышей и по своему быту, и по языку. Они имѣютъ болѣе свободный взглядъ на міръ, чѣмъ Евикштинскіе Латыши; нашъ Латышъ болѣе изворотливъ и имѣетъ лучшія средства къ жизни. Его языкъ состоитъ почти изъ $^2/_3$ русскихъ словъ. Хотя іезуиты и Нѣмцы старались изданіемъ для него молитвенниковъ и азбукъ отвлечь его отъ руссификаціи и связать съ Литовской націею, но это пропагандѣ не удалось.

Опытъ этотъ доказываетъ непрочность и неумѣстность Нѣмецкой миссіи и Полонизаціи, а съ другой стороны на историческое право Русской культуры. Почти всѣ Латыши предпочитаютъ называться Русскими фамиліями, чѣмъ Польскими и Нѣ-

мецкими. Въ XVI в. наши Латыши безспорно стояли по своему развитію выше Лифляндскихъ Латышей, такъ что и самъ Ейхгорнъ называетъ Динабургскихъ Латышей редингами, т. е. лучшими и отборными Латышами. Однакожъ Мантейфель ошибается, завѣряя, что Люцинскій уѣздъ принадлежитъ исключительно одному Латышскому племени, среди котораго присутствіе Эстовъ и Руссовъ почти незамѣтно (Polnisches Livland. 27 стр.): а куда же г. Мантейфель подѣлъ Старослободцевъ, Яновольцевъ, Бродайжцевъ, Вертуловцевъ, Михайлевцовъ, — очевидно настоящихъ Руссовъ? Въ этомъ показаніи Мантейфеля высказывается желаніе унизить значеніе въ странѣ Русскаго элемента; но численность ничего не означаетъ. Хотя Латышей большая масса населенія по Люцину, но ни у одного изъ поселеній ихъ мы не встрѣчали Латышскаго названія — почти всѣ Русскія названія. Главные торговцы въ нашей странѣ опять же Русскіе.

XII. Объяснивъ происхожденіе названія Летовъ, мы въ сравненіи нашей хорографіи съ Панонскою можемъ уяснить смыслъ и происхожденіе первой. Вслѣдствіе занятія земледѣліемъ, остались у насъ названія у поселеній: Трачунъ (землепашецъ, плугъ), Тартакъ (пильщикъ), Лейцы (т. е. вожаки), Рольничинъ (земледѣлецъ), Котельникъ, Киврени (каретники), Ваитокъ (ткачъ), Штель (мельница), Перцвита (пряжа), Полшип (мукомолы), Мораны (мародеры), Калькуны (куны - отейныя желѣза и cal счетъ), Шкагалъ (собраніе войска), Чапша (стрѣла), Пресѣменники, т. е. первые засѣвщики, Коноплянники, и др. Вглядываясь въ этотъ строй хорографіи, оказывается, что онъ не былъ случайнымъ, простымъ продуктомъ, а напротивъ составленнымъ для извѣстной цѣли; а еще болѣе не былъ Латышской формаціи и происходитъ изъ Панонiи, изъ которой мы предполагаемъ происхожденіе Русскихъ городовыхъ названій, въ которой до переселенія піонеровъ культуры нашего края, эти названія получили уже свою гражданственность, какъ напр. названія поселеній Торчалъ и Торческъ, производныя отъ названія в. Тарча т. е. щитъ, Смоленецъ, Плесковце, Мосховце, находимыя у Липтаускихъ Карпатовъ, безъ сомнѣнія, дали названія и нашимъ мѣстностямъ: Тарчилу, Пскову, называвшемуся въ древности Плесковомъ, Москвѣ, какъ и названіе нашихъ поселеній Рыковыхъ, Рикалей произошли отъ названій поселеній, встрѣчающихся въ

*

Заторѣ и Аушвицѣ: Рыквальда, Рыцверки, отъ каковыхъ произошло и названіе слова „рыцарь“. Такой сходственной хорографіи мы еще нигдѣ не встрѣчаемъ, что указываетъ на значеніе ея въ Исторіи, какъ Панонскаго аріергардта, получающаго со времени Константина В. историческую извѣстность по слѣдующему случаю. Направляя свое вниманіе на Византію, Константинъ Великій нашу страну избралъ перепутною станціею между Британіею, въ которой онъ въ первое время былъ цезаремъ (287—295 г.), и Византіею. Отъ его времени и наша страна получаетъ, какъ указываетъ Мевій, названія Византіей, Геллеспонтомъ, въ которой мы находимъ на столько загадочныя названія, какъ Царьградъ, Константиновъ дворъ, оз. Сиверъ и его любимую Авлю, Евсебиново, Епимахово и др. Это отъ времени Константина В. писатели начали заниматься описаніемъ острова Абалюса, названнаго въ то время, Василіею т. е. Царственнымъ островомъ, съ котораго острова осталась для потомства карта Певтингера, относящаяся ко времени Өеодосія Великаго. Если Византійская миссія не одержала побѣды въ Панонін, за то въ нашей странѣ надъ Двиною она воцарилась,—и это наша страна воспитала Равноапостольную великую княгиню Ольгу, предпочтившую Византійское Христіанское Ученіе Латыни. Это нашей странѣ суждено было принять на себя ту борьбу съ Латинской пропагандой въ XIII в., которая завязалась въ Моравіи при Св. Кириллѣ и Меѳодіи. Что слово „Абалюсъ“ было пріурочено къ нашей странѣ, то мы и до сего времени находимъ въ названіяхъ для поселеній въ нашей странѣ: Балеасъ, Боловскъ, Балиновы корень этого слова. *) Что касается названія нашей страны островомъ, то, еще въ XVI ст., ее считали островомъ, какъ это видно по картѣ Кромера, приложенной къ его исторіи Польши, на каковой картѣ нанесенъ рядъ озеръ по прямой линіи отъ Пейпуса до самой Западной Двины, а на западѣ страны нане-

*) Съ этимъ словомъ стоитъ въ связи и названіе древними предковъ нашихъ Нагарвалами. Кромѣ этого названія нашей страны у насъ господствуютъ названія у нашихъ поселеній: Балтинъ, Балтиново и др., отъ которыхъ названій происходитъ названіе Балтійскаго моря. Ученые переводятъ названіе этого моря въ значеніи „Бѣлое море“. Мы думаемъ, что наши предки, являясь въ Римъ для службы, возлагали поясъ balteus. Эти пояса служили признакомъ обязательной службы, на которую поступала Варяжская Русь, отличавшаяся отъ прочей Руси этимъ отличіемъ.

село Лубаньское озеро, названное Лубаньскимъ моремъ (Lubanicum mare). Ст. Баторій Ливонію называлъ не иначе, какъ заморскою страною.

XIII. При своихъ административныхъ заботахъ о нашей странѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Константинъ В. не оставилъ ее внѣ своихъ религіозныхъ предначертаній, и свѣтъ Христіанской вѣры проникъ въ нашу страну по его початкамъ, о чемъ мы заключаемъ, находя у насъ названіе поселенію Сильвестрово, напоминающее о папѣ Сильвестрѣ. Изъ предположенія о ближайшей связи нашей страны съ Паноніею, которая была родиною такого великаго исповѣдника, какъ блаженный Іеронимъ, и гдѣ свѣтъ Христова ученія возсіялъ еще на зарѣ Христіанства въ цѣломъ мірѣ, по свидѣтельству Іеронима блаженнаго, мы основываемъ предположеніе о направленіи Византійской миссіи въ нашу страну. Эта миссія получила прочную организацію, потому что на Антіохійскомъ Вселен. соборѣ является у Руссовъ отдѣльный Епископъ Антипатръ, современникъ Іовіана Римск. импер. Что свѣтъ Христіанства не погасъ въ земляхъ Южныхъ Руссовъ съ того времени и до славной эпохи полнаго разлитія его по всей Русской странѣ при Владимірѣ Св., доказательствомъ тому служитъ существованіе Христіанства въ Кіевѣ предъ крещеніемъ Владиміра Св. Однакожъ наши Варяги, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись о Варяжскомъ князѣ, прибывшемъ съ 3000 т. дружиною въ Кіевъ при великомъ князѣ Изяславѣ, были язычники, которые, по вступленіи въ дружины нашихъ В. Князей, обязаны были принимать Христіанство, что мы видимъ изъ поступка этого князя, принявшаго во Св. крещеніи имя Сумеона.

Если же торжество Христіанства не произошло у насъ въ то время, то тому было причиной ослабленіе Византійской имперіи, при каковомъ ослабленіи политическая сила языческаго міра, занявшаго страны, лежащія между нашею страною и Греціею, взяла верхъ въ этой борьбѣ. И, конечно, нигдѣ въ Русской землѣ не могло быть своемѣстнымъ водвореніе Греческой миссіи, какъ въ нашей странѣ, гдѣ Руссы, какъ мы видѣли, устроили свой военный барьеръ и культурный разсадникъ, между которыми оказывается прикрытымъ высшій одеонъ языческаго міра. Около озера Расни, центральнаго въ нашей мѣстности, получившаго свое названіе отъ „мениннаціональнаго божества Руссовъ Росса (по Нарбуту), мы встрѣ-

чаемъ названіе озера Паркупова (Паргнъ, Паркунсъ богъ грома и молніи), горы Леля (божества печали), Доля (божества порядка и торговли), Пукалова (божества воздуха), Пущета (божества священныхъ рощей), Гардоэта (основателя городовъ, по имени котораго у насъ находится городъ Карпололь). Въ повѣріяхъ народа мы встрѣчаемъ и до сего времени воспоминаніе о Зничѣ, а также и о барстукахъ, упоминаемыхъ Мелеціемъ въ его идолатріи нашихъ предковъ. Въ связи съ Римскимъ миѳомъ мы находимъ въ настоящее время цѣлую массу хорографическихъ названій Греческаго языческаго культа, какъ то: Идзеполь (городъ Эгиды), Корубка, (мѣсто Реи или Цибелы, жрецы которой назывались корами или корибонтами), Канниполь (отъ канефоровъ, т. е. чашеносцевъ при жертвоприношеніяхъ), Ержеполь, т. е. городъ Георгія, Юліанополь, Юстиніанополь, Кренница, Сарія, Марзипка и Царьградъ. Всѣ эти названія не могли произойти у насъ случайно, ни во время рыцарей, тѣмъ болѣе при Полякахъ, у которыхъ языкъ хорографіи совершенно иной. Обращаясь отъ этой хорографіи, имѣющей смѣсь миѳическаго міра съ Христіанскимъ Византійскимъ, мы находимъ слѣды знакомства съ нашею хорографіею и въ Византійской литературѣ. Греки, хотя и прекратили свою связь съ нашею страною, но они не забыли о ней и въ X вѣкѣ, что видно изъ описанія Константиномъ Багрянороднымъ древняго торговаго пути, начинающагося у Лензаниnъ, т. е. жителей Лонзы или Луды, *) бывшей главнымъ горо-

*) Въ древности Люцинскаго замка, перестроеннаго только, но не основаннаго Ливонскими рыцарями, убѣждаетъ одинъ взглядъ на его фундаментъ, сложенный изъ массивныхъ громадныхъ камней, подобно древнимъ Эстонскимъ крѣпостямъ Барболѣ, Палѣ и др. Такой кладки мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ замковъ, построенныхъ рыцарями, напр. ни у Маріенгаузенскаго, ни у Рѣжицкаго замковъ; рыцари сдѣлали только прибавки, каковыя были изъ кирпича, и эти прибавки очевидны для всякаго наблюдателя съ перваго же взгляда. Древность и значеніе Луды или Лудзы доказывается также массою могильниковъ, ее окружающею, каковой массы мы не встрѣчаемъ у мѣстностей, не имѣющихъ древности. Напр. ни у Динабургскаго, ни у Рѣжицкаго замковъ нѣтъ такой массы могильниковъ, нѣтъ также и слѣдовъ искусственныхъ укрѣпленій, какія оказываются у Люцина. Хотя происхожденіе Люцинскаго замка по исторіи оказывается позднѣйшимъ и Рѣжицкаго и Маріенгаузенскаго, однакожъ въ преданіи Люцинскому замку назначается передовая роль, и строительница указывается старшею сестрою. Что эти наши древніе князья пользовались каменными постройками, тому служитъ доказательствомъ найденный покойнымъ А. Я. Семендяевымъ, Град. Головою, каменный фундаментъ въ зем-

домъ Варяжской земли, или основной Русской, на что указываютъ Арабскіе писатели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ. Это Лензанине, Вервіяне, Лобь, Друговиты, какъ оказывается по смыслу разсказа Константина Багрянороднаго, были и для Грековъ и для Арабовъ болѣе извѣстны, нежели Певкины, Скиѳы, или вообще другіе народы.

XIV. Обратимся теперь къ описанію связи и сношеній нашихъ предковъ съ Римомъ. Мужество и патріотизмъ ихъ служили причиною того, что Римскіе герои умѣли пріобрѣсти себѣ прозванія: Африканскихъ, Британскихъ, Германскихъ, Понтійскихъ, Азіатскихъ, но титулъ Сарматскихъ достался имъ послѣ всѣхъ и оказался роковымъ для Римской имперіи. На сколько борьба съ Сарматами имѣла значеніе для Рима, то объяснилъ нѣсколько своему потомству Юліанъ Апостатъ, говорившій рѣчь на могилѣ Гордіана императора, стремившагося къ Сарматскимъ трофеямъ безуспѣшно и павшаго безвременно отъ коварнаго убійцы, подосланнаго его конкуррентами. Въ этой рѣчи царственный ораторъ, чтобы показать значеніе заслугъ Гордіана въ борьбѣ съ Сарматами, коснулся подвиговъ предшественниковъ Гордіана, стремившихся безуспѣшно въ Сарматію, начиная еще Лукулломъ и кончая Гордіаномъ и Констансомъ Сарматскимъ. Рѣчь Юліана не понравилась современникамъ изъ-за неумѣстнаго стремленія его показать свою ученость и краснорѣчіе, по замѣчанію Марцелина; но для исторіи Славянскихъ народовъ она дорога, какъ свидѣтельство о мужествѣ и доблестяхъ ихъ предковъ. Рѣчь Юліана была лебединою пѣснью для Римской славы, послѣ которой раздались неотразимые удары надъ Римомъ непримиримыхъ мстителей ему за потерю своей свободы. Римъ находился въ летаргіи, когда Византія является впереди разлитія высшаго свѣта Христіанства въ Европѣ, между тѣмъ какъ Варяжскія дружины Славянъ, ея союзниковъ, заправляютъ варварами въ борьбѣ съ Римомъ. Насталъ поворотъ Римской судьбы по случаю борьбы Готовъ со Скиѳами. Побѣдивъ въ 370 году Скиѳовъ, Готы нашли себѣ сторонниковъ въ Сарматахъ, покоренныхъ

лѣ на глубинѣ около сажени, уходившій далеко въ длину и глубь, и замѣчательной толщины. Этотъ фундаментъ напоминаетъ Вавилонскія и Іерусалимскія раскопки; подобные фундаменты попадаются и въ древнихъ Европейскихъ городахъ, напр. въ Смоленскѣ, Турѣ, Римѣ и др.

Констансомъ. Успѣхъ Готовъ былъ на столько неожиданный, что царство ихъ короля Ерманриха заключало большую часть нынѣшней Европейской Россіи; но противъ Готовъ Руссы успѣли вызвать Гунновъ.

XV. Какъ неожиданно явилось царство Готовъ, такъ оно быстро пало подъ ударами Гунновъ въ 385 г. Въ слѣдующемъ г. побѣдители водворились, съ дозволенія Римскаго Императора Валента, въ Паноніи. Быть можетъ, роковой ударъ еще въ IV в. разразился бы надъ Римомъ, если бы хитрая политика Римскаго Сената не отвлекла этотъ ударъ на нѣкоторое время, пока, наконецъ, Каталаунская битва не рѣшила участи Рима въ 452 г., сокрушивъ его силы. Каталаунская битва для нашей страны важна въ томъ отношеніи, что на лѣвомъ крылѣ въ войскахъ Атилы стояли наши Сатагоры или Латыгоры и Скурры или Корсы подъ начальствомъ вождя ихъ Кандакса, по происхожденію Корса. Руссы были вначалѣ союзниками Гунновъ (Саксонъ Грам.), но потомъ перешли на сторону Датчанъ, съ которыми въ союзѣ сокрушили Гунновъ. Изслѣдованіе дѣяній Руссовъ за это время указываетъ на ту ихъ хитрость, съ которою они успѣли разъединить Готовъ, стать во главѣ Сарматскихъ племенъ, освободиться отъ Рима и ускользнуть отъ борьбы съ Гуннами и Аварами.

XVI. Хотя Нѣмецкіе писатели причисляютъ Скурровъ и Латыру къ Готскому племени, но всѣ писатели V и VII вѣковъ свидѣтельствуютъ что эти два народа, имѣя въ союзѣ Сарматовъ, боролись съ Готами, во время каковой борьбы прославились полководцы этихъ народовъ: Эдика и Вульфъ, а изъ Сарматскихъ: Бевга и Бабайя. Конечно, эта борьба главнымъ образомъ заключалась въ конкуренціи Готскаго съ Сарматскимъ племенемъ; послѣднее одержало побѣду надъ своимъ врагомъ уже тѣмъ, что съумѣло привлечь въ свой союзъ родственныя племена своего врага *). Но ни одинъ изъ народовъ не пользовался такою симпатіею и вліяніемъ между своими сосѣдями, какъ Русскій народъ, и его почину, безъ сомнѣнія, принадлежитъ открытіе борьбы и этихъ племенъ, и Сарматовъ съ Готами,

---

*) Такимъ образомъ нѣкогда могучіе Скиѳы въ борьбѣ съ Готами и Гуннами сокрушили свою силу и, по необходимости, должны были подчиниться и усвоить Славянскую культуру, по принятіи которой отъ Сарматовъ или Славянъ, легко приняли и Русскую культуру.

такъ и съ самимъ Римомъ всѣхъ этихъ народовъ, которые жили въ это время въ Панонін и у Балтійскаго моря. Справедливо нѣкоторые писатели считаютъ Одоакра, признаваемаго Нѣмцами Геруломъ, за Славянина, у котораго измѣнено это имя изъ Славянскаго „Оттокаръ", и утверждаютъ, что первыми поработителями Рима были не Герулы, а Россы, въ войскахъ которыхъ находились и Герулы. По завоеваніи Рима, Россы оставили Римъ подъ стражею Геруловъ, возвратясь въ свои собственныя земли. Покореніе Рима нашими предками произошло не вслѣдствіе ихъ алчности къ завоеванію или грабительству и не въ видахъ варварской страсти къ разрушенію, а было дѣломъ мести за оскорбленіе національныхъ принциповъ. Припоминая выраженіе Богдана Хмельницкаго: „бо ветхій Римъ", мы видимъ, что наши предки гордились своею культурою и національностью, равнялись съ Римомъ. Народы, стоявшіе на низшей степени цивилизаціи, стремились въ Италію, — страну богатства и роскоши, и водворившись въ ней, какъ вѣрно замѣчаетъ Тацитъ, повѣствуя о Свевахъ при князѣ ихъ Маробудѣ, получившемъ земли отъ Тиверія въ Италіи, привыкали къ роскоши и изнѣженности и затѣмъ падали *). Такова была судьба потомъ и Готовъ, успѣвшихъ посредствомъ коварства погубить Одоакра, и отнять у Руссовъ Римъ, такова была судьба и Лонгобардовъ; Руссы однакожъ не поддались этому общему стремленію своихъ сосѣдей. Руссы имѣли прочную собственную культуру и занимали передовую роль между Славянскими народами, стремясь къ пріобрѣтенію—въ это время уже прочной основной территоріи для себя. Во весь этотъ періодъ движенія и волненія народовъ, происшедшаго по случаю паденія великаго Рима, только одни Русскіе, на востокѣ

*) Нѣкоторые ученые производятъ названіе Свейскаго или Освейскаго озера отъ слова Свеевъ. Быть можетъ, названіе озеръ Свибла и Сцибли осталось отъ Свеевъ; быть можетъ, названіе рѣки Мурумбиджи также напоминаетъ о Тацитовомъ Маробудѣ, князѣ Свеевъ. Въ Свиблѣ подъ водою находится древняя каменная плотина, построеніе которой приписывается замысламъ Нѣмца, на овладѣніе дочерью Свева—бывшаго владѣльцемъ этого озера и обѣщавшагося отдать свою дочь Нѣмцу въ замужество, если послѣдній успѣетъ построить плотину чрезъ озеро въ одну ночь. Нѣмецъ успѣлъ уже половину озера занять плотиной, но пѣтухи запѣли—и Нѣмецъ пропалъ съ своей работой. Постройка плотины принадлежитъ однакожъ не Нѣмецкому искусству и указываетъ на древнюю работу. Впрочемъ вообще земляныхъ плотинъ по озерамъ и болотамъ Люцинскаго уѣзда уцѣлѣло до сего времени очень много, напр. у Синяго озера и въ Озупинской волости.

Европы, спаслись отъ общаго крушенія, занимаясь надъ развитіемъ собственной культуры въ своихъ земляхъ. Въ 548 году, Славяне овладѣли Иллирикомъ, имѣя собственнаго Государя, котораго сосѣди титуловали Царемъ.

XVII. По паденіи Рима, вниманіе Европейскихъ народовъ было обращено на Панонію, раздѣлившую богатство Рима, которымъ славились многіе Панонскіе города: Сирмія, Сигдонъ, Нитры и др. Чтобы обезопасить себя отъ враждебныхъ сосѣдей, Славы приняли къ себѣ, по ослабленіи Гунновъ, въ союзъ Аваровъ, уступивъ имъ Сабарію и Карвантъ. Съ того времени, Славы и Авары сдѣлались страшными для Европы. Въ это же время стало возвышаться государство Франковъ, принявшее христіанство отъ Римлянъ съ ихъ языкомъ и традиціями, тогда какъ Пановцы стремились къ составленію своего независимаго національнаго Богослуженія на своемъ языкѣ. При грустныхъ воспоминаніяхъ о своей борьбѣ съ Римлянами или Латинами, Панонцы не могли имѣть дружбы съ этими народами. Славяне между тѣмъ стали покидать Панонію, о чемъ засвидѣтельствовали писатели VI вѣка, и что произошло въ царствованіе Юстиніана Императора; къ этому времени должно отнести колонизацію въ наши земли и въ Данію, а потомъ къ Окскому району Вятичей и Радимичей. Въ составѣ нашей хорографіи много есть названій у поселеній, заимствованныхъ отъ Дунайскихъ Славянъ, напр. Нитрамуйжа, Цирма, Весели, Биржа, Пылда, Нагля, Неняны, Гурныя Башки, которыя поселенія служили такимъ образомъ сборнымъ пунктомъ для всей Славетчины (пос. Лепельскаго у.), предводимой Русью, выступившею отсюда на защиту Венедовъ отъ Франковъ и Кривичей отъ Финновъ и Скиѳовъ. Славы потеряли въ Руссахъ свою главную силу, чѣмъ и воспользовались Франки. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, наконецъ, Франкамъ удалось отмстить Панонцамъ за несчастія Рима. Въ 788 году, Карлъ В., воюя съ Баваріею, неожиданно вторгся въ Панонію, опустошилъ и разграбилъ роскошные палацы и дворцы по всей Панонии. Четыре года продолжалась борьба, окончившаяся полною побѣдою Карла В. Ни одинъ въ мірѣ варварскій народъ не производилъ такого грабежа и опустошенія, какое произвелъ Карлъ В. въ Панонии. Послѣ его похода уже на всегда погибла культура въ Пановіи. Король ея Фудинъ обязался принять христіанское ученіе отъ Франковъ—

но лучшіе изъ патріотовъ своей страны оставили ее и удалились къ Руссамъ, пополнивъ ихъ дружины, занявшіе въ это время Данію. Здѣсь переселенцы выжидали предлога мести, и когда Король Франковъ обратился къ Аріальду, королю Даніи, съ предложеніемъ своей вѣры, тогда закипѣла роковая борьба подъ именемъ Норманскихъ погромовъ. Эти погромы были направлены Норманами только противъ народовъ Романскаго племени, и католическое духовенство было въ ужасѣ, оставивъ памятникомъ этого страшнаго для зап. Европы времени молитву, начинавшуюся обращеніемъ къ Богу объ избавленіи ея отъ Норманновъ: „Domine, libera nos a furore Normanorum“. Теперь обратимся къ изложенію исторіи Руссовъ въ Даніи?

XVIII. Еще до Р. Христова, Приморскіе Славяне у Балтійскаго моря, особенно Венды, славились своею торговлею и ихъ города: Старградъ, Юлинъ, Выжба на островѣ Висби и Ретра были далеко извѣстны; затѣмъ мы находимъ въ Даніи нѣсколько названій Славянскаго происхожденія у Датскихъ городовъ, а именно: Брогардъ, Сегардъ, Кунсгардъ, Ибструпъ, Гареструпъ, и, наконецъ, въ Норвегіи Богусъ. При этихъ городахъ жили и Русскіе народы, и мы находимъ слѣдующія ихъ поселенія: „Россекильдъ, Рассвегильдъ, Расбоотенъ и др., въ составѣ каковыхъ названій входитъ слогъ Россъ, ясно обозначающій ихъ національную принадлежность. Какъ давно зашли наши Руссы въ Данію, нѣтъ положительныхъ данныхъ; но еще при Фротонѣ І-мъ, Датскомъ королѣ, жившемъ въ І в. по Р. Хр., была борьба у Русскихъ съ Датчанами, какъ говорятъ Датскія хроники, и что Фротонъ побѣдилъ нашего государя Франа, по имени котораго подъ Люциномъ находится поселеніе Франополь съ нѣсколькими въ окрестностяхъ этого поселенія курганами, изъ которыхъ въ одномъ изъ нихъ, въ 30 годахъ этого столѣтія, былъ найденъ скелетъ въ дротяной сорочкѣ, и при скелетѣ—бердышъ. Изъ этого пораженія Русскихъ Датчанами нужно заключать, что Руссы въ началѣ своего историческаго поприща не были довольно сильны; но когда вступили въ союзъ съ Будинами, за короля которыхъ Бову вышла замужъ прекрасная ихъ княжна Рында (по ея имени одно изъ поселеній Невельскаго уѣзда называется Рындино), то Руссы упрочили свое положеніе въ Даніи, одержавъ побѣду надъ Корсами и Данами. Памятниками союза Руссовъ съ Вендами мы находимъ при устьѣ Одера на картѣ Дженкин-

сона, географа XVI в. поселеніе Smolen Wenden, т. е. Смоль-Венды, и въ Норвегіи область Смоляндъ,—названія, указывающія на значеніе Смольянъ въ этомъ союзѣ. Послѣ этого обстоятельства Датчане стали уже думать не о борьбѣ съ Руссами, а о союзѣ, каковаго въ особенности домогались во время нашествія Атилы на Датскія владѣнія и успѣли отвлечь Руссовъ отъ союза съ Атилой, что и послужило помощью для побѣды Датчанъ надъ Атилой. Послѣ этой побѣды Датчанъ Руссы однакожъ по Датскимъ хроникамъ являются подъ предводительствомъ богатыря Роги съ мстительною рукою у береговъ Датскихъ владѣній. Датскія хроники называютъ Рогу пиратомъ, наводившимъ ужасъ на Датчанъ однимъ своимъ именемъ, обратившимся въ нарицательное имя для внушенія одного ужаса. Впрочемъ Датскія хроники вспоминаютъ въ связи съ его именемъ и другихъ богатырей, какъ напр. Вышина, Вильки или Васьки. Памятниками въ хорографіи дѣйствительнаго существованія ихъ мы находимъ названія у поселеній нашей мѣстности: Рогово, Вышгородокъ (Волькенбергъ) и Васьковщину. Вся эта борьба была поднята нашими предками для освобожденія своей земли отъ Датчанъ, которые успѣли своекорыстно воспользоваться своимъ союзомъ съ Руссами, отстранившимися отъ Гунновъ. Памятникомъ водворенія Датчанъ въ нашей странѣ мы имѣемъ названія ихъ у нѣсколькихъ поселеній, а именно: поселеніе Дагду въ Динаб. уѣз., островъ Даго, рѣки Ау или Муху, названія поселеній, производныя отъ слова „дали", напр. Вердали, Блендали, Сталидзаны,—названія, не имѣющія въ культурномъ отношеніи никакого значенія и напоминающія только о временномъ пребываніи этого народа въ нашей странѣ подобно и названіямъ рыцарскаго періода, напоминающимъ только о борьбѣ страны съ пропагандою. Муромская легенда о преподобной Евфросиніи сохраняетъ также воспоминаніе о Датскомъ принцѣ Рагнарѣ Лодброкѣ. Наконецъ, въ половинѣ IX вѣка, сами Датчане вынуждены были покориться Россамъ, чтобы избавиться отъ своего врага Франковъ. До IX вѣка и Славяне, и Даны совмѣстно воевали противъ Франковъ и Германцевъ, но возвышеніе Франкской монархіи при Карлѣ Великомъ, поразившемъ южныхъ Славянъ, было причиною, что и Датскій король Аріальдъ призналъ себя въ зависимости отъ Франковъ, принявъ отъ нихъ Христіанство. Датчане не хотѣли вступать въ связь съ Франками, и Аріальдъ,

получивъ отъ Карла Великаго себѣ въ удѣлъ Фризію, оставилъ свой престолъ, на которомъ въ 840 году является **Орихъ**,—лице, безъ сомнѣнія Русской національности. Какъ ни кратко было правленіе Ориха на Датскомъ престолѣ, но его время было началомъ славнаго періода Датчанъ. У Ориха былъ одинъ изъ подручниковъ, называвшійся Рогенаріемъ, который принялъ на себя начальство въ 845 году, при открывшейся войнѣ Датчанъ съ Франками. Имя „Рогенарій" не относится также къ Шведскому языку. Вторженіе Рогенарія во Францію навело такой ужасъ на Франковъ, что сами мертвецы возстали изъ гробовъ на защиту своихъ гражданъ, и свое спасеніе Франки приписываютъ защитѣ святого своего патрона Германа, явившагося для отраженія Норманов, при осадѣ ими города Туропа. Вслѣдствіе этого пораженія, Французы потеряли цѣлую провинцію Нормандію, уступленную королемъ ихъ Карломъ Лысымъ Норманамъ въ 850 г. Вѣроятно, этотъ Орихъ и былъ призванъ Новгородцами и Кривичами на княженіе въ 862 г., прибывшій съ Рогенаріемъ на свою родину. По прибытіи своемъ, Орихъ принялъ имя Рурика, а Рогенарій, садясь на Полоцкій престолъ, принялъ имя Рогвольда. Изучая судьбу нашихъ предковъ на сѣверномъ районѣ, мы видимъ, что Датчане въ своихъ хроникахъ называютъ ихъ Россами,—Варягами; Эсты называютъ ихъ Венеланами, а Латинскіе писатели Россоланами и Рутенами, Латыши называютъ Кривами и Видами; самъ Русскій народъ называетъ нашу землю, то Чудоронилой, то землею Варяжской Руси, то Латыгоркой или Латымíркой, то Сарочинской землей или Саревшиной. Рыцари называли ее Восточною Ливоніею, Семигаліею и Лотыгаліею; папы—Русскою землею и Греціею. Нѣкоторые холмы въ Ливоніи называются Грекальпами. Въ позднее время при Свитригайлѣ и Іоаннѣ Грозномъ она называлась Люцинской землею; Іоаннъ Грозный называетъ ее Русскою землею съ исконныхъ лѣтъ. Поляки называли ее Инфлянтами. Названіе Эстами нашихъ предковъ Венеланами неслучайное, а взято ими изъ самого существа дѣла, т. е, изъ ближайшаго сродства нашихъ предковъ съ землею Вендовъ, что оказывается изъ названій многихъ пунктовъ въ нашей странѣ, занятыхъ изъ земли Вендовъ, а именно: Дриссы, Зуссоли, Озолицы, Познавы, Полчина, Уллы, Ессы, Линии, Рудни, Нарп, а нѣкоторыхъ пунктовъ прямо по имени Вендовъ, напр. р. и города Виндавы въ Курляндіи, города Вендена въ Ливо-

ніи и т. д. Посѣщеніе Венедцами Кіева упоминается въ словѣ о полку Игоревѣ. Всѣ эти названія указываютъ на раздѣленіе Руси: на осѣдлую домовую, водворившуюся на Алаунскомъ плоскогорьѣ, занимающей районъ отъ Старой Руссы и Торжка до Мурома; на Кривскую Русь, занимающую землю Будиновъ и Бѣлоруссію; на Литовскую Русь, занимающую землю Гудовъ или Гутоновъ; на Варяжскую Русь, занявшую нашу страну и Ливонію; на заморскихъ Варяговъ или Венедицей, тожъ Венелапъ: на Узгорскую или Пановьскую Русь, жившую при Карпатахъ, и, наконецъ, на Малороссію. Каждая изъ этихъ областей имѣетъ своего мѣстнаго миѳическаго героя: Великорусь—Илью Муромца и Святогора; Кривская Русь—Соловья Гудиміровича; Литовская Русь—Дуная Ивановича; въ Варяжской Руси—являются Сокольникъ,—сынъ Латымірки, Чурило, Блудъ, Дюкъ Степановичъ и др., на служебной ступени для Русскаго народа. Такимъ образомъ ошибаются тѣ писатели, которые считаютъ Русскій міръ продуктомъ Норманскаго міра, доставившаго контингентъ и силу для Руссовъ, что на дѣлѣ было совершенно на оборотъ, такъ что Норманскій міръ есть произведеніе и созданіе Русскаго или правильнѣе сказать Россоланскаго міра, процвѣтавшій и давшій силу сѣвернымъ государствамъ, пока пополнялъ свой контингентъ изъ нашихъ Латышей и Литвы, пока Руссы не вызваны были на княженіе въ Новгородъ.

Всѣ эти отрывочныя данныя о Русской націи мы собрали, чтобы объяснить фактъ безпримѣрнаго въ исторіи внезапнаго появленія на политической аренѣ въ опредѣленныхъ, неприкосновенныхъ границахъ Русскаго государства съ установившимися законами, языкомъ, вѣрованіями, обычаями, уставами и прочими учрежденіями, въ которыхъ выражается культура извѣстной территоріи, принадлежащей извѣстной національности. Напрасно Руссофобы причисляютъ Русскую націю къ юнымъ народамъ; напротивъ, мы видимъ ее уже въ ранній періодъ времени на пути Руссификаціи Литовскихъ и Латышскихъ племенъ и предводительницею Сарматскихъ племенъ, хотя опредѣленной ея территоріи мы указать не можемъ. Однакожъ международное ея значеніе неоспоримо, если она имѣла средства и силы поразить вѣчный Римъ и преемниковъ Карла Великаго. Это еще не значитъ, что она не имѣетъ своей исторіи до вокняженія ея князей въ Новгородѣ, если лѣтописецъ занялся, при изложеніи

исторіи ея вокняженія, описаніемъ ея заслугъ въ собраніи въ одинъ народъ восточныхъ Славянъ и въ образованіи ихъ къ политическому призванію. Лѣтописецъ, опуская описаніе самого Русскаго племени, указываетъ на историческое его значеніе, выставляя дѣятельность Варяжской Руси, изложеніемъ судьбы которой онъ не занялся по неизвѣстнымъ намъ причинамъ. Быть можетъ, изложеніе судьбы языческаго общества было противно характеру монастырскаго писателя. Какъ бы то ни было, всѣ эти данныя для науки дороги, потому что они объясняютъ силу и значеніе нашего народа, который имѣлъ прочную культуру, оказывающуюся въ хорографіи,—историческую славу, оказывающуюся въ дѣяніяхъ Даро-варовъ, въ преданіяхъ и эпосѣ,—политическое имя, въ силу котораго самые отдаленные народы: Арабы, Греки, Вестъ-Готы въ Испаніи искали союза съ Варяжской Русью, успѣвшею изъ нашего боеваго пункта отбиться отъ всѣхъ своихъ враговъ и утвердиться надъ восточными Славянами въ Европейской Россіи, руссифицировавъ столько инноплеменцевъ, начиная съ древнихъ Свеевъ, Геруловъ или Верлиновъ, Язиговъ и кончая Латышами и Эстами. Эта Руссификація нисколько не походитъ на Германизацію и Полонизацію, утверждавшіяся у иноплеменцевъ посредствомъ меча, возведенія замковыхъ твердынь, память которыхъ съ шумомъ погибла; между тѣмъ какъ древо Русской Культуры оказывается на столько живучимъ, на сколько было живучимъ и древо Греческой культуры, которому угрожалъ мечь древняго Перса—что такъ поучительно описано великимъ поэтомъ Софокломъ въ его дивной трагедіи: „Эдипъ въ Колонѣ“: Прослѣдимъ же основы быта и администраціи нашихъ предковъ, изъ которыхъ слагалась ихъ культура.

ГЛАВА II.

Бытъ и администрація древнихъ Руссовъ; судьба Варяговъ; государственное значеніе княжеской дѣятельности и городовой жизни.

Non aliud discordantis Patriae erat remedium, quam si ab uno regeretur.

Jus et aeqitas sunt vincula civitatum et reddunt diuturnum imperium.

I. Хотя, по удаленіи Руссовъ изъ Даніи и Норвегіи, оставшіеся Варяги не оставляли своихъ нападеній на Франковъ и вообще заявили упорную войну противъ Латыни, но грозный Норманскій міръ безъ главныхъ своихъ Русскихъ вождей, распался въ первые же дни своего основанія, такъ какъ отъ него отдѣлились Руссы, призванные Славянами, жившими у Ильменя и Полоцкими Кривичами, на княженіе и володѣніе. Между тѣмъ присѣдѣніе и водвореніе у насъ съиздревле Варяжской Руси укрѣпилось въ бытѣ и жизни восточныхъ Славянъ, что оказывается изъ значенія словъ, прижившихся, еще до прибытія Рюрика, у насъ, напр. сондарь, осондарь, князь, баринъ, дворянинъ. Слово дворянинъ означаетъ мирнаго безъ завоеваній, водворившагося защитника, не замкнувшагося въ своемъ дворцѣ, какъ феодалъ въ шлоссѣ, но вступившаго въ страну, сохраняя ея языкъ, вѣру и обычай. Различіе между феодальнымъ и Варяжскимъ бытами заключается въ томъ, что феодальные вассалы, получая себѣ въ ленъ извѣстную землю, порабощали себѣ водворенныхъ на ней крестьянъ и становились полноправными владѣльцами своей земли, съ правомъ выбора государя для своей страны или изгнанія его; въ Варяжскомъ бытѣ дружинникъ получалъ себѣ землю не для вѣчнаго владѣнія, но для кормленія за свою службу въ видѣ жалованья, имѣя право перехода на службу къ другому князю, каковое право у насъ совершенно закончилось только

съ воцареніемъ Іоанна Грознаго. Такимъ образомъ, Варяжскій бытъ не заключалъ въ себѣ такихъ инициативъ къ порабощенію, какія оказываются въ феодальномъ бытѣ, и сдерживалъ дружины въ болѣе строгихъ отношеніяхъ къ своему князю, основанныхъ на принципахъ братства и союза. Впрочемъ значеніе дружинъ въ исторіи нашего отечества было очень кратковременно, закончивши ее при Св. Владимірѣ; вмѣсто нихъ выступаютъ полки.

Встрѣчая соединеніе Руссовъ и Славянъ, составлявшихъ одинъ языкъ по свидѣтельству Нестора, но имѣвшихъ разную судьбу, необходимо ознакомиться съ бытомъ и управленіемъ того и другого народа. Германцы хвастаются пѣснью о Нибелунгахъ, Шведы Сагами, Англичане Оссіаномъ, но и Славяне имѣютъ у себя доисторическіе документы, по которымъ они связаны съ своею древностью. Пѣснь о судѣ Любуши, договоры Олега и Игоря съ Греками, наконецъ дивная хорографія и масса сказокъ представляютъ богатый матеріалъ для знакомства съ нашею древностью. Для западныхъ писателей эти памятники оказываются и маловажными, и темными, но для Русскаго патріота они имѣютъ священное значеніе. Такъ какъ наша страна и Полоцкъ составляли землю тѣхъ Кривичей, которые призывали Руссовъ на княженіе въ Новгородъ, и такъ какъ въ ней должно сохраниться болѣе матеріала для рѣшенія этого вопроса, то, прежде изложенія исторіи ея, необходимо ознакомиться съ данными, уясняющими бытъ и администрацію Руссовъ, сосредоточивъ наше вниманіе на землѣ собственно Варяжской Руси, указанной при Двинѣ Несторомъ лѣтописцемъ.

II. Хотя Славянинъ и Русскій братья и изъ одной семьи, но устройство ихъ быта, сходственное въ основныхъ чертахъ, совершенно различно въ частностяхъ. Бытъ Славянина осѣдлый, основанный на родовыхъ и общинныхъ началахъ и въ государственномъ отношеніи, и въ семейной жизни, тогда какъ бытъ Русса подвижной, основанный на дружинныхъ началахъ. Припоминая пѣснь о судѣ Любуши, начинающуюся описаніемъ семейнаго у Славянъ быта, мы встрѣчаемся въ этомъ описаніи съ указаніемъ и ихъ общиннаго быта: „ходятъ кмети, лехи и владыки и похвалиху правду по закону". Изъ этихъ словъ слова: „кмети и лехи" въ Русскомъ языкѣ уже потеряли смыслъ, сохранившійся въ Польскомъ въ значеніи кметя, какъ кресть-

янина, а леса—въ значенія вожака. Подъ названіемъ лесъ въ нашей странѣ встрѣчаются названія у поселеній: „Грибо-лесы“ и „Лескіе Мораны“, а также названіе озера Лесно. Подъ словомъ Грибы, отъ каковаго слова происходитъ названіе гривны, разумѣются сборщики податей, о наблюденіи за которыми Вопискусъ, въ 179 г. по Р. Хр., писалъ новоизбранному императору изъ Панонцевъ Авреліану, чтобы они носили свои гривны на раменахъ; со словомъ Грибы, встрѣчаются названія Губецы, подъ словомъ Губецы разумѣются судьи, рѣшавшіе уголовныя дѣла. Кромѣ этихъ названій, мы находимъ въ нашей странѣ другія названія изъ Славянской хорографіи: колачи,—производное отъ слова коло или сеймъ, т. е. завѣдовавшіе дѣлами сеймовъ, турды—передовые бойцы и тулы, завѣдовавшіе внутреннимъ порядкомъ, куцы или козы, служившіе въ пограничной стражѣ съ кулями и ницами; кары — охранители путей; бруны,—воины и гуды—стражники. Отъ словъ: куцы около происходятъ слова козакъ и окольничій, отъ куля происходитъ перекульщикъ. Въ договорѣ Игоря берны занимаютъ первое мѣсто, какъ таможенные начальники. Во главѣ этого состава управленія у Руссовъ являются великіе князья, а у Славянъ цари, впрочемъ не у всѣхъ Славянъ были цари, управляясь, какъ Новгородцы, одними общинами. Вообще слово „князь“ значитъ вождь войска. По губерніи Витебской сохранились указанія въ нѣкоторыхъ хорографическихъ названіяхъ, что это названіе было общимъ, подобно слову „сондарь“, указывающее на доисторическихъ мѣстныхъ вождей, управлявшихъ у Руссовъ, а темныя, загадочныя сказки и преданія о преобладаніи у Славянъ Бабы-Яги даютъ поводъ думать, что административный бытъ Славянъ былъ основанъ преимущественно на религіозныхъ формахъ и обычаяхъ и указываетъ на застой немногосложнаго быта Славянъ, противъ котораго у нихъ не оказывалось никакого исхода. Такъ какъ Славянскіе цари у Будиновъ: Кощеи, Андроны, по преданіямъ народа, не занимались судомъ и управою народа, а только сборомъ злата и увеличеніемъ своей казны, между тѣмъ какъ Русскіе князья отличались своими похожденіями въ чужихъ земляхъ, разностороннимъ развитіемъ, знаніемъ языковъ, опытностью въ судахъ, воинскимъ искусствомъ, то вотъ и додумался, наконецъ, Новгородскій судья Гостомыслъ позвать, для управленія и охраны Славянъ, князя Руссовъ.

III. Какъ Славяне оказываются осѣдлымъ племенемъ, замыкающимся въ своей землѣ, такъ Руссы оказываются, напротивъ, народомъ, любящимъ знакомство съ чужими странами, каковой своей страсти они удовлетворяли посредствомъ торговыхъ занятій, найма для охраны имуществъ въ чужихъ земляхъ въ составѣ дружинъ, а равно и для военной службы. Съ незапамятнаго времени, они занимались этими промыслами, и Юлій Цезарь, упоминая о Рутенахъ между Гальскими племенами, находитъ у послѣднихъ чужеземцевъ, нанимавшихся у Галловъ для военной службы и называвшихся драугами или другами и солдурами или жолнерами, каковое названіе въ хорографіи встрѣчается только въ Русскихъ земляхъ, напр. въ нашей странѣ подъ именемъ Другалей и Жолнеровъ, и въ Червонной Руси или въ Галиціи, подъ именемъ, напр. Дружкополя. Какимъ образомъ туда являлись наши дружины или жолнеры, на то Юлій Цезарь даетъ подробное объясненіе, описывая Свевовъ, которые, съ наступленіемъ весны, являлись въ Галлію, оставаясь тамъ въ видѣ другалей, на службѣ все лѣто. Что Свевы являлись туда, выводимые Рутенами, на то сами Свевы отвѣчали Людовику Благочестивому въ 839 году, возвращаясь изъ Греціи въ составѣ Датскаго посольства, что они Руссы, по изъ роду, т. е. по націи Свевы. *) Колоніи Рутеновъ въ предѣлахъ Галліи находились при Оверпскихъ горахъ, гдѣ и теперь находимъ кучу названій поселеній по ихъ имени, а именно: Русспльонъ, Баруссъ, Руссъ, Руссей: кромѣ этихъ названій, мы находимъ созвучныя названія съ Французскими этого района, напр. Сарія р. съ Франц. р. Сааръ, Оссунь съ Франц. Оссунемъ и др; Арабскіе писатели IX вѣка указывали, что Руссы торговали и съ Испаніею, гдѣ, дѣйствительно, въ Каталоніи мы находимъ у береговъ Средиземнаго моря также Русскія названія слѣдующихъ поселеній, напр. Россафу, Россоль и др. Въ этой странѣ они были на столько прочно водворенными, что хотя въ IX в. они давно оставили Францію, но писатели этого вѣка, причисляя Датскихъ Руссовъ къ Рутенамъ, называли ихъ Франками, которыхъ, по мѣсту будто бы положенія ихъ на сѣверѣ Европы, называли также Норманами. Этихъ же Руссовъ называли также дромитами, что

*) Изслѣдованія о Руссахъ, какъ Норманахъ, дѣйствовавшихъ на Шведской и Датской аренахъ, оставили по себѣ Погодинъ въ своихъ лекціяхъ по Русской исторіи Деритскій профес. Крузе. Послѣдняго статьи помѣщены въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1848 т. XXXIX.

*

съ Греческаго языка означало скороходовъ, соотвѣтственно которому названію Руссы называли себя Рассбутами. Такое названіе они присвоили себѣ, исполняя посольскія или посельскія порученія между другими народами, изъ которыхъ никто не былъ на столько знакомъ съ отдаленными странами, на сколько были знакомы Руссы, владѣя знаніемъ многихъ языковъ (Молтовники). Болѣе же всего, Руссы заботились о торговыхъ сношеніяхъ, для чего также между ними были спеціальные тоже лица и мѣстности, какъ показываютъ названія нашихъ поселеній: „Поклады, Рядвовка, Стакши". Время заключенія договоровъ и условій имѣло два срока: 1) на Юрьевъ день по веснѣ, а 2) на день Михаила 30 Сентября, каковые сроки остаются въ своей силѣ и до сего времени на Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Открытіе весны на Инфлянтахъ до сего времени сопровождается празднествами въ простомъ народѣ, который на канунѣ этого дня всю ночь проводитъ въ полѣ и, зажигая костры, поетъ около нихъ пѣсни и скачетъ черезъ горящіе костры. Эти увеселенія устраиваются въ честь древняго Русскаго божества Зпича. Кромѣ Зпича, наши предки почитали богиню счастія и порядка подъ названіемъ Доли, а отъ Русскихъ и Латыши заняли ея культъ подъ именемъ Лаймы. Наши Руссы почитали также Римскія божества Януса, Юноны и Цибелы, на что указываютъ названія поселеній нашей страны: Яноволя, Жуни и Корубки.

IV. Въ то время, какъ имя Русскаго народа такъ далеко было извѣстно, вообще мало свѣдѣній имѣется о нашей странѣ, такъ и о составѣ, и значеніи его дружинъ, хотя культура нашей страны, какъ мы видѣли, началась съ давнихъ, незапамятныхъ временъ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ этой массы раннихъ о ней свѣдѣній. У писателей Западной Европы, слѣдовавшихъ за Птоломеемъ Географомъ, свѣдѣнія о нашей странѣ прекращаются, не потому что литература пала въ Европѣ за это время, а по той обще всѣмъ извѣстной причинѣ, что наши предки, допуская всякихъ иноземцевъ въ прочія свои земли, въ нашу страну, составлявшую главный пунктъ ихъ владѣній, замыкали входъ для нихъ, оставляя ее загадочнымъ, недоступнымъ островомъ. Изъ этого неизвѣстнаго острова, время отъ времени, являлись эти страшные Руссы на аренѣ классической страны, указывая при вопросѣ о ихъ странѣ на разныя свои другія второстепенныя земли. Писатели затруднялись опредѣлить эту страну;

такъ Моисей Харентскій, писатель V вѣка указываетъ на Руссовъ, какъ на придунайскій народъ; иные писатели указываютъ на нихъ, какъ на обитателей Херсонеса,—и древнее названіе Чернаго моря Русскимъ моремъ подтверждаетъ этихъ историковъ. Но не была въ этихъ странахъ колыбель Руси. Когда Кіевскіе Руссы Аскольда и Дира напали на Константинополь, то Греки не знали, какіе это Руссы предъ ними явились и гдѣ они живутъ? Чтобы утѣшить свою паству отъ внезапнаго пораженія, Константинопольскій святитель Фотій говоритъ ей проповѣдь, называя этихъ Руссовъ Аскольдовыхъ темнымъ народомъ и побѣду ихъ случайною. Послѣдовавшія войны Руссовъ съ Греками, увы, доказали эту ошибку глубопросвѣщеннаго оратора и вся Греческая нація старалась исправить всѣми силами, чтобы возстановить связь съ своими бывшими друзьями. Доказательствомъ этихъ усилій Грековъ служатъ договоры Олега и Игоря съ Руссами, гдѣ Греки выражаются въ самыхъ крѣпкихъ узахъ дружелюбія съ Руссами, всѣми вообще, съ давнихъ лѣтъ, и присвоиваются къ Русскимъ въ видѣ однокровнаго, родственнаго народа. Потомъ, къ изученію исторіи Руссовъ приступаетъ самъ Цареградскій Императоръ Константинъ Багрянородный, который начинаетъ свое описаніе Русской земли именно, съ нашей страны, названной у него землею Лензаниnъ. Что Константинъ Багрянородный разумѣлъ, дѣйствительно, нашихъ Лензаниnъ, тому доказательствомъ служатъ указанные сосѣдніе имъ народы, какъ то: Яиnь, т. е. Либь или Ливонцы, Друговиты, т. е. Дреговити, Вервіяне, т. е. Варяги. Затѣмъ онъ указываетъ на городъ у Лензаниnъ Вусгардъ, пріурочиваемый учеными неправильно къ Кіевскому Вышгородку. Скорѣе Вусгардъ есть Высунгородокъ или Высьгородокъ, какимъ именемъ до сего времени у насъ называется Волькенбергъ, получившій и у Нѣмцевъ это названіе примѣнительно къ своему древнему названію. Царственный историкъ, дѣйствительно, отыскалъ путь въ нашу страну, путь важный въ исторической судьбѣ нашего могущественнаго народа, которымъ при помощи Днѣпровскихъ пороговъ онъ заграждалъ врагу свою страну. А между тѣмъ Константинъ Б. здѣсь описываетъ занятіе Русскихъ въ роли фарнанговъ, при дворѣ Греческихъ императоровъ, ихъ почетъ въ Имперіи, которымъ съ давняго времени пользуются въ Греціи, служа и занимая высокій постъ тѣлохранителей. Эти тѣлохранители съ давняго времени уже заправляли

въ Константинополѣ также и увеселеніями цирковъ, являясь на аренѣ ихъ то скороходами, то искусными воинскими наѣздниками. На состязаніи въ послѣдней роли Константинопольская публика видѣла даже и своихъ императоровъ, напр. въ 862 г. Михаила. За эти два искусства наши Руссы и назывались дромитами или велитами, т. е. скороходами, а также келами (Русскелами). Это тѣ Руссы, которые доказали свое искусство и на аренѣ гладіторовъ, подъ названіемъ батовъ, предъ значеніемъ котораго искусства преклонились и Римскіе императоры: Траянъ, Комодъ и друг. Это тѣ Руссы или Рутены, которыхъ Ю. Цезарь въ своихъ комментаріяхъ о гражданской войнѣ называетъ sagittari — ями, т. е. стрѣлками. По послѣднему своему искусству и страна ихъ въ Червонной Руси называлась Роней или Ронииой, а наша прямо Чудоронной, гдѣ слово Чудо, вѣроятно, заимствовано отъ словъ: Чудецъ и Чудюлъ, рѣкъ встрѣчающихся въ Червонной Руси. Названіе же Червонной вынесено Рутенами опять же изъ Нарбонской Галліи, называвшейся у Римлянъ Gallia Brocata за предоставленіе ей Римскимъ Сенатомъ за вѣрность и мужество пользоваться краснымъ цвѣтомъ въ своей одеждѣ. Отъ слова brocata мы имѣемъ въ нашей странѣ названіе одному изъ поселеній „Брокомы“. Изъ Паноніи же Рутенами вынесены названія Бѣлой и Черной Руси. Въ Заторѣ мы находимъ названія рѣкъ: Солы и Бѣлой, по именамъ которой, начиная отъ Галиціи, мы встрѣчаемъ нѣсколько Бѣльсковъ, заканчивающихся названіемъ Бѣлой Россіи. Слово „бѣлый“ въ западномъ краѣ Россіи принимаетс.' въ значеніи сильнаго, богатаго человѣка, тогда какъ черный въ обратномъ значеніи; черною шляхтою называются однодворцы и мелкопомѣстные дворяне; Черною Русью земля— Пинская, населенная самимъ бѣднымъ народомъ. Названія „великій и малый“ заурядъ мы встрѣчаемъ въ хорографіи Паноніи въ словахъ: „наги и кисъ“. Слово Дунай вынесено также изъ Паноніи. Всѣ эти земли стали съизддавна, еще до вокняженія Рюрика въ Новгородѣ, Русскими землями, потому что культура ихъ принадлежитъ Русскому племени. На этомъ пунктѣ вся Славетчина избрала свой притонъ для сохраненія своей національности подъ штандартомъ Русскаго племени, вслѣдствіе чего эта страна и оказывается съ незапамятныхъ временъ колыбелью Русско-Славянской культуры, призвавшею сюда изо всего Славянскаго міра Дѣдулей, Матулей, Пржемысловъ, Новомысловъ, Ор-

лековъ-Рогалей, Вороновъ-Воркалей, Соколовъ-Подлетовъ и Павъ съ Дивною Жаръ-Птицею (всѣ эти названія мы находимъ у нашихъ поселеній) и т. д., составляющихъ складъ нашего миѳическаго Русско-Славянскаго міра. Прослѣживая по хорографіи путь разселенія Руссовъ отъ Венгріи, мы замѣчаемъ однакожъ въ этомъ пути не путь меча и насилія, въ какомъ пути обыкновенно упрекаютъ Нѣмецкіе писатели Русскую культуру даже до послѣдней ея дѣятельности въ Азіи, приписывая только своей націи присяжное безкорыстное культурное призваніе, но путь дѣйствительной культуры. Не какъ завоеватели, но въ видѣ охраны они приходили въ страну, принося торговлю, искусство и земледѣліе. Изъ сопоставленія словъ: „тары, бары со словомъ чивиль" въ пѣснѣ „во полѣ березонька стояла" оказывается значеніе Русса, вступавшаго въ чужую землю подъ названіемъ Варяга. Значеніе слова: „civis" или чивиль Цицеронъ такъ опредѣляетъ: civilis jus est aequitas, constituta iis, qui eiusdem civitatis sunt, ad res suas obtinendas", сопоставленіе варовъ съ чивилемъ указываетъ на гражданское признаніе нашихъ варовъ (Topici c. 2). Значеніе чивиля какъ разъ совпадаетъ съ значеніемъ Варяга, какое даетъ ему Горбачевскій въ своемъ словарѣ, объясняя слово „варантусъ" въ смыслѣ поручителя, а слово „вара" въ смыслѣ стражи или чурованія, а также и Линде въ своемъ Польскомъ лексиконѣ. *) Наши ученые неоднократно указывали на значеніе въ бытѣ Русскаго человѣка варяжки или рукавички, которую онъ отдаетъ своему заимодавцу при поручительствѣ за свой долгъ. Слѣдовательно, Вары были прежде всею охраною, во главѣ которой оказывается соцдарь или осоцдарь, или государь. Слово „вары" встрѣчается чаще въ связи съ другими словами, напр. варосаи (пос. Люц. уѣз.), савары—названіе племени Северянъ. Отъ слова „саи", вѣроятно происходитъ слово саянъ. Вѣроятно, и слово Карвонъ, созвучное съ названіемъ Паноньской провинціи Карвантъ, едва ли не происходитъ отъ слова кара. Извѣстно старинное значеніе въ Русскомъ языкѣ слова: „кара" (въ Польскомъ языкѣ слово: карный означаетъ покорный, усмиренный), вѣроятно, имѣющаго связь съ древнимъ значеніемъ слова: „кобылки", т. е. телѣги, употреблявшейся для

---

*) Это значеніе Варяга оказывается изъ состава посольствъ Олега и Игоря къ Грекамъ, каковой состоитъ изъ должностныхъ лицъ, которыхъ обязанности состоятъ въ поручительствѣ каждаго изъ нихъ по своей части.

казни и до сего времени на Литвѣ называющейся карою. Названія поселеній нашей страны: „Циповары и Валтары“ указываютъ на Варяговъ, занимавшихся охотою, и на устроителей укрѣпленій и валовъ; Молендары или Смолине—означало пограничныхъ варовъ, на слѣды котрыхъ мы очень часто нападаемъ не только въ нашей странѣ, но и въ Лифляндіи. Мы должны при семъ замѣтить неправильное объясненіе, даваемое Мантейфелемъ слову Варкляны, какъ луга великановъ, выводимое имъ изъ Латышскаго языка. Напротивъ, названіе Варкляны происходитъ отъ Нѣмецкаго Land и слово Варка, обозначавшее заэвикштинскую землю, какъ видно изъ папскихъ и рыцарскихъ документовъ, и исторіи Рутенберга. Во главѣ всѣхъ варовъ и даровъ стояли Лудзане, начальникъ которыхъ назывался лебомъ, подчинявшимся, кажется, одному изъ княжатъ.

V. Всѣ эти матеріалы и доказательства мѣстной культуры, конечно, никоимъ образомъ не могутъ быть приписаны никакому другому народу, кромѣ Русскаго, потому что ни Готъ, ни Галлъ, ни Свевъ, ни иной другой народъ не могутъ объяснить въ научномъ отношеніи принадлежность себѣ этихъ данныхъ. Все это неотъемлемая принадлежность великаго народа, происходящая даже и не изъ Пановіи, на аренѣ которой Руссы являлись только временно для конкуренціи съ Римскою культурою, въ каковой конкуренціи они доказали свою крѣпкую и прочную національность, *) но изъ далекой страны, бывшей колыбелью для многихъ великихъ народовъ—изъ далекой Индіи,—отечества славныхъ Рассбутовъ, Орошей, жившихъ при верховьяхъ р. Инда и боровшихся съ могучими Маратами. Нарбутъ въ своей исторіи Литовскаго народа производитъ Россовъ изъ Жмуди, а названіе ихъ отъ названія мѣстнаго на Жмуди божества Россъ. Быть можетъ, происхожденіе названія Россъ подобно происхожденію Паромаизы, т. е. Смоленска отъ божества Паромы, Кривичей—отъ Криве, Летовъ отъ Leteny. Слово „бутъ“ означаетъ скороходъ, какое слово находимъ въ словахъ: Нарбутъ,

---

*) Такъ, по показанію Кунгурской лѣтописи (Русская Старина, мѣсяцъ Май 1880 г.), Сѣверные бѣгуны Роксолане извѣстны были отступничествомъ въ Латинство, за что они были изгнаны изъ Панонія водворившимися агарянами. Это показаніе Кунгурской лѣтописи вообще подтверждаетъ наши выводы о связи древней Руси съ Римомъ.

Корибутъ, Парабутъ, Свербутъ, Малбутъ и др. Изъ Индіи заимствованы хорографическія названія и нашей страны, а также и Пановіи, напр. Инданы, Индрица, Асаны, Балта, Наги, Маратъ и др. Въ этой же странѣ мы встрѣчаемъ и названія варовъ и даровъ, и цѣлую массу другихъ названій нашей страны и Пановіи. Потомки древнихъ переселенцевъ священной колыбели Инда и Гангеса не только не забыли и не затеряли своего отцовскаго наслѣдства, но въ борьбѣ съ испытаніями и переворотами развили и усовершенствовали его. Идеалы нашего народа, выражающіеся въ дивныхъ легендахъ о загадочной Жаръ-Птицѣ и прочихъ аллегоріяхъ, сохраняютъ воспоминаніе о далекой своей родинѣ и свое призваніе при настоящей своей долѣ. Вошедши въ сферу Европейскихъ народовъ, нашъ народъ никогда и нигдѣ не оказывался ни пиратомъ, ни грабителемъ, въ какой роли мы видѣли Карла В. въ Пановіи и Наполеона I-го въ Испаніи. Своею честностью онъ на столько прославился, что древніе Римляне и Греки только подъ охраною Варяговъ насаждали свою культуру среди другихъ народовъ, каковую миссію онъ отправлялъ съ такимъ успѣхомъ, что многіе народы призывали его Даровъ-Варовъ или Варяговъ не только доброхотно, но съ покорностью, сливаясь съ ними и по вѣрѣ, и по языку, какъ это мы видимъ въ странѣ Бритовъ, Галловъ, Чуди и др. Приступая въ новый городъ или землю, они являются занимающими концы городовъ, которые и до сего времени называются Русскими концами, напр. въ Вильнѣ, Витебскѣ, Дерптѣ, или же поселялись на границѣ призывавшей ихъ страны, напр. въ Рославлѣ на восточной границѣ Смол. губ., или въ Дриссѣ, въ древ. Друссѣ, на границѣ Витебской земли. Что водвореніе Руссовъ не происходило насильственнымъ путемъ, а посредствомъ призванія и обоюднаго соглашенія, на то мы находимъ опять же доказательства въ нашей хорографіи. Извѣстно выраженіе лѣтописей: „сѣде на столѣ“, выражащее восшествіе князя на престолъ въ такомъ только случаѣ, когда этотъ столъ достался ему или по наслѣдству, или по приглашенію. Въ Полоцкомъ уѣздѣ мы находимъ два поселенія, изъ которыхъ 1-е называется Сѣлигоры, т. е. Горяне (пос. Люц. уѣз.), вышедшіе отъ горъ Татръ, и 2-е пос. Присѣлирыки. Послѣднее название указываетъ также и на значеніе фамиліи Рыковъ между прочими князьями, какъ на государей между прочими князьями, а равно и между всѣми Дароварами·

VI. Изъ сопоставленія историческихъ, легендарныхъ и бытовыхъ данныхъ о Русскомъ народѣ очевиднымъ оказывается, что, вопреки выводамъ Нѣмецкихъ и Польскихъ писателей, не Эсто-Литовскія племена были сильнѣйшимъ народомъ въ нашихъ приБалтійскихъ земляхъ, какъ думаетъ Рутенбергъ (Истор. Остзейскихъ пров. ч. 1. стр. отъ 16—23), основываясь на показаніи Вульфстана, а тѣмъ болѣе нельзя считать Латыша туземцемъ этой страны. Латышъ, хотя по своей преобладающей численности, имѣетъ кажущееся на то право, но онъ самъ отказывается отъ того, приписывая всѣ памятники древней мѣстной борьбы народовъ Криву или Русскому, у котораго онъ былъ только подручнымъ, служившимъ племенемъ, пришедшимъ съ своимъ вожакомъ изъ Панопіи. Названіе Эстами Русскаго Венедомъ указываетъ на другой пунктъ дѣятельности его среди Балтійскаго поморья, о которомъ Русскій помнитъ въ своихъ сказаніяхъ какъ о второстепенной однакожъ задачѣ, рисуясь на главномъ пунктѣ своей дѣятельности на Алаунской возвышенности и по Днѣпровскому району съ своими преданіями объ Ильѣ Муромцѣ Микулѣ Селяниновичѣ, тогда какъ болѣе его раннія сказанія о Бовѣ Королевичѣ и Еруславѣ Лазаревичѣ свидѣтельствуютъ о дѣятельности его на Панопьской аренѣ. На этомъ главномъ своемъ пунктѣ, т. е. на Алаунской возвышенности Русскій дѣйствуетъ, опираясь на своихъ подручниковъ: Литовцевъ и Латышей въ борьбѣ, съ одной стороны, съ Эстскими племенами, а, съ другой стороны, съ Азіатскими кочевыми народами. Что Латыши находились въ давней связи съ Руссами, это оказывается изъ состава его языка, въ которомъ большая половина словъ взята изъ Русскаго и Славянскаго языковъ, а также оказывается изъ его повѣрій и обычаевъ. Нѣмецкіе писатели не отвергаютъ связи Латышей съ Руссами, но прибытіе послѣднихъ въ Прибалтійскую землю называютъ вторженіемъ Славянскихъ племенъ со времени Юстиніана императора, которыя разрушили Эсто-Латышскую культуру. Какъ долго продолжался періодъ этой темной борьбы,—неизвѣстно, но только, съ IX вѣка, по ихъ словамъ, торговля, открывшая свой путь изъ Скандинавіи къ намъ выводитъ и нашу страну на историческую арену. Очевидно, это мнѣніе противорѣчитъ и нашимъ хорографическимъ даннымъ, и легендарнымъ указаніямъ, такъ какъ Славяне не вторгались въ наши страны, подобно Нѣмцамъ въ Ливонію и другимъ народамъ въ иныя страны, а водворялись мирно, чему

служитъ доказательствомъ составъ ихъ культурной хорографіи, и что на нашемъ районѣ былъ управляющимъ народомъ не Эсты и Латыши, а Русскіе, на которыхъ, и Датскія хроники, и Византійскіе писатели указываютъ въ такой роли подъ именемъ Варяговъ, то подъ именемъ Лензаниъ, то подъ именемъ Витеблянъ и Смольянъ. Вульфстанъ, Англійскій писатель IX в., могъ упустить изъ виду владычество Русскихъ въ нашей странѣ по случаю перемѣщенія ихъ къ Кіеву въ это время, но что они дѣйствовали на нашей аренѣ, на то мы находимъ болѣе яркое свидѣтельство у болѣе высокообразованнаго народа того времени —Арабовъ, съ выступленіемъ котораго на политическое поприще Руссы являются въ такомъ же союзѣ, въ какомъ были съ Римлянами, Византійцами и Франками во дни ихъ могущества.

VII. Изложенныя давныя о давности Варяго-Русской культуры указываютъ на родственную, своемѣстную почву ея развитія между Европейскими культурами. Но есть свѣдѣнія, оставленныя о нашей странѣ однимъ народомъ, изъ которыхъ читатель еще болѣе убѣдится въ дѣйствительности пріурочиваемыхъ нами къ ней показаній. Народъ этотъ Арабы, стоявшій на высшей степени образованія въ свое время. Писатели его IX, X, XI и XII в. такъ описываютъ нашъ народъ и нашу страну. Руссы живутъ въ сосѣдствѣ съ Славами, въ земли которыхъ вторгаются по Волгѣ; они разноплеменцы, народъ торговый и ведутъ торговлю съ Испаніею и Константинополемъ; народъ воинственный и на подборъ великаны. Они любятъ щеголять дорогими платьями, но не чистоплотны, такъ напр. и руки, и лицо умываютъ изъ одной и той же посуды *). Они живутъ на островѣ, имѣющемъ величину въ окружности для 3 дневнаго пути **). Этотъ островъ покрытъ лѣсами, не здоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю, и она уже трясется по причинѣ ея рыхлости отъ обилія воды ***). Этотъ островъ окруженъ укрѣпленіями, такъ что для непріятеля нѣтъ возможности проникнуть

*) До сего времени въ Курляндіи и у Лифляндцевъ обычай умывать лицо изъ таза собственными руками, что Арабовъ очень возмущало.

**) Считая съ юга отъ Двины до Грамскаго болота на с. и отъ Себежа до Еввиксты, это измѣреніе оказывается вѣрнымъ, полагая по 50 или по 70 верстъ для переѣзда въ сутки.

***) Такихъ топей въ нашей странѣ и нынче съ осушеніемъ болотъ вы найдете множество.

во внутренность этого острова *). Со всѣми чужеземцами они торгуютъ на окраинахъ этого острова, на опредѣленныхъ пунктахъ **). На этомъ островѣ у нихъ пять городовъ, изъ коихъ главный называется по однимъ писателямъ Лонзою (Эдризи), а по другимъ писателямъ Лудзою (Ибнъ-Даетъ) ***). Всѣ эти признаки прямо приходятся къ нашей странѣ, изображаемой, начиная съ Певтингера и кончая Кромеромъ, на всѣхъ картахъ, какъ мы выше сказали, въ видѣ острова. Народъ, до сего времени въ своихъ преданіяхъ вспоминаетъ о своихъ предшественникахъ, какъ о великанахъ. Въ нашихъ древнихъ могильникахъ зауряд выкапываются кости великановъ ****). Однакожъ, ученые островъ, указываемый Арабами, а равно и главный городъ этого острова Лонзу или Лудзу, каковымъ именемъ и народъ и Русскія лѣтописи называютъ Люцинъ, отыскиваютъ въ землѣ Лутичей, гдѣ, дѣйствительно, у зал. Фришгафа при Требелѣ, (карта Дженкинсона) былъ городъ Лойсъ, каковымъ именемъ и Люцинъ назывался иногда въ Нѣмецкихъ хроникахъ. Мнѣніе это высказано Польскимъ историкомъ Лелевелемъ и Русскимъ оріенталистомъ Хвольсономъ *****). Но земля Лутичей далеко отъ Волги; почва ея другого характера, чѣмъ нашей страны; о великанахъ она не имѣетъ понятія, и въ ученомъ мірѣ XII вѣка она называлась уже Нѣмецкою землю, а Лойсъ не былъ главнымъ городомъ ея.

VIII. Памятниками происхожденія первыхъ нашихъ Государей: Рюрика, Синсуса и Трувора, Олега, Игоря и Св. Ольги остаются хорографическія названія у 3-хъ пунктовъ нашей страны, господствующихъ надъ путями въ сосѣднія земли,

---

*) Отъ Полоцка до Люцина идутъ слѣды валовъ, ясно бывшихъ границею.

**) Такими пунктами мы считаемъ Комару, Дальницу, Креницу на вост. границѣ страны.

***) Эти города были: Лудза, Высгородъ, Себежъ, Маргиго или Маріенгаузенъ, Герсике или Крейцбургъ.

****) Баронъ Мантейфель названіе пос. Варяклавъ переводитъ по русски, какъ Луга великановъ. Кромѣ Люцина, имѣющаго нѣсколько громадныхъ насыпныхъ валовъ, по нашей странѣ, имѣется еще много такихъ насыпей, которыя могли произойти только отъ великаго народа.

*****) См. Ж. М. Н. Просвѣщенія, мѣсяцъ Декабрь ст. Хвольсона объ извѣстіяхъ Ибнъ-Даста, о Хозарахъ, Болгарахъ, Славянахъ и пр. Нѣкоторые Польскіе писатели приписываютъ основаніе и Вильны Вилькамъ,—племени, происшедшему отъ Лутичей.

а именно: 1) Рюриковцово, пос. Невельскаго у. на пути къ Ильменю; 2) Синеозеро съ рѣки Синей надъ райономъ запад. Двины, напоминающее о князѣ Синеусѣ; 3) дер. Богово на пути изъ Ливоніи ко Пскову, на какомъ пути встрѣчается р. Утруя, напоминающая о князѣ Труварѣ. *). Каждый изъ этихъ пунктовъ содержитъ археологическіе памятники въ родѣ древнихъ валовъ, кургановъ, насыпей среди болотъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что наши Государи были въ связи съ Датчанами, король которыхъ Рагнаръ побѣдилъ Діана, короля Ливоніи въ 868 году; но сынъ Діана Даксо, зять Изборгскаго князя Трувора, плѣнилъ сына Рагнара, Витзерка, бывшаго намѣстникомъ Ливоніи, которому побѣдитель предлагалъ соправленіе съ собою, но тотъ сжегъ себя заживо **). Есть преданіе, что Рюрикъ, по вступленіи на Новгородское княженіе, вступилъ во второй бракъ, избравъ себѣ женою сестру Урмянскаго князя Олега Ифанду.

IX. Во княженіе Рюрика въ Новгородѣ послужило лозунгомъ восточнымъ Славянамъ къ соединенію въ одно государство. Изобрѣтеніе Кирилломъ и Меѳодіемъ Славянскаго письма послужило къ сознанію своего національнаго призванія. Наши Варяги, примкнувъ въ государственный нашъ союзъ, не хотѣли однакожъ поддаться второй мѣрѣ. Земля ихъ находилась вначалѣ на особыхъ условіяхъ, освобожденная не только отъ податей, но Олегъ еще обложилъ Новгородцевъ и Кривичей особою данью, называвшеюся вирою, назначенною на содержаніе ихъ. Хотя они не нападали на Русскія земли, но, по случаю княжескихъ раздоровъ, были не прочь посвоевольничать, за что, какъ Новгородцы, такъ и Кіевляне не терпѣли ихъ, да и самимъ князьямъ они были въ тягость, какъ указываетъ преданіе о страшной судьбѣ Игоря, а почему сперва Владиміръ Св. изгналъ ихъ въ Грецію, а потомъ Новгородцы избили ихъ въ 1015 году. Причина такой печальной судьбы нашихъ Варяговъ очень ясно очерчена въ народныхъ сказаніяхъ о похожденіяхъ нашихъ земляковъ въ Кіевѣ: Чурилы и Дюка, изъ которыхъ первый славится какъ щеголь, хваставшійся своими парчевыми плащами, т. е. лудами, а послѣдній —

---

*) Имя Урмянскаго Князя Олега находимъ въ названіи озера Урміи, Кн. Игоря въ названіи подъ Расною пос. Игарево, имя Св. Ольги въ назв. поселенія Ольги. Мауроурбинъ указываетъ на резиденцію Синеусовъ въ Сварцевскѣ, вѣроятно, въ нашихъ Сварценахъ подъ Расною.

**) Смотр. Syntagm Menii—Annus 638.

своимъ богатствомъ. Поселенія Чурпловка, Вейдуки, а равно Баевка, Чиковщина указываютъ на принадлежность ихъ Варягамъ. Въ этихъ сказаніяхъ они прямо изображаются самовольниками. Нѣкоторые историки пріурочиваютъ циклъ этихъ богатырей ко времени Владиміра Мономаха, но идеалы этихъ героевъ не подходятъ къ задачамъ времени Владиміра М., направлявшаго сліяніе культуры своего народа съ Византійскою, поклонницею которой была Ефросинія, кн. Полоцкая и др. Въ 1024 году они прибыли вмѣстѣ съ своимъ княземъ Якуномъ на Лиственскую битву Ярослава Мудраго съ его братомъ Мстиславомъ Тмутороканьскимъ. Лѣтописецъ говоритъ: „и бѣ Якунъ сълѣпъ и бѣ на немъ луда, златомъ исткана“, по другимъ спискамъ лѣтописи говорится прямо: „златая луда“. Противники съ отчаянною храбростью сражались другъ противъ друга, но Ярославъ и Якунъ были побѣждены, при чемъ разсказъ лѣтописи объ этой битвѣ такъ заключается: „и погибе ту луда златая, и отбѣже Якунъ тое луды златое“. Ученые называютъ Якуна вообще, на основаніи этого мѣста лѣтописи, слѣпымъ, а подъ лудою разумѣютъ одежду, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть справедливо: никогда Якунъ не былъ слѣпъ, иначе зачѣмъ слѣпому одѣваться въ золотые плащи, и могутъ ли слѣпые прытко бѣгать? А затѣмъ потеря побѣжденнымъ полководцемъ своего плаща на полѣ сраженія будто такая рѣдкость, чтобы заносить ее въ лѣтопись? А въ выраженіи: „и отбѣже тое златое луды“ ясно разумѣется главный городъ нашей страны. (Упомянутый нами завороженный городокъ въ народѣ называется золотымъ городкомъ, и лѣтопись, называя нашъ городъ Золотою Лудою, пользуется фигуральнымъ оборотомъ рѣчи, чтобы описать гибель Варяговъ, обиравшихъ съ Славянской земли жалованье, при помощи котораго они такъ богато жили, что лѣтопись и здѣсь приводитъ эпизодъ обутыхъ Варяговъ, которыми упрекаетъ ихъ Мстиславъ). Что Лиственская битва была роковой въ судьбѣ Варяговъ, тому служитъ доказательствомъ вліяніе этой битвы не на судьбу Ярослава, о которомъ не упоминается ни слова послѣ нея, но на судьбу Варяговъ. Важность этой битвы для своего времени оказывается изъ усилія лѣтописца описать, и съ особеннымъ вниманіемъ, побѣду полковъ и Славянскихъ ратей надъ Варяжскими дружинами. Ясно, что Варяги потеряли здѣсь свою самостоятельность, право на взиманіе даней, а потомъ и свои корпоративныя права. Изя-

славъ, при нашемъ Симеонѣ князѣ передалъ управленіе нашею страною Всеволоду Переяславскому, который передалъ ее своему сыну Владиміру Мономаху, Смоленскому князю. Послѣ Литвенской битвы наши Варяги стали уходить на Литву, которую не разъ былъ вынужденъ усмирять Ярославъ Мудрый. Замѣчательно, что институтъ ихъ на Литвѣ сохранился до поздняго времени подъ именемъ гетмановъ, бояръ разнаго рода. Они же, вѣроятно, пособили Семигаламъ въ 1104 году освободиться отъ Полочанъ. Въ 1132 году Мстиславъ Великій еще разъ усмирилъ Литву, но, по смерти его, Литовскіе полководцы Ердвила, сына Гимбута: Гражи, Груми и Ейски успѣли вытиснуть Русскихъ изъ Литвы, князь которой Гимбутъ первый напалъ на Новогрудокъ, во время осады котораго Гимбутомъ Латыши вторглись въ Литву и опустошили ее, чѣмъ и отмстилъ Гимбутъ Латышамъ, по возвращеніи своемъ изъ похода. *) Одновременно съ Литовцами Нѣмцы съ Датчанами, надѣясь на полунезависимыя отношенія къ намъ Латышей и Ливонцевъ, унаслѣдованныя этими народами отъ времени нашихъ Варяговъ, задумали о господствѣ надъ Двиною, ободряемые къ тому пропагандою Римской куріи.

X. Въ концѣ княженія Изяслава I-го явился въ Кіевъ Варяжскій князь Симеонъ, считаемый учеными за племянника вышеупомянутаго Якуна, не какъ самостоятельный владѣлецъ, но ища съ своею дружиною, сопровождавшею его, службы у В. Князя. Лѣтопись не объясняетъ причины, почему В. Князь не исполнилъ желанія Симеона, но результатомъ этого прибытія Варяговъ въ Кіевъ было то, что В. князь Симеону не далъ службы, а его дружину передалъ Переяславскому князю Всеволоду; самъ же Симеонъ постригся въ монахи, предоставивъ своему монастырю значительный вкладъ. Впослѣдствіи Всеволодъ передалъ, кажется, упомянутую дружину сыну своему Владиміру, б. княземъ Смоленскимъ и Витебскимъ; послѣдній же, вѣроятно,

---

*) Въ концѣ XII в. Литовцы нападаютъ на Псковскія земли, пристроясь въ Полоцкой и нашей землѣ по соизволенію Смоленскихъ князей, стремившихся къ господству въ Кіевѣ и допускавшихъ водвореніе Литовскихъ князей на условіи принятія ими Православія, съ каковымъ принятіемъ эти князья уже считались Русскими князьями, напр. Борисъ Гинвиловичъ Полоцкій, Товтивилъ, Довмонтъ и др.

былъ и княземъ нашей страны, что увидимъ ниже изъ распоряженія ея судьбою внукомъ его Рюрикомъ Ростиславовичемъ.

XI. Въ XII вѣкѣ имя Варяговъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ уже гораздо рѣже, чѣмъ въ прежнее время. Однакожъ, и подъ 1148 годомъ, встрѣчается такое мѣсто въ лѣтописи: „Изяславъ да дари Ростиславу, что отъ Русскихъ земель, а Ростиславъ (т. е. Смоленскій князь) да дари, что отъ верхнихъ земель и Варяговъ", что указываетъ на нѣкотораго рода ихъ самостоятельность. Съ того времени, вѣроятно, чтобы не дать мѣста этому воинскому, ненужному у насъ обществу, то его постигаетъ, наконецъ, такая участь, что и право ихъ на принадлежность имъ земли теряется безслѣдно, да и въ литературѣ, и въ офиціальной сферѣ о нихъ не упоминается. Съ этого времени имя ихъ становится предметомъ пустаго разговора: тары бары. Пропала ихъ славушка и чудороины, и съ чивилями, и съ заморскими подвигами. Но у Датчанъ имя ихъ хранилось на столько въ памяти, что, только съ наступленіемъ прошедшаго вѣка, Датчане перестали называть Рижскій заливъ Варяжскимъ моремъ. Имя ихъ потеряло свою память даже и въ основной своей колыбели,—въ нашей странѣ и, наконецъ, въ Смоленскѣ, значеніе котораго они возвысили въ XI, XII и XIII в. на столько, что Смоленскъ занялъ передовую роль на западѣ Россіи участникомъ торговли съ западною Европою, о чемъ свидѣтельствуетъ договоръ 1229 г. Мстислава Давидовича съ рыцарями. Они были вожаками Смоленскаго торговаго поселенія, отъ котораго осталось очень много ихъ слѣдовъ.

XII. Что же была за причина нашего разъединенія съ Варягами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ новомъ политическомъ строѣ Руси, оставившей дружины и учредившей вмѣсто нихъ полки. Дружины, какъ бродячій элементъ, оказывались тягостными въ новомъ строѣ государства. Чрезъ свое стремленіе къ Кіевской аренѣ, особенно со времени Изяслава, Смоленскіе князья, оставивъ нашихъ Варяговъ на свою волю, дали средства Литвѣ усилиться сліяніемъ ея съ ними и являются въ XIII в. уже номинальными только владѣльцами нашей страны, перешедшей со времени Рингольта или Герпольта подъ власть Литвы. Однакожъ эта конкуренція Смоленскихъ князей съ Суздальскими, т. е. дѣтьми Юрія Долгорукаго, была спасительна для организаціи Руси въ политическомъ единеніи, при усвоеніи девиза Византійско-

Русской культуры Мономаховой шапки. Новымъ условіямъ своего быта наши Варяги-Славяне покорились, но иноземные Варяги упорствовали, а почему наши князья и народъ стали заграждать имъ путь въ свои земли. Такъ подъ 1188 годомъ лѣтопись говоритъ: „рубоша Новгородцы варязи въ Готѣхъ Нѣмеце на Хоружку и въ Торжку“, т. е. Новгородцы заключили Нѣмцевъ, Варяговъ Готскихъ въ тюрьмы или въ погреба на Хоружку и въ Торжку. Подъ словомъ „Варягъ“ наши предки стали разумѣть всякаго иноземнаго купца съ запада, и имя Варягъ или Фрягъ оказывается однозначащимъ съ названіями: иноземный купецъ, Латынь, Нѣмецъ и Франкъ. Наконецъ, подъ 1200 годомъ, снова встрѣчаемъ краткое указаніе лѣтописи о приходѣ Варяговъ въ Новгородъ горою, т. е. со спором̃ъ, но только въ слѣдующемъ году Новгородцы заключили съ ними миръ. Это перемиріе было у Новгородцевъ послѣднимъ сношеніемъ вообще съ Варягами, по имени которыхъ они однакожъ долго называли одну изъ своихъ улицъ, въ которой было дозволено селиться Варягамъ, Варяжскимъ концомъ, гдѣ было дозволено имъ содержать даже свои божницы или храмы, также какъ въ Ладогѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ. Однакожъ послѣдній фактъ никакъ не указываетъ на единство развитія Христіанскаго культа у нашихъ предковъ однородно съ католиками того времени. Въ то время какъ западъ Европы былъ въ волненіи, занятый ожесточенною борьбою съ Турками и крестовыми походами, въ Псковской лѣтописи, по поводу призванія князем̃ъ Псковичей на борьбу съ язычниками за вѣру, послѣдніе отвѣчали своему князю: „*Вѣси, яко мы вси семы адамово племя,—и вѣрніи и невѣрніи: но убо и съ невѣрными не удобно есть ни про чтоже брань сотворяти, но со всѣми въ мирѣ быти, точію къ беззаконію ихъ не приступати, да и тіи, увидѣвши наше смиреніе и любовь, пріидутъ въ благоразуміе и крестятся*“. Карамзинъ считаетъ это дивное мѣсто лѣтописи, характеризующее Византійско-Славянскую миссію, позднѣйшею добавкою какого нибудь переписчика, сомнѣваясь, чтобы у нашихъ предковъ XIII вѣка былъ на столько возвышенный на дѣло проповѣди взглядъ. *) Но, напротивъ, упреки нѣмецкихъ хрони-

*) Мнѣніе о томъ Карамзинъ помѣстилъ въ своей исторіи государства Россійскаго, говоря о Псковскихъ событіяхъ этого времени. Мы привели это мнѣніе Псковичей, какъ контрастъ международнымъ культурнымъ понятіямъ Нѣмцевъ по поводу мнѣнія, высказаннаго Эргаиомъ въ предисловіи его къ хроникѣ.

керовъ этого времени въ равнодушіи нашихъ предковъ, при распространеніи Христіанства между иноплеменными язычниками, и доказываютъ дѣйствительность лѣтописи, и что взглядъ Псковичей на дѣло проповѣди былъ безъ фанатизма. У Нѣмецкихъ хроникеровъ Варяжскіе промыслы прикрываются фирмою пропаганды Римской куріи, раздѣляющей плоды и пріобрѣтенія ихъ. Какъ Генрихъ Латышъ, самый раній изъ Латинскихъ миссіонеровъ хроникеръ, такъ и позднѣйшіе хроникеры описываютъ организацію миссіонерскихъ католическихъ обществъ, составлявшуюся на условіяхъ Варяжскихъ и позднихъ экквизадорскихъ бандъ и дружинъ; но наши лѣтописи не сохранили ни одного факта принудительнаго обращенія кого нибудь изъ Русскихъ подданныхъ въ Православіе, или порученія религіозной миссіи своимъ боярамъ и Варягамъ.

XIII. Какъ совершалась миссія Православія вообще въ Русской землѣ, на то имѣется масса фактовъ миролюбиваго и кроткаго ея отношенія къ новообращеннымъ въ Христіанство, которые не только не испытывали принужденія, но даже были избавляемы отъ поборовъ и пожертвованій на этотъ предметъ, траты и расходы по которому принимала на себя или высшая власть, или благочестивые достаточные ревнители Православія. Такимъ образомъ, и построеніе, и украшеніе храмовъ; основаніе училищъ, богадѣлень и т. п. происходило съ издревле отъ щедрости нашихъ государей, которыя они разсыпали своею рукою среди народа своего. Оставляя исчисленіе подобныхъ примѣровъ изъ исторіи нашихъ передовыхъ княжествъ, мы считаемъ умѣстнымъ вспомнить по этому случаю объ Ольгѣ Святой, Евфросиніи Полоцкой, Всеволодѣ Псковскомъ, которыхъ ревность къ благочестію имѣла обширное и цѣльное вліяніе на утвержденіе и водвореніе Православія въ нашихъ странахъ, за что и признаны Церковію въ ликѣ святыхъ Ея. Какъ Церковь почитаетъ

Оправдывая вторженіе Нѣмцевъ въ Ливонію изъ стремленія, врожденнаго у людей отъ Бога къ обществу и сближенію съ другими народами, этотъ авторъ на другой страницѣ уже упрекаетъ Москалей, принявшихъ его предковъ въ свою страну, въ томъ, что хотя они и исповѣдуютъ Христіанство, но допустивъ въ свою религію преданія, сдѣлались хуже язычниковъ, а почему у нихъ его предки и отняли землю вопреки международныхъ правъ; слѣдовательно, Нѣмцы стояли на низшей степени понятія о правахъ культуры, не доучившись имъ въ Варяжской школѣ, тогда какъ Псковичи высказали своимъ мнѣніемъ о правахъ культуры достаточную зрѣлость въ ней.

ихъ память за ихъ ревность къ процвѣтанію Вѣры, такъ и наши лѣтописи съ любовію отмѣчаютъ въ жизни нашихъ государей эту высокую черту благочестія. Особенною любовію къ украшенію храмовъ ознаменовало себя потомство Владиміра Мономаха, бывшаго нашимъ первымъ удѣльнымъ княземъ. Въ жизни этого государя замѣчателенъ фактъ унаслѣдованія имъ отъ дѣда своей матери, Византійскаго императора Константина Мономаха, его короны, совершившагося въ 1122 году, о чемъ Византійскіе историки времени Комненовъ стараются умалчивать, какъ объ опасномъ для династіи Комненовъ событіи; но дѣйствительность его не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ наслѣдниками этой короны оказываются не Смоленскіе князья—владѣльцы нашей страны, а Суздальскіе, а почему подробное изложеніе этого факта исключаемъ изъ своей программы. Въ 1160 году наслѣдовалъ нашу страну правнукъ Владиміра М. **Рюрикъ Ростиславовичъ**, достойный потомокъ, по своимъ доблестямъ, своего дѣда, послѣдній представитель Варяжскаго цикла, замѣчательный по своей бурной судьбѣ, нѣсколько разъ занимавшій великокняжескій Кіевскій престолъ, замѣчательный, какъ суровый воинъ, грозный и для Литовцевъ, и для Половцевъ. Борьба его за Кіевскій престолъ не касается нашей страны, а почему мы проходимъ мимо нея.

XIV. Но, приводя имя нашего князя Рюрика Ростиславовича прежде всего на аренѣ междоусобной борьбы, мы должны изслѣдовать мнѣніе Нѣмецкихъ писателей о томъ, что „Русь", растерзанная междоусобіями удѣльными не способна была къ водворенію порядка въ подвластныхъ ей земляхъ, и что только мечъ и торговля крестоносцевъ послужили къ скорѣйшему водворенію въ нихъ культуры. Такое мнѣніе—совершенный вымыслъ, какъ мы уже выше видѣли въ преданіяхъ народа о закрытіи торговли въ странѣ съ прибытіемъ рыцарей и убѣдимся изъ исторіи объ оживленіи ея съ удаленіемъ ихъ. (Матеріалы къ исторіи Прибалтійскаго края. Т. I. Передовая статья Рихтера.) Однакожъ мы, прежде разсказа о рыцарской культурѣ, провѣримъ клевету, насколько наша страна была истерзана междоусобіями. Такія междоусобія, какія поднялись въ нашей Руси со времени Владиміра Мономаха, никогда не терзаютъ государства, а еще болѣе его скрѣпляютъ, направляя народъ къ общему національному девизу. Борьба эта была изъ-за Мономаховой шапки—Русской національной панацеи. Этотъ домашній споръ никоимъ образомъ не отвлекалъ ни правителей

*

отъ ихъ политическихъ задачъ, ни народъ отъ своихъ культурныхъ занятій. Разсмотримъ состояніе нашей страны за это время. Дѣйствительно, никогда такъ удѣльные споры между нашими князьями не волновали Русскую землю, какъ въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ, каковыхъ споровъ были виновниками преимущественно Полоцкіе и Черниговскіе князья, стремившіеся къ старѣйшинству надъ Кіево-Смоленскими и Московско-Новгородскими князьями, на что однакожъ они не имѣли права. Полоцкіе князья, по возвращеніи своемъ изъ Греціи, куда они были изгнаны Мстиславомъ Великимъ за свои возмущенія во 2-й половинѣ XII вѣка, состоя въ родствѣ съ Комненами, во время правленія Ярополка Владиміровича, опять поднялись противъ Смоленскихъ князей, и Ростиславъ Смоленскій присылалъ, въ началѣ 2-й половины XII вѣка, для усмиренія ихъ, своего сына Рюрика съ бояриномъ Внѣздомъ. Вѣроятно, съ этого времени, наша страна и отдана была Рюрику Ростиславовичу въ удѣлъ, и онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Давидомъ Витебскимъ находится на стражѣ ея съ такою честію, что его имя и Давида, брата его, Пѣвецъ о полку Игоревѣ вспоминаетъ, какъ грозныхъ смирителей Литвы, которая и не смѣла появляться при нихъ на волнахъ Двинскихъ. Эту службу нашихъ князей какъ народъ нашъ, такъ и эпосъ и сохраняютъ въ своей памяти съ особою благодарностью, прославляя ихъ борьбу противъ безчисленныхъ враговъ Русской земли, облегавшихъ ея обширныя границы съ востока, юга и запада, какъ то: Литовцевъ, Половцевъ и прочихъ южныхъ кочевниковъ. Этотъ многочисленный сонмъ князей былъ необходимъ для защиты нашей земли, и князья наши съ честью исполняли свое призваніе какъ при защитѣ земли отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и при охранѣ національныхъ интересовъ. Этотъ же непримиримый врагъ Рюрика, Волынскій князь Романъ, оказывается несговорчивымъ съ папою, который рѣшился предложить ему королевскую корону за признаніе главенства папы надъ нашею церковью. Это же и служитъ причиною, что наши лѣтописи, хотя и указываютъ на междоусобія нашихъ князей, какъ, напримѣръ, на ссору Черниговскихъ и Полоцкихъ князей, напавшихъ за Витебскій удѣлъ Давида Ростиславовича и на область Ростислава, сына нашего князя Рюрика, состоявшую въ нашей странѣ, но указываютъ, какъ на второстепенныя обстоятельства, описывая заслуги нашихъ князей Рюрика Ростиславовича и его упо-

мянутаго сына, нашего князя Ростислава въ борьбѣ съ Половцами, одержавшихъ неоднократно блестящія надъ ними побѣды. Съ особеннымъ восторгомъ лѣтописецъ описываетъ побѣду юнаго нашего витязя Ростислава Рюриковича, принятаго Торками на княженіе и нанесшаго съ помощью Ростислава Владиміровича, своего двоюроднаго брата такое пораженіе Половцамъ въ 1190 г. на р., Ивлѣ, что ихъ князь Кобанъ едва спасся отъ плѣна. Чрезъ три года эти же Половцы снова потерпѣли страшное пораженіе отъ нашего же князя, который послѣ побѣды представилъ дядѣ своему Давиду Смоленскому и тестю своему Всеволоду Юрьевичу Суздальскому множество трофеевъ и сайгатъ.

XV. Всѣ эти побѣды не были однакожъ послѣдствіемъ безцѣльной варварской борьбы, но сопровождались политическими культурными результатами, такъ какъ эти побѣды внушили такое уваженіе къ нашимъ витязямъ и правителямъ, что южные кочевники Торки, Берендеи, Черные Клобуки искали другъ предъ другомъ чести принятія къ себѣ нашихъ князей на княженіе, съ прибытіемъ которыхъ Руссификація проникла къ этимъ народамъ не насильственнымъ, но мирнымъ путемъ. Что призваніе и нашихъ князей, и іерарховъ къ миссіи и культурѣ было истиннымъ и искреннимъ, то доказывается также и послѣдующею ихъ дѣятельностью и во время нашего несчастія, когда, съ одной стороны, вторгшаяся Латинская пропаганда въ нашу страну искореняла нашу древнюю истинную культуру, а, съ другой стороны, Монголы давили насъ съ востока. Всѣ наши князья и іерархи мужественно служили своей миссіи среди варваровъ-Монголовъ, принимая мученичество за вѣру, чѣмъ вызвали у Монголовъ уваженіе къ нашей вѣрѣ, какъ то оказалось во вліяніи на нихъ нашего духовенства вообще, если припомнимъ о значеніи Алексѣя митрополита среди Монголовъ. Не то мы видимъ у рыцарей, которые трепетали при одномъ появленіи Монголовъ, какъ одинъ изъ такихъ случаевъ разсказанъ Карамзинымъ, случившійся при Василіи Іоанновичѣ, когда послы рыцарскіе бѣжали изъ Москвы, заслышавъ о прибытіи въ нее Монгольскихъ пословъ. Этотъ случай доказываетъ, что рыцари мужественно служили миссіи только среди культурной среды, будучи не способны къ миссіонерскимъ трудамъ среди некультурной арены. Между всѣми нашими князьями потомки Смоленскаго князя Ростислава, какъ въ административномъ искусствѣ, такъ и на военномъ поприщѣ пріобрѣли особенную

славу: лѣтописецъ замѣчаетъ по случаю Липецкой битвы, происшедшей въ 1218 году, что „князья Ростиславовичи рядны, мудры и храбры, и мужи ихъ Новгородцы и Смольяне дерзки въ бою“.

XVI. Но, описывая и воинскія доблести, и гражданскія заслуги нашихъ князей, лѣтописи наши съ такимъ же вниманіемъ слѣдятъ за распространеніемъ князьями религіи въ народѣ и за отношеніемъ ихъ къ церкви. Какъ разъ, на канунѣ вторженія вооруженной Католической пропаганды въ Ливонію, въ нашей странѣ, которую хроникеры описываютъ въ язычествѣ, заносятъ наши лѣтописцы въ свои лѣтописи такой фактъ изъ Христіанскаго быта нашей страны, который по своей обстановкѣ свидѣтельствуетъ несомнѣнно о процвѣтаніи у насъ Христіанства. Подъ 1171 г. въ лѣтописи находится слѣдующее мѣсто: „Рюрикови же мимоидущю изъ Новгорода (онъ тамъ занималъ нѣкоторое время столъ) къ Смоленску, а и бысть на Лучинѣ Връбное недѣли въ пятокъ, солнцу восходящу, родися у него сынъ, и нарекоша въ св. крещеніи дѣдня имя Михайло, а княже Ростиславъ, дѣдняжь имя, и дастъ ему отецъ городъ Лучинъ, въ немъ же родися, и поставиша на томъ мѣстѣ церковь Св. Михайла, гдѣ ся родилъ. А и бысть радость велія о его рожденіи“. Сліяніемъ своей радости съ богоугоднымъ дѣломъ князь Рюрикъ II неоднократно потомъ является на страницахъ лѣтописи и, въ особенности, онъ является почитателемъ имени Св. Михаила, заботясь объ украшеніи его храма въ Кіевѣ, гдѣ устроивалъ трапезу для монашествующей братіи, раздѣляя эту трапезу съ братіей, въ каковой трапезѣ участвовало и его семейство: жена, сынъ и сноха его. Какъ видно, Рюрикъ Ростиславовичъ не щадилъ тратъ на богоугодное дѣло, потому что работы при храмѣ Св. Михаила производилъ первый изъ художниковъ того времени Милонегъ, вызванный изъ Греціи. При своей боевой и бурной жизни, князь нашъ не оставлялъ своего семейства безъ современнаго образованія; такъ его сноха, по смерти своего мужа князя Ростислава, Верхуслава, въ монашествѣ нареченная Антоніею, извѣстна была ученостью, принимая участіе въ судьбѣ іерархическаго міра того времени. Напр. одинъ изъ архіереевъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій: „пишетъ до меня книгы Верхуслава“. Примѣромъ крѣпкаго благочестія является сама жена Рюрика Ростиславовича, которая, будучи пострижена съ своимъ мужемъ, по случаю его низверженія съ Кіевскаго престола жестокимъ своимъ

зятемъ Романомъ Волынскимъ, въ монахини, не хотѣла оставить своего невольнаго обѣта, отъ котораго, однакожъ отказался ея мужъ, который, по смерти своего врага въ 1204-мъ вступилъ потомъ опять на Кіевскій престолъ, уступленный ему его сыномъ Ростиславомъ, получившимъ Кіевскій столъ отъ побѣдителя. Жена Рюрика не только не вышла изъ монастыря, но приняла постриженіе въ схиму. Самъ Рюрикъ потомъ отказался отъ Кіевскаго стола и окончилъ свою жизнь, занимая Черниговскій столъ, въ 1214 году. Сынъ его Ростиславъ умеръ чрезъ два года по смерти своего отца, занимавши въ теченіе своей жизни нѣсколько столовъ, а именно: Торческій, Бѣлгородскій и великокняжескій Кіевскій. По смерти Романа Волынскаго или Галицкаго, ему предлагали и Галицкій, но онъ отказался. Дочь его Измарагда (Христіан. имя Евфросинія) была въ замужествѣ за Трипольскимъ княземъ. Вообще наши лѣтописи личность Рюрика Ростиславовича выставляютъ также и образцомъ гостепріимства: такъ на свадьбу его сына съѣхались къ нему до 20 князей, а Рюрикъ на радости подарилъ своей снохѣ городъ Брягинъ (уѣзд. г. Минской губ.).

XVII. Изложенныя нами данныя изъ быта нашей страны ясно говорятъ по своей полнотѣ и обстановкѣ какъ о прочности политическаго быта, такъ и религіозной высотѣ нашихъ предковъ XII вѣка, противъ чего такъ доскональнo высказываются Руссофобы Нѣмецкіе. Мало того, говоря о низкомъ уровнѣ нашей древней культуры, Нѣмецкіе историки, при встрѣчѣ съ спорными и темными фактами изъ своей исторіи, стоящими въ соприкосновеніи съ лѣтописными нашими разсказами, отказываются признавать достовѣрность послѣднихъ, какъ легендарныхъ или измышленныхъ повѣствованій. Напр., ученый Энгельманъ въ своихъ хронологическихъ изслѣдованіяхъ рѣшается заподозрѣвать даже ближайшія по времени къ намъ событія, оправдывающіяся постепеннымъ ходомъ историческихъ обстоятельствъ, но непріятныя для патріотическаго самолюбія потомковъ пропаганды, именно: побѣду Псковскаго Князя Довмонта надъ магистромъ Роденштейномъ или Лютенбергомъ рѣшается отрицать на основаніи чьего то донесенія Любекскому сенату о побѣдѣ этого магистра надъ Русскими, тогда какъ по всѣмъ актамъ и фактамъ орденъ оказывается за это время при крайнихъ потеряхъ. *) Такой скептицизмъ совершенно неосновате-

*) Вообще рыцари одерживали побѣды только при воровскихъ набѣгахъ,

лей. Русскія лѣтописи чужды всякаго пристрастія при изложеніи ими событій, какъ достославныхъ, такъ и печальныхъ, отличаются крайнею точностью и полнотою, тогда какъ нѣмецкія хроники, какъ заказныя произведенія, отличаются искусственностью, маскировкою событій, а во многихъ мѣстахъ извращеніемъ фактовъ; а почему данныя изъ Нѣмецкихъ хроникъ не могутъ быть провѣрены никакими слѣдами описываемыхъ ими событій, тогда какъ лѣтописныя событія провѣряются и въ эпосѣ, и въ народныхъ преданіяхъ. Такимъ образомъ, описанная лѣтописью радость Рюрика о рожденіи его сына осталась небезвѣстною и для Смольянъ, къ которымъ онъ прибылъ изъ Люцина, направляясь въ свой надѣльный городъ, желая ратовать съ Половцами. Въ это время Смоленскій столъ занималъ сынъ князя Романа Ростиславовича, брата Рюрика Ростиславовича, котораго Романа имя было тоже страшнымъ на Литвѣ, сохранившей его въ пословицѣ: „Романе, Романе! Худымъ ты живеши, Литвою ореши". Со смертью Романа Ростиславовича и удаленіемъ отъ нихъ Рюрика Ростиславовича, въ 1172 году, положеніе Смольянъ становилось небезопаснымъ, а почему они настойчиво упрашивали Рюрика Ростиславовича остаться у нихъ на княженіи; но воинственный князь искалъ бранной славы, желая заслужить у потомства благодарность своему имени за защиту своей земли отъ Половцевъ. И, дѣйствительно, Смольяне до сего времени сохраняютъ о немъ такую пѣснь, полную глубокаго смысла, въ которой и звукъ, и слова напоминаютъ о глубокой древности. Она состоитъ изъ припѣва, обрисовывающаго положеніе того времени словами: „Дымно въ полѣ, темно въ полѣ", и повторяемаго послѣ каждаго стиха пѣсни, состоящаго изъ слѣдующихъ 8 стиховъ: „Князь Василій (имя Рюрика въ крещеніи) на войну ѣдетъ". „А за нимъ то два, то три посла". „Воротись, князь Василій, а жена тебѣ дочь родила". „А я дочери теремовъ настрою". Вторая половина пѣсни состоитъ изъ

напр. на Дерптъ при Вячкѣ, на Псковъ при измѣнникѣ Твердилѣ, при захватѣ Маріенбурга, Нейгаузена, при набѣгѣ на Изборскъ въ 1406 году—и только; а затѣмъ достаточно вспомнить о пораженіяхъ ихъ на Ледовитомъ побоищѣ, на Раковорской битвѣ, при отраженіи ихъ Давидомъ Гарденскимъ, подъ Псковомъ и Дерптомъ, въ 1370 г. подъ Нейгаузеномъ, пораженіе Фитингофа, Борха, Плетенберга. Но, кромѣ того, въ XIII вѣкѣ они никакъ не могли хвастоваться побѣдами надъ Русскими, не успѣвъ еще справиться ни съ Пруссами, ни съ Литовцами. Послѣдніе были для рыцарей кошмаромъ этого времени.

тѣхъ же стиховъ, только вмѣсто 4-го—помѣщенъ стихъ: „А я сыну городовъ навоюю“. И князь, какъ мы видѣли, достославно отслужилъ свое боевое поприще болѣе 20 лѣтъ, будучи избранъ, наконецъ, на великокняжескій столъ, съ котораго времени впрочемъ начинается для него рядъ несчастій, не имѣвшихъ однакожъ вліянія на уменьшеніе его славы въ народѣ. Достовѣрность лѣтописнаго разсказа о рожденіи въ Лучинѣ или въ Люцинѣ Ростислава Рюриковича оправдывается и изъ топографіи нашей страны, въ которой подъ Люциномъ, не доѣзжая до него по древнему Псковскому тракту 14 верстъ, мы находимъ поселеніе Михайловку, а въ самомъ Люцинѣ сохраняется въ народѣ съ незапамятныхъ временъ чествованіе дня Михаила Архангела. Ученые наши Карамзинъ, Помпей Батюшковъ и Сербиновичъ пріурочиваютъ нашъ Люцинъ къ Ростиславову Лучину, но проф. Барсовъ въ своемъ „Историко-Географическомъ Словарѣ“ пріурочиваетъ его къ Могилевскому Лучину, а въ Исторіи Россіи, изданной имъ послѣ словаря, пріурочиваетъ къ Витебскому поселенію Лушнѣ, находящейся восточнѣе Люцина, на прямомъ пути къ Витебску. Не можетъ быть, чтобы на такой великой радости такой значительный князь, какимъ былъ Рюрикъ между прочими князьями, дарилъ бы своего первороднаго сына такимъ незначительнымъ подаркомъ, какова Лушня. Но выраженія лѣтописи: „мимоидущю, а и бысть на Лучинѣ“ ясно указываютъ, что Лучинъ не лежалъ на прямомъ пути Рюрика изъ Новгорода къ Смоленску. Лушня входила въ составъ Полоцкаго княжества, и была всегда селомъ, а Лучинъ былъ гл. городомъ одного изъ Смоленскихъ удѣловъ; слѣдовательно Рюрикъ не могъ передавать Лушни въ удѣлъ своему сыну, а Лучинъ принадлежалъ къ Смоленскому княжеству, а въ іерархическомъ отношеніи къ Смоленской епископіи. Такъ, самъ же Барсовъ въ своемъ Словарѣ причисляетъ Лучинъ къ Смоленской епископіи, въ дань которой Лучинъ платилъ только три гривны, слѣдовательно, князю онъ платилъ 30 грив., что по тому времени составляло большую сумму; но онъ не платилъ ни мыта, ни пошлины, такъ какъ онъ былъ изъ пограничныхъ городовъ, обязанныхъ по древнему Русскому закону пограничною службою. Принадлежность нашего Лучина къ Смоленской епископіи продолжалась и подъ Польскимъ владычествомъ надъ нимъ и нашею страною, что видно изъ грамоты Владислава IV подъ 1634 годомъ, помѣщенной въ Вѣстникѣ Запад. Россіи

1870 г., княж. 11, въ которой грамотѣ ясно обозначены западныя границы, начинавшіяся для Смоленской епископіи съ Лютенской земли. Названіе Лютенской земли встрѣчается въ перечисленіи земель, принадлежавшихъ Свитригайлѣ послѣ Вилькомірскаго сраженія, подъ собственнымъ названіемъ, т. е. Лучинской земли. Поименованіе нашего Лучина въ числѣ епископскихъ земель указываетъ, что въ этомъ городѣ, уже въ XII вѣкѣ, существовало Православіе и что это древнее поселеніе имѣло городовое населеніе. Кромѣ его древняго названія: „Луды“, потомъ названій: „Лучиномъ, затѣмъ Лютеномъ или Луценомъ“, Шведы называли его Лутаромъ, каковое названіе находимъ въ Латинской Исторіи о Карлѣ Густавѣ X, изданной Пуфендорфомъ. Слово: „Лучинъ“ происходитъ отъ слова: „Лукъ“, на каковое происхожденіе намекаетъ его названіе въ народѣ малыми Луками въ отличіе отъ сосѣдняго города Псковской губ. Великихъ Лукъ, построеннаго Псковичами около 1196 года для защиты своихъ границъ отъ Литовскихъ набѣговъ и названнаго въ лѣтописи: „оплечьемъ Пскова отъ Литвы“. Происхожденіе Велик. Лукъ даетъ поводъ предполагать, что нашъ Лучинъ игралъ какую то роль во время борьбы Смоленска съ Литвою и со Псковомъ, и что Рюрику II онъ былъ знакомъ еще до посѣщенія его имъ. Люцинъ, до сего времени, называется въ народѣ Лучиномъ, какъ Дерптъ Юрьевымъ.

XVIII. Наконецъ, мнѣніе Рихтера о значеніи замковъ, для развитія мѣстной торговли среди туземцевъ, оказывается ясным парадоксомъ, потому что рыцари, вторгаясь въ чужую землю старались прежде всего не о захватѣ земли и покореніи туземцевъ, но о завладѣніи торговыми трактами, какъ доказываетъ договоръ Гедемина съ рыцарями, нами нижеприведенный, а также судоходными рѣками, для обезпеченія которыхъ за собою они устроивали на пути ихъ замки, а потомъ устроивали отъ себя корчмы и мельницы, праводладѣнія которыми они, а также и ихъ наслѣдники іезуиты и Польская шляхта, не дозволяли и нигдѣ не уступали туземцу. Торговлю свою союзный купецъ могъ только производить по торговымъ рыцарскимъ трактамъ и притомъ съ самыми рыцарями или только Нѣмецкими купцами, но отнюдь не съ туземцами. Слѣдовательно, такого рода замки не развивали, а сокращали дѣятельность туземца, который въ замкахъ и Нѣмецкихъ городахъ не могъ даже продать произведенной имъ вещи,

безъ разрѣшенія на то цеховыхъ мастеровъ. Очевидно, что при сопоставленіи значенія замковъ съ значеніемъ нашихъ городовъ, торговъ и рынковъ, значеніе первыхъ для нашей страны было гибельное и убійственное. Вышеприведенная нами жалоба Латыша въ словахъ его пѣсни: „Красива ты, Рига!“, но кто тебя сдѣлалъ красивою, если не трудъ Латыша“? уясняетъ значеніе и замковъ, и Нѣмецкихъ городовъ для туземца.

XIX. Вообще, при сужденіи о первомъ періодѣ государственнаго бытія нашего Отечества, Руссофобы выводятъ заключеніе о воинственномъ направленіи его къ поращенію своихъ сосѣдей, называя этотъ періодъ времени вообще Норманскимъ, положившимъ въ основаніе будущей дѣятельности нашего государства—иниціативы къ захватамъ чужихъ владѣній, посредствомъ меча и насилій. Такой взглядъ неоснователенъ. Еще о первомъ нашемъ государѣ Рюрикѣ I-мъ говорится въ лѣтописи, что онъ, по смерти своихъ братьевъ, приступилъ къ основанію городовъ, каковою дѣятельностью отличались всѣ его преемники. Что касается присоединенія нашими князьями сосѣднихъ племенъ, то оно совершилось болѣе посредствомъ обоюднаго соглашенія покорявшагося племени за огражденіе и защиту его отъ Азіатскихъ кочевниковъ: Хазаръ, Печенѣговъ и Половцевъ, препятствовавшихъ развитію гражданскаго у нихъ прогресса. Руссы не касались ни національныхъ принциповъ, ни религіи своихъ союзниковъ — данниковъ, предоставляя имъ исподоволь свыкаться съ Русскою культурою, а почему и оказывается, что наши Латыши и Эсты въ XII и XIII ст. не успѣли всѣ принять Православія. Послѣ того, какъ Константинъ В. положилъ у Европейскихъ народовъ основы мирнаго и добровольнаго принятія ими Христіанства, съ устраненіемъ въ новомъ ихъ государственномъ устройствѣ Римской тираніи и деспотизма, это—Великіе Учители Византійской Церкви стремились привить эти разумные принципы своего Законодателя въ бытѣ своихъ пасомыхъ Славянскихъ племенъ, доказывая свои стремленія и словомъ и дѣломъ, тогда какъ Учителя Западной Церкви, опираясь на власть и могущество возникшей на мѣстѣ Рима новой Франко-Германской имперіи, подъ видомъ болѣе быстраго распространенія Христіанства, приняли принципы принудительной проповѣди. При своихъ мѣрахъ, внѣ встрѣчъ съ Греческими миссіонерами, Латинская пропаганда имѣла, конечно, на первое время болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ Грече-

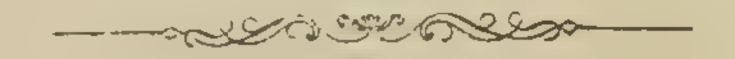
ская миссія, не смотря на всю ревность и святость служенія послѣдней на своей аренѣ. Увлекаясь этими принципами, послѣ описанныхъ нами боевыхъ успѣховъ Карла Великаго въ Панноніи, Нѣмцы, пользуясь замедленіемъ обращенія Славянъ въ Христіанство, вызываясь предъ папами на вооруженную борьбу съ Славянами и выговаривая себѣ за то право на порабощеніе побѣжденнаго противника, открыли враждебные замыслы противъ Славянъ и Хорватовъ, обитавшихъ по Лабѣ и Одрѣ, какъ противъ упорныхъ и закоренѣлыхъ язычниковъ. Всѣ эти племена стояли нисколько не на низшей ступени культурнаго развитія, чѣмъ Нѣмцы, и многія изъ нихъ знали о болѣе высшихъ принципахъ Христіанства отъ Греческихъ миссіонеровъ, чѣмъ тѣ принципы, съ которыми явились къ нимъ гордые Латинскіе проповѣдники, унижавшіе сверхъ того національныя права, обычаи и запрещавшіе самый Славянскій языкъ. Не смотря на значеніе великихъ жертвъ, принесенныхъ для славянъ Византійскою миссіею въ лицѣ Св. Мучениковъ, епископствовавшихъ въ Херсонѣ: Василія, Ефрема, Капитона, не смотря на всю высоту и значеніе Византійскихъ Учителей Церкви, Византійская миссія никогда не заявляла такихъ унизительныхъ требованій, какія—миссія Латинская, а тѣмъ болѣе далека была отъ корыстныхъ цѣлей, а почему передовыя Славянскія имена; Бодричи въ 821 г., и Моравы въ 830 г., отвергши Латинскихъ миссіонеровъ, приняли Христіанство отъ Греческой Церкви. Въ 818 г. Людевитъ, Хорватскій князь, освободился отъ Нѣмцевъ; вслѣдъ затѣмъ въ Моравской столицѣ Велеградѣ являются въ лицѣ Учителей Славянства Кирилла и Меѳодія радѣльцы самобытности Славянской національности, оброну которой они воздвигли, изобрѣвъ для Славянъ свои собственныя письмена въ 862 г., на которыя перевели Евангеліе и богослужебныя книги. Этою мѣрою изобрѣтатели Славянской грамоты дали средства своимъ народамъ для борьбы съ коварными и притязательными замыслами ихъ враговъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта мѣра была на столько дѣйствительна, что, вслѣдъ за изобрѣтеніемъ Славянскихъ письменъ, почти всѣ Славянскія племена Моравы, Чехи, Болгары, Сербы и частью Русскіе, въ теченіи второй половины IX вѣка, спѣшили добровольно и безъ борьбы обратиться къ Христіанству. Это же обстоятельство пробудило у порабощенныхъ Нѣмцами Славянъ духъ независимости. Вслѣдъ затѣмъ, въ 871 году,

Моравскій князь Святополкъ разбилъ подъ Велеградомъ Нѣмцевъ, а въ 877 Славяне Прибалтійскіе освободились отъ зависимости Нѣмцамъ. Однакожъ подобныя событія не только не остановили притязаній къ Вендамъ Нѣмцевъ, но еще болѣе раздражили послѣднихъ, которые съ X вѣка открываютъ непримиримую съ Славянами борьбу. Пользуясь ихъ разрозненностью, Оттонъ Великій въ 960 году покоряетъ какъ Лутичей и Бодричей, жившихъ по Лабѣ, такъ и Гевеловъ, Лужичанъ, Вильковъ, жившихъ по Гавелю, основавъ у нихъ Венденскій маркъ и Бранденбургское епископство. Вслѣдъ за паденіемъ независимости Вендовъ, въ Чехіи оказывается измѣнникъ Славянизму, добивавшійся у Оттона Великаго бискупскаго сана, одинъ изъ знатныхъ Чешскихъ дворянъ Войтехъ, принявшій съ Латинствомъ имя Адалберта, совратившій своего короля Болеслава въ Католичество, за что и былъ изгнанъ Чехами изъ своей страны, изъ которой онъ отправился въ Польшу, у короля которой братъ его Поравъ былъ любимцемъ, откуда онъ отправился въ Пруссію, гдѣ, наконецъ, и былъ убитъ Пруссами. Однакожъ эти насилія Нѣмцевъ оказались послѣ смерти Оттона Великаго безуспѣшными: Латинское богослуженіе и Нѣмецкій языкъ были для Славянъ чуждымъ элементомъ, а почему Лутичи въ 983 г. успѣли изгнать Нѣмцевъ, затѣмъ въ 1066 году Бодрицкій князь Готшалькъ успѣлъ ввести Славянское богослуженіе у Балтійскихъ Христіанъ. Однакожъ мстительная курія подняла возмущенія въ средѣ ихъ, вслѣдствіе которыхъ Готшалькъ погибъ отъ руки убійцы. За то Ругійскій князь Крукъ, чтобы избѣжать борьбы съ Нѣмцами, принимаетъ снова язычество и такимъ образомъ возстановляетъ свою національность. На эту мѣру Крукъ рѣшился, потому что Нѣмцы не считали такого Славянина Католикомъ, который совершалъ свое богослуженіе на Славянскомъ языкѣ. Эту нетерпимость къ Славянскому языку Нѣмцы высказывали, называя его языкомъ варваровъ и причисляя только свой языкъ къ культурнымъ, а между тѣмъ этотъ преслѣдуемый языкъ былъ органомъ Вендской древней культуры, описанію которой еще Ю. Цезарь посвятилъ нѣсколько краснорѣчивыхъ главъ въ своей исторіи войны съ Галлами, въ которомъ описаніи онъ прославилъ и мужество въ бояхъ, и гражданскія заслуги древнихъ Вендовъ, что потомки ихъ такъ блестяще и поддержали въ борьбѣ съ Нѣмцами за свою свободу. Но болѣе 4-хъ вѣковая борьба исто-

щила ихъ всѣ силы. Въ 1157 герцогъ Альбрехтъ Медвѣдь покорилъ Стадорянъ, а въ 1160 году погибъ въ борьбѣ съ Нѣмцами послѣдній Бодрицкій князь Никлотъ. Такимъ образомъ явились Мекленбургъ и Бранденбургъ вмѣсто бывшаго славнаго Венденскаго княжества. Въ слѣдующемъ году Датскій король Вольдемаръ завоевалъ наконецъ Аркону и Ругенъ—краевые оплоты Прибалтійскаго Славянства, съ которыхъ пропаганда устремила свои виды уже на Ливонію. Мы представили этотъ краткій очеркъ судьбы нашихъ одноплеменцевъ, во 1-хъ, для опроверженія вышеприведенныхъ нами мнѣній Руссофобовъ о Норманскомъ характерѣ нашихъ первыхъ князей, въ дѣятельности которыхъ мы ничего подобнаго Нѣмецкой алчности не находимъ; во 2-хъ, для опроверженія Нѣмецкихъ историковъ, приписывающихъ обращеніе нашихъ Славянъ упомянутому Польскому апостолу Адалберту Войтеху, о силѣ проповѣди котораго эти историки такого мнѣнія, что Нѣмцы и Поляки заявляютъ притязанія на порабощеніе себѣ не только всѣхъ тѣхъ земель, куда ступила его нога, но гдѣ даже очутились какимъ нибудь образомъ его посмертные остатки, какъ это случилось съ его перстомъ, найденнымъ Ливонскими рыбаками во чревѣ пойманной ими у своихъ береговъ рыбы. Наконецъ, всѣ эти событія Нѣмецкіе хроникеры приписываютъ Промыслу Божію, который прибитіемъ волнами Бременскихъ купеческихъ кораблей указалъ будто бы Нѣмецкой націи на порабощеніе и Ливоніи: но такимъ образомъ Англичанамъ слѣдовало бы заявить притязаніе на присвоеніе себѣ Бѣломорскаго края, къ которому Англійскій капитанъ Ченслеръ былъ прибитъ также волнами, а между тѣмъ у этой націи не оказывается такихъ притязаній. Предварительное знакомство съ этими событіями намъ было необходимо, такъ какъ они стоятъ въ близкой связи съ наступающими событіями въ нашей странѣ, при которыхъ главными факторами оказываются эти же друзья Славянъ: Папа и Нѣмцы съ своими религіозными и культурными мотивами и пресловутыми притязаніями на господство надъ своими сосѣдями то подъ предлогомъ національной, то подъ предлогомъ религіозной розни.

XX. Но, прощаясь съ Люцинскихъ высотъ съ Варяжской славой, прощаясь со всѣмъ сонмомъ Дѣдулей и Матулей, и съ миѳическимъ цикломъ богатырей, и съ поэтическими очаровательными вымыслами нашихъ предковъ о коврахъ самолетахъ, Дивной

Жаръ-Птицѣ съ ея Риками-Рикалями, Орликами-Рогалями, Воронами-Воркалями и т. д., мысль патріота убѣждается, что наши предки и въ доисторическое время, находясь еще въ Панонiи—этой какъ бы заказной аренѣ для состязанія древнихъ Европейскихъ народовъ въ ихъ силѣ и культурномъ призваніи, успѣли занять передовую роль и между всѣми Сарматскими племенами, и между иноплеменцами, пріобрѣвъ свою славу и значеніе не случайными обстоятельствами, но доблестными дѣяніями и истинными заслугами. Судьба наступающей борьбы Русскаго народа со вторгшеюся съ далекаго запада пропагандою представляетъ живой интересъ для историка при вопросѣ, на сколько потомки Панонськихъ и Поморскихъ Русскихъ витязей, съ переселеніемъ своимъ на востокъ, успѣли сохранить наслѣдіе своихъ предковъ и оправдать ихъ славу въ борьбѣ съ коварнымъ бывшимъ своимъ сосѣдомъ Нѣмецкимъ народомъ, который съ такою самонадѣянностью и хвастовствомъ заявилъ вызовъ ему, попирая его самыми священными и неприкосновенными правами. Въ эту борьбу вступилъ нашъ врагъ не съ одними своими силами, но поставивъ въ передовыхъ своихъ рядахъ нашихъ совращенныхъ одноплеменцевъ—Поморскихъ и Эльбскихъ Славянъ, судьбу которыхъ мы теперь объяснили. Конечно, все это было устроено хитро, но не по правиламъ чести и законовъ. Правда, Нѣмцы успѣли водвориться въ нашей Ливоніи и истребить Русскую культуру, оправдывая и узаконяя свое водвореніе и неприкосновенность своихъ правъ сказочными вымыслами о геройствѣ своихъ завоевателей и оставленныхъ ими благодѣяніяхъ въ покоренной ими странѣ. Но эта пресловутая слава основана на безвременьи Русскаго народа, въ земляхъ котораго они утвердились, истребляя его по частямъ; но какъ только пришлось имъ вступить въ борьбу со всею нашею націею, то и славѣ этой наступилъ позорный конецъ.



ГЛАВА III.

Вторженіе Нѣмцевъ въ Ливонію и нашу страну, подъ фирмою торговли и Латинской пропаганды.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
„Другъ мой, гдѣ бъ намъ пообѣдать?“

Christus neminem occidit, sed occisus fuit, neminem colaphum impegit, sed accepit. Ergo qui occiditur, Christum imitatur, qui occidit,—Antichristum.
Jeronimus.

I. Послѣ погибели Датскаго намѣстника Витзерка въ Ливоніи, Датчане не покидали своихъ стремленій снова овладѣть какимъ нибудь портомъ или въ Эстоніи, или въ Куроніи, и наконецъ, успѣли подъ предлогомъ Христіанской миссіи водвориться въ предмѣстьи Ревеля. Проводниками для нихъ на этомъ пути служили поморскіе Славяне, успѣвшіе основать въ XI вѣкѣ на о. Готландѣ г. Выжбу или Висбя, посредствомъ которой сносилась какъ съ Ливоніею, такъ и съ нашею страною. Съ Готландомъ были въ связи и Ганзеатскіе города Бременъ и Любекъ, процвѣтавшіе торговлею, производимою этими городами съ Вестфальскими городами: Дортмундомъ, Мюнстеромъ, Оснабрюкомъ и др., которые едва ли не съ VIII вѣка имѣли торговыя сношенія съ Смоленскомъ и Полоцкомъ. Что касается Смоленска, то, въ виду ослабленія Варяжскаго контингента, онъ сталъ прекращать свои сношенія съ Вестфаліею, за то послѣдняя, при посредствѣ Бременцевъ и Любекцевъ и чрезъ поморскихъ Славянъ, стремилась возстановить эту связь съ Полоцкомъ. Въ 1148 году Бременцы успѣли основать свою факторію при устьѣ Западной Двины, куда потомъ, по примѣру Датчанъ, прибылъ изъ Вестфаліи въ 1170 году первый Нѣмецкій миссіонеръ, Августинскій

монахъ Мейнардъ, получившій отъ мѣстныхъ Полоцкихъ князей позволеніе проповѣди между остававшимися еще въ язычествѣ нѣкоторыми Ливами и Леттами, послѣ чего и началъ свою миссію смѣло, по замѣчанію Г. Латыша. Хроники облекаютъ происхожденіе и водвореніе Нѣмецкой пропаганды чудесными происшествіями, а именно: то онѣ приписываютъ Промыслу Божію первое случайное будто бы прибытіе волнами одного изъ Бременскихъ кораблей къ устью Двины, купцы котораго, нашедши нашу страну населенною дикарями, вдохновились религіознымъ рвеніемъ просвѣтить бѣдныхъ ея обитателей Христіанскимъ ученіемъ и ознакомить ихъ сколько нибудь съ общественнымъ устройствомъ, о которомъ они туземцы не имѣли будто-бы никакого понятія, для чего въ слѣдующій разъ и прибыли съ миссіонерами-монахами; то иныя хроники обставляютъ вторженіе пропаганды сдѣлкою пришельцевъ съ туземцами, подобно сдѣлкѣ Дидоны съ Пунами при основаніи Карѳагена, при каковой сдѣлкѣ хитрость пришельцевъ послужила началомъ великаго дѣла *).

II. Всѣ эти вымыслы ясно противорѣчатъ истинѣ дѣла, и придуманы для хвастовства. По разсказу купеческой хроники Rothes Buch, утвержденію у насъ пропаганды послужило

---

*) Впрочемъ позднѣйшіе хроникеры, напр. Меній въ своей Синтагмѣ приводитъ преданіе объ убіеніи Ливонцами Адалберта, Пражскаго епископа, отправившагося въ миссію къ Пруссамъ и въ Ливонію. Убивая проповѣдника, мучители отрубили у него указательный перстъ, которымъ мученикъ зачастую грозилъ въ своихъ проповѣдяхъ своимъ слушателямъ. Отрубленный перстъ мучителя бросили въ море, гдѣ одна изъ рыбъ проглотила его, при чемъ случилось чудо такое, что чрево этой рыбы начало сіять блескомъ, который удивилъ рыбаковъ, постаравшихся поймать рыбу. Хроникеръ однакожъ замѣчаетъ, что эта басня о перстѣ должна быть причислена или къ благочестивой лжи или къ числу благовѣйнаго сумбура. Но самая Висла, въ которую былъ брошенъ палецъ Адальберта, никогда не принадлежала къ Ливоніи. Хроникеръ Евкедій въ своемъ предисловіи къ „Aulaeum Danaidum“ сравниваетъ первыхъ крестоносцевъ, внезапно вторгшихся въ Ливонію подъ прикрытіемъ креста, съ Гомеровскими героями, которые ворвались въ Трою, скрывшись въ знаменитаго деревяннаго коня. Такими миѳическими сказками наши рыцари тѣшили свое воображеніе и школьническую манію. Этимъ коварнымъ способомъ вторженія Латинская миссія пользовалась потомъ при водвореніи своемъ въ Ливоніи. Прося на первый разъ дозволенія на построеніе Латинскихъ божницъ, для охраны ихъ она потомъ строила замка, что видимъ изъ захвата ими Идумеи и Толовы (по Генриху Латышу) и земли Варки (документъ LXVIII въ Scriptores rerum Livonicarum), куда она

желаніе нашихъ князей, во владѣніи которыхъ находилось устье Двины оживить страну торговлею съ иноземцами. Между прочимъ, при вторженіи пропаганды, мѣстные туземцы не находились въ опредѣленномъ положеніи къ Полоцкимъ князьямъ. Этимъ положеніемъ, а также враждою Литвы и удѣльными междоусобіями и задумали воспользоваться корыстолюбивые проповѣдники, заботившіеся не столько о силѣ своей проповѣди, сколько о захватѣ чужой земли. Какъ ни смѣло открылъ свою проповѣдь Мейнардъ, но въ теченіи двадцати лѣтъ онъ не успѣлъ вызвать вниманія туземцевъ къ своей проповѣди, кромѣ того, что посредствомъ обмана съумѣлъ построить два каменныхъ замка на Двинѣ подъ предлогомъ защиты туземцевъ отъ Литовцевъ, а, на самомъ дѣлѣ, для замысловъ своей собратіи. Бременскій архіепископъ спѣшилъ закрѣпить новопостроенный замокъ (castellum, т. е. укрѣпленіе) за собою, назвавъ его Икесколанскою епископіею, во епископы которой рукоположилъ въ 1191 г. надъ какимъ нибудь десяткомъ новообращенныхъ этого же Мейнарда. Новый епископъ явился къ папѣ, прося у него разрѣшенія открыть крестовыя ополченія для обращенія Ливонскихъ туземцевъ въ католичество посредствомъ принужденія, на что и получилъ разрѣшеніе, впрочемъ вначалѣ негласное, чтобы не возмутить Русскихъ князей. Преемникъ Мейнарда Бертольдъ вступилъ въ 1196 г. въ Ливонію, на основаніи такого разрѣшенія, съ толпою крестоносцевъ (crucesignati, Kreuzfarer), которыхъ однакожъ туземцы разбили въ 1198 году, при каковомъ сраженіи палъ и самъ Бертольдъ. И по дѣломъ постигла такая судьба крестоносцевъ, вооруженіе которымъ прежніе папы дозволяли не для нападенія на мирныхъ народовъ, но для защиты Гроба Господня отъ нападенія Мусульманъ, враговъ Креста. Такая поспѣшность Ливонскихъ пропагандистовъ повредила въ Эстоніи и самимъ Датчанамъ, потому что и Эсты возстали противъ Датчанъ. Послѣ такой жалкой участи Бертольда никто не хотѣлъ заступить его мѣста.

III. Однакожъ упорные Бременцы пріискали смѣльчака, графа *Альберта Буксгедена* въ епископы Ливоніи, собравшаго сильный флотъ и войско при помощи Датскаго короля и послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ туземцами, утвердившагося въ упомянутыхъ

потомъ ввела рыцарскіе десанты, изгнавшіе нашихъ мѣстныхъ властей подъ разными предлогами.

замкахъ. Наученный неудачами своихъ предмѣстниковъ, Альбертъ Буксгевденъ, видя притонъ у устья Двины купечества, варяговъ и всякихъ авантюристовъ, избралъ основнымъ для нихъ городомъ Рижскій портъ, защищенный поверхъ Двины уже тремя замками крестоносцевъ: Икесколой, Даленомъ и Гольмомъ, а отъ устья Двины имѣвшій удобное мѣсто для построенія Динаминдскаго замка отъ моря, запретивъ всѣ прочіе порты и пристани, а именно у Корсовъ и Семигаловъ. Всѣмъ поселенцамъ Риги, по происхожденію изъ Германцевъ, онъ предоставилъ особыя права и привиллегіи, наравнѣ почти съ самими миссіонерами—съ духовенствомъ, ставшимъ во главѣ колонистовъ. Само собою разумѣется, для существованія такой враждебной колоніи, вступившей въ чужую страну для эксплоатаціи, необходимо было, кромѣ крестоносцевъ, удалявшихся изъ страны по совершеніи своихъ походовъ домой, имѣть постоянную, основную оборону, которая является въ видѣ высшаго сословія, получившаго надѣлы землею и крестьянами за обязанность защиты интересовъ Латинской пропаганды. Такимъ образомъ являются три высшихъ класса общества: 1) духовенство съ его министеріалами и прислужниками (Priesterschaft), имѣвшее свое особое управленіе посредствомъ капитуловъ или консисторій, 2) купечество высшаго и низшаго классовъ, имѣвшее также свое управленіе по гильдіямъ и 3) благородные или Adelschaft Equites, состоявшее въ зависимости на вассальныхъ условіяхъ отъ духовенства, отъ котораго оно получило извѣстные участки земли съ обязанностью строить на нихъ замки и содержать въ нихъ гарнизоны. *) Званіе и права благороднаго получали и высшіе бюргеры или

*) Изъ Ливонскихъ дворянскихъ фамилій, ведущихъ свое происхожденіе отъ крыжацкихъ временъ болѣе замѣчательныя слѣдующія: „1) вассалы духовенства: Буксгевдены, Тизенгаузены, Фелькерзамы, Гейкинги, Ферзены, Вексули, Ливены (потомки перваго изъ Ливовъ Католика Кауно), Далены, Шиллинги, Унгерны (родные Кауно), Розены, Корфы: 2) рыцарскія фамиліи: Берги, Гротузены, Бокумы, Бранты, Бруновы, Адеркацы, Енгельгарды, Медемы, Вольфы, Клоты, Гебиндеры, Кампенгаузены, Ганы, Фитингофы, Реки, Саки, Таубы, Вали, Рутенберги, Засы, Зиберги, Плятеры, Гильзены, Борхи, Финки, Бруновы, Бутлеры, Мантейфели, Вистромы, Бринки, Бухгольцы, Моли, Миллеры, Шлипенбахи, Мейеры, Путкамеры, Денгофы, Гилхены, Штейны, Ваганты, Ессены, Бракели, Анрепы, Будберги, Лоде, Мейендорфы, Толи, Паткули, Штакельберги, Левенвольды, Менгдены, Врангели, Мекк. и др. Эти фамиліи признаны въ дворянствѣ еще до паденія Ордена Меченосцевъ. Большая часть изъ этихъ фа-

*

купцы, а также изъ духовенства и изъ простыхъ Нѣмецкихъ колонистовъ, получившихъ дворянскіе участки съ обязанностью пропагандѣ. Права Ливонскаго дворянства, получали подъ названіемъ Mitglied, и тѣ изъ иноземцевъ, которые приносили извѣстные взносы на дѣло пропаганды. Главнымъ контингентомъ для составленія Ливонскаго дворянства Альбертъ избралъ опять Германцевъ съ первыхъ же дней своего вступленія въ Ливонію, поставивъ двухъ Нѣмцевъ своими первыми вассалами, которымъ отдалъ два замка на Двинѣ. Хотя участниками крестовыхъ ополченій были главными изъ Поморскихъ Славянъ, однакожъ онъ не довѣрялъ послѣднимъ. Все свое вниманіе онъ устремилъ на Германію, отправляясь туда ежегодно для вербованія крестовыхъ ополченій. Пользуясь своимъ высокимъ происхожденіемъ и положеніемъ, онъ имѣлъ доступъ вездѣ и успѣвалъ собирать массы крестоносцевъ. На первый же годъ своего вступленія онъ успѣлъ исходатайствовать у Папы какъ открытое воззваніе на крестовыя ополченія, такъ и дозволеніе на защиту въ Ливоніи своей пропаганды съ угрозою противникамъ. Но, кромѣ крестоносцевъ и дворянъ для огражденія колоніи, призвалъ еще въ 1202 г., рыцарей Ордена Меченосцевъ, т. е. наѣздниковъ, посвятившихъ всю свою жизнь, въ монашескомъ санѣ, на защиту съ мечемъ въ рукахъ страны, посвященной имени Божіей Матери, а почему они назывались еще и Маріанитами. Какъ введеніе крестоносцевъ, такъ и составъ Ордена Меченосцевъ устроены были по примѣру Орденовъ, существовавшихъ въ Іерусалимѣ, такъ что и значеніе ихъ служенію было придано какъ служенію Іерусалимскихъ рыцарей, вызывавшихся на защиту гроба Господня, и притомъ съ большими привилегіями и титулами. Они также, какъ и Іерусалимскіе кавалеры, обязывавшіеся защитою Гроба Господня, титуловались братьями Христова воинства, (Fratres militiae Christi) или Божіими риттерами, а вообще Меченосцами (Ensiferi, Gladiferi или Schwertbruder). Эта мечевая собратья, получивъ себѣ въ надѣлъ третью часть страны, обязывалась застроеніемъ своихъ владѣній замками, изъ которыхъ въ каждомъ помѣщалось по 12 братьевъ, надъ которыми главный изъ нихъ назывался advocatus или фохтъ, т. е. капитанъ, или

многія нынѣ Лютеране, часть перешла въ Православіе, напр. Энгельгардты, Буксгевдены, Бруновы, Ливены и др. и очень немногія остались въ Католичествѣ, напр. Вальдены, Борхи, Гейкинги, Тизенгаузены.

Pfleger, т. е. опекунъ, а во главѣ всего рыцарства находился магистръ или praeceptor, избираемый на свою должность всѣми конвентами (т. е. замками) меченосцевъ. Онъ былъ начальникомъ и общества своихъ братьевъ, и начальствовалъ вообще надъ всѣми войсками и крыжаковъ, во время битвъ. На поле сраженія и на турнирахъ рыцарь являлся въ бѣломъ плащѣ, на оплечьи котораго былъ нашитъ поверхъ звѣзды красный крестъ съ краснымъ мечемъ, расположеннымъ поверхъ креста. При основаніи ордена у нашихъ рыцарей былъ принятъ статутъ, вѣроятно, Храмовыхъ рыцарей, такъ какъ въ папской буллѣ они называются братьями Госпиталя Храма; но не осталось никакихъ свѣдѣній ни о порядкѣ поступленія ихъ въ свое общество, ни о сословіи, изъ котораго обязательно было происхожденіе рыцаря нашего ордена. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ орденъ, кромѣ защиты пропаганды, былъ обязанъ проведеніемъ въ нашей странѣ, по преимуществу, господства Нѣмецкаго элемента. Въ такомъ видѣ вторглась къ намъ Нѣмецкая колонизація. Теперь обратимся къ ея административнымъ мѣрамъ, принятымъ ею для своего водворенія въ Ливоніи.

IV. Многіе изъ писателей основаніе въ Ливоніи Нѣмецкой колоніи приписываютъ подвигамъ рыцарскаго мужества; но основаніе и послѣдующее процвѣтаніе колоніи обусловливались организированіемъ крыжацкихъ ополченій, коноводомъ которыхъ оказывается Альбертъ Буксгевденъ. Его неутомимымъ путешествіямъ по Германіи для вербованія крестоносцевъ, прибывавшихъ ежегодно въ Ливонію, обязана наша колонія своимъ основаніемъ. Чтобы навести на страну и сосѣдей ея своимъ фанатизмомъ ужасъ, отъ котораго ни туземцы, ни сосѣди не могли отдохнуть и по возвращеніи пилигримовъ домой, крестоносцамъ были разрѣшены всякія свирѣпыя мѣры, а по замкамъ постоянно оставались самые хищные коршуны—рыцари, разорявшіе туземца своими внезапными набѣгами. При сопоставленіи рыцарской культуры съ культурою варяговъ, которые были присяжными охранителями правъ у своихъ подданныхъ, тогда какъ рыцари оказываются не только деспотами, а просто разорителями страны, рыцарская или крыжацкая культура оказывается чудовищною аномаліею въ прогрессѣ человѣчества. Что касается покорившихся и порабощенныхъ туземцевъ, то Альбертъ издалъ для управленія ими кодексъ законовъ, простой и не многосложный, по которому за каждый малѣйшій проступокъ грозитъ петля или отсѣченіе паль-

ца, руки и т. д. Даже за ослушаніе предоставлено господину приколотить гвоздемъ къ стѣнѣ за ухо провинившагося. Затѣмъ Латыши были обречены на вѣчное рабство, а также было постановлено, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права на переселеніе въ городъ, на занятіе торговлею и ремеслами. Каждый изъ нихъ прикрѣпленъ былъ на всегда къ мѣсту своего жительства; даже наемный слуга не имѣетъ права оставить по своей волѣ службу у своего господина *). Строго запрещалось всякому Латышу носить какое нибудь оружіе (Изъ постанов. Мемельскаго Ляндтага 1505 г.). Конечно, ни одинъ Азіатскій деспотъ не издавалъ для своего народа такихъ жестокихъ законовъ! Для совершеннаго порабощенія новообращенныхъ Нѣмецкому игу, Альбертъ для несознающихся противъ господъ въ взводимомъ на нихъ преступленіи учредилъ испытаніе посредствомъ раскаленнаго желѣза!.. Противъ послѣдней мѣры не одинъ папа присылалъ Альберту увѣщаніе объ отмѣнѣ ея, но Альбертъ упорствовалъ. Его жестокое сердце не смягчалось при самомъ крайнемъ несчастіи побѣжденнаго имъ противника. Такъ, когда предводитель Ливовъ, знаменитый Ако, предводитель возмутившихся Ливовъ, былъ разбитъ въ 1206 Нѣмцами и убитъ на сраженіи, то Альбертъ спокойно любовался отсѣченною головою Ако, поданною ему его слугами, по окончаніи имъ обѣда, въ одинъ изъ торжетвенныхъ дней, въ который онъ совершалъ даже самъ мессу. Его почитатели называютъ его вооруженнымъ апостоломъ Ливоніи, но есть ли смыслъ въ такомъ названіи? Развѣ апостолы пользовались вооруженіями. Его приличнѣе назвать интригантомъ, воружившимъ массы народовъ на многовѣковую борьбу, хотя самъ ни разу не вступавшій въ битву съ своимъ врагомъ, опасаясь участи своего предшественника, и оставившій на тѣхъ народахъ, которые приняли его, какъ апостола, тяжелыя желѣзныя оковы глубочайшаго рабства и угнетенія, для какихъ то религіозныхъ и культурныхъ цѣлей. Дѣйствительно, при подобномъ деспотизмѣ не только рыцари были страшны, но вообще всякій колонистъ Нѣмецъ, вступившій въ страну съ такими ужасными правами и имѣя своими товарищами фанатиковъ — крыжаковъ, приносилъ туземцу гибель и бѣдствія. Теперь обратимся къ обозрѣнію дѣяній Нѣмцевъ вообще въ Ливоніи.

---

*) Памятникомъ строгой желѣзной рыцарской дисциплины осталась пословицею формула рыцарскихъ приказаній къ поданному „damit punctum", т. е. чтобы приказаніе было исполнено точно.

V. Хотя Альбертъ всѣ силы прилагалъ о привлеченіи въ Ливонію лучшихъ силъ Германіи, но изъ высшихъ классовъ общества мало было желающихъ къ поступленію въ наше рыцарство, имѣя въ виду борьбу съ опаснымъ врагомъ. Въ первое время основанія Ордена и самая дисциплина въ замкахъ стояла на низкой степени, и сами рыцари являются рѣдко на полѣ битвъ съ отличіемъ предъ прочими крестоносцами. Они преимущественно занимаются основаніемъ замковъ, употребляя на эти работы туземцевъ *). Наши колонисты быстрымъ расширеніемъ владѣній обязаны хитрой политикѣ Альберта, умѣвшаго войти сначала въ союзы съ младшими Полоцкими князьями, обѣщая сперва имъ помощь противъ Литвы, а потомъ, отнявши у нихъ ихъ собственныя крѣпости, **) какъ отнялъ Мейгардъ первые замки у туземцевъ. Онъ умѣлъ войти даже въ союзы съ Псковичами и Смольянами, которыхъ также обманулъ неоднократно, отнимая одну область за другою ***). Изъ нашихъ кня-

---

*) Какъ наши рыцари исполняли свой статутъ, о томъ 1233 году Бальдуинъ, Семигальскій бискупъ, такъ отозвался предъ папою: „Хотя эти рыцари причисляютъ себя къ Ордену Храмовниковъ, но они ни въ чемъ не подчиняются этому ордену, но такъ какъ они занимаются торговлею и богатые люди, и нѣкогда были изгнаны изъ Саксоніи за преступленія, то они настолько усилилися, что живутъ безъ всякаго закона и правителя“. И это правда. Самоуправство нашихъ рыцарей доказывается несчастною смертью 1-го же ихъ магистра Виннона Рорбаха, убитаго Венденскимъ командиромъ въ 1209 году по личной мести.

**) Въ Рубонѣ изд. Буйницкимъ помѣщено стихотвореніе гр. Борха, основанное на хроникѣ Генриха Латыша и имѣющаго предметомъ своимъ покореніе крыжаками Ливоніи. Вь этомъ стихотвореніи съ ясною ироніею описано изліяніе жалобъ Герсиканскимъ княземъ, по изгнаніи его крыжаками изъ своего отцовскаго наслѣдственнаго удѣла. Ни у одного изъ Русскихъ писателей мы не встрѣчаемъ подобныхъ ироній на потерю наслѣдниками рыцарей своихъ владѣній, каковыя ироніи были бы болѣе кстати, чѣмъ упомянутая Борха. Довѣренность нашихъ князей къ хитрымъ водвореніямъ миссіонеровъ — мистифицированнымъ такими высшими девизами, нельзя осуждать, такъ какъ искусная мистификація распознается только годами, опытомъ многихъ разоблаченій даже не въ политическомъ, а въ обыденномъ бытѣ.

***) Такъ онъ переманилъ Толовцевъ, принадлежавшихъ ко Пскову и исповѣдовавшихъ Православіе, принять католицизмъ; послѣ чего онъ такимъ же образомъ дѣйствовалъ и въ Эстоніи, обѣщая измѣнникамъ привиллегіи, которыхъ потомъ не давалъ имъ. Затѣмъ Риттеры внезапными нападеніями успѣли овладѣть Кокеносомъ и Герсике. Эти нападенія были коварныя, и города были завоеваны нѣмцами не въ явномъ ратоборствѣ, а захватами,

зей Полоцкіе и Смоленскіе князья убѣдились прежде Псковичей во враждебномъ направленіи пришельцевъ, торговлею которыхъ они дорожили на столько, что не рѣшались сперва на рѣшительную борьбу съ ними тѣмъ болѣе, что всѣ эти колонисты были выходцами изъ Вестфаліи и Помераніи, съ которыми съиздавна Смольяне были въ торговыхъ сношеніяхъ. Странно видѣть участіе Померанцевъ въ крестовыхъ ополченіяхъ, но Альбертъ, лаская Датскаго короля, не разъ проводилъ изъ его владѣній пилигримовъ, между которыми Ливонія видѣла Венцеслава, князя Ругіи, а за тѣмъ другого ея князя Барнима, внука выше упомянутаго несчастнаго Бодрицкаго Князя Никлота; видѣла также герцоговъ Ольденбургскаго, Верденскаго, Гарлемундскаго и Гользацкаго. Самъ Датскій король, въ 1222 году, прибылъ въ Эстонію, чтобы раздѣлить лавры крестоносцевъ, которыми онъ надѣялся воспользоваться за тѣ жертвы, которыя Данія принесла, для водворенія пропаганды въ Остзейскомъ краѣ. Однакожъ Альбертъ хитро успѣлъ обмануть и короля Даніи Вольдемара,— и наши рыцари, которыхъ составъ въ это время значительно увеличился и пріобрѣтаетъ уже замѣтное вліяніе, благодаря заботамъ своего магистра Вольквина, втораго по счету послѣ Винно Рорбаха, убитаго мстительною рукою одного изъ своихъ собратовъ въ 1208 г., успѣли коварно завладѣть Эстскими крѣпостями. Вѣроятно, Альбертъ расплатился бы съ Датчанами за такое коварство, но печальная насильственная смерть, постигшая Вольдемара, бывшая причиною несчастныхъ послѣдствій для Даніи, дала возможность Альберту обратиться на Новгородцевъ, которые вступились за Эстовъ. Альберту особенно хотѣлось овладѣть Дерптомъ или Юрьевымъ, въ которомъ сидѣлъ княземъ Вечеславъ, изгнанный Альбертомъ изъ своего Кокенгаузскаго удѣла. Въ 1224 году рыцари, неожиданно для Вячеслава, напали вмѣстѣ съ Эстонскимъ епископомъ на Дерптъ и овладѣли имъ послѣ отчаянной битвы осажденныхъ съ своимъ непріятелемъ. Новгородцы спѣшили отомстить крестоносцамъ, но Альбертъ успѣлъ упросить Новгородцевъ от-

---

посредствомъ коварной хитрости. Героями этихъ подвиговъ оказываются риттеры, которые въ нашихъ Русскихъ договорахъ называютъ себя Божіими дворянами и рыцарями тогда какъ они своими поступками унизили это высокое званіе. Риттеръ означаетъ всадника, наѣздника, отправляющагося на битву, а затѣмъ вообще дворянина.

казаться отъ места, обѣщая платить извѣстную дань съ Дерптской области, каковое условіе однакожъ колонисты успѣли по своему обычаю замять, по случаю понесеннаго Русскими погрома отъ Татаръ. Теперь обратимся къ судьбѣ нашей страны.

VI. Неудачнымъ оказалось предпріятіе Альберта противъ нашей страны, причисляемой хрониксрами вообще къ Семигаліи, подъ именемъ которой прежде всего они разумѣли сѣверовосточныя границы нынѣшней Курляндіи. Семигалы наши оказываются первыми противниками водворенія въ Ливоніи пропаганды. Какъ только Мейнгардъ построилъ въ 1190 году первый замокъ Икесколу, та наши Семигалы заподозрили колонистовъ во враждебныхъ замыслахъ и явились предъ замкомъ, для осады котораго они однакожъ прибыли будто-бы только съ веревками, какъ говоритъ Генрихъ Латышъ, предполагая веревками стянуть его съ берега въ Двину, въ каковомъ расчетѣ обманулись и должны были отступить отъ замка безуспѣшно. Въ 1201 году Литовцы грозили нападеніемъ на нихъ, а почему они вынуждены были войти въ союзъ съ Нѣмцами, которые приняли ихъ съ распростертыми объятіями, такъ какъ, не смотря на свои грозныя силы и воинское искусство крыжаковъ, вооруженный апостолъ Альбертъ убѣдился, что ни это вооруженіе, ни воинское искусство Крыжаковъ не имѣютъ никакого значенія въ виду предстоявшей ему борьбы съ Литовцами, у которыхъ униженно искалъ мира, дозволивъ ихъ войскамъ передвиженія чрезъ свои владѣнія. Вступивъ въ союзъ съ Семигалами въ 1205 году, онъ въ первый разъ рѣшился устроить, не смотря на свой миръ съ Литовцами, коварную засаду съ Семигалами, при возвращеніи Литовцевъ изъ успѣшнаго набѣга на Эстовъ, разбивъ неосторожнаго врага и потомъ опустошивъ и его, и Эстовъ земли. Генрихъ Латышъ радуется этой неожиданной первой побѣдѣ Нѣмцевъ съ злобною радостью, въ которой борьбѣ Нѣмцамъ такъ легко досталась побѣда, благодаря глупому усердію Семигаловъ. Эта побѣда ослабила враговъ пропаганды, которая тотчасъ же наложила свою желѣзную руку на Ливонцевъ на столько, что упомянутый Ако, старшина Ливовъ, въ 1206 году, долженъ былъ возстать противъ Нѣмцевъ, но былъ разбитъ ими и поплатился своею головою. Послѣ Ако неоднократно возставали Ливы и Латыши, напр. подъ предводительствомъ *Русина и Ассена* въ 1212 году, но безуспѣшно. Опираясь на союзъ съ Семигалами и довѣрчивыми Псковичами, которыхъ Альбертъ выставилъ противъ Литовцевъ,

сами Нѣмцы между тѣмъ утверждали свое господство надъ Ливами, Латышами и Курами, а въ союзѣ съ Датчанами старались распространять свою власть надъ Эстами и Эзельцами, успѣвъ отнять у первыхъ сильныя крѣпости: Феллинъ (въ 1215 г.,) Варболу, Оденпегъ и Падисъ. Утвердясь въ Эстонскихъ крѣпостяхъ, Нѣмцы открыли замыслы и на своихъ союзниковъ Семигаловъ, служившихъ на столько вѣрно своимъ друзьямъ, что не одинъ разъ за то платились опустошеніемъ своей страны отъ Литвы. Въ 1217 году, Нѣмцы стали принуждать Семигаловъ къ принятію католицизма, рукоположивъ имъ во епископы Балдуина. Въ 1219 году прибылъ въ Семигалію самъ Альбертъ. Уговоривъ Семигаловъ принять Нѣмецкіе гарнизоны въ ихъ крѣпости, онъ этимъ поступкомъ пропагандистовъ раскрылъ глаза у Семигаловъ,—и старшина ихъ *Вестгардъ* вооружился противъ Нѣмцевъ въ 1220 году и изгналъ ихъ послѣ мужественной борьбы изъ своей страны. Замѣчательно, что въ этихъ возстаніяхъ нашихъ туземцевъ высказывалась главнымъ образомъ не религіозная борьба, но возмущеніе противъ злоупотребленія этихъ проповѣдниковъ девизами вѣры, подъ фирмою которыхъ послѣдніе стремились не къ интересамъ миссіи, но къ порабощенію туземцевъ и къ захвату ихъ земли и имущества. Мало было такихъ простаковъ, какъ старшина Ливовъ Каупо, котораго хроникеры прославляютъ за ревность къ Католицизму, изъ-за которой онъ даже изучилъ и Нѣмецкій языкъ; но большая часть нашихъ туземцевъ, проникши грязные расчеты миссіонеровъ, съ ужасомъ отъ нихъ отстранилась, какъ это видимъ на Вестгардѣ,—нашемъ Семигалѣ. Въ 1225 году прибылъ, наконецъ, въ Ливонію Папскій Легатъ Модена отъ папы съ вѣтвью мира, съ которымъ разсталась наша страна, со времени вступленія въ нее крестоносцевъ. Какъ ни старался Легатъ уговорить Вестгарда принять Католичество, но Вестгардъ грубо отказался отъ этого счастія. Не успѣлъ Легатъ примирить и другихъ народовъ съ своими пропагандистами, и еще онъ не успѣлъ выйти изъ предѣловъ Ливоніи, какъ снова закипѣла борьба между врагами, и на этотъ разъ на остр. Эзелѣ, а потомъ перешла снова въ нашу страну, каковая борьба продолжается почти безпрерывно полтора вѣка и окончилась при магистрѣ Фреймерсенѣ. Описанію ея, въ теченіи XIII вѣка, посвятилъ себя хроникеръ Альнпеке, указаніямъ котораго мы и будемъ слѣдовать.

VII. Такъ какъ Русскіе потерпѣли пораженіе на Калкѣ, то Нѣмцы стали вторгаться въ нашу страну, но объ этой борьбѣ нѣтъ свѣдѣній, хотя имѣются въ договорѣ Мстислава Давидовича, Смоленскаго князя, съ Нѣмцами въ 1229-мъ указанія на яркую ссору Нѣмцевъ съ Смольянами. Такъ какъ въ договорѣ этомъ не говорится о самой войнѣ, то едва ли описаніе Альвиеке похода рыцарей въ Семигалію къ Пальшѣ (хроника его отъ 1799—1846 ст.) и не заключаетъ ли въ себѣ разсказъ объ этой борьбѣ, потому что Смоленскіе князья вступились за эту область. Не есть ли именно Гернольтъ, Литовскій князь, указываемый Ярошевскимъ и разбившій Нѣмцевъ и Псковичей подъ Ушколомъ въ 1233 году, самый герой этой борьбы? Въ это время въ Полоцкѣ Литовцы были служилыми уже князьями. Хотя Нѣмецкіе писатели пріурочиваютъ это мѣсто къ Альтонѣ, лежавшей у Зельбурга, но между тѣмъ въ Рѣжицкомъ уѣздѣ до сего времени существуютъ названія у мѣстностей подъ именами: Тальша, Налакары и Ушколы. Это сраженіе хотя было побѣдою со стороны рыцарей, но объ этомъ сраженіи упоминаетъ только Альнеке, упоминающій о рѣчи М. Вольквина къ рыцарямъ предъ сраженіемъ, въ которой онъ говоритъ имъ, что они въ этой битвѣ должны поплатиться своею шкурою и мясомъ и, вѣроятно не послѣ ли этой побѣды и произошло основаніе Вольkенбергскаго замка? Замѣчательно, что Латыши сражались въ этомъ сраженіи неохотно, потому что имъ приходилось биться съ своими братьями въ этомъ сраженіи. Да, неохотно они выступали въ набѣги и на Псковскія земли, какъ о томъ самъ свидѣтельствуетъ Г. Латышъ (гл. XXIII). Понявши политику Нѣмцевъ и ихъ намѣренія, а также убѣдясь въ жестокомъ ихъ правленіи, Латыши, уже по завоеваніи ими Кокенгоса, спѣшатъ къ переселенію изъ нашей страны въ Русскія владѣнія, каковыя переселенія продолжались до прошедшаго столѣтія. Вслѣдствіе этихъ темныхъ, ужасныхъ событій хроники такъ неопредѣленно и называютъ ее то Семигаліею, то Литвою, а, иногда и Русскою землею. Это сраженіе совпадаетъ со временемъ смерти Альберта, основателя Нѣмецкой колоніи въ Ливоніи.

VIII. Такая чудовищная, насильственная миссія, не соотвѣтствующая принципамъ Христіанскаго ученія не только не казалась въ глазахъ католиковъ того времени не раціональнымъ дѣломъ, но нашла себѣ сторонниковъ и послѣдователей. Такъ,

въ 1226 году, нѣсколько изъ нашихъ рыцарей отправились на борьбу съ Пруссами на помощь къ Мазовскому князю; но не успѣли они выстроить на землѣ Пруссовъ своего замка, называвшагося Добриномъ, какъ были истреблены туземцами въ самое короткое время до одного. Также и наши рыцари, пока былъ живъ желѣзный ихъ правитель и руководитель Альбертъ, то они были страшнымъ обществомъ для сосѣдей, но съ паденіемъ его они чувствуютъ себя въ западнѣ, и тотчасъ же послѣ несчастной битвы съ Литовцами, которыхъ они не могли такъ обмануть, какъ обманули Ливовъ, Латышей и Псковичей, начинаютъ искать всѣми силами средствъ соединиться съ прибывшимъ въ землю Пруссовъ Тевтонскимъ орденомъ, основаннымъ еще въ Палестинѣ и пріобрѣвшимъ свое значеніе въ борьбѣ съ врагами христіанства Турками, имѣвшимъ свой статутъ и строгую дисциплину. Гермейстеръ его этого времени, Германъ Зальца, считался самымъ образованнымъ мужемъ между современниками и былъ другомъ Импер. Фридриха II и Папы Гонорія III. Тогда какъ наши рыцари состояли въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своему духовенству, получая для себя отъ него надѣлъ въ 3-й части, Тевтонскіе рыцари, наоборотъ, сами приняли къ себѣ своихъ духовныхъ миссіонеровъ на условіи надѣла ихъ 3-ею частью; слѣдовательно, наши рыцари оказываются просто наемниками. Это обстоятельство и служило причиною раздоровъ у нашихъ миссіонеровъ. Замѣчателенъ эпизодъ, случившійся при заявленіи нашими рыцарями просьбы о соединеніи ихъ ордена съ Тевтонскимъ, который выступилъ для пропаганды съ такими же принципами въ борьбу съ язычниками, съ какими и нашъ орденъ, и хотя есть пословица: „воронъ ворону не клюетъ глазъ“, но въ хроникахъ говорится, что одинъ изъ Тевтонскихъ рыцарей сказалъ прямо въ глаза нашимъ депутатамъ въ своемъ капитулѣ: „Меченосцы сумасбродныя капризныя головы, несклоняющіеся ни предъ никакимъ закономъ и заботящіеся о собственной пользѣ, прежде общественнаго благодеяствія; а вотъ эти два съ прочими четырьмя ихъ товарищами, которыхъ я знаю, самые отпѣтые сорванцы. Если мы ихъ примемъ въ свой орденъ, то только въ надеждѣ, что они получатъ примѣръ въ обращеніи съ нами“. Мы привели этотъ отзывъ Нѣмецкаго капитула о нашихъ рыцаряхъ и выше упомянутый отзывъ Балдуина въ опроверженіе мнѣнія Рихтера о заслугахъ рыцарской культуры для нашей страны, состояніе которой мы опи-

сали накануне вторженія Латинской пропаганды. При подобныхъ достоинствахъ, какія оказывались у рыцарей, могли ли они служить развитію культуры? Если въ семью вступаетъ новый членъ съ богатыми силами и дарами, но себялюбивый, злой и алчный—может ли онъ доставить миръ и согласіе своей новой семьѣ, не говоря уже о религіозныхъ цѣляхъ? Впрочемъ о культурныхъ заслугахъ рыцарей въ нашей странѣ самъ Альнпеке, говоря о вторженіи ихъ въ Семигалію и объ опустошеніи ея ими, сознается: „худой денекъ приходится пережить тому хозяину, у котораго гость становится хозяиномъ". Хороши такіе гости! Комична попытка Рихтера, при описаніи грабежа Унганійцами, доказать пользу водворенія рыцарей, какъ карателей своеволія, межу тѣмъ какъ эти рыцари были вездѣ сами зачинщиками безпорядковъ и сумасбродства. Изъ этого отзыва Тевтонскихъ рыцарей оказывается, что они впрочемъ помнили о своемъ Іерусалимскомъ Статутѣ лучше нашихъ рыцарей, хотя и выступили теперь на ложный воровской путь,—что они дорожили еще значеніемъ и призваніемъ рыцаря, о чемъ воинственный основатель нашего ордена Альбертъ не приложилъ никакихъ заботъ, устраивая изъ своего ордена только когорту присяжныхъ грабителей и рубакъ. Экардтъ въ своей исторіи Ливоніи придумалъ для нашихъ пропагандистовъ – колонистовъ идеальное названіе символо-мистической федераціи, что оказывается невѣрнымъ на дѣлѣ вслѣдствіе постоянной, ожесточенной борьбы рыцарей съ своимъ духовенствомъ и съ сосѣдями. Болѣе правдивый историкъ А. Коцебу называетъ ихъ стаею алчныхъ звѣрей, въ которой рыцари заступали мѣсто льва, разрывавшаго свою добычу, которую подхватывалъ слѣдившій за нимъ по пятамъ шакалъ—духовенство, отъ которыхъ остатками пользовалась геена—купечество. Что упрекъ Тевтонскихъ рыцарей былъ справедливъ, то оказывается изъ исторіи нашего рыцарства, передаваемой самими же хрониксрами, въ которой они являются зачинщиками грабежей и всякихъ ссоръ. Въ нашихъ лѣтописяхъ еще они не выявляются за это время особымъ обществомъ, но своими своеволіями они уже дали окраску всей колоніи нашей,—окраску, такъ бьющую въ глаза при чтеніи упомянутаго договора Мстислава Давыдовича, обусловливающаго пороки и недостатки, которые не приличны для монаховъ, — пороки, слѣдовъ которыхъ мы не видимъ и въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками. Постановленія послѣднихъ договоровъ ясно говорятъ о болѣе высшей культурѣ и у Гре-

ковъ, и у Русскихъ, какую привнесли къ намъ крестоносцы. Въ особенности, рыцарское самоуправство высказывается 33-ею статьею договора о поимкѣ вора при товарѣ, при чемъ хозяину товара предоставляется самовольная расправа съ воромъ, что въ договорахъ Руссовъ съ Греками обусловливается должнымъ штрафомъ. Предчувствуя свою приближающуюся кончину, Волквинъ со всѣми усиліями стремился о соединеніи своего ордена съ Нѣмецкимъ, но прибывшіе крестоносцы графъ Даненбергъ и дворянинъ Газельдорфъ уговорили старика магистра сдѣлать набѣгъ на Литовцевъ при помощи и въ союзѣ со Псковичами, но при Саулѣ, рѣчкѣ Люц. у., союзники потерпѣли пораженіе, на которомъ былъ убитъ и самъ Волквинъ 22 сен. 1236 года. Литовцы не умѣли воспользоваться своею побѣдою. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать крыжаковъ, они бросились преслѣдовать Псковичей, а рыцарей на пути бѣгства переняли Семигаллы и часть ихъ истребили. Какимъ образомъ и гдѣ встрѣтились рыцари съ Литовцами, въ хроникахъ нѣтъ свѣдѣній; но въ одной Псковской лѣтописи упоминается за это время о пораженіи Нѣмцевъ и Псковичей въ 1234 году, при Камнѣ, Литовцами. *) Вѣроятно, рыцари спѣшили скрыться въ Волькенбергскій и Крейцбургскій замки, и при Каменецѣ, поселеніи Динаб. уѣз., еще разъ были разбиты. Крейцбургъ былъ основанъ въ 1230 году, а существованіе Волькенбергскаго замка оказывается подписью Волькенбергскаго командора въ 1243 году, подъ однимъ изъ документовъ, помѣщенныхъ въ Литовскихъ актахъ, изд. Рачинскимъ. Въ 1235 г. Рингольтъ поразилъ подъ Могильною въ Себеж. уѣз. совокупно и рыцарей, и Русскихъ князей.

IX. Какъ смерть Альберта Буксгевдена, (въ 1229 г.), такъ и пораженіе Волквина Литовцами и Семигалами подъ Зальмуйжемъ грозили паденіемъ вторгшейся къ намъ Латинской пропагандѣ, еслибы въ это время Русскіе употребили общее усиліе для ея пораженія. Но, какъ видно изъ союза Псковичей съ Нѣмцами въ походѣ на Литовцевъ, Русскіе еще не успѣли проникнуть и уяснить коварныхъ и враждебныхъ замысловъ колонистовъ противъ нихъ, вѣ-

*) Ярошевскій въ образѣ Литвы говоритъ, что Рингольтъ, Литовскій князь поразилъ рыцарей въ 1233 подъ Ушколомь и въ 1234 году подъ Камнемъ. Оба эти мѣста находятся вблизи Сауля. Наше Русское лѣтосчисленіе по лѣтописямъ разнится съ лѣтосчисленіемъ хроникеровъ на два года. Подъ Каменцемъ и подъ Зальмуйжемъ находится много военныхъ могилъ.

ря этой хитрой мистификаціи священными девизами, выставленными у колонистовъ и на знаменахъ подъ видомъ креста монашескихъ мантій, религіозныхъ уставовъ и церемоній, а равно и въ названіяхъ, какъ то: рыцарями Христовыми, Божіими дворянами, Маріанитами, или у замковъ, напр. Крейцбургомъ, Кирхгольмомъ и т. д. Русскіе старшіе князья хотя и видѣли обиды, нанесенныя колонистами нашимъ младшимъ удѣльнымъ князьямъ, изгнаннымъ изъ своихъ удѣловъ, напр. изъ Герсике, Кокеноса, Феллина и Дерпта, но, убаюкиваемые обѣщаніями дани съ этихъ замковъ, не хотѣли входить въ разрывъ съ колонистами изъ-за торговыхъ сношеній, какъ это оказывается изъ договора Мстислава Давыдовича съ Нѣмцами въ 1229 году. Пользуясь такимъ положеніемъ вещей, колонистамъ легко было поработить нашихъ туземцевъ, истребляя при этомъ всякіе Русскіе законы и обычаи и вводя свои, подъ видомъ интересовъ своей миссіи. Для обезпеченія же покорности туземцевъ, они, подъ такимъ же законнымъ предлогомъ, успѣли устроить массу замковъ изъ присвоенныхъ и отнятыхъ ими у насъ крѣпостей, для защиты которыхъ собрали и распространили упомянутый Орденъ Меченосцевъ, съ которымъ и раздѣлили владѣніе и управленіе этими замками, предоставивъ Ригу бюргерамъ или купцамъ. Нѣтъ свѣдѣній, какимъ количествомъ замковъ владѣли колонисты за это время, но по разновременнымъ раздѣламъ земель и замковъ между духовенствомъ и рыцарями оказываются замѣчательные замки во владѣніи Рижскаго епископа: Кокенгаузенъ—бывшій его резиденціею, Роненбургъ, Вексуль, Даленъ, Трейденъ, Крейцбургъ, Леневарденъ, Салисъ,—каковое количество впослѣдствіи у Рижскаго архіепископа возрасло до 22-хъ; у Дерптскаго епископа: Дерптъ—резиденція его, Варибекъ, Оденпегъ, Фалькенау, которыхъ впослѣдствіи у этого епископа возрасло до 7-и; у Эзельскаго было 5, у Курляндскаго 6, у Ревельскаго 2; самымъ же большимъ количествомъ замковъ владѣлъ орденъ, каковое превышало въ последніе дни ордена выше 60-и. Главнымъ его замкомъ и резиденціею магистра былъ Венденъ, за которымъ выдавались по значительности своей слѣдующіе: Вольмаръ, Феллинъ, Руенъ, Оберпаленъ, Сегевольдъ, Нитау, Киргольмъ, Трикатенъ, Ашераденъ, Адзель, Виссенштейнъ, Везенбергъ, существовавшіе уже въ этомъ періодѣ времени. Впослѣдствіи рыцари успѣли отнять у бюргеровъ и самую Ригу. Наконецъ, свѣтское дворянство, и mitglied'ы или

полубратья имѣли въ своемъ владѣніи до 45-и замковъ. Такою ненормальною массою укрѣпленій колонисты запасались, имѣя замыслы на истребленіе всего Русскаго въ Ливоніи и нашей странѣ, въ видахъ германизированія ея, а также имѣя замыслы и распространенія пропаганды въ Русскихъ земляхъ. Такіе замыслы внушали имъ сами папы, вручая пропагандѣ, по выраженію Польскаго бискупа Залусскаго, два меча: одинъ defendendo—т. е. для защиты, а другой offendendo, т. е. для нападеній. И, въ самомъ дѣлѣ, въ жизни нашихъ колонистовъ оказываются орудіями этихъ принциповъ два субъекта: 1) крыжаки или Ruther'ы—нападающіе и открывающіе набѣги безъ всякаго повода, то на Литовцевъ, то на Русскія земли, и 2) Ритеры или рыцари, защищающіе произведенные крыжаками захваты чужихъ земель. Такихъ ужасныхъ принциповъ не усвоивалъ себѣ ни одинъ изъ Азіатскихъ завоевателей, потому что Монголы имѣли границы алчности къ завоеваніямъ чужихъ земель, влагая мечъ предъ покорявшимися предъ ними народами и давая имъ миръ; тогда какъ ни договоры, ни ужасы борьбы не могли примирить враждебной пропаганды, удовлетворявшейся только по истребленіи и искорененіи врага до основанія. Наступившія событія во Псковѣ уяснили, наконецъ, Русскимъ и замыслы пропаганды, и вѣроломство Нѣмцевъ.

X. Хроникеры хвастаются подвигами нашихъ рыцарей, но какъ сами Нѣмецкіе рыцари, при первомъ пріемѣ нашихъ рыцарей, высказали послѣднимъ нелестные отзывы объ ихъ поведеніи и заслугахъ прямо въ глаза имъ, такъ въ особенности епископъ Семигаліи Балдуинъ аттестовалъ ихъ очень неодобрительно, какъ о томъ выше упомянули мы, хотя и назывались рыцарями; но они рыцарскихъ законовъ не исполняли, занимаясь грабежами и разбоемъ. На самомъ дѣлѣ они были не болѣе, какъ только богатые купцы. *) Тевтонскіе рыцари, и во время своего

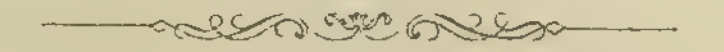
---

*) Желающіе ознакомиться съ содержаніемъ рыцарскаго нашего статута могутъ найти его въ исторіи древней Пруссіи Коцебу. Желающіе ознакомиться съ устройствомъ катапультъ или вежей и балистовъ, т. е. осадныхъ громадныхъ машинъ, выбрасывавшихъ массы камней, а также шоповъ, плютеусовъ, т. е. защитительныхъ машинъ отъ нападающихъ могутъ найти описаніе ихъ въ исторіи Іерусалимскихъ крыжаковъ, соч. Мишо и Пужелята. Но мы нужнымъ считаемъ необходимымъ сказать изъ исторіи рыцарства Руа о посвященіи рыцаря

существованія, и во время своего паденія, дѣйствительно, доказало свое мужество, защищаясь противъ массы враговъ при своемъ паденіи почти полвѣка и оставивъ послѣ себя, по крайней

въ свое званіе, какъ о передовомъ фокусѣ мистификаціи. Новиціатъ, т. е. посвящавшійся въ рыцари, говѣлъ и пріобщался въ бѣлой сорочкѣ, послѣ чего онъ молился цѣлую ночь въ храмѣ. На другой день мылся въ банѣ, а потомъ его клали въ чистую постель. Предъ посвященіемъ священники читали надъ нимъ молитвы, потомъ надѣвали на него темную фуфайку, поверхъ нея газовую, золотомъ шитую сорочку, затѣмъ кольчугу и, наконецъ, рыцарскую мантію, испещренную красками и гербами. Къ лобзанію монарха, или магистра новиціата вели рыцари, несшіе доспѣхи на бархатныхъ подушкахъ. Вооруживъ его въ доспѣхи, его подводили къ суверену, который, ударивъ его мечемъ по плечу, требовалъ отъ него отреченія отъ земныхъ благъ. Послѣ чего опять отводили его въ церковь. Богословія отъ него не требовали, кромѣ знанія молитвы: „отче нашъ“. Каждый день рыцарь долженъ былъ произнести 200 разъ Молитву Господню и 200 разъ Ангельское привѣтствіе Дѣвѣ Маріи, начиная и оканчивая эти молитвы чтеніемъ Символа вѣры. Вооруженіе рыцаря: „шлемъ (каска) и малый шлемъ—шишакъ; гобиссонъ—фуфайка для защиты тѣла отъ брони. Кираса или броня состояла изъ плотныхъ стальныхъ колечекъ; рукава и наножники—такіе же; бляха на груди, капюшонъ изъ колечекъ, которымъ онъ покрывалъ голову, снимая шлемъ. На кольчугу или броню надѣвали полукафтанъ изъ золотой или серебряной тафты, отороченный мѣхомъ. Подъ нимъ поясъ для меча, потомъ набедренники, нараменники. Оружіе рыцаря: щитъ, копье, мечь, кинжалъ, алебарда или бердышъ: палица или булава; мушкетъ или молотъ и кривой ножъ. Въ замокъ не допускали ни женщинъ, ни простой народъ, для котораго онъ былъ священнымъ таинственнымъ мѣстомъ. Рыцарь не смѣлъ довѣрять простому человѣку никакихъ тайнъ изъ своего конвента, составлявшаго въ себѣ одну фамилію или семью, бытъ которой былъ тайною для свѣтскаго общества. Онъ не смѣлъ брать съ собою на охоту собакъ, а боролся со звѣремъ однимъ оружіемъ. Посвящающійся въ рыцари долженъ происходить изъ благородной фамиліи, принадлежать и защищать Нѣмецкую національность. Наконецъ, онъ обязывался пассивнымъ повиновеніемъ предъ старшими братьями своего ордена. Всякую нужду, нищету, съ какою ему пришлось бы встрѣтиться, онъ долженъ переносить безропотно. Спать долженъ не на пуховыхъ перинахъ, а на тюфякѣ, набитомъ соломою. Каждый день рыцарь долженъ былъ присутствовать при мессѣ, т. е. обѣднѣ, послѣ которой онъ долженъ былъ удаляться въ уединенное мѣсто, или въ садъ, носившій названіе Голгофы, для благоговѣйныхъ размышленій до обѣда, послѣ котораго занимался гимнастическими упражненіями, игрою въ шашки, кегли или охотою. Богословскія свѣдѣнія рыцарей были ограниченныя, заключавшіяся иногда въ знаніи только одной Молитвы Господней, но въ гимнастикѣ, въ фехтованіи и воинскихъ упражненіяхъ они развивались до совершенства. Не всѣ однакожъ положенія Статута соблюдались рыцарями, многія изъ нихъ оставались мертвою буквою; но положенія о дисциплинѣ и національныхъ интересахъ создали изъ нихъ закаленныхъ бойцевъ, непримиримыхъ фанатиковъ на пути истребленія еретиковъ и язычни-

мірѣ, славное имя, тогда какъ наши рыцари, встрѣтясь съ опасностью, не смотря на массу своихъ союзниковъ и защитниковъ, постыдно оставили свою страну. И, въ самомъ дѣлѣ, не имя и званіе рыцаря осталось, какъ мы видѣли, памятнымъ для народа, который назвалъ его брылемъ, занимавшимся копленіемъ денегъ, но имя крыжаковъ или крестоносцевъ, такъ что выраженіе „Орденъ Меченосцевъ" въ народѣ не столько извѣстно, сколько „Законъ Крыжацій". Теперь, съ наступленіемъ XIII в., по паденіи Іерусалимскихъ Крестоносцевъ, а съ ними и рыцарей Іоаннитовъ и Храмовыхъ, заступили ихъ мѣсто Ливонскіе и Прусскіе Крыжаки, во главѣ которыхъ прославились не одни Нѣмцы, но и пр. народы, между которыми Богемскій король Отокаръ въ 1255 совершилъ свой истребительный походъ на Прусовъ, оставшійся памятнымъ на всѣ времена по своему варварству.



ковъ; всякое состраданіе къ судьбѣ послѣднихъ всякій рыцарь считалъ непростительною для себя слабостью. Участіе рыцарей въ германизаціи нашей страны принесло для нашихъ туземцевъ и для Русскаго населенія болѣе тяжелыя послѣдствія, чѣмъ Германизація у Поморскихъ Славянъ и Вендовъ. Хотя послѣдняя искоренила въ Вендской землѣ Славянскую національность, однакожъ она не истребила фамилій, принявшихъ Германизмъ; у насъ же, въ нашей Ливонской геральдикѣ, кромѣ фамиліи князей Ливовъ,—потомковъ упомянутаго Кауно, вы не встрѣтите ни одной ни Русской, ни туземной фамиліи. Борьба и распространеніе Католицизма въ призваніи рыцаря были номинальнымъ дѣломъ, но борьба за Германизмъ составляла его и первую, и послѣднюю задачу, съ которою онъ умиралъ, завѣщая ее своимъ потомкамъ, что мы видимъ въ исторіи Ливоніи и въ современной жизни нашего Ливонскаго Нѣмца. Въ цѣли отчужденія земель и имущества у туземцевъ они издали массу законовъ, ограничивающихъ права наслѣдства у туземцевъ и расширявшихъ права присвоенія колонистами земли и привиллегій въ нашей странѣ. Нетерпѣливые въ достиженіи къ своей цѣли, они прямо, безъ всякихъ околичностей умерщвляли знатныхъ владѣльцевъ изъ туземцевъ или съ помощью тайнаго злодѣйства, или зазывая ихъ къ себѣ въ гости, при чемъ прямо бросались на своихъ гостей; такъ наши рыцари истребили разъ 100 Семигаловъ -старшинъ, приглашенныхъ ими на пиръ; Прусскій командоръ Мирабилисъ такимъ же образомъ истребилъ Прусскихъ старшинъ. Нѣмецкіе рыцари, при захватѣ Гданска въ свое владѣніе отъ Поляковъ, истребили болѣе 10 т. Гданчанъ, не давая пощады даже младенцамъ.

ГЛАВА IV.

Исторія темнаго происхожденія нашихъ замковъ и конкуренція Ливонскихъ рыцарей съ своимъ духовенствомъ за владѣніе ими.

Кто повѣритъ, чтобы волки овецъ пасли?

Indignum est pauperum casas everti, ut principum domus construantur.

I. Въ началѣ своего труда мы указывали на отсутствіе у Нѣмцевъ точныхъ свѣдѣній для славной исторіи нашихъ рыцарей, недостатокъ которыхъ Польскіе писатели прикрываютъ изложеніемъ болѣе выдающихся происшествій изъ судьбы Ливонскаго ордена, оставляя судьбу нашей страны какъ бы незамѣчательнымъ и незначительнымъ подвѣскомъ ея, а почему и катастрофы ея пріурочиваютъ къ инымъ землямъ, напр. пораженіе Волквина указываютъ хроники въ Самогитіи, куда никоимъ образомъ не могли сопутствовать его такъ далеко Псковичи. Даже самое время правленія первыхъ двухъ магистровъ хроники указываютъ несогласно, а нѣкоторыя прямо говорятъ о Волквинѣ, какъ о первомъ магистрѣ. Всѣ эти хроники, безъ сомнѣнія, писаны не такъ, какъ наши лѣтописи, современниками, но въ позднѣйшее время, и притомъ чужестранцами, для которыхъ наша хорографія была дѣломъ темнымъ. Объ искаженіи и извращеніи Русскихъ названій всякаго рода нѣтъ нужды упоминать. Даже хроника Генриха Латыша замѣняетъ иногда названіе Латышей, то Литовцами (гл. 10 ст. 14 и др.), то Семигалами, да и вообще появленіе Литовцевъ, по его разсказу, неоднократно происходитъ изъ нашей страны. Соображаясь по обстоятельствамъ разсказа, ясно что она неопредѣленно называется то Семигаліею, то Лотыгаліею, то Русскою землею. Альнеке также неопредѣленно указываетъ земли Литовцевъ, подразумѣвая подъ ихъ именемъ и нашихъ туземцевъ, и Жмудь. Вообще нашихъ единоплеменцевъ Латинскіе хроникеры называютъ прямо

*

дикими звѣрями (Эрганъ 16). Но болѣе всего для нихъ было непріятно все Русское, о которомъ они упоминаютъ только въ крайнемъ случаѣ, такъ напр. онѣ не одинъ разъ упоминаютъ о Руссахъ, какъ о жителяхъ при Двинѣ (Альнеке, ст. 145), а въ другомъ мѣстѣ онѣ ихъ опускаютъ (гл. 4), желая скрыть принадлежность имъ присвоиваемой Нѣмцами страны. Что же касается отсутствія свѣдѣній о нашей странѣ въ нашихъ лѣтописяхъ, тому было причиною нашествіе Монголовъ, при которомъ родъ княжескій на столько у насъ сократился, что мы вынуждены были принимать служилыхъ князей съ ихъ дружинами изъ Литовцевъ, обязывая ихъ при поступленіи на княженіе, принятіемъ Православія. Вслѣдствіе этого смутнаго времени въ Русскихъ лѣтописяхъ и оказывается скудость историческихъ свѣдѣній. По смерти Ростислава Рюриковича, наша страна вынуждена была принять, подобно Полоцку, одного изъ такихъ князей, каковой могъ быть или изгнанный Нѣмцами изъ Герсике князь Всеволодъ, зять Литовскаго князя Дангеруты, который въ 1218 году отправился во Псковъ, для заключенія съ нимъ союза противъ Нѣмцевъ, но въ своемъ намѣреніи не успѣлъ, а на возвратномъ пути Нѣмцы успѣли овладѣть имъ и бросили его въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ насильственною смертью; или же иной какой нибудь служилый чужеземный князь.

II. По отбытіи Варяговъ и Руси изъ нашей страны, Русскіе, кажется, ее начали называть Лотыгаліею. Но хотя она и измѣнила свое названіе, но не только ея хорграфія, но даже большая доля личныхъ именъ Ливонскихъ Латышей напоминала крестоносцамъ о бывшихъ владѣльцахъ этой земли у насъ Варягахъ и древнихъ Руссахъ, напр. названія мѣстностей: Толова, Торейда, Дарголара, Даргеле, или личныя имена: Вардеке, Веремаръ, Варгриббе, Варидотъ и друг. Имя старшины крѣпости Сотекле, Русинъ, не только указываетъ на связь его рода съ Русскими, но, читая у Генриха Латыша разсказъ о его геройскомъ сопротивленіи Нѣмцамъ, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ достойно носилъ свое имя, а его послѣднія слова, которыми онъ выражалъ надежду, что онъ своими подвигами заслужитъ память у своего потомства, доказываютъ, что онъ былъ сыномъ историческаго народа, имѣвшаго высшія наслѣдственныя инниціативы, чѣмъ инниціативы крыжаковъ. Въ одной изъ сказочныхъ варіантовъ объ Ильѣ Муромцѣ вставляется встрѣча Ильи Муромца съ моло-

дымъ богатыремъ Сокольникомъ, который побѣждаетъ въ началѣ Илью Муромца, но при второй схваткѣ Илья одолѣваетъ Сокольника, въ которомъ побѣдитель признаетъ своего сына отъ первой жены Латыгорки или Латымірки, подъ каковымъ именемъ очевидно скрывается имя Лотыгаліи, придаваемой ей въ лѣтописяхъ.

III. Пораженіе Вольквина заставило Германа Зальцу уступить желанію папы соединить остатки нашего рыцарства съ возраждавшимся въ Пруссіи Тевтонскимъ орденомъ, къ которому присоединены были также и остатки посланнаго нашими рыцарями въ Пруссію въ 1228 году Добринскаго ордена. Обстоятельства соединенія Добринскаго ордена неизвѣстны, но, когда представилися къ Зальцѣ наши рыцари, въ 1238 г., то Зальца, въ присутствіи Папы, приказалъ имъ прежде всего снять свой плащъ съ знакомъ краснаго креста и надѣть плащи съ однимъ знакомъ чернаго креста, а потомъ возвратить Датчанамъ Ревель съ тремя Эстонскими провинціями, которыя они отняли у Датчанъ и отправилъ къ намъ магистромъ знаменитаго рыцаря Бальку, водворителя Тевтонскаго ордена въ Пруссіи,—и наши рыцари начали называться рыцарями Тевтонскаго Ордена. Рутенбергъ, замѣчаетъ, что наши рыцари оставляли свой прежній плащъ съ горькимъ воспоминаніемъ о тѣхъ геройскихъ подвигахъ, которые они совершили подъ грознымъ его знакомъ, не объяснивъ, что это были за подвиги?

IV. Оставивъ надежды на покореніе Палестины, папы обратили теперь все свое вниманіе на пропаганду Католицизма въ нашихъ странахъ. Недовольные медленными успѣхами своихъ проповѣдниковъ и нерѣшительными подвигами крестоносцевъ, собранныхъ этими проповѣдниками, папы, наконецъ, стали сами разсылать по всей Западной Европѣ свои буллы, въ которыхъ призывали народы для обращенія вообще язычниковъ Пруссовъ и Литовцевъ, а, въ частности, противъ еретиковъ Русскихъ. „Возстаньте, народы! гласили эти буллы. Отпущеніе грѣховъ—вамъ награда! Падшихъ на полѣ брани ангелы вознесутъ на лоно Авраамово! *) Если же останетесь побѣдителями, то имѣнія, свобода,

*) Ничего въ мірѣ не было такъ сказано не кстати и ложно, какъ эти слова. Однакожъ находились девотки, старавшіяся удостовѣрять истину этихъ словъ, утверждая своими видѣніями, какъ души падшихъ рыцарей, напр. на сраженіи при озерѣ Дурбенѣ и при другихъ несчастныхъ для рыцарей битвахъ, были возносимы ангелами на небеса, каковыя видѣнія этихъ девотокъ казались невѣроятными для самихъ Нѣмецкихъ историковъ, усомнѣвающихся, чтобы ан-

права обѣщаны вамъ Гермейстеромъ, и не какъ подданные, а какъ совладѣльцы, вы будете имъ приняты. Презрите всякое препятствіе. Жена, дѣти, дряхлые отцы, воспитавшіе васъ, препятствуютъ вамъ—ото всего отступитесь и послѣдуйте слову Христа: „Кто любитъ отца или мать болѣе меня, тотъ меня не достоинъ.“ На такія обѣщанія являлась масса охотниковъ получить заразъ двѣ награды: и земную и небесную, въ особенности, если примемъ во вниманіе то доброе для пастырей время, когда они подвергали своихъ пасомыхъ церковному отлученію за малѣйшій проступокъ, избавиться отъ каковаго отлученія представлялось лучшимъ средствомъ участіе въ крестовомъ вояжѣ. Такимъ образомъ потери нашего ордена на этихъ походахъ (Streifzügen) мгновенно пополнялись; всѣ рыцарскіе конвенты и всѣ замки оказались переполненными рыцарствомъ къ тому времени, когда Батый, властитель Монголовъ, вступилъ въ Русскую землю для ея опустошенія. Одновременно, съ разгромомъ Русской земли Батыемъ, и у папы явились обширные замыслы для нанесенія ей бѣдствія. Въ то время, какъ Батый, окончивъ опустошеніе Россіи на сѣверѣ, устремился къ Новгороду, папа направилъ Шведовъ къ устью Невы, для нападенія на Новгородъ. Около же этого времени пріѣзжалъ въ Новгородъ, конечно, въ качествѣ шпіона, заступавшій мѣсто Гермейстера Нѣмецкаго ордена Андрей Велвёнъ, разсыпавшійся предъ Новгородцами въ дружественныхъ завѣреніяхъ и заявлявшій даже свое удивленіе предъ достоинствами и величіемъ бывшаго въ то время у Новгородцевъ князя Александра Ярославовича, личностью котораго современники интересовались, какъ побѣдителя надъ Шведами на р. Невѣ, 15 Іюня въ 1240 году. Что же касается Батыя, то послѣдній, не доходя 100 верстъ, неизвѣстно по какой причинѣ, возвратился вспять со своего пути. Андрей Лызловъ въ его исторіи Скиоскаго народа говоритъ объ этомъ событіи такъ: „и бѣ Батый на пути къ Новгороду, но возбраненъ, глаголютъ нѣцыи, отъ того пути грознымъ Воеводою Небесныхъ Силъ, Архистратигомъ Михаиломъ.“ Имя

гелы возносили разбойническія банды на небеса. Противорѣчіе этихъ вымысловъ съ сущностью дѣла очевидна съ перваго же взгляда. Нужно сказать, что девотки, сочинявшіе подобные вымыслы, принадлежали къ аристократическому кругу своего времени, напр. повѣствовательница о Дурбенскихъ герояхъ—сестра Гермейстера Бурхарда Фехтвангена; слѣдовательно, происхожденіе такой лжи было продуктомъ высшей интеллигенціи своего времени.

Михаила Архангела не только у нашихъ государей, какъ мы выше видѣли въ жизни Рюрика Ростиславовича, было лозунгомъ въ борьбѣ съ врагами, но и у всего народа. Такъ точно и Псковскія лѣтописи неоднократно свидѣтельствуютъ о благодареніяхъ Псковичей предъ М. Архангеломъ за побѣду, одержанную надъ рыцарями. И наши предки при битвахъ знаменовались крестомъ, только при борьбѣ съ сосѣдями—Христіанами относились къ этому высочайшему знаку со страхомъ и осторожностью, призывая на брани судьею карателя небесной гордыни Архистратига Михаила. Гордое однакожъ рыцарство не отступилось и теперь отъ своихъ обширныхъ замысловъ и спѣшило воспользоваться подручными ему обстоятельствами. Увѣренность свою въ побѣдѣ, кромѣ подобныхъ глубокихъ соображеній, рыцарство еще основывало на томъ, только ему свойственномъ искусствѣ въ военныхъ операціяхъ, что оно открывало свои нападенія помимо всякихъ разрывовъ и неожиданно: т. е. вопреки договоровъ и на самыхъ преданныхъ ему друзей. Деритскій епископъ, узнавши, что Невскій герой, послѣ своей побѣды надъ Шведами, разошелся съ Новгородцами и отправился къ отцу своему въ Суздаль на другое княженіе, такъ что и наша страна лишилась въ немъ своего вѣрнаго защитника, безъ разрыва овладѣваетъ Изборскомъ, между тѣмъ какъ сами рыцари изъ Вендена разбиваютъ Псковичей при р. Модѣ и направляются ко Пскову, которымъ также овладѣваютъ при помощи измѣнника посадника Твердилы. *) Этотъ измѣнникъ происходилъ изъ вліятельной въ своей странѣ фамиліи. Въ 1218

---

*) Въ повѣствованіи о вторженіи рыцарей во Псковъ, хроники разногласятъ какъ въ поводѣ къ этой войнѣ и завоеваніи рыцарями Пскова, такъ и въ показаніи мѣста битвъ. По ихъ показаніямъ войну начали будто бы Новгородцы съ Деритскимъ епископомъ, пригласившимъ къ себѣ въ союзъ рыцарей, напавшихъ сперва на Изборскъ, а потомъ поразившихъ Русскихъ при р. Модѣ и получившихъ Псковъ на капитуляцію. По орденская хроника начинаетъ эту войну нападеніемъ Деритскаго епископа на Изборскъ, при чемъ Псковичи оставили его безъ защиты, выступивъ на встрѣчу рыцарей, которые разбили ихъ при Модѣ, или по толкованію нѣкоторыхъ ученыхъ, при Медвѣ, каковой рѣки теперь нигдѣ не находится. Дѣйствительно, теперь нѣтъ ея, но корень этого слова мы встрѣчаемъ въ названіи поселеній въ Рѣжицкомъ уѣздѣ р. Мѣдной, пос. Медени, каковымъ названіемъ Латыши называютъ вообще всю Варковскую землю по цвѣту ея почвы. Псковичи находились здѣсь на границѣ своихъ владѣній. Положеніе Моды соотвѣтствуетъ и указанію нашей лѣтописи объ отобраніи у Нѣмцевъ знатной части Лотыгаліи.

году Новгородскій князь Мстиславъ Храбрый отправился на помощь къ Смольянамъ, которые разсорились съ Черниговцами, обидѣвшими дѣтей Рюрика Ростиславовича въ надѣлѣ противъ ихъ удѣлами. Пришедши въ Смоленскъ, Новгородцы поссорились съ Смольянами и хотѣли вернуться домой, но посадникъ Новгородскій Твердило вернулъ съ пути своихъ Новгородцевъ, и помирившіеся съ ними Смольяне отправились въ путь далѣе. Между тѣмъ наши рыцари, ободренные такою легкою удачею въ Псковѣ, спѣшатъ къ Новгороду, гдѣ успѣли занять два или три пригорода и опустошили по своему обычаю огнемъ и мечемъ беззащитныя поселенія, такъ какъ, вѣроятно, лучшіе Новгородскіе бойцы были въ борьбѣ съ Монголами. Дѣйствительно, Божіи риторы (какъ предки называли этихъ авантюристовъ, удерживая ихъ собственное названіе и не желая удѣлять имъ Русскаго названія: „рыцарь") поставили Новгородцевъ въ такую опасность, для спасенія отъ которой, послѣдніе рѣшились обратиться съ покорною головою къ оскорбленному ими своему Невскому герою. Александръ Ярославовичъ великодушно простилъ своихъ оскорбителей и спѣшитъ къ нимъ на защиту отъ угрожавшей опасности. Народъ, вернувшійся между тѣмъ домой, узнавши о своей опасности, съ мужествомъ и дружнымъ отпоромъ въ самое короткое время изгналъ изъ своей земли дерзкаго врага. Мало того, эти же торжествующія дружины спѣшатъ на освобожденіе самого Пскова, изъ котораго также, при одномъ всего приступѣ, успѣли изгнать коварную братью, изъ которыхъ 70 знатныхъ рыцарей пало въ битвѣ, а 7 попались въ плѣнъ. Эта потеря Пскова взволновала все рыцарство, которое, во главѣ безчисленнаго войска, явилось для грозной мести въ Псковскую землю; но не доходя до Пскова, встрѣчается съ своимъ врагомъ на Чудскомъ озерѣ, въ Усманскомъ заливѣ, 7 го Апрѣля 1242 г., когда еще ледъ не тронулся съ озера, на которомъ и расположились сражающіеся для болѣе рѣшительной битвы. Невскій герой *) далъ особый строй своимъ войскамъ,

*) Замѣчательно, что Александръ Н., обращаясь предъ началомъ сраженія, съ молитвою къ Небу, просилъ у него дать судъ его дѣлу съ гордынею врага. Эту же молитву произнесъ и Іоаннъ III, по случаю своего разрыва съ Плегенбергомъ, что указываетъ на главный девизъ Русскаго народа съ гордыми заявленіями пропаганды. Эту же гордыню обличалъ Іоаннъ Грозный, въ своихъ дѣйствіяхъ съ рыцарями, посадивъ ихъ за пустыя блюда при своемъ обѣдѣ предъ началомъ войны съ орденомъ. Народъ же нашъ никогда не желалъ ни завоева-

называемый у нашихъ предковъ свиньею, каковаго строя искусство рыцарей не могло никакимъ образомъ разстроить и сломить, и когда, наконецъ, у рыцарства не достало силъ противиться нашему великому вождю, грозная острая колонна раздвоила рыцарскія роты по частямъ и разбила ихъ на голову: 400 однихъ рыцарей пало на полѣ сраженія и множество ихъ попалось въ плѣнъ. Побѣдители поражали своего непріятеля на протяженіи семи верстъ. Весь этотъ путь преслѣдованія былъ сплошь усланъ трупами пораженныхъ Латышей и Чуди. Побѣдитель далеко преслѣдовалъ своего врага во внутрь его земли; однакожъ, онъ не искалъ его завоеваній, а, смиривъ его, онъ потребовалъ отъ него вѣроломно забранныя имъ у насъ земли, которыя мы и получили, а именно: по указанію лѣтописи, Христовы воины возвратили намъ Псковъ, Изборескъ и знатную часть Лотыгаліи.

V. Соображаясь съ рыцарскими документами, относящимися къ 1224 году, помѣщенными въ Scriptores rerum Livonicarum, мы находимъ, что область Adzel или Агзель была крайнею границею владѣній нашихъ колонистовъ, при Альбертѣ Буксевденѣ; на эту же границу мы находимъ указаніе и въ договорѣ Гедемина съ рыцарями, который мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ, гдѣ слова: „the olde fride to Adzel“ т. е. по старому миру при Адзелѣ, безъ сомнѣнія, указываютъ на эту границу, изъ за которой, съ этого времени, открывается борьба рыцарей попеременно то съ Русскими, то съ Литовцами. Окрестность отъ Адзеля до Маріенбурга и до сего времени называется фіандами, т. е. землею враговъ. И такъ подъ Лотыгаліею здѣсь разумѣется В. Лифляндія. Хроники увѣряютъ, что какой то князь Герпольтъ сдалъ Псковъ на капитуляцію рыцарямъ, но сохранившееся, до XV вѣка, во Псковѣ предостереженіе о недопущеніи иностранцевъ внутрь города, говоритъ, что рыцари ворвались въ Псковъ какимъ нибудь плутовскимъ способомъ. Какъ бы то ни было, рыцари должны были отказаться отъ Волькенбергскаго замка, и, объ упраздненіи его въ 1272 г, свидѣтельствуетъ Мантейфель, приводя архивное свидѣтельство и прилагая при немъ снимокъ

ній, ни грабежей, защищая только землю своихъ отцовъ и неприкосновенность своего культа и отстраняясь отъ всякой пропаганды, что мы видѣли уже въ отвѣтѣ Псковичей своему князю.

со слѣпка печати Волькенбергскаго командора. Эта утрата для рыцарей была чувствительна, такъ какъ, съ основаніемъ Тевтонскаго ордена, приливъ крестоносцевъ долженъ былъ остыть, и такимъ образомъ возвращеніе этой потери должно было предоставить времени и особенному мужеству рыцарей. Здѣсь то и объясняется судьба Волькенбергскаго замка, котораго не только основаніе, но и существованіе неизвѣстно изъ хроникъ. Объ основаніи этого замка хроники умалчиваютъ, такъ какъ онъ былъ основанъ рыцарями, во время неудачной ихъ борьбы съ Семигалами, которые хотя духовныхъ миссіонеровъ допустили, но Вестгардъ выгналъ рыцарей изъ Семигальскихъ крѣпостей. Послѣ пораженія рыцарей на Чудскомъ озерѣ, отношеніе Семигаловъ къ нашей странѣ оказывается чрезвычайно сложнымъ и темнымъ, такъ что въ хроникѣ Альнеке хотя Семигалы состоятъ въ ближайшей связи съ Литовцами, но совпаденіе въ 1248 году ихъ обязательства къ рыцарямъ платою дани съ ниже приведеннымъ дареніемъ Константиномъ, Рус. кн., крѣпостей рыцарямъ по Евикштѣ, указываетъ на зависимость Семигаліи отъ Русскихъ князей, о чемъ хроникеры однакожъ умалчиваютъ. Едва ли эпизодъ, разсказанный Альнекомъ въ гл. 31 его хроники о выдачѣ совратившимися въ католичество братьями Литовцами: Мильгериномъ, Гиндекой и Дуцой своего князя Ленгевина рыцарямъ, не составляетъ ли пролог къ этой героической борьбѣ Семигаловъ съ рыцарями, которымъ они въ 1248 году согласились было платить дань, но черезъ 10 лѣтъ подняли ожесточенную, непримиримую борьбу съ рыцарями, продолжавшуюся почти 150 лѣтъ. Описывая борьбу рыцарей съ Семигалами, Альнеке описываетъ только борьбу рыцарей съ за-Двинскими Семигалами, не состоявшими подъ Русскою властью, умалчивая о воровскихъ набѣгахъ рыцарей въ нашу страну, гдѣ водвореніе ихъ составляетъ самую темную исторію рыцарскихъ дѣяній, соединенную съ горькими неудачами въ за-Двинской Семигаліи. Исторія рыцарей состоитъ только изъ позорныхъ изгнаній ихъ изъ страны и пораженій. Въ нашу страну, какъ увидимъ ниже, они успѣваютъ водраться частью при помощи своего духовенства, съ которымъ они потомъ вступаютъ въ конкуренцію и постыдную борьбу, а частью вымогательствомъ и коварными договорами о нашей странѣ, то съ Русскими, то съ Литовскими князьями; а потому то Альнеке и воспѣлъ только подвиги рыцарей

при взятіи ими за-Двинскихъ Семигальскихъ крѣпостей Терьветена, Ракена, (нынѣ пос Ракишки) и Добена, оставивъ въ безвѣстности болѣе громкія названія нашихъ мѣстностей: Рѣжицкой, Волкелбергской и Люцинской.

VI. Что наша страна въ этой борьбѣ имѣла большее историческое значеніе, то доказывается уже тѣмъ, что для нашихъ замковъ былъ поставленъ особый командоръ сперва въ Волькенбергѣ, а, по упраздненіи этого замка, въ Динабургѣ, а также масса государственныхъ документовъ, касающихся нашей страны, начиная съ буллы папы о дарѣ Константина и кончая трансумитами съ договора Андрея Ольгердовича съ рыцарями, каковые документы остались, конечно, памятниками болѣе важныхъ происшествій, чѣмъ тѣ, которыя описаны у Альнеке и не упомянутые по расчету.

VII. Но болѣе загадочною оказывается личность князя Герпольта. Въ хроникѣ Альнеке упомянутый Герпольтъ называется Русскимъ княземъ, но не Псковскимъ, слѣдов. онъ былъ намѣстникомъ Русскихъ князей, также какъ Герденъ, бывшій Рус. намѣстникомъ въ Полоцкѣ и хвастающійся равенствомъ, съ Изяславомъ Витебскимъ въ договорѣ съ рыцарями. Ярошевскій называетъ Ринголъта, Литовскаго князя, Герпольтомъ, что можетъ быть вѣроятнымъ и что уясняетъ, почему Твердило впустилъ Нѣмцевъ во Псковъ, причина чего однакожъ не высказана въ хроникахъ. Нѣмецкія хроники и современные историки, напр. Рутенбергъ очень неохотно ведутъ разсказъ о Чудскомъ или Ледовитомъ побоищѣ, такъ какъ оно окончательно убило тщеславіе и самохвальство ихъ предковъ. Послѣ своей побѣды надъ рыцарями, побѣдитель нашелъ способъ принизить гордые замыслы ихъ, приказавъ разуть плѣнныхъ рыцарей и въ такомъ жалкомъ видѣ пригналъ ихъ во Псковъ на показъ ихъ старымъ друзьямъ Псковичамъ. Вскорѣ и самъ побѣдатель прибылъ въ Псковъ, гдѣ весь народъ встрѣтилъ его съ неописаннымъ восторгомъ. Однакожъ Государь строго упрекнулъ Псковичей въ ихъ опрометчивой простотѣ и довѣрчивости къ рыцарямъ, назвавъ ихъ: „о невѣгласи Псковитяне!", и завѣщавъ не забывать его имя, а когда кто изъ его рода обратится къ нимъ въ бѣдѣ своей за помощью, то чтобы они не отказали изгнаннику въ пріютѣ". Затѣмъ, имя его, конечно, должно быть священнымъ не только для освобожденнаго имъ Пскова и нашей Латыгаліи, но для

всей Русской земли, которая въ эти дни своихъ бѣдствій съ отрадою озарила широко ореоломъ имя Его свѣтлой славы, тогда какъ хвастливыя рыцарскія хроники на столько путаются въ повѣствованіяхъ своихъ за это время, что однѣ хроники называютъ магистромъ нашего ордена одно лицо, а другія иное, такъ что нельзя доискаться у нихъ свѣдѣній, кто этотъ былъ герой — завоеватель Пскова и кто изъ нихъ поскользнулся на льду Чудскаго озера? Коцебу указываетъ, что магистромъ у насъ въ это время былъ Германъ Балька, любимецъ и наперсникъ Германа Зальцы, но большая часть хроникеровъ скрываютъ это имя. Нѣкоторыя же хроники, напр., Фукса Das Rothe Buch, отзываются о періодѣ этого времени вообще, что Московитъ, въ ужасѣ отъ возраставшей силы рыцарей, долженъ былъ отступиться отъ значительной части Псковскаго княжества, а Литва должна была принять католицизмъ, чтобы съ рыцарями оставаться въ мирѣ. Свидѣтельство Фукса Нѣмецкіе ученые подтверждаютъ ссылкою на подобнаго ему другого хроникера Гіерна. Что касается Московита, то объ его участіи въ этой борьбѣ не могло быть рѣчи, такъ какъ Суздальскій князь занятъ былъ дѣлами съ Монголами; на сколько же не только Русскіе, но Литовцы и Семигалы мужественно боролись съ Нѣмцами, объ этомъ Альнпеке не разъ признается, какъ храбро наши туземцы отбивались отъ рыцарей, которые одолѣвали своего врага, только скрываясь въ замки. Если же имъ приходилось встрѣчаться лицомъ къ лицу съ врагомъ, то не одинъ рыцарь потерялъ свои зубы въ борьбѣ съ своимъ противникомъ, какъ это случилось съ храбрецомъ Марквардомъ, Ашераденскимъ фохтомъ, едва ускакавшимъ въ свой замокъ безъ зубовъ, которые ему выбилъ Вестгардъ при схваткѣ ихъ, во время набѣга Вольквина на Семигаловъ съ 1229 г. (Альнп. 18 гл.). Какъ Русскіе, такъ и наши туземцы не боялись честнаго боя, но прочтите хроники Альнпеке, чтобы убѣдиться въ этомъ ужасномъ фанатизмѣ Нѣмцевъ, съ которымъ они, вторгаясь въ землѣ Семигаловъ, истребляли мужской полъ, давая только пощаду женщинамъ, предавали огню и поселенія и всякіе пожитки туземца, отнимая всякія средства къ его существованію. А, между тѣмъ, Семигалы никогда не поступали вѣроломно съ своимъ врагомъ, такъ что когда они въ 1259 году рѣшились отложиться отъ Нѣмцевъ, то самъ Альнпеке указываетъ, что они выслали Нѣмецкіе гарнизоны изъ сво-

ей страны, не причинивъ никакихъ обидъ имъ. Въ доказательство же того, какое потрясающее вліяніе имѣло на папу Ледовитое побоище достаточно указать на новыя его воззванія для возбужденія крестовыхъ ополченій на нашу страну и Литву, поступленіе въ каковыя ополченія Папа разрѣшаетъ всякимъ бандитамъ и преступникамъ, со всепрощеніемъ имъ за то всякихъ преступленій. Что же касается рыцарей, то, оставляя въ сторонѣ ихъ монашеское призваніе и высокое происхожденіе, имъ дозволяется, по свидѣтельству Коцебу, историка древней Пруссіи, всякаго рода Handel-Wandel-waaren, im und verkauf, т. е. торговля и обмѣнъ товаровъ, ввозъ и вывозъ ихъ для продажи, такъ что, по заключенію правдиваго историка, рыцари сдѣлались одновременно монахами, солдатами и торгашами. При этомъ замѣчаніи Коцебу необходимо еще вспомнить, что всѣ эти занятія, конечно, отстраняли ихъ отъ главнаго своего призванія—госпитальеровъ т. е. страннопріимцевъ. Но какъ папа, такъ и рыцари позабыли объ этомъ призваніи. Сперва неожиданное пораженіе одновременно на трехъ пунктахъ т. е. на Невѣ, подъ Псковомъ и на Чудскомъ озерѣ, а потомъ прямой отказъ Александра Невскаго на допущеніе Латинской пропаганды въ Русской землѣ до того воспламенили папу, что онъ объявляетъ теперь всѣмъ своимъ противникамъ борьбу на жизнь и смерть, вызывая противъ нихъ, наконецъ, и силы ада, говоря словами языческаго поэта: „Si nequeo precibus, Acherontem moveбo“ т. е. если не могу склонить мольбою, то самый адъ подвигну“. Конечно, подобный поворотъ событій представляетъ особый интересъ не только для частнаго любопытства, но и въ научномъ отношеніи для изученія религіозныхъ и культурныхъ принциповъ у борющихся сторонъ.

VIII. Прежде всего ложь Фукса оказывается въ томъ, что Литва XIII в. была противна католицизму, и что земли отъ нея рыцари пріобрѣли обманомъ. По свидѣтельству Литовскаго лѣтописца Быховца Инфлянтскимъ княземъ этого времени былъ нѣкто Флядра. Онъ имѣлъ двухъ дочерей: одна изъ которыхъ была замужемъ за Наримундомъ, княземъ за—Вилейской Литвы, а другая за Довмонтомъ, княземъ Нальщанской Литвы. Нашествіе Монголовъ возмутило и Литву противъ Руси, также какъ оно ободрило и рыцарей къ нападенію на Псковъ. Личность Флядры неизвѣстна, но онъ, вѣроятно, былъ Литвиномъ, подобно бла-

гочественому своему соплеменнику, бывшему Полоцкому князю Борису Гавриловичу. Въ чьей состоялъ Флядра зависимости положительныхъ данныхъ не имѣется, а также—кому теперь принадлежала и наша страна. Подъ 1180 г. въ Ипат. лѣтописи есть извѣстіе, что Полочане приводили въ союзѣ съ собою Либь и Литву на войну, но въ XIII вѣкѣ, по смерти Ростислава Рюриковича, судьба ея становится темною. Волненія Литвы вызвали Невскаго героя на защиту Витебска, княжна котораго Васса была за нимъ замужемъ. Появленіе Александра Ярославовича на аренѣ этой борьбы было на столько гибельно для Литвы, что она потерпѣла въ 1245 г. отъ него пораженіе при Зижчѣ, вѣроятно, при нашемъ Сижеполѣ, гдѣ онъ изсѣкъ восемь ихъ князьковъ, каковое пораженіе было причиною того, что племянники Миндовга: Товтивилъ, Арвидъ и Викунтъ оставили своего дядю и перешли на сторону побѣдителя, получивъ отъ него въ удѣлы Полоцкъ, Витебскъ и Рогачевъ. Почти всѣ Нѣмецкіе писатели, а также нѣкоторые и наши, напр. Сементовскій говорятъ, что будто бы Товтивилъ, Арвидъ и Викунтъ были посажены на столахъ въ Полоцкѣ, Рогачевѣ и Смоленскѣ Миндовгомъ, который будто бы завоевалъ для нихъ эти города, что совершенно невѣрно. Товтивилъ съ своими братьями былъ служилымъ княземъ у насъ, подобно Довмонту, будучи принятъ за приводъ имъ своихъ Литовскихъ дружинъ, и онъ не находился въ зависимости отъ Литовскаго В. князя. Эта борьба Александра Невскаго вызвана была, какъ оказывается изъ указанія хрониками участія Герпольта въ переговорахъ Псковичей съ рыцарями въ 1238 году о сдачѣ Пскова рыцарямъ, вѣроятно, какими нибудь излишними притязаніями Литовцевъ къ Русскимъ князьямъ, за что какъ Ринголътъ, такъ и Миндовгъ были достойно наказаны Невскимъ героемъ, поразившимъ въ восьми побѣдахъ Литовскіе отряды. Миндовгъ однакожъ не хотѣлъ покориться усмирителю Литвы и открылъ въ 1246 году большой походъ подъ Торопецкъ, но долженъ былъ безславно вернуться вспять. Въ это время судьба отозвала отъ насъ нашего Невскаго героя на вокняженіе въ Суздаль по смерти его отца, и неугомонный Миндовгъ снова ворвался въ Псковскую землю, нанесши пораженіе Псковичамъ въ нашей странѣ на р. Кудени (Люц. уѣз.), а потомъ въ 1248 г. приказалъ своимъ племянникамъ Товтивилу, Арвиду и

Вписуту воевать Смоленскую область, отъ чего послѣдніе отказались, и Товтивилъ обратился будто бы къ рыцарямъ съ просьбою о помощи, которую рыцари обѣщали ему, если онъ приметъ католицизмъ, каковой Товтивилъ будто бы и принялъ, но рыцари не исполнили своего обѣщанія, и Товтивилъ вынужденъ былъ, для защиты своей, обратиться съ просьбою къ своему родственнику Даніилу Романовичу Галицкому, который и обратился съ войною на Миндовга. Въ этой борьбѣ, какъ и въ борьбѣ съ Александромъ Невскимъ, Миндовгъ снова терпитъ пораженіе и, чтобы спастись отъ послѣдствій этого пораженія, самъ обращается, по примѣру Товтивила, въ Ригу за помощью, каковую и получаетъ, по обращеніи своемъ въ 1252 году въ Католицизмъ. Что касается принятія Миндовгомъ Католицизма—то и это еще вопросъ; но мало вѣроятія въ томъ, что Товтивилъ принялъ Католицизмъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ оказывается необъяснимымъ участіе въ его судьбѣ Даніила кн. Галицкаго. Впрочемъ рыцари обманули не одного Товтивила, но вскорѣ они нашли такого же простака въ князѣ Константинѣ, также обратившагося къ нимъ за помощью. Нѣмецкій ученый Боннель свидѣтельствуетъ, что есть булла отъ 1249 г. на имя Свѣтлѣйшаго Русскаго князя Константина, въ которой папа утверждаетъ за рыцарями подаренныя имъ этимъ княземъ крѣпости: Алектенъ, Кальве, Селенъ, Медени и Ницегаль. Послѣ этой буллы имѣются еще двѣ буллы отъ 1254 г. и 1267 года; въ которыхъ однакожъ не упоминается имени Константина, а возвѣщается только папская гарантія для рыцарей на эти земли. *)

IX. Мы считаемъ не излишнимъ привести дословно буллу Иннокентія IV. Annus 1254. Innocentius episcopus servus servorum Dei. Dilectis filiis Magistro et fratribus Hospitalis Sanctae Mariae Teutonicorum in Livonia. Salutem et apostolicam benedictionem. Sacrosancta Romana ecclesia devotos et humiles filios ex assvetae pietatis officio propensius diligere consuevit et ne prauvorum hominum molestiis agitentur, eos tamquam pia mater suae protectionis minime confovere. Eapropter, dilecti in Domino filii, vestris justis postulationibus grato concurrentes assensu personas et Hospitale vestrum, in quo divino estis obsequio mancipati, cum om-

*) Первая булла 1251 Иннокентія IV перепечатана у Рачинскаго Codex Diplom. Litw. и у Бунге, а вторая Урбана IV перепечатана у Бунге и въ Jndex'ѣ стр. 499.

nibus bonis, quae in praesentiarum rationabiliter possidete, aut in futurnm justis modis adipisci sub Beati Petri et nostra protectione suscepimus specialiter autem de Allecten, Calve, Sellen, Medene, Mitžigal castra seu munitiones et alia bona vestra, omnia juste ae pacifice possidetis, vobis et per vos hospitali vestro auctoritate apostolica confirmamus et praesentis scripti patrocinio communimus. Nulli ergo omninm hominum liceat hanc paginam nostrae protectionis et confirmationis infringere, vel ei ausu temerario contraire. Si qvis autem hoc attentare praesumpserit, indignationem Ompipotentis Dei et Beatorum Petri et Pauli apostolorum Ejus se noverit incursorum. Datum Assisii X Kal. Iuni *). Эта грозная и замѣчательная булла находится въ Кодексѣ Дипломатичной Литвы, изданной Рачинскимъ. 1845 г. стр. 6. Пріобрѣтеніе нашей страны, какъ видно изъ этой буллы, посвящено имени Апостоловъ Петра и Павла, между тѣмъ какъ пріобрѣтеніе Ливоніи было посвящено имени Пресвятой Дѣвы Маріи, подобно тому какъ пріобрѣтеніе Палестины посвящено было имени Іисуса Христа. Послѣднее сопоставленіе было заявлено на соборѣ въ 1215 году нашимъ архіеп. Альбертомъ въ рѣчи его къ папѣ, о благосклонномъ покровительствѣ котораго къ Ливоніи вооруженный нашъ Апостолъ умолялъ папу не напрас-

*) Вотъ Русскій переводъ буллы Иннокентія VII. Инокентій епископъ, слуга Божіихъ слугъ. Возлюбленнымъ чадамъ: Магистру и братьямъ Госпиталя Св. Маріи Тевтоновъ въ Ливоніи. Здравіе и апостольское благословеніе. Священно-Святая Римская церковь обыкла благосклонно осыпать любовію чадъ, преданныхъ и покорныхъ въ обязанности древняго благочестія и для успокоенія ихъ отъ оскорбленіи нечестивыхъ людей, какъ благочестивая мать отстраняетъ послѣднихъ отъ своей защиты. А потому, возлюбленные во Господѣ чада, отвѣчая благосклоннымъ соглашеніемъ вашимъ требованіямъ: чиновъ и Вашего Госпиталя, къ которому вы принадлежите въ Божественномъ общеніи, со всѣмъ имуществомъ, какимъ вы по праву владѣете въ настоящее время или въ будущемъ времени будете имѣть возможность получить отъ высокопоставленнаго Господина, мы принимаемъ подъ покровительство Блаженнаго Петра и наше преимущественно замки или крѣпости: Алектенъ, Кальве, Селенъ, Медене и Ницегаль съ ихъ деревнями, владѣніями, и прочимъ инымъ имуществомъ, и чтобы вы по закону и мирно владѣли, мы утверждаемъ своею апостольскою властью за вами и чрезъ васъ за вашимъ Госпиталемъ и силою настоящаго писанія закрѣпляемъ. Итакъ никому изъ всѣхъ людей не дозволяется этотъ документъ нашего покровительства и утвержденія нарушить или идти противъ него съ дерзкою попыткою. Если же кто вознамѣрится учинить такую попытку, тотъ подвергается наказанію Всемогущаго Творца и Блаженныхъ Апостоловъ Петра и Павла.

но, что оказывается и изъ приведенной нами буллы Иннокентія IV На какомъ основаніи Латинская пропаганда устроивала подобныя посвященія,—опредѣлить трудно. У Апостоловъ, во время ихъ земной жизни, не было намѣреній о земныхъ пріобрѣтеніяхъ: „не имамы града здѣ пребывающа, но грядущаго взыскуемъ“ говорилъ Ап. Павелъ. Это, конечно, такое же заблужденіе, какъ и названіе Альберта Буксгевдена вооруженнымъ апостоломъ: какъ будто былъ хотя одинъ изъ апостоловъ вооруженнымъ? Не нашъ ли Небесный Учитель воспретилъ Апостолу Петру извлеченіе меча во время своихъ страданій, даже для защиты отъ нападающаго врага? Эта булла дорога для насъ и съ той стороны, что она доказываетъ существованіе политическихъ пунктовъ въ нашей странѣ и культуру ея, имѣвшихъ на столько историческое значеніе, что они удостоились такой громкой папской буллы; между тѣмъ, какъ съ поступленіемъ нашей страны подъ управленіе крыжаковъ, всѣ эти пункты исчезаютъ съ лица земли и наша страна сходитъ съ исторической арены, потому что основанные рыцарями замки остаются мрачными, позорными гнѣздами коршуновъ-хищниковъ, съ пребываніемъ которыхъ невозможны были никакіе зародыши культуры. Конечно, и эти хищники имѣли, быть можетъ, своеобразную славу, но описаніе этой славы не подходитъ къ исторической панорамѣ дѣятелей человѣческаго прогресса. Притязанія на заслуги подобныхъ героевъ составляютъ грубой обманъ самыхъ безстыдныхъ прожектеровъ.

X. Вообще Нѣмецкіе историки не приводятъ даже и самой дарственной записи Константина, что, очевидно, произошло по тому поводу, по которому они не заявляютъ документовъ на уступку имъ Антины, Дерптской области, Толовы и другихъ областей, уступленныхъ имъ нашими князьями на условіяхъ дани также, какъ рыцари скрыли и договоръ Андрея Ольгердовича, гарантируя свои права на владѣніе нашими землями буллами папъ, которые принимаютъ на себя право утверждать владѣнія католиковъ во всякой той странѣ, куда вступила нога Латинскаго миссіонера. Однакожъ формальный раздѣлъ Kreuzerspille (около Крейцбурга): Кальве и Варкундовъ, (Варакляновъ), Рутенбергъ относитъ къ 1256 году (его исторія I ч. 155 стр.). По этому раздѣлу эта земля отдана рыцарямъ. Упомянутый Бонпель старается опредѣлить, кто это былъ князь Константинъ, и заключаетъ, что это былъ одинъ

изъ Литовскихъ князей, а указанныя крѣпости (castra) находились гдѣ нибудь за Двиною въ Семигаліи или въ Самогитіи. Мнѣніе Боннеля приняли и наши Русскіе ученые Тихоміровъ и Бережковъ, какъ оказывается изъ статей, помѣщенныхъ ими въ Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія въ 1870 годахъ. *) Изысканія нашихъ ученыхъ имѣли вопросомъ изслѣдованія о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ въ XIII и XIV вѣкѣ съ Ливоніею, при чемъ былъ затронутъ вопросъ и о томъ, кто это былъ Русскій князь Константинъ и гдѣ находились эти крѣпости или замки (въ буллахъ онѣ называются castra или munitiones) съ принадлежащими къ нимъ деревнями и владѣніями? Однакожъ и Боннель, и наши ученые ошибаются и въ указаніи мѣста этихъ крѣпостей, и въ самой личности Константина. Обращаясь къ подробной топографической картѣ мѣстности, составляющей Лубанскій бассейнъ, на востокѣ его мы находимъ Алексоту (Алектенъ), на Двинѣ двѣ Ницегали: Русскую и Нѣмецкую, далѣе къ сѣверу Мѣдени, Кальвеши или Ковали и Селенъ—нынѣшнія Селенини. Эти поселенія составляютъ, вѣроятно, остатки еще Варяжскихъ крѣпостей, охранявшихъ вступленіе непріятеля въ нашу страну по Евикштѣ. Овладѣніе Евикштой для рыцарей открывало свободный водяной путь для вторженія въ Псковскую область. Уступка рыцарямъ этого пути открывала послѣднимъ большія надежды въ будущемъ, а потому то буллы Папъ на столько краснорѣчиво и выражаютъ свою радость по этому поводу, что какъ будто дѣло идетъ о покореніи рыцарями цѣлаго государства. Сколько составлено буллъ, сколько трансумптовъ, чтобы только удостовѣрить фактъ; но кому же, принадлежали эти крѣпости—данныхъ не имѣется, о чемъ можно догадываться только при опредѣленіи личности Константина. Кто же этотъ былъ загадочный князь Константинъ, признаваемый учеными за Литвина? Ошибка Боннеля и его собратіи оказывается съ перваго же взгляда. Если бы Константинъ былъ Литвинъ, къ чему было рыцарямъ ручательство Литвина, имѣя въ своей власти Миндовга? Очевидно, что какъ Товтивилъ, такъ и другой подобный князь были для нихъ безъ значенія при подобномъ

---

*) См. статью Тихомірова о торговыхъ сношеніяхъ Полоцка съ Ливоніею. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1877 года, мѣсяцъ Декабрь; Бережковъ—Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на Ганзу. Апрѣль 1877 г. Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія.

вопросѣ: не только служилые Литовскіе князья, напр. Товтивилъ, Довмонтъ и др. не имѣли права заключать отъ себя такихъ договоровъ, а тѣмъ болѣе имѣть право дарить земли, но даже младшіе удѣльные князья, какъ напр. Герденъ, Андрей Ольгердовичъ заключали подобные договоры съ рыцарями о земляхъ безъ права, какъ увидимъ ниже. Ученый толкователь хроники Альнпеке простодушно думаетъ, говоря положительно, что „Товтивилъ, Арвидъ и Вокунтъ завоевали свои удѣлы?" (Scriptores rerum Livonicarum. T. I. p. 748); но мы думаемъ совершенно объ этихъ князьяхъ иначе, а именно, какъ о служилыхъ и состоявшихъ въ зависимости отъ нашихъ удѣльныхъ и не имѣвшихъ на то правъ. Князь же Константинъ въ буллѣ именуется очевидно сувереномъ, и при томъ Русскимъ. Въ грамотѣ къ князю Михаилу Константиновичу, Витебскому князю, отъ Рижанъ упоминается имя Константина, его отца, какъ Витебскаго князя, бывшаго другомъ вообще для Нѣмцевъ; а такъ какъ Витебскъ былъ въ зависимости отъ Смоленска, то, загадочный вопросъ скрывается, очевидно, въ исторіи Смоленска. Раскрывая исторію послѣдняго города, (Ист. Смол. Мурзакевича) подъ 1240 годомъ, мы находимъ, что Смольяне просили проѣзжавшаго чрезъ ихъ городъ Александра Ярославовича удалить куда нибудь изъ Смоленска соправителя ихъ князя Всеволода Мстиславовича, Константина Мстиславовича, неизвѣстно, по какимъ обстоятельствамъ,—что Александръ Невскій и исполнилъ, передавъ ему управленіе Витебской области, гдѣ Константинъ и учинилъ и отдалъ этотъ незабвенный даръ для Нѣмцевъ. Къ этому дару онъ былъ вынужденъ, вѣроятно, конкуренціею со Смольянами. Но имѣлъ ли онъ право дарить эту землю, находившуюся въ спорной принадлежности между Псковичами, Полочанами и Литвою, то это оказывается изъ открывшейся борьбы у Псковичей тотчасъ послѣ этого дара, заразъ и съ рыцарями и съ Полоцкомъ и Литвою въ 1254 году, а потомъ это раскрывается изъ слѣдующихъ войнъ Пскова съ своими сосѣдями. Такъ какъ дарственной записи Константина рыцари неоставили, то подлежитъ сомнѣнію, дѣйствительно ли цѣлая полоса земли между этими пунктами была уступлена рыцарямъ или только упомянутыя крѣпости, а равно и на какихъ правахъ. Впрочемъ имя Константина не пользовалось популярностью въ свое время, и вѣроятно, вслѣдствіе его этой ошибки.

*

XI. Что уступленная Константиномъ рыцарямъ полоса земли по Евикштѣ не составляла законной ихъ добычи, то оказывается изъ трансумптовъ Папскихъ, которыми они думали гарантировать свое право, для подкрѣпленія каковаго они въ союзѣ съ Миндовгомъ дѣлаютъ набѣги на Псковъ въ 1254 году, потомъ выманиваютъ у него вторичное подтвержденіе дара въ 1260 году, на какое дареніе онъ также не имѣлъ права. *)

XII. Отдавая Инфлянты рыцарямъ, онъ жертвовалъ страною, принадлежавшей Пскову, который такимъ образомъ долженъ былъ вести борьбу и съ рыцарями, и съ Литвою, въ каковой мы сейчасъ и увидимъ Псковичей. Но неудачный союзъ его съ рыцарями на столько скомпрометировалъ его въ глазахъ его подданныхъ и соплеменниковъ его Семигаловъ и Жмудиновъ, что они начали дѣлать набѣги на рыцарей безъ его согласія и участія, и не хотѣли признать этой уступки Инфлянтовъ рыцарямъ. Видя подготовляющееся въ народѣ противъ него возмущеніе, Миндовгъ торжественно отрекся отъ католицизма, разбиваетъ Тевтонскихъ рыцарей въ 1260 г. подъ Дурбеномъ, вступаетъ при помощи и содѣйствіи Жмудскаго князя Трапіата или Трепяты въ союзъ съ Новгородцами, для нападенія общими силами на Ливонію и Эстонію въ 1259 г., и тотчасъ исполняетъ свое условіе, впрочемъ кончившееся нѣсколько неудачно, вслѣдствіе запоздавшаго вступленія Русскихъ въ Эстонію, каковую неудачу мужественный Трепята исправилъ въ слѣдующемъ году жестокимъ опустошеніемъ Ливоніи до города Перновы. Но въ то время, когда онъ готовилъ месть своимъ бывшимъ друзьямъ рыцарямъ, его постигаетъ насильственная смерть, виновниками которой Польскіе писатели выставляютъ различно,—одни Трепяту, другіе Довмонта, которымъ смерть Миндовга ни съ какой стороны не была нужна. Нелѣпость обстоятельствъ, которыми обставляютъ эти писатели его смерть, очевидна. Кому была нужна его смерть, какъ не рыцарямъ? При отстраненіи съ своего пути врага, они не стѣснялись никакими средствами, если только вспомнимъ о сожженіи командоромъ Прусскимъ Мирабилисомъ цѣлой толпы Прусскихъ старшинъ, зазванныхъ имъ къ себѣ на пиръ. Рыцарство въ такихъ мѣрахъ не стѣснялось, напр.:

*) У Миндовга рыцари выманили слѣдующія земли: Россіену, Бетиголу, Эйраголу, Понемуни, Крожи, Карчевскую, Ягвижскую и Селевскія земли, кромѣ Инфлянтовъ.

смерть Дангеруты Литов. князя, повѣсившагося будто, какъ показываютъ хроники, добровольно, когда попался въ плѣнъ къ рыцарямъ, совершенно неправдоподобна: неужели у него не было никакихъ надеждъ вести борьбу съ рыцарями и безъ союза со Псковомъ? Они не знали границъ своей злости при мести своему врагу, что доказываетъ участь двухъ малютокъ, дѣтей Витовта, которыхъ они умертвили, когда ихъ отецъ бѣжалъ изъ Ордена и ему измѣнилъ. Ни епископовъ своихъ, ни магистровъ своихъ они не щадили при возгоравшейся у нихъ борьбѣ. Никогда бы Ягелло не рѣшился предать своего маститаго дядю героя Кейстута насильственной смерти, еслибы онъ не находился въ то время подъ вліяніемъ рыцарей. *)

XIII. Смерть Миндовга сопровождалась массою катастрофъ на Литвѣ. Вслѣдъ за смертью Миндовга послѣдовала такая же необъяснимая смерть Полоцкаго князя Товтивила, измѣнившаго подобно Миндовгу, католикамъ, потомъ Трепяты и др. У Миндовга былъ сынъ Войшелгъ, который принялъ Православіе, а потомъ поступилъ въ монахи. Воспламененный местью за смерть своего отца, Войшелгъ оставляетъ черную рясу, разнося вездѣ смерть вокругъ себя. Нѣтъ сомнѣнія, что противникомъ вступленія Войшелга на Литовскій престолъ былъ Довмонтъ, чѣмъ и объясняется причина, по которой Войшелгъ назначилъ Полоцкимъ княземъ Гердепя Давидовича. Опасаясь сдѣлаться безполезною жертвою кипѣвшихъ въ его странѣ волненій, Довмонтъ рѣшился оставить Литву и обратился съ своею дружиною къ Псковичамъ, предлагая имъ свое служеніе, каковое и было принято Псковичами въ 1364 г.

XIV. Безправное вступленіе Гердепя на Полоцкій столъ подавало рыцарямъ надежду имѣть опять въ Литвѣ, гдѣ имъ было удобнѣе производить возмущенія, союзниковъ противъ Русскихъ,—и

---

*) Мы считаемъ не лишнимъ привести хронологію Государей Литвы этого періода времени. Гернольтъ или Рингольтъ правилъ Литвою отъ 1226 г. до 1240 г. Миндовгъ до 1262 г. Тройнатъ до 1263, Шварнъ 1265, Вопшелкъ 1267, Свинторогъ 1269, Гермунтъ 1275, Тройденъ до 1283 г. Витенъ до 1315 г. Гедеминъ до 1341 г. Ольгердъ до 1381 г. Время правленіе этихъ государей было временамъ славы Литвы, разгромившей рыцарство, продолжавшееся впрочемъ при Ягеллѣ и Витовтѣ, со времени которыхъ начинается ослабленіе Литвы при открывшейся въ нѣдрахъ ея борьбы Католицизма съ Православіемъ.

вотъ они вступили въ союзъ, въ 1264 г. съ Герденемъ, начатый съ новаго подтвержденія ихъ правъ на нашу страну, заключавшагося въ слѣдующемъ договорѣ. „Князь Герденъ кланяется всѣмъ тѣмъ, кто видитъ сую грамоту. Тыи люди, что нынѣ живи суть, а тѣмъ, кто напослѣ придуть, тѣмъ вѣдомо буди, какъ миръ есмя творили промежи Местеря и съ Ратманы и съ Рижаны и съ Полочаны и Видьбляны. Како грамота написана, тако имъ надо всею землею отступити што есть Лотыгольская земля, какъ не вступатися на тую землю, што Князь Константинъ далъ Местерю съ своею братьею, съ своею грамотою и съ печатью, како болѣ того на ту землю не поисквати. Верху того про ту пакость, что ся въ розмирьи створило, какъ имь отъ обою сторону отступити и што ся Русская земля словеть Полочская, отъ тое земли местери и братья его отступили со всею правдою... А старому миру стояти князя Герденя, князь тыхъ и кто по немъ будетъ: што поклепани на рѣзнѣ и что словеть Лотыгальская земля, отъ того ся отступили своею правдою Местерь, такжe братья его отступили, что словеть Полочская земля со всею правдою". Мы привели эту грамоту въ доказательство того, что Нѣмцы вступали въ страну не безправную и имѣвшую основы культуры. Еслибы наша страна была населена дикарями, какими изображаютъ нашихъ туземцевъ Нѣмецкія хроники, то къ чему существуютъ такіе документы и памятники объ ея предѣлахъ? Впрочемъ этимъ договоромъ дорожили Нѣмцы, а въ Русскихъ и Литовскихъ актахъ онъ нигдѣ не упоминается, такъ какъ онъ былъ заключенъ княземъ, не имѣвшимъ на то права, какъ служилымъ княземъ *). Однакожъ такое хозяйничаніе Литвина въ нашей странѣ Новгородцамъ не понравилось, и они немедленно приказали пригороду, своему младшему брату Пскову, открыть походъ на Полоцкъ, который и состоялся подъ предводительствомъ новопребывшаго во Псковъ князя Довмонта.

---

*) Такъ какъ эта земля лежала подъ Нѣмецкою землею—Land, то она и называется въ Нѣмецкихъ хроникахъ подъ именемъ Upland или Иффлянтъ, какъ ея это названіе означено въ Витовтовой переепискѣ съ рыцарями, находящейся въ исторіи Пруссіи Коцебу. Граница Герденя шла отъ Двины чрезъ Голяны, гдѣ имѣется и теперь три пограничныхъ дуба, живущихъ съ того времени, только и въ настоящее время эта полоса около Евикшты и оказывается съ признаками рыцарскаго быта.

XV. По свѣдѣніямъ Литовскихъ писателей Полоцкъ принадлежалъ Довмонту, у котораго Герденъ отобралъ его, а также и Инфлянты, кажется, принадлежали нѣкоторымъ образомъ тоже Довмонту, который былъ женатъ на одной изъ дочерей Флядры,—князя Инфлянтовъ. Вѣроятно, по вліянію Флядры, Довмонтъ и былъ приглашенъ Псковичами, а потому то какъ онъ, такъ и Давидъ Гарденскій и боролись за наши Инфлянты съ рыцарями. По свѣдѣніямъ Сохачевича (Историч. таблицы, издан. 1828 г.) на Инфлянтахъ былъ въ 1310 князь Глазелута, сынъ Витена. Между тѣмъ въ Полоцкѣ около этого времени оказывается княземъ Воинъ, сынъ Гедемина. Походъ этотъ Псковичей былъ предпринятъ во время, такъ какъ магистръ нашего ордена Мандеръ или Медемъ занятъ былъ въ это время основаніемъ замка въ землѣ Куровъ Митавы и войною съ ними, а почему этотъ походъ и окончился успѣшно. Новопринятый нами витязь Довмонтъ бился въ этомъ дѣлѣ мужественно. Въ это время Папа, сдѣлавъ воззваніе къ Русскимъ князьямъ о принятіи ими католицизма, и убѣдяся въ непоколебимой преданности ихъ своей вѣрѣ, началъ разсылать новыя буллы, призывавшія народъ къ крестовымъ походамъ и обѣщавшія принятіе всякаго новопоступавшаго въ рыцари, какъ самого Христа, а почему наши рыцари и Датчане, узнавъ о смерти Александра Ярославовича, послѣдовавшей въ 1263 г. начали снова наступательныя противъ насъ дѣйствія. Рутенбергъ говоритъ, что Датчане не подавали никакого повода къ войнѣ, которую вызывалъ самъ нашъ Новгородскій князь Ярославъ Александровичъ, желавшій прославиться будто-бы воинскимъ или солдатскимъ подвигомъ (стр. 197) и насиліемъ; но, видя построеніе Мандеромъ Вейсенштейнскаго замка на сѣверѣ, а также вообще стремленіе рыцарей и Датчанъ утвердиться въ Эстоніи и Ингріи, каковымъ стремленіемъ направлялъ Дерптскій бискупъ, старавшійся освободиться отъ дани Русскимъ, принимая потомъ свидѣтельство самихъ хроникъ о веденіи Медемомъ и его предмѣстникомъ войны съ Русскими, очевидно, что открытіе войны съ Датчанами происходило не по почину нашего князя Ярослава Александровича. Лѣтописецъ нашъ такъ объясняетъ положеніе Новгородцевъ при возвращеніи ихъ отъ Полоцка, когда они остановились въ Псковскомъ селѣ Дубровлѣ, сосѣднемъ съ Люцинскимъ уѣздомъ: „Сдумаша Новгородцы

съ князем своимъ Юрьемъ т. е. Ярославомъ, хотѣша идти на Литву, а иніи на Полтескъ, а иніи за Нарву и, какъ бысть на Дубровнѣ, бысть распря и вспятившася и пойдоша за Нарову къ Раковору, т. е. Везенбергу, и города не взяша.“ Слѣдовательно, Рутенбергъ обвиняетъ насъ, желая какъ нибудь оправдать участіе рыцарей въ Раковорскомъ дѣлѣ, куда они явились, обѣщаясь не вмѣшиваться въ нашъ споръ съ Датчанами и давши клятву съ крестнымъ цѣлованіемъ, надъ которымъ они однакожъ смѣются, признавая его Русскимъ обычаемъ. Русскіе, вступивъ въ 1267 г. 18 Февр. на Раковорское поле, сверхъ чаянія, увидѣли въ рядахъ Датчанъ и желѣзныя роты рыцарей, прибывшія съ своимъ храбрымъ магистромъ Лютенбергомъ. Нашими войсками командовалъ князь Димитрій Александровичъ, при которомъ состояли командующіе своими полками: князь Константинъ, зять Невскаго, Довмонтъ, князь Псковскій и князь Юрій. Битва произошла ожесточенная. Много пало съ нашей стороны именитыхъ бояръ (Павша, Ратша, Чапша — по именамъ этихъ бояръ находятся посел. въ Люц. у.), и наконецъ, самъ посадникъ Михайло, а князь Юрій бѣжалъ съ поля сраженія; до пяти тысячъ человѣкъ пало нашихъ на полѣ сраженія. Въ особенности храбро бились рыцари, разсчитывая этою побѣдою обезпечить свои притязанія на захватъ ими нашей страны. Однакожъ мужество Русскаго войска одержало побѣду надъ нарушителями клятвенныхъ договоровъ. Дерптскій епископъ положилъ свою голову въ этой битвѣ. Князь Довмонтъ, возвратясь въ Псковъ со многимъ полономъ, спѣшитъ въ Литву, т. е. нашу страну или Русскую Литву и напалъ при р. Мироповнѣ на Нѣмцевъ, заграбившихъ нѣсколько Псковскихъ селъ и, имѣя гораздо слабѣйшій отрядъ, разбилъ этихъ грабителей и изгналъ ихъ изъ этихъ селъ. Названіе этой рѣки нынѣ затеряно *), а почему Нѣмецкіе писатели и сомнѣваются въ достовѣрности этого сраженія, относя его къ легендарнымъ. Дѣйстви-

*) Въ Люцинскомъ у. при р. Пкѣ есть поселеніе Мирутъ, каковое названіе, вѣроятно, образовалось изъ слова Мирупъ. Слогъ упъ находится въ окончаніяхъ нашихъ названій, напр.: Колупъ, Малупъ и т. д. Карамзинъ ищетъ эту рѣку въ Эстоніи, но зачѣмъ Довмонту было бросаться въ Эстонію, за которую боролись Новгородцы? Названіе р. Мироновны уже изчезло подобно названію остр. Гойды на Двинѣ или Царевъ острова, тоже на Двинѣ находящагося и значущагося въ Ливонскихъ документахъ; но изъ того не слѣдуетъ еще, чтобы эти названія были вымышленныя.

тельно, жизнь и дѣянія нашего Псковскаго героя настолько сложны, что требовать отъ лѣтописей подробнаго и точнаго указанія его подвиговъ нѣтъ возможности, отчего и оказывается, что въ нихъ слиты и государственные его подвиги, и частные, привзятые изъ его борьбы съ Рыцарями и Литвою за свою родину и нашу страну. Однакожъ въ недостовѣрности ихъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ они оправдываются изъ другихъ фактовъ, служившихъ результатами этихъ подвиговъ, называемыхъ у Нѣмцевъ легендами. Подобною Мироновскому дѣлу легендою была его борьба съ Герденемъ Полоцкимъ, начатая, какъ мы выше сказали, по приказу Новгородцевъ предъ Раковорскою битвою, къ окончанію которой онъ тотчасъ явился, по возвращеніи своемъ во Псковъ. Въ концѣ 1267 года снова напалъ Герденъ на Псковскія владѣнія, но Довмонтъ, имѣя всего 90 человѣкъ, настигъ Полоцкій отрядъ на Двинѣ и разбилъ его на островѣ Гойдѣ, взявъ въ плѣнъ тетку Герденя, княжну Евпраксію, а самъ Герденъ палъ на мѣстѣ сраженія. Послѣ этой побѣды Довмонтъ становится Полоцкимъ княземъ, и есть документы, представляемые самими Нѣмецкими архивами, на которыхъ значится его подпись, какъ Полоцкаго князя, каковой памятникъ очевидно доказываетъ достовѣрность событія, хотя и нѣтъ нигдѣ свѣдѣнія, чтобы Довмонтъ считался оффиціально Полоцкимъ княземъ. Какъ ни незначительно это дѣло Довмонта, но оно имѣло великія послѣдствія, потому что оно уничтожило заразъ и договоръ Герденя, и договоръ князя Константина. Въ 1268 году Нѣмцы пишутъ новый трансумтъ на Герденеву землю. Однакожъ, прежде дальнѣйшаго разсказа объ изгнаніи ихъ изъ нашей страны Довмонтомъ, Тройденомъ и Витеномъ необходимо сказать нѣсколько словъ о скептицизмѣ Нѣмцевъ въ достовѣрности Русскихъ лѣтописей.

XVI. Современные Нѣмецкіе писатели, напр. Рутенбергъ, Энгельманъ *) и вообще Польскіе писатели стараются дать видъ разсказамъ нашихъ лѣтописей о дѣяніяхъ Довмотна видъ сагъ, а личность его представить легендарною. Дѣянія Довмонта на

---

*) Рутенбергъ въ своей Исторіи Остзейскихъ провин. ч. 1 разсказываетъ о Псковской войнѣ Лютенберга по Альнеке, толкователь котораго въ изд. Scriptores rerum Livonicarum прямо называетъ извѣстія нашихъ лѣтописей легендарными, а Энгельманъ въ своихъ Хронологическихъ изслѣдованіяхъ Лифляндскихъ Хроникъ 1858 г. называетъ ихъ прямо легендою.

столько очевидны изъ самыхъ памятниковъ и обстановки, что не нуждаются ни въ коментаріяхъ, ни въ критическихъ анализахъ, требуя только изученія. Лѣтописцы описываютъ его дѣянія, не какъ легенды и эпопею, но санкціонируя въ благоговѣніи своемъ то призваніе, съ которымъ вступилъ нашъ герой на свое трудное поприще, посвятивъ ему не только свою жизнь, но свой родъ и потомство. Съ овладѣніемъ р. Евикштою, рыцари съ своими страшными силами стали твердою ногою почти при самомъ входѣ во Псковъ. Задачею своею князь Довмонтъ поставилъ не только поразить своего страшнаго врага, не только заставить его отступить, но перенести арену борьбы на другой для него самого опасный пунктъ. Задача громадная, рѣшеніе которой окончилось при его дѣтяхъ, но указаніе этой задачи принадлежитъ ему. Не только потомство, но и современники его въ благоговѣніи пали предъ величіемъ этой задачи, обращаясь къ Небу съ молитвою о благополучномъ разрѣшеніи ея. А почему мы считаемъ скептицизмъ Нѣмецкихъ ученыхъ въ такихъ свидѣтельствахъ нашихъ лѣтописцевъ, какъ свидѣтельство: „Богъ вдохнулъ Довмонту мысль или благодать или силу и т. п.“ неумѣстнымъ, какъ считаемъ неумѣстнымъ и критическое ихъ отношеніе къ лѣтописной фразѣ въ одномъ изъ его подвиговъ: „по нѣколицѣхъ днехъ,“ обличающей, по ихъ словамъ, легендарную форму разсказа. Такихъ фразъ въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчается очень не много, и онѣ встрѣчаются только при описаніи отраженія безчисленной массы частныхъ воровскихъ набѣговъ рыцарскихъ, каковое отраженіе не было занесено своевременно въ офиціальные документы. Что же касается описанія лѣтописцами вступленія нашихъ предковъ на битву, при совершеніи ими нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ и молитвъ, кажущагося Нѣмцамъ не то страннымъ, не то невѣроятнымъ (коментарій хрон. Альнеке въ Scriptores rerum Livonicarum, стат. 73), напр. по случаю опоясанія Довмонта мечемъ въ церкви игуменомъ, то мы не подвергаемъ анализу религіозныхъ тѣхъ церемоній, съ которыми рыцари принимали свое званіе и, по совершеніи этихъ церемоній, мы находимъ ихъ героями воровскихъ набѣговъ. Сами Нѣмецкіе историки признаютъ существованіе Голгоѳъ у рыцарей при замкахъ аномаліею: Голгоѳы или замковые сады рыцари устроивали для воспоминанія о страданіяхъ І. Христа, изъ каковыхъ священныхъ мѣстъ

рыцари отправлялись на разбои и грабежи. Если эти рыцарскія церемоніи были необходимы въ дѣлѣ мистификаціи своего призванія ко вторженіямъ въ чужія земли и грабежамъ чужаго имѣнія, то, конечно обряды нашихъ предковъ цѣлесообразнѣе при защитѣ ими своей земли отъ своихъ враговъ. Наконецъ, лучшимъ свидѣтельствомъ вѣроисповѣданія нашихъ предковъ служитъ сохраняющееся и до сего времени преданіе у Ливовъ о строгости старой вѣры, подъ которою разумѣютъ они Православную вѣру. Впрочемъ какъ наши колонисты ни хвастаются искусствомъ своей миссіи, однако въ Ливоніи до самаго поздняго времени существовало язычество. Въ 1835 г. Лифляндскій пасторъ оповѣщалъ о существованіи въ Валкскомъ уѣздѣ языческаго жертвенника. (Матер. для исторіи Прибалт. края т. III.) Въ 30 годахъ настоящаго столѣтія и въ нашихъ Маріенгаузскихъ лѣсахъ существовало язычество по отзыву старожиловъ. Что касается самого разногласія хронологическихъ датовъ, находимаго Нѣмецкими критиками при сличеніи Новгородской и Псковской лѣтописи, то это также нисколько не доказываетъ обличенія Нѣмецкой критики, такъ какъ разсказы заключаютъ въ себѣ, очевидно, разныя происшествія, что оказывается изъ порядка слѣдующихъ происшествій.

XVII. По разсказу Рутенберга магистръ Роденштейнъ въ 1269 году открылъ походъ подъ Псковъ за то, что Новгородцы стѣсняли торговлю Нѣмцевъ какими то мелкими ограниченіями, получившую незначительный ущербъ вслѣдствіе какихъ то домашнихъ Новгородскихъ возмущеній. По по этому предмету шли особые переговоры, а между Псковомъ и рыцарями открылась борьба по иному поводу, именно по случаю воровскихъ рыцарскихъ захватовъ въ нашей странѣ, т. е. въ Семигаліи, начавшихся при Мандерѣ и превратившихся въ ужасную 35 лѣтнюю борьбу. Новый магистръ Роденштейнъ, онъ же и Лютенбергъ, задумалъ оставить по себѣ память сооруженіемъ замка въ нашей странѣ, каковой и предположилъ основать въ Лютенѣ, или Люцинѣ подобно своему предмѣстнику или вѣрнѣе сказать совмѣстнику Мандеру. Какъ оказывается, основаніе это не удалось, и едва-ли указаніе лѣтописи на битву Довмонта при Мироповнѣ не есть описаніе этой попытки Лютенберга? Послѣ этой неудачи Лютенбергъ необходимо долженъ былъ открыть походъ, каковой и открылъ въ 1268 г въ Апрѣлѣ или Маѣ

мѣсяцахъ въ такомъ составѣ войска, какого Псковъ еще не видалъ предъ собою. Это войско состояло изъ пѣхоты и морской силы, прибывшей на многихъ корабляхъ и ладьяхъ (пѣхоты 18 человѣкъ по Альнеке и 8 т. на корабляхъ). Какимъ путемъ рыцари подступили ко Пскову съ морскою силою, если не нашимъ путемъ чрезъ Евикшту и Лубаньское озеро? Сжегши Изборскъ и два безымянныхъ города, они подступили къ Пскову, имѣвшему неприступную крѣпость. Этотъ походъ Роденштейна оказался не удачнымъ, несмотря на это грозное вооруженіе, котораго оказалось однакожъ недостаточно для осады Пскова, пользовавшагося выгодными естественными укрѣпленіями. Рыцари, не извѣстно почему, приписываютъ себѣ побѣду, предполагая, что Псковичи, при одномъ появленіи рыцарей въ такомъ вооруженіи, должны были прямо сдаться отъ страха, и нѣкоторыя хроники говорятъ, что Роденштейнъ тогда только отступилъ отъ Пскова, когда прибылъ на защиту его Новгородскій князь какой то Іоріанъ, съ Московскимъ княземъ упросившій будто бы магистра на миръ, условія котораго однакожъ эти хроники скрываютъ, умалчивая и о Довмонтѣ. Хотя нѣкоторые изъ толкователей (Хрон. Альнеке въ Scriptores rerum Livonicarum) предполагаютъ въ Юріи племянника А. Невскаго, но этотъ Юрій не былъ ли одного происхожденія съ Герпольтомъ, т. е. Литовскій служилый князь. Для насъ однакожъ важно указаніе хроникъ о принадлежности нашей страны къ Москвѣ, такъ какъ миръ былъ заключенъ по вліянію Московскаго Государя. Магистръ простоялъ, по показанію нашихъ лѣтописей, подъ Псковомъ около мѣсяца. Предъ отраженіемъ приступа рыцарей Довмонтъ пошелъ въ церковь Св. Троицы, гдѣ, по совершеніи молитвы, былъ опоясанъ своимъ мечемъ рукою Игумена Исидора, отъ котораго и получилъ благословеніе на битву. Получивъ въ единоборствѣ ударъ мечемъ въ лице отъ нашего Князя, Магистръ потянулся отъ Пскова вспять безъ всякаго результата. Рыцари не могли вести продолжительной осады крѣпостей особенно въ чужой землѣ, опасаясь возмущенія своихъ подданныхъ, а еще болѣе вторженія Литвы или другихъ сосѣдей въ свою землю. Они мужественно защищались за каменными стѣнами въ своихъ замкахъ, дружно дрались въ своихъ рядахъ на полѣ битвъ, еще болѣе быстрыя вторженія открывали въ беззащитныя земли, а упор-

ныхъ осадъ вести были не въ силахъ, особенно такихъ многолюдныхъ городовъ и притомъ защищенныхъ, какимъ былъ Псковъ въ это время, какъ сами о томъ свидѣтельствуютъ хроники. Псковскія лѣтописи, говоря объ этомъ нападеніи, не упоминаютъ о мирѣ, какой послѣдовалъ только послѣ болѣе неудачнаго втораго похода рыцарей въ Русскую землю, въ 1271 году, о которомъ свидѣтельствуютъ кратко наши лѣтописи и въ которомъ погибъ самъ магистръ подъ Гандапомъ. Нѣмецкіе писатели жалуются на краткость нашихъ лѣтописей представляющихъ однакожъ, болѣе данныхъ и матеріала, чѣмъ ихъ хроники и, между тѣмъ, послѣднія оказываются болѣе краткими, тогда какъ на страницахъ ихъ и долженъ былъ бы быть занесеннымъ такой фактъ, какъ упраздненіе такого важнаго замка, какъ Вольценбергскій, послѣдовавшее одновременно съ заключеніемъ княземъ Юріемъ мира съ Нѣмцами; но мы его не находимъ въ хроникахъ, такъ что всѣ эти событія по хроникамъ уясняются только легендами и догадками *).

XVIII. Между тѣмъ какъ Русскія лѣтописи о своихъ событіяхъ передаютъ съ надлежащею полнотою, существованіе и дѣятельность Довмонта подтверждается самыми же хрониками, а перипетіи и эпизоды этой борьбы переданы нашими лѣтописями съ неопровержимою вѣрностью. Во 1-хъ, въ Новгородской лѣтописи время вступленія рыцарей въ недѣлю всѣхъ Святыхъ указано основательно вопреки сомнѣніямъ Нѣмецкихъ критиковъ въ неточности и неясности этого указанія, потому что рыцари съ

---

*) Что же касается Нѣмецкихъ хроникъ, то у нихъ нетолько не находимъ общихъ, но даже никакихъ указаній на самыя передовыя событія нашей страны, чему представляемъ въ примѣръ хронику Гильзена о нашей странѣ, причисляемой хроникеромъ къ рыцарскимъ владѣніямъ, а между тѣмъ онъ не отмѣтилъ ни одного факта о принадлежности нашей страны рыцарямъ, наполнивъ свое произведеніе фактами, касающимися не нашей страны, но вообще всей Ливоніи, представивъ только акты о передачѣ нашей страны рыцарями Полякамъ и документы о Польскихъ привилегіяхъ дворянству. Отсутствіе этихъ данныхъ доказываетъ что завладѣніе рыцарями того или другого пункта въ нашей странѣ было дѣломъ случайнымъ, то терявшимся, то возобновлявшимся, смотря по обстоятельствамъ, которое узаконить, вслѣдствіе его темной обстановки нельзя было при помощи даже самихъ папъ, санкціею которыхъ рыцари прикрывали свои мистическія присвоенія, т. е. воровскіе захваты. Вслѣдствіе чего, хроники не имѣютъ никакого научнаго значенія ни по формѣ, ни по своему содержанію, и только уясняются нашими лѣтописями и другими побочными источниками.

прибывавшими крестоносцами обыкновенно вторгались въ нашу страну два раза въ годъ: въ 1-й разъ—со дня Вознесенія Господня, имѣя въ виду истребленія посѣвовъ и лѣтнихъ полевыхъ работъ; второй срокъ, для вторженія въ наши земли, они имѣли на день Срѣтенія Господня, или такъ называемый у Поляковъ день Громницы, имѣя въ виду грабежъ хозяйственныхъ запасовъ, оказывавшихся у нашихъ поселянъ преимущественно въ это время. Набѣгъ рыцарей на Псковъ, указываемый лѣтописцами, а также нападеніе рыцарей на монастырь игумена Василія, гдѣ они убили 18 отшельниковъ съ ихъ игуменомъ, также имѣетъ историческую достовѣрность по аналогіи съ такими же происшествіями изъ рыцарскихъ дѣяній. Нѣмецкіе писатели вымышляютъ объ участіи князя Московскаго въ Псковскомъ мирѣ, потому что въ то время Москва еще не заправляла Русью и не имѣла никакой физической возможности прислать въ такой короткій періодъ времени своего посла, а если этотъ князь участвовалъ въ заключеніи мира, то значитъ, рыцари посылали къ нему о мирѣ, будучи побѣжденными. *) Но такъ какъ хроники считаютъ Роденштейна погибшимъ въ Московской войнѣ, продолжавшейся въ слѣдующемъ году, какъ говоритъ хроника Эргана, то, очевидно что наши лѣтописи достовѣрнѣе хроникъ. Условія этого мира, вѣроятно, заключались въ отстраненіи рыцарей изъ нашей страны, на что рыцари не соглашались, продолжая несчастно для себя войну, во время которой, поражаемые Довмонтомъ, никакъ не могли утвердиться при Евикштѣ, и, наконецъ, только упразднивъ Волькенбергъ, рыцари въ 1277 году заключаютъ миръ со Псковомъ, напавъ на мысль къ возведенію инымъ путемъ замковъ, предположенныхъ въ нашей странѣ.

XIX. Послѣ неудачнаго выбора мѣста для Волькенбергскаго замка, а потомъ Лютенскаго, вслѣдствіе слишкомъ ранняго углубленія во внутрь враждебной страны, предположено было изыскать мѣсто для построенія новаго замка. Кажется, надъ рѣше-

---

*) Энгельманъ въ своемъ изслѣдованіи Ливонской хронологіи опирается, доказывая побѣду Роденштейна, на будто бы собственномъ донесеніи Роденштейна въ Бременскій Магистратъ объ этой побѣдѣ. Но вѣрить этому донесенію нѣтъ возможности, потому что рыцари всегда хвастаются побѣдами и въ особенности предъ тѣми, отъ которыхъ надѣются на интересъ какой нибудь изъ своего хвастовства. Кто же бы отправился въ крестовой походъ, слыша о пораженіяхъ?

ніемъ этого вопроса трудился отставной Магистръ Мандеръ или Медемъ; *) едва ли не онъ былъ пораженъ во время одной изъ экскурсій Довмонтомъ мечемъ по головѣ,—лѣтописецъ нашъ говоритъ, что нашъ князь ранилъ Мендеря по головѣ. Неудачу Мандера и его соправителя Нордека взялся исправить преемникъ Роденштейна, Рацебургъ, который, видя, что открытымъ путемъ Русскіе и Литовцы не позволяютъ возвести замка, нашелъ средство устроить замокъ тайнымъ и хитрымъ способомъ. Не говоря никому ни слова о своемъ намѣреніи, какъ о томъ разсказываетъ хроникеръ Альпеке, восхваляемый Нѣмцами за любовь его къ истинѣ, Мейстеръ, заготовивъ строительные матеріалы, приказалъ своей командѣ собираться въ путь, съ которою и отправился вверхъ по Двинѣ. Поднявшись верстъ на 50 во внутрь чужихъ владѣній отъ своей границы, проходившей у Крейцбурга, магистръ Рацебургъ приказалъ своей командѣ остановиться и приняться за построеніе замка, каковой въ короткое время (vil Trate т. е. очень проворно) и былъ устроенъ, такъ что, когда король Литовскій Тройденъ и его союзники Русскіе прибыли къ Динабургу, то замокъ явился предъ ними въ такомъ вооруженіи, что при двунедѣльной осадѣ громадными стѣнобитными машинами и съ Русскими стрѣлками осаждающіе не могли его разрушить и овладѣть имъ. Это появленіе Тройдена съ машинами невѣроятно при его поспѣшности помѣшать постройкѣ замка. **) Однакожъ, чтобы отвлечь Тройдена отъ осады Динабурга, Рацебургъ сдѣлалъ набѣгъ на Литву, узнавъ о которомъ, Тройденъ обратился на Ливонію. Правдолюбивый Альпеке объясняетъ замысловато причину отступленія Тройдена отъ Динабурга, вслѣдствіе опасенія Тройдена потерять уваженіе и авторитетъ среди своихъ подданныхъ и сосѣдей въ случаѣ неудачи осады. Эта дорогая обмолвка хроникера обличаетъ, что рыцари измѣною успѣли захватить бывшую Литовскую крѣпость

---

*) Фамиліи Медемовъ, Тизенгаузеновъ, Плятеровъ, Молей и Зиберговъ считаются самыми древними изъ Нѣмецкихъ колонистовъ; изъ нихъ Медемы и Зибурги встрѣчаются въ званіи магистровъ и командоровъ. Плятерамъ и Зибергамъ издревле принадлежать земли въ Динабургскомъ уѣздѣ.

**) Альпеке въ злобной радости надъ неудачею врага выражается, что многіе изъ язычниковъ и кецеровъ должны были отступить отъ замковъ съ расщепленными головами, а многіе изъ нихъ и оставили свои головы подъ стѣнами. При чемъ выражаетъ надежду и на будущее торжество Динабургскихъ рыцарей, каковой надеждѣ однакожъ не суждено было оправдаться.

Пованзу или Невгинъ, что согласуется и съ быстрымъ ея построеніемъ vil Drate,—иначе что означаетъ выраженіе: Тройденъ опасался потерять уваженіе подданныхъ? Ограбивъ бѣдную Литву, въ каковой экспедиціи были между грабителями славнѣйшіе изъ рыцарей, а именно: Тизенгаузенъ и Эйлартъ, магистръ Рацебургъ обремененный добычею возвращался уже домой; какъ, переправясь черезъ Двину, онъ встрѣчается съ Тройденомъ, возвращающимся изъ похода предпринятаго имъ не для обогащенія грабежемъ, а для мести. Завязалась отчаянная борьба между рыцарствомъ и Литвою, въ которой Тройденъ разбилъ на голову рыцарей, между которыми хроники вспоминаютъ съ сожалѣніемъ о паденіи самого магистра, Тизенгаузена и Ейларта. Послѣдній былъ командоръ Датскихъ колоній въ Эстоніи, а первый былъ изъ могущественныхъ вассаловъ Рижскаго архіепископа, равнявшійся по значенію съ самой первой духовной фамиліею Буксгевденовъ. Какъ ни чувствительны были потери, понесенныя рыцарями при построеніи Динабурга, однакожъ основаніе его удалось, а потери рыцарскаго братства, при достиженіи цѣли, не имѣли значенія, такъ какъ на мѣсто убыли, по замѣчанію хроникъ, Римская курія имѣла у себя неистощимый запасъ; однакожъ, удержаніе за собою этого пункта требовало у рыцарей напряженія всѣхъ силъ, при чемъ и сама Римская курія принимаетъ самое близкое участіе.

XX. По случаю паденія Акки или Птолемаиды, послѣдняго притона крестоносцевъ въ Палестинѣ, Папа объявилъ, что всякій принявшій крестъ для похода въ Ливонію освобождается отъ прочихъ обѣтовъ, т. е. и отъ обѣта участвовать въ походѣ въ Палестину. Такъ какъ Тевтонское рыцарство уже окончило въ это время покореніе Пруссовъ, то постановлено было направить всѣ крестоносныя толпы и новыя роты рыцарства въ Ливонію для сооруженія въ нашей странѣ замковъ. Однакожъ исторіи происхожденія нашихъ замковъ мы нигдѣ не находимъ, потому что основаніе ихъ происходило на чужой землѣ, вопреки трактатамъ и договорамъ, но не „vildrate“, какъ построеніе Динабурга, а съ ужаснѣйшею борьбою, въ теченіи которой рыцари не разъ должны были отказываться отъ своихъ замысловъ, какъ это случилось съ Волькенбергскимъ замкомъ. Такихъ исторій хроники не любятъ описывать, и наши замки какъ бы выросли сами собою изъ подъ земли. Хотя позднѣйшіе историки изъ Нѣмцевъ

и Поляковъ стараются окружить ихъ руины славою, но какъ въ Нѣмецкихъ такъ и въ Польскихъ, а равно и въ Бѣлорусскихъ хроникахъ не имѣется положительно о нихъ свѣдѣній. Не смотря на то, что рыцари затратили на нихъ громадныя средства, но построеніе ихъ не имѣло культурной цѣли; они были грозою для сосѣдей во внѣшнихъ войнахъ и будучи заняты всегдашнею борьбою съ туземцами и еретиками, скрывавшимися въ болотахъ и лѣсахъ. Не замки, а географическое положеніе страны опредѣляло историческое ея значеніе, какую ошибку рыцарей поняли Поляки, отказавшись, по своемъ вступленіи послѣ Іоанна Грознаго, отъ возобновленія замковъ Люцинскаго, Рѣжицкаго и Маріенгаузенскаго, заботясь объ одномъ Динабургѣ. Подъ именемъ послѣдняго замка Бѣлорусскіе лѣтописцы называютъ вообще нашу страну, какъ это видно изъ Витебскаго лѣтописца, отмѣчающаго подъ именемъ Динабурга возвращеніе Инфлянтъ къ Польшѣ по Андрусовскому договору. Впрочемъ эмблема герба древняго Динабургскаго замка, состоящаго изъ двухъ частей, изъ коихъ первая заключаетъ изображеніе Божіей Матери, а въ нижней изображенъ крестьянинъ, обнимающій съ колѣнопреклоненіемъ и съ открытою головою стѣны замка, не оправдала аллегоріи, такъ какъ наши туземцы при рыцаряхъ не всѣ обратились въ Католичество. И будто бы туземцы наши искали такого ига? *) На подобнаго рода эмблемы рыцари были извѣстные мастера. Но какъ ни искусно были придумываемы такія эмблемы, а равно и священныя названія для этихъ замковъ, однакожъ основаніе и сооруженіе ихъ совершилось при страшной и ужасной борьбѣ.

XXI. Мы видѣли эту ужасную борьбу рыцарей съ Литвою и Русскими за сооруженіе Динабургскаго замка, существованіе котораго было во всякомъ случаѣ, при подобной обстановкѣ, немы-

*) Этотъ гербъ Динабургскаго замка помѣщенъ въ брошюрѣ Мантейфеля, издан. въ Познани, гдѣ находимъ вмѣстѣ съ печатями Рижскихъ бискуповъ и снимокъ съ печати командора упраздненнаго Волькенбергскаго замка. На печати изображена только одна голова въ шлемѣ, изъ подъ котораго опускаются на лобъ волоса; лицо съ бородою, что придаетъ лицу видъ юродиваго фанатика, мало отвѣчающій званію дворянина. Бискупъ изображенъ бритымъ. Рыцари вообще носили бороду. Замки рыцарей отличались отъ нашихъ крѣпостей тѣмъ, что они были недоступны для народа, а впускали туда однихъ рыцарей, которые однакожъ виновныхъ своихъ подданныхъ пытали и казнили въ замкахъ, а почему эти замки и были ужасомъ для народа, какъ притоны темнаго своеволія рыцарей.

слимо, и, для обезпеченія его, необходимо было сооруженіе другого замка, а также и владѣніе Евикштой оставалось спорнымъ вопросомъ, каковое владѣніе необходимо было также обезпечить. Для этихъ двухъ цѣлей ордену было необходимо употребить особыя, напряженныя усилія. Тогда явилось у рыцарства намѣреніе перенести резиденцію гермейстра Тевтонскаго ордена изъ Германіи въ Ливонію и нашу страну, составляющія самый грозный пунктъ борьбы рыцарей съ болѣе опасными врагами, и такимъ образомъ мы видимъ въ нашей странѣ одновременно въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ двухъ вицемагистровъ Ливоніи: Фейхтвангена и Виленина при Гермейстерѣ Мангольдѣ. Однакожъ это намѣреніе рыцарей оказалось неудобоисполнимымъ по двумъ обстоятельствамъ. Во 1-хъ, необходимость резиденціи Гермейстра въ Пруссіи обусловливалась необходимостью ближайшихъ и непосредственныхъ его сношеній съ западомъ, а, во 2-хъ, съ удаленіемъ Гермейстера изъ Пруссіи, Пруссы съ помощью Литовцевъ становились смѣлѣе въ своихъ возмущеніяхъ. Наконецъ, постановлено было высылать въ нашу страну самыхъ способныхъ рыцарей для сооруженія замковъ, которые и прибыли къ намъ въ 1285 году. По отбытіи Февтвангена, котораго рыцарство избрало въ гермейстеры на мѣсто Мангольда, отправившагося исполнить обѣтъ паломничества въ Палестину, открывается въ нашей странѣ самая ожесточенная борьба рыцарства съ Русскими, Литвою, Семигалами, Жмудью и Корсами. Хроники, чтобы скрыть свои незаконныя дѣянія, описываютъ ее, вообще какъ обыкновенную борьбу съ Литвою и Семигалами, умалчивая о главныхъ замыслахъ рыцарей, стремившихся къ построенію у насъ замковъ. Вѣроятно, и Ширборхъ или Вилекинъ хотѣлъ подражать Рацебургу, устроивъ тайно замокъ въ Рѣжицѣ, за что однакожъ жестоко поплатился. Основаніе его Нѣмецкіе хронологи относятъ къ 1285 году, и онъ переименованъ рыцарями въ Розитенъ, т. е. въ честь Розиты—мученицы, вѣроятно, по созвучію съ Русскимъ его названіемъ. Основаніе его, кажется, началъ еще Фейхтвангенъ, сдѣлавъ набѣгъ въ 1281 году на Литовцевъ, которые встрѣтились съ нимъ въ мѣстности, названной въ хроникѣ Альнеке по Нѣмецки Schlachtstappen, т. е. мѣсто рѣзни. Рыцари были въ большой опасности и едва избѣжали пораженія. Чтобы отвлечь вниманіе туземцевъ, рыцари направляли крыжаковъ преимущественно на разореніе Задвинскихъ Семигаловъ и Литовцевъ, а въ нашу страну они

старались водраться коварнымъ путемъ. Но, вѣроятно, походы Семигаловъ подъ предводительствомъ Намейзе въ 1280 году, Литовцевъ въ 1283 году подъ предводительствомъ Шоріата подъ Ашераденъ и Кокенгаузенъ, побѣда Семигаловъ надъ рыцарями подъ Ригою въ 1287 г., и, наконецъ, самая гибель Виллекина Ширбора въ 1287 г. связываются съ основаніемъ Рѣжицкаго и Люцинскаго замковъ. Тяжесть пораженія не послужила ли причиною того обстоятельства, что Альнеке, описывая гибель магистра подъ Рѣжицею, опустилъ ея тягостное для гордости рыцарей названіе. Одновременно съ Рѣжицкимъ замкомъ историки указываютъ и на появленіе въ нашей странѣ еще двухъ замковъ: а именно: на Лютенской горѣ, построеніе котораго приписываютъ Торберху (Сементовскій—въ Памятныхъ книжкахъ Витебской губ., Дерикеръ въ Описаніи девяти западныхъ губерній, а также и Безкорниловичъ въ своей Исторіи Бѣлоруссіи), но такого рыцаря не было въ составѣ конвентовъ, а около 1285 года были во главѣ Тевтонскаго рыцарства два брата Торберги, изъ которыхъ одинъ отправился въ Ливонію въ составѣ вышеупомянутой компаніи рыцарей, отправлявшихся къ намъ для построенія замковъ. Построеніе другого замка Маріенгаузенскаго приписывается архіепископу Фехтену; по всей вѣроятности, онъ былъ основанъ въ 1293 году. По хроникамъ нѣтъ свѣдѣній объ основаніи нашихъ замковъ. Имя Люцинскаго замка въ Русскихъ лѣтописяхъ означено въ первый разъ въ войнѣ Москвы съ Борхомъ, а Маріенгаузенскаго только въ войнѣ Іоанна Грознаго. Впрочемъ слѣды существованія нашихъ замковъ нужно искать въ Литовскихъ документахъ, въ которыхъ Динабургскій командоръ появляется въ первый разъ послѣ 1385 года, т. е. послѣ уступки нашей страны Андреемъ Ольгердовичемъ рыцарямъ, до каковаго времени Динабургскіе командоры еще не имѣли офиціальнаго признанія со стороны Литвы, а почему они даже и не входили въ составъ конвента Ливонскаго магистра, вслѣдствіе чего въ нашихъ замкахъ рыцари жили при другой обстановкѣ, чѣмъ рыцари собственной Ливоніи. На нихъ то Фридрихъ-Баро, арцибискупъ, въ своей отлучительной грамотѣ и жалуется, что они ведутъ образъ жизни, несоотвѣтствовавшій братству Христову.

XXII. Хотя Нѣмецкіе писатели прославляютъ любовь Альнеке къ правдѣ, но вся катастрофа, сопровождавшая гибель Виллекина, какъ то слита у Альнеке въ общемъ эпизодѣ, героемъ котораго

рисуется несчастный Ширборъ, который будто бы по неосторожности былъ застигнутъ въ лѣсу своими врагами, гдѣ въ отчаянной борьбѣ онъ падаетъ, а многіе изъ его собратіи сдаются врагамъ, которые сожигаютъ ихъ живыми на кострахъ, привязавъ ихъ за ноги къ верхушкамъ двухъ деревьевъ, подъ которыми разжигали костры. Видно было, что рыцарямъ пришлось поплатиться за свои варварства достойнымъ образомъ; видно, что основаніе Рѣжицы удалось имъ не такъ vil drate, какъ основаніе Динабурга. Рыцари вторгались по слѣдамъ пронырливыхъ своихъ духовныхъ миссіонеровъ, какъ это обнаруживается изъ спора и жалобы послѣднихъ на рыцарей, не желавшихъ дѣлиться съ своими піонерами по захватѣ добычи, и вторгшись обманомъ въ чужую страну, они не знали границъ своей тираніи и алчности. Что эта борьба была несчастною и ужасною для рыцарства, исходъ которой былъ для нихъ гибеленъ, то это оказывается изъ того, что хроники умалчиваютъ даже имя государя Литовскаго, который расчитывался съ рыцарями при этихъ ихъ воровскихъ продѣлкахъ. Это былъ Витенъ, наслѣдникъ Тройдена, совершившій въ 1285 году, въ нашу страну первый свой походъ, о которомъ Нѣмецкія хроники умалчиваютъ, но въ Литовскихъ остается воспоминаніе. Онъ то и помѣшалъ этимъ коршунамъ за одинъ разъ ухватить себѣ нашу страну въ добычу, вслѣдствіе чего не только основаніе Люцинскаго замка имъ не удалось въ это время, что для нихъ было очень досадно, такъ какъ онъ лежалъ на главномъ пути сообщенія Ливоніи со Псковомъ, а также и съ Витебскимъ, но, кажется, и этотъ походъ въ 1285 году подъ Рѣжицу отстрочилъ водвореніе рыцарей въ Рѣжицѣ почти на 40 лѣтъ. Впрочемъ имена Розитена и Динабурга встрѣчаются въ Ливонскихъ документахъ съ 1318 года. Да и въ нашихъ лѣтописяхъ оказывается намекъ на появленіе этихъ экземпляровъ рыцарской культуры: „по временѣхъ княженія Довмонта, Нѣмцы паки начаша дѣяти силу на Псковичѣхъ нападеніемъ и работою", говоритъ лѣтопись. Однакожъ въ XIII в. рыцари не могли положить начало водворенію своему въ нашей странѣ, потому что какъ Рѣжица, такъ и Маріенгаузъ были не болѣе, какъ только Нѣмецкими станціями, впрочемъ укрѣпленными, по допущенію Литовцевъ и Русскихъ на торговыхъ трактахъ въ Литву и ко Пскову, что оказывается изъ отлучительной грамоты Фридриха архіепископа, затѣмъ изъ грамоты Рижанъ въ Русско Ливонскихъ актахъ Напьер-

скаго, гдѣ Динабургъ и Рѣжица означены какъ рыцарскіе пограничные замки, устроенные ими для торговли только однихъ рыцарей съ Русью и Литвою, а почему и не принадлежавшими всей Ливоніи.

XXIII. Ознакомясь съ дѣяніями нашего рыцарства на аренѣ борьбы съ внѣшними врагами ихъ, мы не касались главнаго предмета—судьбы и дѣяній самихъ миссіонеровъ т. е. духовенства и бюргеровъ, призвавшихъ къ себѣ на помощь этихъ ратоборцевъ, а также и взаимныхъ ихъ отношеній. И дѣянія духовенства оказываются изумительно быстрыми, такъ какъ къ концу XIII вѣка духовенство въ Ливоніи состояло изъ 7 епископій, въ составѣ которыхъ числились напр. Русское и Селонское епископства. И эти епископіи получали свое основаніе, вѣроятно, такимъ же путемъ, какъ возникали наши замки. При такихъ быстрыхъ успѣхахъ почтенная собратія вскорѣ поспорила съ рыцарствомъ, но не изъ-за духовныхъ и теоретическихъ интересовъ, а изъ-за матеріальныхъ т. е. изъ-за поземельнаго раздѣла. Взаимнаго уваженія у этихъ корпорацій, кажется, никогда не бывало другъ къ другу, какъ то оказывается изъ отзыва Альнеке о своемъ духовенствѣ: „попы, (Pfafen) говоритъ онъ, очень боятся смерти, что было въ обычаѣ ихъ съ испоконъ вѣковъ, и это ужилось съ ними. Они, правда, проповѣдуютъ, что должно сражаться храбро, но сами охотно спасаются бѣгствомъ“. Изъ этого отзыва видно, какой неблагодарный взглядъ имѣли рыцари на заслуги своей собратіи—миссіонеровъ, покорившихъ Ливонію съ помощью крыжаковъ. Уже во время Лютенберга или Роденштейна рыцарство поспорило съ своимъ духовенствомъ, вѣроятно, за владѣніе Лютенскою горою и, овладѣвъ особою архіепископа Альберта Суербеера и его пробстомъ Іоанномъ Фехтеномъ, заключили ихъ въ Сегевольдскую тюрьму въ 1271 г., изъ которой ихъ выпустили тогда только, когда Архіепископъ согласился на уступку имъ половины своей части Семигаліи, т. е. вѣроятно, въ нашей странѣ, въ которую духовенство было допущено Литвою какъ, прежде Полочанами, для миссіи, по слѣдамъ которой потомъ ворвались и самые львы—рыцари. Въ 1286 г. вступилъ на архіепископскую Рижскую каѳедру упомянутый пробстъ Іоаннъ Фехтенъ, которому было памятно суровое обращеніе съ нимъ рыцарей въ Сегевольдѣ. Кромѣ того, онъ былъ вообще скупаго характера. По случаю раздѣла замковъ въ нашей странѣ, между рыцарями и архіепископомъ открылась ссора за владѣніе Марі-

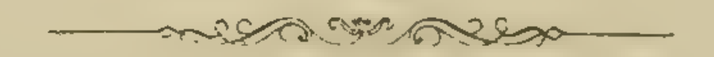
енгаузенскимъ замкомъ, который отнялъ коварно рыцари у Архіепископа въ 1292 г. Фехтенъ, по случаю отъѣзда своего за границу, поручилъ надсмотръ за нимъ Магистру, а послѣдній и присвоилъ его себѣ. Начавъ борьбу съ рыцарствомъ, Архіепископъ вступилъ въ союзъ съ Рижскими гражданами, которые были недовольны на рыцарей за торговую ихъ конкуренцію съ ними, а рыцари были не довольны на Рижанъ за то, что ихъ недопускали въ Ригѣ основать свои торговыя конторы. Рижане жаловались, что чеканка рыцарской монеты гораздо низшаго достоинства, нежели чеканка Рижанъ, что у рыцарей фальшивые вѣсы, что они ведутъ контрабандную торговлю. Открылась борьба между рыцарями и гражданами, при каковой борьбѣ рыцари оказали всякаго рода своеволіе и насиліе надъ гражданами, которые начали грозить, что они обратятся къ папѣ съ жалобою на рыцарей, на что рыцари отвѣчали со смѣхомъ: „ну, папа живетъ далеко, ищите его въ Римѣ!“ Уже рыцари этого времени начали относиться къ религіи съ крайнимъ кощунствомъ. Такъ въ этомъ грязномъ порокѣ особенно дерзко заявилъ себя одинъ изъ нашихъ Курляндскихъ рыцарей въ 1299 году, попиравшій ногами облатки и церковную утварь. Вообще рыцари съ этого времени положили у себя основаніе для разсадника разныхъ ересей, изъ которыхъ потомъ возникла реформація. Самымъ смѣлымъ іерессіархомъ былъ Гермейстеръ Конрадъ Валенродъ въ 1390 годахъ. При дальнѣйшемъ упорствѣ гражданъ и духовенства Магистръ приказалъ схватить Фехтена подъ стражу и заключить его въ замокъ, въ которомъ несчастный суверенъ просидѣлъ болѣе года и, по освобожденіи своемъ, въ 1294 году умеръ отъ огорченія. Наслѣдникъ его Шверинъ оказался не уступчивѣе своего предмѣстника. Онъ вступилъ съ Литовскимъ княземъ Витеномъ въ союзъ и позвалъ его въ Ливонію для защиты своихъ интересовъ отъ рыцарей. Въ 1296 году Витенъ подступилъ къ Виссенштейну, овладѣвъ которымъ, грубая Литва, схвативъ командора его за бороду, потащила на висѣлицу, а съ нимъ вмѣстѣ погибло и 60 рыцарей. Отъ края до края Витенъ опустошилъ Ливонію въ теченіи 18 мѣсяцевъ, и рыцари въ ужасѣ спасались отъ борьбы съ своимъ врагомъ только бѣгствомъ. Объ этой позорной борьбѣ своей съ Витеномъ рыцарскія хроники тоже нелюбятъ разсказывать. По удаленіи Витена изъ Ливоніи, рыцари бросаются на Трейденъ, гдѣ находился Шверинъ, осаждаютъ

Трейденъ и берутъ въ плѣнъ Шверина. Чтобы наказать его достойнымъ униженіемъ за союзъ его съ Витеномъ, рыцари садятъ своего суверена на дохлую клячу лицемъ къ хвосту, который заставили держать его вмѣсто повода, и въ такомъ позорномъ положеніи начали розвозить его отъ замка къ замку, а потомъ заключили его въ Сегевольдскую башню, гдѣ онъ просидѣлъ 33 недѣли въ заключеніи, отъ котораго освободился заступничествомъ папы. По выходѣ изъ башни, Шверинъ снова начинаетъ борьбу съ рыцарями, противъ которыхъ снова является Витенъ, поповскій защитникъ, и подъ Трейденомъ наноситъ рыцарямъ въ 1298 году снова страшное пораженіе. Однакожъ за рыцарей вступается Гермейстеръ, приславшій сильныя рыцарскія когорты подъ начальствомъ храбраго Брюггавена, который одержалъ 28 Іюля 1298 года побѣду надъ Витеномъ. Благодаря помощи крестоносцевъ, наши рыцари, по удаленіи Литовцевъ, одержали верхъ въ партизанской войнѣ съ помощью струтеровъ не только надъ духовенствомъ, но и надъ Рижанами, которыхъ они своими разбоями довели до ужаснаго положенія, а почему послѣдніе и согласились на всѣ требованія рыцарей. Построивъ замокъ Нейермуленъ на Псковской дорогѣ, рыцари стали хозяевами торговыхъ сношеній и со Псковомъ, а затѣмъ заключили отдѣльный союзъ и съ Любекомъ. Папа Бонифацій VIII буллою отъ 1302 года приказывалъ рыцарямъ возвратить духовенству и бюргерамъ свои захваты, но рыцари, не смотря даже на убѣжденія Гермейстра Гогенлое, прибывшаго въ Ливонію съ этою цѣлью, отказались исполнить желаніе папы. Гермейстеръ былъ на столько пораженъ своеволіемъ и распущенностью рыцарей, что отказался отъ должности, но на рыцарей и это обстоятельство также ничего не дѣйствовало. Рыцари этого времени оказываются самыми дерзкими кощунами религіи, грабителями и разбойниками, не только не помогавшими интересамъ религіи, но бывшіе противниками ея. Довольно вспомнить о вышеупомянутомъ дерзкомъ кощунѣ Гольдингенскомъ рыцарѣ Вигандѣ, фонъ Нейгаузенѣ, который, при нападеніи на епископскій замокъ Пербоненъ, не только запятналъ себя убійствами, но осмѣлился попирать ногами аплатки. Если такими дѣяніями стали извѣстны Курляндскіе рыцари, то чего же было должно ожидать отъ нашихъ рыцарей, на которыхъ осталось столько жалобъ и отъ духовенства, и отъ гражданъ, и отъ Литовцевъ. Хотя по своей час-

ленности, въ особенности послѣ походовъ на Ливонію Витена, рыцари гораздо были слабѣе своихъ противниковъ: духовенства и гражданъ, но они надѣялись, во 1-хъ, на помощь Нѣмецкихъ рыцарей, а, во 2-хъ, на силы крыжаковъ, надъ которыми они состояли вождями на дѣлѣ, тогда какъ духовенство управляло движеніями крыжаковъ только номинально. Чтобы однакожъ обезопасить себя отъ нападеній сосѣдей, то рыцари начинаютъ сначала XIV вѣка заключать договоры, имѣвшіе цѣлью разъединеніе союзниковъ. Такъ они въ 1305 году заключаютъ перемиріе съ Псковичами, каковыя перемирія до сего времени не были у нихъ въ обычаѣ. Въ 1307 году они выступаютъ изъ Полоцка, отказавшись въ пользу Литовцевъ отъ двухъ епископій: Русской и Селонской, каковая уступка оскорбила духовенство, но рыцари оправдывались не имѣніемъ средствъ къ закрѣпленію ихъ за собою, вслѣдствіе малочисленности своихъ конвентовъ. Какъ бы то ни было, архіепископъ Фридрихъ Баро, еще съ 1304 года, поднялъ процессъ у папы противъ рыцарей, обвиняя ихъ въ цѣлой массѣ преступленій и въ зловредности ихъ для Римской церкви, приготовляя имъ ту участь, которая въ 1307 г. постигла Храмовыхъ рыцарей, Гермейстеръ которыхъ Яковъ Молей по папскому опредѣленію былъ сожженъ живымъ съ 200 рыцарями по подозрѣнію въ распространеніи рыцарями безвѣрія въ народѣ. Но какъ нашъ архіепископъ ни старался доказать развратъ нашихъ рыцарей, однакожъ папа, признавая существованіе ихъ необходимымъ для управленія крестовыми ополченіями на Русскія земли, оправдалъ въ 1318 году торжественно нашихъ рыцарей во всѣхъ дѣйствіяхъ. Замѣчательно, что одновременно съ нашимъ архіепископомъ велъ и Польскій король противъ рыцарей свой процессъ по случаю захвата ими Помераніи въ свое владѣніе трехъ замковъ: Данцига, Диршау и Швеца, въ каковомъ процессѣ Польскій король однакожъ выигралъ свое дѣло, получивъ предоставленіе права силѣ меча. Такой приговоръ папы не примирилъ ссорившихся сторонъ, и нашъ архіепископъ 4 Апр. 1324 предалъ отлученію своихъ рыцарей, въ которомъ главнымъ мотивомъ этихъ своихъ дѣйствій пастырь указываетъ въ своей отлучительной грамотѣ въ особенности на Рѣжицкихъ и Динабургскихъ рыцарей, какъ на главныхъ своевольниковъ. Этотъ обрядъ проклятія надъ рыцарями былъ совершенъ со всѣми грозными церемоніями, т. е. въ Дом-

кирхѣ, внутренность которой обтянута была черным сукномъ, а проклятія были произнесены съ погашеніемъ свѣчей. Однакожъ питомцы мистификаціи не испугались этихъ театральныхъ пріемовъ и, пользуясь прибытіемъ крестоносцевъ, обратили въ 1330 г. послѣднихъ на Ригу, которую принудили теперь, въ продолженіи болѣе годичной осады, сдаться и уступить Динамюндъ, и др. замки, часть городскаго управленія, право команды надъ бюргерскими ротами во власть Ордена.

XXIV. Мы разсказали объ этой внутренней борьбѣ нашихъ колонистовъ, чтобы выяснить, который изъ факторовъ этой странной амальгамы остался главною, руководящею силою. Какъ ни слабы были конвенты нашего рыцарства, но, побѣдивъ притязанія духовенства и Рижанъ, они дѣлаются предводителями крыжаковъ и всякихъ авантюристовъ, при помощи которыхъ пріобрѣтаютъ себѣ богатства, независимое положеніе, имѣя возможность нанимать своихъ жолнеровъ и солдатъ и развязаться съ обязательствами къ пропагандѣ, съ усвоеніемъ своихъ корпоративныхъ и національныхъ принциповъ. Послѣднія стремленія были замѣчены папою еще при упомянутомъ процессѣ Архіеп. Фридриха, отреченія отъ которыхъ онъ требовалъ у Нѣмецкаго гроссмейстера, оставивъ ихъ безъ вниманія однакожъ у нашихъ рыцарей, чѣмъ и далъ возможность развиться нашему рыцарству въ большихъ силахъ и значеніи, подавивъ ихъ въ Нѣмецкомъ рыцарствѣ. Всѣ эти заботы Римской куріи о возбужденіи крыжацкихъ движеній были, къ началу XIV вѣка, устремлены не на Пруссію и Венденскія земли, но на Ливонію и Литовскую Русь, для которыхъ земель были воспитываемы самые первые крыжацкіе рыцари во всѣхъ земляхъ: въ Англіи, Франціи, Италіи, Богеміи, Австріи, не говоря уже о Нѣмецкихъ рыцаряхъ.



ГЛАВА V.

Доблестныя дѣянія Псковичей и Литовскихъ витязей подъ кровавымъ заревомъ крыжацкихъ пожаровъ.

Не стаи вороновъ слетались,
На груды тлѣющихъ костей,
Крыжаковъ толпы собирались
На бѣдную Литву и Псковичей.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!

Nulla fides pietasque viris, qui castra sequuntur.

I. Всѣ эти междоусобія у нашихъ колонистовъ однакожъ не грозили распаденіемъ ихъ странной амальгамы. Лишь только прибывали крестоносныя толпы въ Ливонію, вчерашніе враги тотчасъ примирялись для направленія своихъ гостей на тотъ пунктъ, который былъ намѣченъ въ намѣреніяхъ магистра рыцарей. Хотя всѣ эти набѣги на сосѣдей приписываются рыцарямъ, но истощенные въ своихъ междоусобіяхъ, рыцари были на столько слабы, что во многихъ изъ ихъ конвентовъ состояло не болѣе, какъ по два человѣка; и никакимъ образомъ не имѣли средствъ они вести правильной войны, кромѣ нападеній на того или другого сосѣда во главѣ крыжаковъ. Смиривъ своихъ духовныхъ и Рижанъ въ 1298 году, съ помощью крыжаковъ, прибывшихъ съ Брюгавеномъ, для исполненія своего обѣта, рыцари бросаются на Псковъ. Узнавши, что грозный защитникъ Пскова Довмонтъ находится на смертномъ одрѣ, и предполагая Псковичей въ оплошности, крыжаки прокрались подъ самый Псковъ. Псковичи однакожъ и безъ своего неустаннаго борца стали въ дружные ряды для встрѣчи врага. Вотъ завязалась сѣча, въ которой Псковичи мужественно удерживаютъ свое мѣсто; враги съ озлобленною яростью бросаются въ битву на разныхъ пунктахъ. Между тѣмъ умирающій Псковскій герой спрашиваетъ о судьбѣ своихъ гражданъ, и вдругъ встаетъ съ одра своего и направляетъ свои шаги въ

ряды сражающихся. Одного только появленія своего великаго вождя достаточно было для Псковитянъ вдохновить ихъ такимъ мужествомъ, что изумленный смѣлостью ихъ врагъ далъ свой стягъ и спѣшилъ уйти во свояси. Это дѣло, означаемое лѣтописцами подъ 1299 было послѣднимъ его подвигомъ на защиту своихъ согражданъ, послѣ котораго Онъ опочилъ на вѣки отъ земныхъ своихъ дѣлъ. Время Довмонта было самымъ тяжелымъ для ордена: изъ 10-и магистровъ 4 пали на поляхъ битвъ, чего ни прежде Довмонта, ни послѣ него не повторилось въ судьбѣ рыцарства, хотя каждый изъ магистровъ стремился доказать на дѣлѣ свою воинственность.

II. Говорятъ, что духъ нѣкоторыхъ героевъ не умираетъ вмѣстѣ съ ними, но оживляетъ, вдохновляетъ своихъ потомковъ къ соревнованію съ предками своими въ совершеніи великихъ подвиговъ, и очевидность этой истины оказывается въ посмертномъ вліяніи Довмонта въ своей средѣ и раскрывается въ послѣдующей исторіи Пскова и Ливоніи. Самъ Рутенбергъ сознается, что Псковскія дружины въ это время смѣло отражали рыцарей и совершали свои набѣги, подобно викингамъ, на рыцарскія владѣнія. Этотъ набѣгъ, какъ и Лютенберга, доказываетъ, что рыцари не имѣли никакихъ культурныхъ и общественныхъ правилъ, что стараются доказать Экардты, Рутенберги и др. Нѣмецкіе писатели. Рихтеръ говоритъ, что крестъ и замки рыцаря внесли къ намъ торговлю; напротивъ, послѣ этихъ набѣговъ Псковичи, бывшіе до этого времени довѣрчивы ко всякому иностранцу, съ XIV вѣка стали заграждать свои пути, а Псковъ совершенно заградили для вступленія Нѣмцевъ, въ коварствѣ которыхъ неоднократно они убѣдились. Впрочемъ вторженіе рыцарей не только не оживило нашей мѣстной культуры, но разорило благосостояніе городской жизни. Какъ хроникеры, такъ и историки удивляются красотѣ и богатству Пскова въ XII вѣкѣ, но рыцари постоянными своими набѣгами, начиная съ Балки и Лютенберга и кончая Плетенбергомъ, довели его до крайней слабости, расчитывая въ XV вѣкѣ уже непремѣнно овладѣть имъ, въ чемъ жестоко обманулись. Все это составляетъ не исторію культуры, а исторію разбоя, воровства, которыми наживались только рыцари и Рига, но не наша страна. Конечно, подобные набѣги возбуждали у сосѣдей недовѣріе къ рыцарямъ, не смотря на заключаемые договоры съ ними и которыхъ договоровъ однакожъ они не исполняютъ. Наприм., въ 1307 году они, заключивъ миръ

съ Литвою, которой они отдали Полоцкъ въ этомъ году, а также Селонскую и Русскую епископіи, бросаются на Псковъ, съ которымъ въ 1304 г. заключили миръ, но это нападеніе ихъ оказывается неудачнымъ. Такое коварство вызываетъ у Псковичей и Литвы общее раздраженіе противъ рыцарей. Хотя дѣянія Литовскихъ князей связываются главнымъ образомъ за это время въ борьбѣ съ Нѣмецкимъ Орденомъ, однакожъ въ годъ своей смерти въ 1315 г. Витенъ обратился и на Динабургъ и сжегъ его до основанія.

III. Преемникъ Витена Гедеминъ, съ первыхъ же дней своего вступленія на престолъ, становится еще болѣе грознымъ противникомъ Нѣмцевъ, выступивъ поборникомъ за Руссизмъ. Для предупрежденія своего отстраненія изъ Литвы, духовные агенты, а также и Рижане спѣшатъ къ нему съ просьбами о мирѣ и употребляютъ попытки къ обращенію его въ католичество. По этому поводу осталась цѣлая книга документовъ, изъ которыхъ оказывается крайне невыгодное мнѣніе новаго государя вообще и о рыцаряхъ, а равно и о католикахъ. (Грам. № LXIX). Описавъ своеволіе и вѣроломство рыцарей, Гедеминъ говоритъ, что крестоносцы Fratres cruciferi Deum non timent, nec homines verentur. Эта грамота писана въ 1325 году. Такого же мнѣнія онъ былъ вообще и о всѣхъ католикахъ. Какъ ни угрожала Латинская пропаганда благоденствію Литовскаго государства, но имя католика этого времени на столько было въ униженіи и презрѣніи, что Гедеминъ, будучи знакомъ съ сущностью Православной вѣры, исповѣдниками которой онъ былъ окруженъ съ колыбели, предложеніями Латинскихъ миссіонеровъ о принятіи католицизма въ 1321 году, былъ поставленъ въ такое безвыходное положеніе, что онъ цѣлую ночь провелъ будто бы въ слезахъ, какъ пишутъ миссіонеры, будучи въ нерѣшимости, какъ поступить ему при этомъ обстоятельствѣ. Но, угрожаемый будто бы сильною Русскою партіею, онъ вынужденъ былъ отказать католикамъ. Напротивъ, остались документы, объясняющіе его массу огорченій на рыцарей, которые, какъ видно изъ вышеупомянутой отлучительной грамоты Гедемина, а также изъ Русскихъ и Ливонскихъ актовъ, изд. Наперскимъ, свидѣтельствуютъ, что рыцари нашихъ замковъ: Рѣжицкаго и Динабургскаго состояли въ ближайшей связи съ Литовцами, а между тѣмъ творили крайнія безчинства и оскорбленія въ этихъ замкахъ не только надъ Литовскими купцами, но даже надъ самими Литовскими послами.

О связи Литовцевъ съ рыцарями въ нашихъ замкахъ въ грамотѣ № LXII, изд. Наперскимъ, говорится: „in vicinio adjacentibus, quam tum in castris (т. е. въ Рѣжицкомъ и Динабургскихъ замкахъ) et munitionibus praedicti fratres cum Letowinis servunt clamdestine, sine consensu partium, mercationis gratia specialiter, изъ какихъ словъ можно предполагать, что наши замки не находились ли въ совмѣстномъ управленіи и рыцарей, и Литовцевъ. Во всякомъ случаѣ эти документы указываютъ на темное значеніе нашихъ замковъ и Нѣмцевъ у насъ за это время. Какое управленіе было въ этихъ замкахъ за это время—нѣтъ свѣдѣній. Впрочемъ наша страна, при вступленіи Гедемина на престолъ, не была еще ареною его военныхъ дѣяній, съ которыми онъ является въ борьбѣ въ началѣ съ Нѣмецкими рыцарями, надъ которыми онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ. На нашъ флангъ онъ назначилъ сына Довмонта Давида, Гарденскаго старосту.

IV. Князь Давидъ былъ руководителемъ юнаго Витебскаго князя Ольгерда въ его походахъ противъ рыцарей, такъ что Литовскія хроники называютъ его военнымъ учителемъ этого будущаго государя Литвы; онъ является уже при Витенѣ на боевой аренѣ, который не безъ него совершалъ свои грозные походы въ Ливонію и въ Пруссію. Со вступленіемъ Гедемина на престолъ, Давидъ принимаетъ для себя постоянное мѣсто старосты или каштеляна въ Гартинѣ или Гроднѣ. Съ этого времени, вся борьба рыцарей сосредоточивается около него; онъ какъ будто ищетъ всѣ средства, чтобы вызвать рыцарство на борьбу съ собою, являясь и при мелкихъ схваткахъ, и въ рѣшительныхъ битвахъ постояннымъ, не отступнымъ борцомъ съ ними отъ 1305 г. до 1326 г. На него устремлены взоры всѣхъ. Такъ, въ началѣ 20-хъ годовъ XIV ст. въ Ригѣ пронесся слухъ о его намѣреніи переѣхать въ Псковъ, и Рижане спѣшатъ развѣдать у Гедемина и о достовѣрности этого слуха, и упросить Гедемина, чтобы онъ расположилъ въ ихъ пользу Давида Тимофеевича. Рыцарскія хроники имя его совершенно игнорируютъ: однакожъ Литовскіе писатели (Стрыйковскій) описали его кипучую, неутомимую дѣятельность. Вся, повидимому, боевая его дѣятельность проистекала изъ того, чтобы возбуждать непріятелей противъ рыцарей для отвлеченія ихъ стремленія на Псковъ, гдѣ его все сокровище въ жизни, сынъ Евстафій, занималъ Изборскій столъ. Имя Евставфія хроники извратили въ имя Сатата. Но какъ ни ста-

рался Давидъ Гарденскій отвлечь рыцарей отъ борьбы со Псковомъ, однакожъ они снова начали собираться, по примѣру Роденштейна, въ походъ со всѣми и сухопутными, и морскими силами, по случаю прибытія въ Ливонію знаменитаго рыцаря—крыжака Кессельгута во главѣ громадной массы ополченцевъ. Чтобы скрыть о направленіи своихъ дѣйствій, они, въ 1322 году, заключаютъ миръ и съ Гедеминомъ, и со Псковомъ, – и вслѣдъ же затѣмъ убиваютъ Полочанъ на миру, грабятъ Гедеминовыхъ пословъ въ Динабургѣ, чтобы такимъ образомъ завязать борьбу съ Гедеминомъ, каковую на себя примутъ тотчасъ Нѣмецкіе рыцари, а наши между тѣмъ поведутъ свою борьбу съ Псковичами. Завязавши эту борьбу, рыцари убиваютъ нѣсколько Псковичей на озерѣ Осатнѣ. Этого было довольно для нашего князя Давида Гарденскаго, который немедленно является на помощь ко Пскову и совершаетъ походъ на Дерптъ, откуда по показанію Стрыйковскаго, онъ выводитъ плѣнными 5 т.; нѣмцевъ и нѣмокъ, а потомъ, не смотря на страшные морозы той зимы, онъ направляется къ Ревелю и выводитъ оттуда 6000 плѣнныхъ и возвращается во Псковъ съ богатою добычею. Послѣ чего онъ вторгается въ Мазовію. Гваньини въ Descriptio Sarmatiae такъ описываетъ подвиги Гарденскаго: „Anno 1322 Litwani Derpatensem episcopatum in Livonia vastaverunt et quinque millia captivorum deduxerunt. Eodem anno hyemis tempore David Capitaneus de Gartin Litvanus, frigidem non torpens, ad Revaliam usque Livoniam vastavit et sacra vasa recepit et sex milia captivorum cum in gentibus spoliis de Germanis Livonia abduxit. Deinde sub eadem hyeme Litwani et Samogitae civitatem Memel et tria castra in eo vicinio occupaverunt“. Далѣе идетъ описаніе его борьбы съ Тевтонскими рыцарями и въ Мазовіи, гдѣ онъ опустошилъ 130 городовъ (villas) и 30 церквей, забравъ притомъ цѣлую массу плѣнныхъ. Мы, однакожъ, не довѣряемъ дѣйствительности этого разсказа, въ которомъ Давидъ Тимофеевичъ оказывается такимъ яростнымъ опустошителемъ, въ каковомъ видѣ онъ представленъ за свою вражду къ пропагандѣ. Послѣ его опустошеній страна оказывается въ благосостояніи, а послѣ рыцарей въ дѣйствительномъ опустошеніи. Этотъ тяжелый урокъ однакожъ не вразумилъ рыцарей. Въ началѣ 1324 года, Нѣмцы по веснѣ подошли ко Пскову, но и отступили; а потомъ въ Маѣ мѣсяцѣ на ладьяхъ и сухопутьемъ подступило ихъ войско подъ

начальствомъ самаго нашего магистра Іоке и упомянутаго рыцаря Кессельгута. Псковичи послали съ просьбою о помощи къ Новгородцамъ и къ Гедемину, но получили и тамъ, и здѣсь отказъ. Уже 17 дней Нѣмцы стоятъ подъ городомъ, который неожиданной осадой былъ доведенъ до крайности. На помощь къ осажденнымъ прибылъ Изборскій князь Евстафій, но его дружины были слабы для борьбы съ такимъ многочисленнымъ непріятелемъ. Псковичи были въ страшномъ положеніи, какъ внезапно является на выручку ихъ самъ князь Давидъ Тимофеевичъ. Обрадованные Псковичи и Евстафій Давидовичъ нападаютъ на врага съ удвоенною энергіею, между тѣмъ какъ самъ грозный, маститый вождь поражаетъ главныя силы непріятеля, который уже не рѣшается продолжать борьбы съ непобѣдимымъ противникомъ и спѣшитъ бѣгствомъ спасти остатки своего войска, оставивъ безъ защиты и нашу страну, и восточную Ливонію, куда затѣмъ и направляется неумолимый мститель и каратель рыцарскихъ коварствъ. Въ особенности ужасно поплатилась предъ нимъ бѣдная Рѣжица или Розитенъ, откуда Давидъ Тимофеевичъ, по показанію Коцебу, вывелъ болѣе 20 тысячъ плѣнныхъ, а за Рѣжицкимъ округомъ и Ашераденсій. *) Это опустошеніе осталось на столько памятнымъ Нѣмцамъ, что они около почти двухъ вѣковъ не рѣшалися снова колонизировать въ земли, лежащія за Евстой. А между тѣмъ эта страна, какъ показываетъ ожесточенный раздоръ за нее между рыцарствомъ и Рижанами, привлекала въ особенности къ себѣ авантюристовъ всякаго рода, занимавшихся здѣсь и торговлею, и рыцарскими набѣгами въ сосѣднія богатыя Псковскія и Смоленскія области. О томъ, что Рѣжица и Динабургъ играли въ это время роль въ торговомъ мірѣ, на то мы привели уже доказательства, взятыя изъ Русско Литовскихъ актовъ Напьерскаго, гдѣ граждане Риги хлопочутъ предъ Гедеминомъ, чтобы торговля въ этихъ пунктахъ была обезпечена отъ своеволія рыцарей. **)

*) Стрыйковскій говоритъ, что во время этой борьбы погибли на полѣ брани два Ашераденскихъ фохта. Къ этому времени относится установленіе Папою постовъ на Вневовступленіе и Громницу, (Вознесеніе и Срѣтеніе),— дни, въ которые крыжаки выступали обыкновенно въ походъ на Литву, а также учрежденіе рожанцевъ и шкаплеровъ,—амулетовъ борьбы. Латыши и Литовцы теперь празднуютъ эти дни, однакожъ не сознавая, что они празднуютъ время своего униженія и погибели.

**) О торговлѣ рыцарей въ этихъ пунктахъ говорится въ экскомуникаціи

V. Побѣды Давида Гарденскаго привели въ трепетъ весь Крыжацкій законъ. Для освобожденія себя отъ такого грознаго врага пропаганда рѣшилась на гнусное убійство непобѣдимаго въ открытой борьбѣ героя: и вотъ, въ 1326 году, въ Мазовіи прокрался въ его лагерь одинъ изъ фанатиковъ-Нѣмцевъ Андрей Гостъ, и, когда Давидъ Гарденскій поилъ свою лошадь въ рѣкѣ, злодѣй поразилъ его кинжаломъ въ спину.

VI. Смерть Давида Тимофеевича вызвала общую борьбу Литвы, Псковичей, Витеблянъ со всѣмъ рыцарствомъ, главною ареной которой была однакожъ наша страна, вождемъ которой борьбы выступаетъ самъ Гедеминъ, осаждавшій въ 1328 году рыцарей въ нашей странѣ. Эта борьба темная, оставшаяся безъ описаній, для которыхъ не оказалось у борющихся времени и средствъ. Минуя Гедемина войны въ Пруссіи, *) намъ должно упомянуть о его походѣ противъ рыцарей на защиту нашей страны, **) каковую хроники упоминаютъ вскользь, чтобы скрыть побѣды и торжество своихъ враговъ, которыхъ они ни побѣдить, ни разъединить не могли. Утомленные этою ужасною, беззаконною борьбою враги, наконецъ, не находя возможности закончить ее, вынуждены были на такой только миръ, которымъ выговаривали извѣстный пограничный районъ отъ взаимныхъ нападеній. Такой договоръ находимъ въ 1338 году. Мы приведемъ его въ подлинникѣ и въ переводѣ, такъ какъ онъ близко касается нашей страны и ясно обрисовываетъ ея положеніе и состояніе за это время. ***) Dat is de vrede den de mester van Lyflande unde de Konigh van letowen hebbet gemaket unde ludet in aldus danighen worden. Van der Ewestenmunde to Rheghte in den wegh de Ghodemine de konigh van lettowen herede tho der Nytevre Unde van der Ewestenmunde dwers over dune tho ener hofstedde se het uspalde, unde van denne Reghte tho eme dorp se da het scripayne. Bouen deme dorpe scal nen her dwers over den

---

Арх. Фридриха. Эта ексkомунникація Фридрихомъ рыцарей помѣщена въ Исторіи древней Пруссіи Коцебу, во 2-мъ т. въ примѣчаніяхъ къ 22-й главѣ.

*) Въ 1319 году Гедеминъ одержалъ надъ Тевтонскими крыжаками двѣ побѣды, подъ Зеймами и при оз. Берзулѣ.

**) Онъ преимущественно сражался на аренѣ нашей страны, имѣя намѣреніе воспрепятствовать возведенію рыцарскихъ замковъ, надъ построеніемъ которыхъ работало до 70 т. плѣнныхъ, выведенныхъ рыцарями изъ его государства.

***) Договоръ этотъ помѣщенъ въ Рус. Лив. актахъ Напьерскаго № LXXIII.

wegh nogh in den wegh slan nogh van lettowen nogh van des mesters dude noch scrodere. Dit sind de vrede land, ymme lande tho lethowen balnike, kedray the nemeresyane. Vort mer scal de vrede gare van der Eweste up wente an der beke de ghe heten is de pedene unde van der beke wente an der olden vrede tho adzelen tho. In den vrede unde bouen den vrede shal nyn her, ut nogh yn sclan ofthe nyn scroder. Vort mer scal de Dune vrigh wesen eneme jeweliken kopmanne he sy christen, eder heyden up unde nedder tho varende also hoghe, also de dune gheyt unde alde beke da dar in gat boven der Fwesten. Vort scal de dudeshe kopman varen abso wyde also de konigh der letowen ret over russen unde over lettowen sekerlyves und ghudes. Vort scal over van heyden syden der dune beneder der Ewesten nedderwart veligh wesen eneme jeweliken kopmanne also verne, als he myt ener keygen werpen magh. Weret ok dat eyn unbevredet man in den vrede queme de scal wesen velig wonede he ok in deme vrede unde queme he ut deme vrede worde he ghe sclaghen dar ane scholde nenpart scult ane hebben neweder de mester, ofte konigh. Yort mer scal de kopman heben einen vrigen wegh de ghe heten is loyse wegh svan de dudeshe kopman kumt int land tho letowen ofte tho Ruslande so mag hy varen in dat lant vor dat he wil. Das gelick de rusche efte de letowsche copman even he komt tho Ryge to magh he varen vor he wil in land to Lyflande also ferne, also de mester ret. Vortmer is dat de dudeshe copman ymme lande tho Letowen is queme tot eme eyn kersten de copman scal bliben bi sineme ghude velig men worde he ghe sclagen van deme here daren shulde de konigh nen schult ane hebben. Des gelick were dat eyn lettowish her thoghe int kerstene lande unde sclaghen se even copman he were rusche ofte letowen dar shulde de mester nene scult ane hebben. Vortmer worde eme dudeshe copman tho letoven efte to ruselande wat vorstolen dat scal men righten dar dat, schut weret ok dat dudeshe eme ruscen efte eme letowen wat vor stele des gelik scal men dat righten dat schut. Weret ok dat de dudeshe copman shelende worde under sik to letowen efte to ruscelande dat sholen se togheren wante to righe unde der scalmen dar righen. Desgheilik worden ruscen efte letowen shelende ludes mester lande under sik, dat cholen se togheren wente vor eren oversten. Vortmer worde de dudeshe shelende weder

letowen efte ruscen efte letowen wedder den den dudeshen dat scal men righten dar dat shut. Vlut eyn letowen efte rusce dar de vredelande tome kersten dome bringhet he gut mit syk unde wil de konig Sine hant dar up don dat gut eme anderen thohore dat gut schal men wedder gheuen. Des selfen ghelik vlut en man van den kershedome dar de fredelande tho letowen efte tho ruscende, bringet he gut mit sik unde wil mester efte lantmarshalk er hant dar up ton dat eme anderen dar: ghut schalmen wedder gheben. De selven ghelik vluten man van deme kerstendome vor de vredelande to letowen efte to rusce bringhet he gut mitsik unde wil mester efte landmarshalker hant dar up don eme anderen dat ghut hore dat gut scal men wedder geuen. Unde vlut eyn letowen efte eyn rusce dar de unbevredelaude tome kerstendome bringhet he ghut mit sik dat gut darf men night wedder geuen. Vortmer scalmen van beyden parten nene pandinghe don mer wil eyn lettowe efte rusce eme dudeshen scult geven umme olde saken, des scal heten von den gheuen dar he under beseten is. Des seluen ghelik scal don eyn dudeshe eyme letowen efte ruscen. Затѣмъ идутъ заключительныя фразы договора о цѣлованіи Креста и заключеніи мира на 10 лѣтъ отъ 1338 года съ 24 Декаря. Вотъ переводъ этого договора.

VII. Вотъ миръ, заключенный местеромъ Лифляндскимъ и королемъ Литовскимъ и гласитъ слѣдующее: „отъ устья Евста по дорогѣ, которую воевалъ Гедеминъ, К. Л. до Итевры (замокъ въ Лифляндіи) и отъ устья Евста чрезъ Двину до двора, называемаго Ушпальдой, и оттуда направо до деревни, называемой Срипайна. Внѣ этой дороги, ни чрезъ дорогу, ни по дорогѣ, не должны проходить войска ни Литовскія, ни люди Местера, ни крыжаки. Вотъ нейтральныя мѣстности въ землѣ Литовской: Бальники, Кердайи, никому не принадлежащія. Далѣе нейтральная земля должна идти отъ Евста вверхъ до притока его, называемаго Педене, и далѣе отъ притока до стараго мира при Адзелѣ. Въ мирную полосу и изъ мирной полосы не долженъ выходить ни боецъ, ни крыжакъ. Далѣе Двина должна быть свободна для всякаго купца, будь онъ язычникъ или христіанинъ, и онъ можетъ плавать такъ далеко, какъ идетъ Двина, и по всѣмъ ея притокамъ кромѣ Евста. Далѣе Нѣмецкій купецъ можетъ ѣздить такъ далеко, какъ властвуетъ король Литовскій надъ Руссами и Литовскими промышленниками и стражниками. Далѣе по обѣимъ сторонамъ

Двины, ниже Евста, всякій купецъ долженъ имѣть право выходить на берегъ такъ далеко, какъ можетъ бросать копье. Если бы случилось, что не мирный человѣкъ зашелъ бы въ нейтральную землю, то долженъ быть внѣ всякой опасности. Если бы онъ жилъ въ ней и вышелъ бы изъ нея, и его побьютъ на войнѣ, то ни одна сторона не можетъ имѣть въ томъ вины, ни местеръ, ни король. Далѣе купецъ долженъ имѣть свободный проѣздъ по пути, называемому Люцинскимъ трактомъ, откуда онъ отправляется въ землю Литовскую или Русь по желанію. Точно также Литовскій или Русскій купецъ, пріѣхавши въ Ригу, можетъ изъ нея разъѣзжать такъ далеко, какъ только властвуетъ Лифляндскій местеръ. Если къ Нѣмецкому купцу въ Литовской землѣ придетъ христіанинъ, то купецъ не долженъ опасаться за свое имущество, а если его побьетъ Лифляндское войско, то король не долженъ отвѣчать за то. Точно также, если бы Литовское войско пришло въ Христіанскую землю и убило бы своего купца, будь онъ Русскій или Литовецъ, то местръ въ томъ не долженъ имѣть вины. Покража, какъ у Нѣмца Литовцемъ, такъ у послѣдняго Нѣмцемъ должна быть судима на мѣстѣ происшествія. Ссорящіеся должны отложить свой судъ до возвращенія ихъ въ свою землю. Если же ссорящіеся будутъ Нѣмецъ и Литовецъ, то они судятся на мѣстѣ ссоры. Если Нѣмецъ или Литовецъ убѣжитъ чрезъ нейтральную покосу и принесетъ съ собою имущество, а король пожелаетъ наложить на это имущество свою руку, то имущество должно быть возвращено; точно также если Христіанинъ убѣжитъ съ имуществомъ чрезъ нейтральную полосу въ Литву или Русь, а местеръ и ландмаршаликъ пожелаютъ наложить руку, чтобы оно принадлежало другому, то такое имущество должно быть возвращено. А если Литовецъ или Русскій убѣжитъ чрезъ немирную сторону въ Нѣмецкую землю и принесетъ съ собою имущество, то такое имущестоо должно быть возвращено. Далѣе не требуется съ обѣихъ сторонъ никакихъ залоговъ. Если же Русскій или Литовецъ хочетъ винить за старое дѣло, то онъ долженъ обратиться къ тому, подъ чьею властью онъ жительствуетъ, точно также долженъ сдѣлать и Нѣмецъ съ Литовцемъ и Русскимъ“.

VIII. Договоръ этотъ чрезвычайно дорогъ для исторіи нашей страны, изъ котораго объясняются, во первыхъ, судьба нашей страны, во вторыхъ, положеніе въ ней рыцарей. Что договоръ этотъ мы

пріурочиваемъ къ нашей странѣ безошибочно, тому доказательствомъ служатъ всѣ хорографическія данныя, существующія въ нашей странѣ до сего времени, находя въ ней до мельчайшихъ пунктовъ, означенныхъ въ договорѣ, а именно начиная съ Евста или Евикшты и притока ея Недени или Недеца, *) Ушвальды, Скрипайны или Крейпанъ, и оканчивая Бальниками (Балиновымъ Р. У.) и Кердаями (теперь Керстово, т. е. поселеніе христіанъ). Договоромъ этимъ выговаривалась нейтральная полоса между воюющими сторонами, которая кромѣ того, возводится на степень сторожеваго пункта, чрезъ который всякій товаръ или собственность, перешедшія въ землю противника, по требованію потерпѣвшей стороны, возвращаются; между тѣмъ ей перенесенное убѣжавшимъ Литовцемъ или Русскимъ чрезъ невыговорную страну остается уже при похитителѣ, проскользнувшемъ границу. Власть въ этихъ земляхъ остается за прежними собственниками, и каждый судится своимъ судомъ. Хотя хроникеры говорятъ, что Монгеймъ въ борьбѣ съ Литвою и Русскими одержалъ побѣду, но видя обезпеченіе за Рижскими купцами право совмѣстной съ рыцарями торговли, которую такъ упорно недопускали послѣдніе и, только при помощи Гедемина, Рижане успѣли водвориться у насъ, изъ чего ясно оказывается, что рыцари не одержали побѣды надъ Литвою. Однакожъ значеніе нашей страны раскрывается въ статьѣ, которою выговаривается свободный путь въ Лопсъ, т. е. Люцинъ, называемый въ древнихъ хроникахъ вообще Loitz, Loys и Laitzen, изъ котораго пункта по этой статьѣ дается дозволеніе Нѣмецкому купцу на путь какъ въ Русскія, такъ и Литовскія земли. По этому пункту договора представляется городу Люцину такое же значеніе, какъ Ригѣ, изъ которой пріѣзжему Русскому купцу дозволялся путь по всей Ливоніи. Замѣчательно, что нашей странѣ въ этомъ договорѣ не дается особаго названія, придаппаго ей въ договорѣ Александра Невскаго подъ именемъ Лотыголы, каковое названіе, съ новымъ значеніемъ Люцина, измѣняется въ названіе Люцинской земли, что оказывается, какъ увидимъ ниже, въ исчисленіи

*) Формація названія Недени намекаетъ на названіе Медени изъ вышеупомянутой р. Меды. Окончаніе ець—излюбленное въ нашей мѣстности, какъ уменьшительныхъ названій. Названія Кердайи и Пимересьины, вѣроятно, Литовскаго происхожденія. До сего времени существуетъ между Литовцами фамилія Кердайсвъ.

земель, принадлежавших Свитригайлѣ. Впрочемъ наши сосѣди имѣли на нее взглядъ, какъ на землю Варяговъ, каковой взглядъ оказывается въ выраженіи договора: „король—правитель Руссовъ и Литовскихъ промышленниковъ и гудовъ“: послѣднее слово употреблено здѣсь въ значеніи Huie стражникъ, каковое значеніе по указанію хорографіи нашей страны удержилось въ названіи многихъ ея поселеній, оставшихся отъ Варяжскаго періода страны.

IX. Изъ этого договора хотя и оказывается водвореніе рыцарей въ нѣкоторыхъ пунктахъ нашей страны, но существованіе ихъ у насъ замѣчается въ такое время, когда Псковичи были не въ ладу съ Литвою, при каковомъ положеніи они вторгались изъ своихъ замковъ на экскурсіи въ Псковскія земли. Въ такое время наши рыцари являются передовыми бойцами въ набѣгахъ на Псковъ, въ чемъ убѣдимся ниже при изложеніи разрывовъ Пскова съ Литвою. Что наша страна не находилась въ это время еще во власти рыцарей, тому даетъ доказательства самая орденская хроника, указывающая пограничнымъ замкомъ съ Русскою землею Шваненбургъ, лежавшій на границѣ Лотыгаліи, отвоеванной еще Александромъ Невскимъ. Литва, занятая преимущественно борьбою съ Нѣмецкими рыцарями, однакожъ безъ союзниковъ не могла выбить нашихъ Ливонскихъ рыцарей изъ этихъ замковъ и терпѣла это зло, выжидая случая; а рыцари довольствовались своимъ сидѣньемъ въ этихъ замкахъ, выжидая также, съ своей стороны, времени, когда Литва, согласится на уступку имъ этихъ замковъ, чего, какъ увидимъ ниже они дождались, только ошиблись въ расчетѣ на покореніе себѣ Пскова, съ которымъ они надѣялись управиться. Водвореніе ихъ было на столько не прочно въ нашей странѣ, что они не смѣли даже селиться въ ней почти до конца XV вѣка, т. е. до прибытія въ Ливонію Борха, пріобрѣвшаго около Лубани земли покупкою у Литвы. Кромѣ построенныхъ замковъ, рыцари имѣли въ нашей странѣ по торговымъ трактамъ нѣсколько корчемъ и гофовъ, т. е. укрѣпленныхъ пунктовъ, напр.: въ Дин. уѣз. Унвальду, въ Люцинскомъ уѣз. Бриги. При притязаніяхъ рыцарскаго потомства на культурныя заслуги его предковъ, предпослѣдняя статья договора о присвоеніи рыцарями покражи, пронесенной воромъ чрезъ немирную землю не указываетъ на рыцарей, какъ культуртрегеровъ. Очевидно, въ этомъ договорѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни религіозныхъ, ни культурныхъ заслугъ

рыцарства, хотя Гедиминъ въ началѣ договора и обвиняется въ разореніи страны, но за то онъ оказывается строгимъ и честнымъ исполнителемъ договоровъ; тогда какъ рыцари изъ помѣщенныхъ документовъ въ Русско-Ливонскихъ актахъ, относящихся до сношеній Гедимина съ Орденомъ, оказываются крайними нарушителями всякихъ клятвъ. *) Ихъ дѣянія были причиною, что имя католика стало самымъ презрѣннымъ. Какіе же они проводники культуры и торговли, когда при замкахъ у нихъ проживали такъ называемые струтеры или latrunculi, т. е. записные разбойники, для обузданія которыхъ Ольгердъ заключалъ съ Нѣмецкими рыцарями особый договоръ въ 1367 году. Рутенбергъ отвергаетъ существованіе этой фамиліи нашихъ рыцарей, но кто этому повѣритъ, если услугами ихъ, пользовались старшіе Нѣмецкіе рыцари? Однакожъ заключеніе рыцарями договора съ Литвою проистекало изъ намѣренія ихъ перенести операціонную свою линію на новый, болѣе выгодный пунктъ, гдѣ предвидилось болѣе добычи. Въ орденъ стали прибывать изъ Пруссіи, въ это время покорившейся Нѣмецкому ордену, массы волонтеровъ, которыхъ нашъ магистръ и задумалъ направить на сооруженіе новыхъ замковъ на границахъ Псковичей.

X. Не только Довмонта съ Давидомъ Гарденскимъ Нѣмцы причисляютъ къ легендарнымъ героямъ, но и Гедимина, что можно заключить изъ противорѣчивыхъ ими показаній о времени смерти его, то по однимъ писателямъ относимой къ 1329 г., а по другимъ къ 1341 г. Онъ положилъ животъ свой на брани съ рыцарями, при осадѣ одного изъ ихъ замковъ; одни писатели говорятъ, что онъ палъ подъ Веленами, а другіе подъ Байербургомъ, а иные подъ Фридбургомъ: онъ палъ, пораженный изъ бомбарды, между тѣмъ какъ народъ признаетъ его убитымъ во время грома. Такъ темна исторія крыжацкихъ пожаровъ, кровавое зарево которыхъ еще до сего времени отражается въ бытѣ нашего края. Этого государя историки называютъ великимъ политикомъ своего времени, такъ какъ онъ успѣлъ вооружить Поляковъ про-

*) Этотъ договоръ выражаетъ все миролюбіе сосѣдей къ рыцарямъ, которыхъ они допустили до водворенія въ своей землѣ. Не признавая ихъ однакожъ притязаній на пропаганду, отбиваясь со всѣмъ мужествомъ подъ простымъ девизомъ борьбы за землю своихъ предковъ, у которой они называють себя скромнымъ менемъ стражниковъ и тѣлохранителей. Русскіе ратоборцы оказываются защитниками святого дѣла,—защитниками своей земли и культуры.

тивъ Нѣмецкихъ рыцарей, соединивъ такимъ образомъ ихъ силы съ своими народами противъ общаго врага Славянъ Нѣмцевъ. Съ этого времени Псковичи, Витебляне, Смольяне, кромѣ отраженія рыцарей-меченосцевъ въ своей землѣ, являются на борьбу какъ съ Ливонскими, такъ и Нѣмецкими рыцарями. Какъ бы то ни было, всѣ писатели единогласно его перваго изъ Литовскихъ государей называютъ направителемъ всей Литовской Руси противъ пропаганды. Хотя онъ былъ въ оффиціальной формѣ язычникомъ, но онъ стремился къ служенію Руссификаціи, покоряя ей прочія національности, не исключая и своей Литовской.

XI. Такой же родъ дѣйствій Гедеминъ указалъ и своимъ дѣтямъ: Ольгерду, Кейстуту и др., которые заявляли о себѣ, какъ объ язычникахъ, но, безъ сомнѣнія, они въ своей душѣ были глубоко преданными Русскимъ интересамъ и Православію. Какая же была причина ихъ преданности Руссизму, какъ не родственность послѣдняго съ Литвою, которой родственности никакая другая народность не могла замѣнить? Для отраженія рыцарства, стремившагося утвердить свое господство по Двинѣ, Ольгердъ построилъ по Двинѣ нѣсколько замковъ, а именно: Витебскій, Полоцкій, Дриссенскій и другіе замки, но отнюдь не противъ Москвы, какъ думаютъ нѣкоторые писатели. *) Въ стремленіи къ этой цѣли и Гедеминъ построилъ и укрѣпилъ Вильну. Еще до вступленія своего на Литовскій престолъ, Ольгердъ имѣлъ борьбу съ Ливонскимъ магистромъ Монгеймомъ, вторгавшимся въ Витебскую область и въ землю Изборскаго князя Сатата, каковое вторженіе осталось однакожъ безъ результата, въ каковой своей неудачѣ рыцари сваливаютъ всю вину на морозы. Заключивъ миръ въ 1338 году съ Литвою, рыцари обратили

*) Сапуновъ въ Историческомъ своемъ Очеркѣ Витебскихъ замковъ и въ своей Витебской Старинѣ приписываетъ Ольгерду построеніе Витебскихъ замковъ для угрозы Москвѣ, для которой эти замки были будто бы непреодолимою преградою, а для Посполитой рѣчи опорою, и что будто бы Москва разъ 17 осаждала ихъ безуспѣшно. Однакожъ все это на дѣлѣ невѣрно. Литовскіе князя, какъ несостоявшіе подъ Монгольскимъ игомъ были, правда, опасными конкурентами для нашихъ князей при соисканіи второстепенныхъ столовъ, но не для Москвы. Извѣстно неудачное стремленіе Ольгерда овладѣть Псковомъ. Да и присвоеніе ими Западной Руси сопряжено было съ большими ихъ уступками въ управленіи. Витебскъ же имѣетъ значеніе въ исторіи Западной Руси, какъ ея главный центръ Руссизма. Сапуновъ неправильно называетъ набѣги Руссовъ Москвичей осадами, изъ которыхъ набѣговъ только приступы Димитрія Ивановича и Шереметьева къ Витебску можно назвать осадами.

все свое вниманіе на Псковъ, въ каковыхъ видахъ въ 1339 году они, вопреки договору и на чужой землѣ задумали, по своему обычаю, основать два замка: Нейгаузенъ и Маріенбургъ, чтобы въ этихъ замкахъ имѣть опорные пункты для борьбы съ Псковичами. Они такъ успѣли скоро укрѣпиться въ Нейгаузенѣ, что Псковичи не успѣли даже и помѣшать имъ въ постройкѣ этого замка, а почему, для отомщенія рыцарямъ, послали своихъ пословъ восемь человѣкъ, знатныхъ мужей, въ Витебскъ къ князю Ольгерду съ просьбою о помощи. Но рыцари, настигнувъ пословъ въ Латыгорѣ на Опочкѣ, убили ихъ всѣхъ въ 1341 году. Историкъ Опочки Бутырскій пріурочиваетъ эту Опочню къ своей Опочкѣ (стр. 2), но, по нашему мнѣнію, лѣтопись указываетъ на Опочню, находившуюся не далеко отъ Двины въ Полоцкомъ уѣздѣ. Такое дерзкое нарушеніе рыцарями международныхъ правъ вызвало общее возмущеніе и Полочанъ, въ землѣ которыхъ случилось такое насиліе, а также и Витебълянъ. Ольгердъ явился во главѣ общаго ополченія, ведя съ собою свою гвардію Литовниковъ (пос. Люц. уѣз.); однакожъ онъ имѣлъ неудачную битву съ рыцарями на самомъ сѣверѣ Люц. уѣз. у Крейцштейна на Грамскомъ болотѣ, гдѣ потерялъ своего племянника Любко, сына Полоцкаго князя воина, каковой князь по ошибкѣ заѣхалъ во вражескій лагерь, гдѣ былъ изрубленъ непріятелемъ*). Будто бы опечаленный смертью своего племянника Любки, Ольгердъ оставляетъ Псковичей на волю судьбы, которые между тѣмъ просили его остаться на княженіе съ условіемъ принятія Православія, вслѣдствіе чего онъ оставилъ имъ вмѣсто себя своего старшаго сына Андрея, сказавши, что онъ и безъ Псковичей уже давно исповѣдуетъ Христіанство и, ушедши изъ Пскова, онъ является на борьбѣ уже съ Прусскими рыцарями, куда направляетъ главныя силы Литовцевъ и Смольянъ. Между тѣмъ рыцари основываютъ другой замокъ на Маломъ Борку Маріенбургъ въ землѣ, принадлежавшей Псковичамъ. Это своеволіе рыцарей вынудило Псковичей отплатить рыцарямъ также набѣгомъ въ ихъ землю въ 1342 году, заключившимся геройскою

---

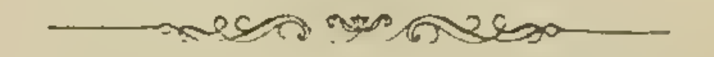
*) Изъ открытія этой войны въ Лотыгаліи можно догадаться, что она и началась едва ли не изъ-за Лотыгаліи, къ которой рыцари такъ упорно стремились. Выговоривъ у Гедемина упомянутую полосу, рыцари теперь заявляютъ притязанія и на остальную Лотыгольскую землю, считая ее своею по договору съ Герденемъ, противъ чего Ольгердъ и выступилъ борьбою.

битвою Псковичей съ рыцарями подъ Маріенбургомъ. Театромъ борьбы Литвы съ рыцарями оказывается Пруссія и Литва. Жестокія битвы Ольгерда на Оикапмѣ и при Стравѣ въ 1347 г.; а также возмущеніе крестьянъ въ Гарріи и Феллинѣ, поджигательство къ которому хроники приписываютъ Русскимъ, отвлекли стремленіе Нѣмцевъ на Псковъ. Съ 1348 года разгарается послѣдняя борьба крыжаковъ съ Литвою. Во главѣ крыжаковъ являются самые знаменитые рыцари, управляемые славнымъ Гермейстеромъ Книпероде, который хотѣлъ преобразованіемъ рыцарскаго быта и отстраненіемъ своихъ рыцарей отъ крыжацкаго фанатизма, упрочить существованіе своего ордена. Онъ старался дать благородные принципы рыцарскому званію. Онъ стремился пріучить рыцарство къ изученію законовъ, сообразно ихъ высокому призванію, однакожъ намѣренія его были парализируемы стремленіемъ Римской куріи поддерживать крыжацкія движенія противъ Литвы и Русскаго народа. Вслѣдствіе этой двойственности составъ крыжацкихъ бандъ 2-й половины XIV вѣка слагается: во первыхъ изъ пилигримовъ, а, во вторыхъ изъ всякаго рода авантюристовъ—кондотьери, являющихся къ намъ съ спеціальною цѣлью грабежа и наживы. Послѣдніе вступаютъ въ конкурренцію съ первыми ярыми фанатиками, присвоивая себѣ названіе рыцарей. Подъ фирмою этихъ рыцарей приходили въ Литву и къ намъ самые извѣстные ветераны военнаго дѣла изъ разныхъ странъ: изъ Англіи, изъ Франціи и изъ др. странъ. Этотъ періодъ времени по преимуществу долженъ быть названъ временемъ безпрерывной рѣзни, въ которой изъ рыцарей авантюристовъ многіе появлялись въ Ливонію, чтобы прославить свое имя отчаяннымъ набѣгомъ на Литву и Бѣлоруссію, послѣ чего они возвращались съ гордостью домой, какъ герои и борцы за вѣру. Много смѣнилось этихъ героевъ на нашей аренѣ, со времени вступленія Ольгерда на боевое поприще; многихъ изъ этихъ героевъ видалъ предъ собою въ бою этотъ неустанный борецъ за судьбу своего народа, отражая ихъ съ своимъ братомъ Кейстутомъ—этимъ безстрашнѣйшимъ въ мірѣ витяземъ. Тяжело было ихъ призваніе, при которомъ они должны были и охранять свои границы отъ воровскихъ набѣговъ авантюристовъ, и отражать вторженіе крыжаковъ. Это время у нашихъ рыцарей—самое темное, о которомъ они говорятъ въ общихъ выраженіяхъ и очень кратко. Желающіе ознакомиться съ дви-

ными подвигами Ольгерда, Кейстута и Патрика Кейстутовича на аренѣ борьбы съ Прусскими рыцарями, могутъ найти довольно полное описаніе ихъ въ исторіи древней Пруссіи Коцебу.

XII. Обратимся опять къ Пскову, въ борьбѣ съ которымъ оказываются рыцари нашихъ замковъ. Въ 1349 году Псковичи отправились осаждать Маріенбургъ, командоръ котораго Фитингофъ счастливо отъ нихъ отбился. Между тѣмъ Псковичи поссорились съ своимъ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ, который имѣлъ два похода подъ Псковъ: одинъ въ 1350, а другой въ 1356 году. Съ походами Андрея совпадаютъ набѣги какихъ то авантюристовъ рыцарей на Псковъ. Первый набѣгъ такихъ авантюристовъ подъ 1348 г. на Псковъ описанъ въ хроникѣ Хрейцпеке, а послѣдній въ сагѣ Зухенъ-Вирта, и главнымъ коноводомъ послѣдняго набѣга былъ какой то рыцарь Траупъ, отправлявшійся собственно въ Бѣлоруссію, но оказавшійся однакожъ подъ Изборскомъ. Послѣ этого набѣга Псковичи десять лѣтъ были въ мирѣ съ рыцарями, но въ 1367 году они снова должны были бороться съ рыцарями, которые безъ объявленія разрыва вторгаются въ Псковскія земли. Лѣтопись говоритъ: „Нѣмцы много пакости дѣяша, а имъ пакости противу ничтоже, за не небяше тогда князя Александра и посадника Лентія, ни иныхъ добрыхъ людей во градѣ, вси бяше въ розъѣздѣ“. Пять лѣтъ продолжалась эта война, въ которой какъ магистръ, такъ и архіепископъ сами управляли своими ротами. Они разорили окрестности Велье, Воронача и все Залѣсье. Но главными коноводами и пиратами въ этой борьбѣ оказываются, по указанію хроники Strehlke, Рѣжицкій фохтъ и Динабургскій командоръ. Эту войну Псковичи вели съ рыцарями одни безъ помощи Литвы и одержали побѣду надъ рыцарями, которые приписываютъ спасеніе Нейгауза въ 1371 году какому то чудесному луку, разогнавшему 300 т. армію Московскаго князя, убитаго также этимъ лукомъ. Но не только Москва, но даже Новгородцы не вступали въ рѣшительную борьбу съ Ливонскими рыцарями, ограничиваясь послѣ Ледовитаго побоища и Раковарской битвы мелкими схватками съ рыцарями. А потому то и очевидна открытая ложь хроникера Гильзена и другихъ, повѣтствующихъ о появленіи Москвы подъ Нейгаузеномъ. Настоящія Московскія рати стали появляться въ Ливоніи только по окончаніи Москвою борьбы съ Татарами, при каковой борьбѣ Москва

не имѣла средствъ посылать въ Ливонію такихъ силъ. Однакожъ война Псковичей съ рыцарями совпадаетъ съ войною Ольгерда съ Москвою, по случаю заступничества его за Тверскаго князя, зятя Кейстута, младшаго брата Ольгердова. Эта то двойственная политика Ольгерда и служитъ причиною, почему наши лѣтописи не съ особеннымъ добрымъ чувствомъ относятся какъ къ его памяти, такъ и къ памяти Кейстута. Впрочемъ они были въ своихъ владѣніяхъ самыми ревностными защитниками Руссификаціи и непримиримыми борцами за нее съ Латинскою пропагандою, изгнавъ Францисканцевъ изъ Литвы въ 1363 г. Они совершали ежегодно по два, по три похода въ рыцарскія земли, воюя съ крайнею смѣлостью. Кейстутъ не менѣе трехъ разъ попадался въ плѣнъ къ рыцарямъ, изъ котораго только разъ освободился посредствомъ выкупа, въ другіе же два раза спасся ловкимъ бѣгствомъ, при каковомъ и наша страна его видѣла однажды, когда онъ убѣжалъ изъ нашего Маріенбургскаго замка въ 1362 году. Слава рыцарства на столько темна, что хроники даже не могутъ опредѣлить точно время правленія нашихъ магистровъ Фреймерсена и Гильзена, ратовавшихъ въ это время. *)



*) Рыцари въ это время до того опустошили Литву, что отъ того времени по ней слыветъ пословица: „ты ѣдешь ко мнѣ на глоды, а я до тебя буду на годы“. Къ этому времени относится церковное сказаніе о мученичествѣ Виленскихъ святыхъ: Іоанна, Евстафія и Антонія, пострадавшихъ за то, что не рѣшались ѣсть мясной пищи въ среду и пятницу. Ярошевскій приводитъ свѣдѣніе о двухъ Православныхъ мученикахъ, замученныхъ по приказу Ягеллы. Есть писатели, которые по происхожденію причисляютъ этихъ Виленскихъ мучениковъ къ Латышской націи, что мы признаемъ вѣроятнымъ, принимая во вниманіе ихъ Русскія языческія имена: Кумецъ и Нѣжило.

ГЛАВА VI.

Послѣднія безчестныя продѣлки рыцарей въ нашей странѣ и алчные ихъ замыслы наканунѣ роковаго ихъ пораженія.

Nullus est murus sceleri, per altas urbium turres, triplicesque portas poena perrumpit: vigilant in omnes fulmina culpas.

I. Ни чему рыцари не были такъ рады, какъ удаленію Ольгерда отъ своего правленія. Отказываясь въ 1377 г. отъ правленія, престарѣлый Ольгердъ, поступивъ въ монахи для спасенія своей души, передалъ престолъ свой не старшему своему сыну Андрею князю Полоцкому, а одному изъ сыновей 2-ой своей жены Юліаніи Александровны, княгини Витебской, Ягеллѣ, что онъ сдѣлалъ по вліянію Юліаніи Александровны. Вслѣдствіе неудовольствія на Андрея за союзъ съ Москвою, Ягелло, лишилъ наконецъ его и другого брата своего Димитрія ихъ удѣловъ. Но Московскій Государь завоевалъ отъ Литвы для нихъ удѣлы: Брянскій и Трубчевскій. Вслѣдствіе такого обиднаго распоряженія и алчности Ягеллы, открылась борьба между Литовскими князьями. Дядя его Кейстутъ въ началѣ побѣдилъ въ 1382 г. Ягелло, но послѣдній успѣлъ обманомъ овладѣть маститымъ витяземъ, котораго потомъ удавилъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ его женою.

Однакожъ у Кейстута былъ наслѣдникомъ сынъ его Жмудскій князь Витольдъ, котораго также Ягелло заключилъ было въ тюрьму, изъ которой послѣдній однакожъ спасся и убѣжалъ къ рыцарямъ, обѣщаясь за помощь ихъ противъ Ягеллы быть ихъ леннымъ княземъ. Прибытіе Витольда въ Орденъ для рыцарей было находкой. До этого времени, Литовскіе князя не дозволяли себѣ входить въ союзы съ рыцарями, а также и рыцари не дозволяли дружествовать съ язычниками и кецерами; но рыцари этого времени, сбрасывая съ себя маску пропагандистовъ и отыскивая федераціи не по религіозной инпціативѣ,

а изъ политическихъ принциповъ, вступаютъ на новый путь между народныхъ сношеній. Однакожъ въ дѣлѣ отреченія отъ прежнихъ традицій Ягелло сдѣлалъ шагъ далѣе рыцарей. Польскіе чины въ 1385 г. предложили ему руку своей юной королевы Ядвиги съ престоломъ, если только Ягелло согласится оставить Православіе и принять католицизмъ, съ обязательствомъ и народъ свой также обратить въ католицизмъ. Казалось бы, такая новость должна была быть пріятною для рыцарей — и Ягелло, въ надеждѣ обрадовать Гермейстра этою новостью, послалъ просить его на свадьбу, но Гермейстеръ сухо отказался. Причина этого отказа Гермейстра заключалась въ томъ, что онъ и рыцари не были довольны союзомъ Литовскаго Государя съ Польшею, каковымъ союзомъ Литва, и безъ того въ послѣднее время сдѣлавшаяся посредствомъ союза съ Бѣлоруссіею опасною для ордена, еще болѣе пріобрѣтала грозное положеніе. Для рыцарей оставалась одна надежда на ослабленіе Литвы раздѣленіемъ ея силъ и на поджигательства въ ней возмущеній, въ каковыхъ уже Нѣмецкіе рыцари принимали два раза участіе, окончившееся однакожъ неудачно. Въ 1382 году гермейстеръ давалъ помощь Скиргелѣ Ольгердовичу противъ Андрея Кейстутовича Горбатаго для изгнанія послѣдняго изъ Полоцка,—но эта помощь не принесла пользы Скиргелѣ; чрезъ два года съ помощью рыцарей Витовтъ ходилъ подъ Вильну,—но и этотъ походъ оказался также неудачнымъ, при чемъ ссорившіеся братья помирились другъ съ другомъ безъ помощи рыцарей.

II. Въ 1385 году Ягелло отправился въ Краковъ на свадьбу съ своими братьями, между которыми отправился и Витовтъ, по прибытіи въ который наши гости, впрочемъ не всѣ, приняли католицизмъ, каковой принялъ и Витовтъ. Едва Ягелло успѣлъ отправиться въ путь, какъ Андрей Ольгердовичъ прибылъ въ Недрищу — село Др. у., и здѣсь заключилъ 9 окт. 1385 года договоръ съ Магистромъ нашего ордена Іовомъ Лобеусомъ Гильзеномъ,—договоръ о завоеваніи у Ягеллы Литовскаго престола, за что Андрей Ольгердовичъ признавалъ себя въ вассальной зависимости отъ рыцарей. Заключивши еще союзы съ Смоленскимъ княземъ Святославомъ и съ Опольскимъ Герцогомъ, Андрей Ольгердовичъ выступилъ въ походъ, какъ сказано въ Ливонскихъ актахъ Напьерскаго „зъ войскомъ Нѣмецкимъ, зъ Нифлянты и со всею Лотыголою“. Рыцари, по свидѣтельству Гваньини, от-

правилсь въ походъ in duplice agmine, т. е. въ два цуга. Первымъ цугомъ командовалъ самъ Гермейстеръ Ротенштейнъ или Энгельгардтъ (Карамзинъ называетъ его неправильно Роденштейномъ), а вторымъ цугомъ—нашъ Магистръ Іовъ Гильзенъ, бывшій до этого времени дважды въ походахъ на Литву—и оба свои путешествія сюда ознаменовалъ опустошеніями. И въ этотъ походъ рыцари доказали себя опустошеніями, противъ которыхъ Полочане не принимали никакихъ мѣръ, видя во главѣ войскъ своего князя. Рыцари сожгли Дриссу, Дисну, овладѣли Лукомлею, гдѣ оставили свой гарнизонъ для охраны сына Андрея Ольгердовича, оставшагося въ этой крѣпости, потомъ потерпѣли отпоръ подъ Ошмянами, а почему и рѣшили возвратиться вспять *). Самъ же Андрей остался въ Полоцкѣ. Еще болѣе успѣшны были дѣйствія Смоленскаго князя, покорившаго Витебскъ, Мстиславль, Оршу и едва не достигшаго Лиды. Ягелло, пировавшій свою свадьбу въ Краковѣ съ Польскою королевой, поспѣшилъ окончаніемъ своихъ свадебныхъ пировъ и послалъ, для усмиренія возмутившагося своего брата, двухъ своихъ братьевъ Витольда Кейстутьевича, двоюроднаго брата, и Скиргелу, роднаго брата. Андрей Вингольдъ, Полоцкій князь, не могъ бороться съ этими двумя вождями, по старости своихъ лѣтъ, а тѣмъ болѣе, что при завоеваніи своихъ владѣній, его сподвижники и союзники рыцари возбудили своими насиліями нерасположеніе къ себѣ подданныхъ его, а почему всѣ они безъ сопротивленія, при вступленіи Витольда и Скиргеллы, какъ Полочане, такъ и Литовцы, передались имъ. Побѣдители взяли въ плѣнъ Андреева сына въ Лукомлѣ и убили его, а самаго Андрея плѣнили въ Полоцкѣ и отослали къ Ягеллѣ, который переслалъ плѣнника въ Хенцинскую башню, гдѣ онъ три года сидѣлъ, по выраженію лѣтописи, въ нятвѣ, т. е. въ тяжеломъ плѣну, изъ котораго онъ былъ освобожденъ только по ходатайству въ то время всесильнаго Витольда Кейстутьевича, и, по освобожденіи изъ плѣна, есть основаніе думать, что онъ жилъ въ Каменцѣ на Инфлянтахъ, а по извѣстіямъ лѣтописей, оказывается, что онъ былъ принятъ опять

*) И нашъ Гильзенъ и Ротенштейнъ или Энгельгардтъ награбили чудовищныя богатства. Одинъ изъ наслѣдниковъ Гильзена, по смерти своей, оставилъ послѣ себя бочки золота, которыя укралъ у покойника, до прибытія его родныхъ, самъ магистръ Керндорфъ въ 1434 г; и переславшій свою добычу потомъ въ Германію, на свою родину.

Псковичами на княженіе, откуда потомъ явился, будучи 80 лѣтнимъ старцемъ, на поля битвы Витольда съ Тимуромъ въ 1390 при Ворсклѣ, гдѣ и палъ на сраженіи.

III. Какимъ же образомъ присвоили рыцари страну несчастнаго Андрея Ольгердовича,—по этому вопросу нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Между прочимъ, подъ 1387 годомъ, оказывается договоръ, которымъ Скиргелло, князь Полоцкій, и рыцари обусловливаютъ, каждый изъ нихъ, за собою владѣніе тѣми землями, надъ которыми они въ это время, какъ воюющіе противники, успѣли распространить свою власть. Подъ этимъ договоромъ подписались Ашераденскій и Динабургскій командоры *). Въ этомъ договорѣ не означены земли, занятыя воюющими сторонами, но очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о нашей странѣ. Какъ оказывается изъ дѣла, рыцари подали нашему князю Андрею Ольгердовичу коварную помощь, желая воспользоваться возникшими несогласіями между братьями, и, быть можетъ, они злонамѣренно продали старика нашего князя Скиргелѣ. Они подали Андрею такую помощь, какую нѣкогода подали Скиргелѣ, который воевалъ въ 1382 году противъ Андрея Горбатаго, сына Кейстута, съ помощью Гермейстера Ротенштейна, хвастовавшагося что онъ до того времени не сойдетъ съ своего коня, пока не вложитъ мечь свой въ ножны, поднятый на защиту другого". Эти слова были имъ высказаны въ угрозу Полочанамъ, не желавшимъ сдаться Скиргелѣ, за котораго онъ явился ратовать подъ стѣнами Полоцка, и не сдержавъ своего грознаго слова, отступилъ отъ Полоцка, оставивъ Скиргелу на произволъ судьбы. Эту же участь потерпѣлъ и нашъ князь Андрей Ольгердовичъ. Впрочемъ ихъ не интересовала судьба этого несчастнаго князя, ихъ союзника, а интересовалъ вопросъ, какъ присвоить

---

*) Съ этого времени въ Mittheilungen (V т.) означено время правленіе Динабургскихъ командоровъ въ такомъ порядкѣ: отъ 1387 Бернг. Гевельманъ, 1416—Шварцгофъ, 1422—ф-де-Форсте, 1431—Плетенбергъ, 1437—Гярцбергъ, 1445 — Ведигенъ, 1416 — Шпаръ, 1473—Кровунгенъ и Олене, 1501—Финке-Оверберг, 1514 — фонъ-Беркенъ, 1533 — фонъ-Экель, 1543—Фюрстенбергъ, 1566—Готгардъ Кетлеръ, 59—фонъ-Вишлингенъ, а въ Рѣжицѣ фохтами означены съ 1422—фонъ-Понтгеймъ, 1433—Бонингенъ, 1473—Бильдерштейнъ, 1507—Говеленъ, 1514—Оверлакенъ, 1532—фонъ-Галенъ 1535—Раденъ, 1542—Шмертенъ, 1557—Шаль-Бель. О Люцинскихъ, Крейцбургскихъ, Маріенгаузенскихъ рыцаряхъ нигдѣ нѣтъ извѣстій. Кому Люцинъ принадлежалъ: рыцарямъ ли или духовенству—неизвѣстно, такъ какъ о томъ хроники говорятъ различно.

себѣ его земли, и вотъ по архивамъ Ливонскаго ордена мы опять находимъ возобновленіе прежнихъ трансумптовъ, начинающихся едва-ли не съ 1380 года (т. е., вѣроятно, рыцари уже въ этомъ году составили свой замыселъ на нашу страну) и оканчивающихся въ 1460 году, въ которомъ происходила борьба Псковичей съ рыцарями за Озолицу. Впрочемъ встрѣча съ трансумптами въ 1460 г., относящимися къ судьбѣ нашей страны, доказываетъ неудачу рыцарей въ присвоеніи себѣ нашей страны въ 1386 году, какую они потерпѣли прежде съ дарами свѣтлѣйшаго князя Константина, Миндовга, и Герденя. Какъ бы то ни было, рыцари нашу страну уже считали своею собственностью *) съ этого времени, — и посолъ ихъ хвастовался въ 1395 году предъ Венгерскимъ королемъ, что, „владѣя Витляндомъ, т. е. нашею страною, рыцари уже вправѣ считать себя владѣльцами Пскова и Новгорода". Этотъ фактъ мы находимъ въ Исторіи Древней Пруссіи Коцебу,— и хвастовство нашего рыцаря вѣроятно. Вообще рыцари этого времени считали себя на верху могущества и позволяли себѣ все на свѣтѣ, какъ выражаются о нихъ историки этого времени, считая достиженіе самыхъ обширныхъ цѣлей возможнымъ для ихъ силы; однакожъ, если они успѣли сдѣлать захватъ нашей страны, то этотъ захватъ оказывается не правомъ завоеванія, а дѣломъ безчестнаго обмана. Вообще воинственные подвиги рыцарей этого времени оказываются, не смотря на хвастливыя ихъ притязанія, неудачными, какъ это они показали и въ новыхъ двухъ походахъ въ союзѣ съ Витовтомъ въ 1390 и 1391 г. по случаю отпаденія Витольда отъ союза съ Ягеллой, подъ Вильну, отъ которой рыцари два раза отступили, оправдываясь дурною погодою. Оба эти похода совершены были рыцарями не во главѣ крыжаковъ, а съ массою жолнеровъ и авантюристовъ, приглашенныхъ ими на жалованьи и отправленныхъ ими въ походъ при пирахъ и роскошной обстановкѣ, о которой крыжаки не имѣли и понятія. Послѣдній походъ велъ самъ гермейстеръ упомянутый Валенродъ, первый открытый

---

*) Но не всю, напр. подъ 1447 г. Пацынь наши лѣтописи называютъ Литвою; Свитригайло считалъ Люцинскую землю своею собственностью. Въ 1584 г., послѣ Запольскаго мира Московскіе бояре выговаривали Литовскимъ боярамъ за нападеніе на Люцинскую землю, какъ съ искона принадлежавшую Псковичамъ.

послѣдователь протестантизма, отвергавшій монашеское званіе и называвшій вообще духовныхъ тунеядцами. Дѣйствительно, орденское духовенство этого времени занималось не дѣлами миссіи, но тунеядствомъ; ксендзы содержали псарни по 2 т. собакъ и проводили всю жизнь на охотѣ; въ иныхъ костелахъ не совершалось мессы въ теченіи цѣлаго года. Они не только не поучали народъ благочестію и нравственности, но сами подавали примѣръ порочной жизни. Курляндскій епископъ Отто въ концѣ XIV в. прославился, какъ начальникъ разбойническихъ шаекъ, грабя и разоряя стифтъ арцибискупа, находившійся въ Курляндіи. Дерптскій епископъ былъ въ союзѣ съ виталіенъ-брудерами т. е. морскими разбойниками. О поведеніи рыцарей говорить было бы дѣломъ излишнимъ. Своеволію своему они не знали предѣловъ, разврату предавались открыто. О пустотѣ рыцарей сложилась въ Пруссіи пословица: „Kleider aus, Kleider ab, essen, trinken, schlafen gahn—ist die Arbeit der Deutschen Herrn Han" т. е. одѣванье, переодѣваніе, ѣсть, пить, спать, вотъ и вся забота господъ Нѣмцевъ. (Изъ Исторіи древней Пруссіи Коцебу). Многіе изъ начальствующихъ рыцарей съ грустью смотрѣли на такой порядокъ вещей и, какъ напр: преемникъ Валенрода, Кондрадъ Юнингенъ старался строгимъ законодательствомъ исправить рыцарей, возвратить ихъ къ прежнему призванію, но эта мѣра оказалась не своевременною. Ни въ народѣ, ни у западныхъ сувереновъ не оказывалось сочувствія къ призванію Тевтонскаго рыцаря. Чтобы примирить себя съ своею средою, рыцари измѣняютъ свое гордое названіе рыцарей въ Kreuz Herrn, т: е: крестовыхъ господъ, но народъ измѣняетъ это названіе ихъ въ свое „Kreuziger", т: е: распинатели. Какъ папа, такъ и Германскій императоръ смотрѣли враждебно на существованіе Нѣмецкихъ рыцарей, убѣдясь въ ихъ аномаліи и тягости для цивилизаціи. Даже почитательница рыцарскаго званія Польская королева Ядвига, видя общее озлобленіе противъ нихъ народовъ, предостерегала ихъ отъ наступающей для нихъ катастрофы, но они не обращали вниманія на такія предостереженія, позволяя себѣ идти прежнимъ путемъ насилій, захватовъ и обмановъ. Вообще послѣ нашихъ культуртрегеровъ и миссіонеровъ отъ этого времени не осталось никакихъ памятниковъ, которые свидѣтельствовали-бы объ ихъ благочестіи и религіи, тогда какъ въ недавнее время въ Кіевѣ была найдена

Четьи-Минея съ надписью на заглавномъ листѣ: „Андрей, великій король Литовскій". — Этотъ памятникъ, конечно, много говоритъ въ пользу Русской культуры. Такими дѣлами, кажется, наши Нѣмцы не любили заниматься.

IV. Закрѣпленіе нашей страны за собою рыцари могли не иначе окончить, какъ сооруженіемъ по своему обычаю замковъ въ этой странѣ, а почему въ 1398 году они входятъ въ договоръ съ Витольдомъ, по которому послѣдній разрѣшаетъ имъ построеніе двухъ замковъ въ нашей странѣ (по докум. Бунге) и даже обѣщаетъ доставить имъ матеріалъ на построеніе этихъ замковъ. Такую уступку для рыцарей Витовтъ соглашался сдѣлать, ожидая отъ нихъ помощи въ наступавшей его борьбѣ съ Татарами; но рыцари, вѣроятно, обманули его, а почему онъ въ 1403 году, возвратясь изъ подъ Смоленска, неожиданно напалъ на Динабургъ и сжегъ его до основанія, разоривъ его и окрестности его, какъ о томъ пишетъ Лео, историкъ древней Пруссіи. Недовольнымъ судьбою нашей страны остался и Московскій государь, который въ 1401 г. приказалъ Новгородцамъ и Псковичамъ открыть войну съ Ливонскими рыцарями, хотя неизвѣстно положительно, — по какому поводу. Однакожъ ни Новгородцы, ни Псковичи, опасаясь, вѣроятно, Витовта—союзника рыцарей, не выступили на войну съ рыцарями, но Нѣмцы сами вторглись, по окончаніи постройки Люцинскаго замка, которую Нѣмецкія хроники относятъ къ 1399 г., въ Псковскую область въ 1403 г. и убили на Несчедрянскомъ озерѣ 9 Псковичей, не смотря на крестное цѣлованіе, бросивъ ихъ въ озеро и „отнявъ у нихъ товары, и многія пакости имъ починиша". Войны однакожъ на это время не возгорѣлось. Но въ 1405 году Свитригайло, Витебскій князь, за которымъ числилась наша земля, перешелъ къ Московскому государю со многими Литовскими князями и боярами, возбудивъ тѣмъ подозрѣніе Витовта о замыслѣ Московскаго Государя противъ Литвы, а почему Витовтъ, вошедши въ союзъ съ рыцарями и обѣщавъ раздѣлить съ ними завоеваніе Пскова, открылъ противъ Пскова войну въ союзѣ съ рыцарями. Витовтъ, разоривъ гор. Коложе, находившійся противъ Люцина, однакожъ вскорѣ успокоился, вникнувъ посредничеству своего зятя Московскаго Государя, но неотвязчивые рыцари не соглашались на миръ, разоряя Псковскія волости: Гостени, Дубскъ, Велье и др. города. И эти непріязненныя дѣйствія между Нѣмцами и Пскови-

чами продолжались почти пять лѣтъ; однакожъ ихъ расчеты скоро разрѣшились горькою иллюзіею. Для рыцарей наступала болѣе опасная борьба, чѣмъ съ Псковичами.

V. Въ то время, какъ рыцари тратили напрасно свои силы въ Псковскихъ набѣгахъ, расчитывая на дружество Витовта и Ягелло, какъ католиковъ, главная борьба и разгорѣлась у нихъ съ этими ихъ друзьями. Какъ Польша за присвоеніе Помераніи, такъ и Литовцы за присвоеніе Самогитіи искали случая для рѣшительной борьбы съ Прусскими рыцарями, которую Ягелло и Витовтъ объявили рыцарямъ въ 1410 году. Хотя у рыцарей въ это время не было крыжаковъ, но они имѣли безчисленныя роты жолнеровъ, обученныя въ совершенствѣ военному искуству, въ знаніи котораго ихъ противники никогда не могли сравниться. Рыцари гордо и смѣло выступили противъ своего врага, раздражая его насмѣшками. Уже слабодушный Ягелло, увидавъ стройные и крѣпкіе ряды рыцарскихъ ротъ, сталъ раскаяваться въ своей смѣлости; но храбрый Витовтъ ободрилъ его, такъ что Польскій король, приказавъ своимъ Русскимъ полкамъ запѣть молитву: „Богородице Дѣво—радуйся", рѣшился вступить въ битву съ Нѣмцами на Таненбергскомъ полѣ 15 Іюля 1410 г. Начало ея не предвѣщало никоимъ образомъ для него побѣды, такъ какъ рыцарскіе латники и наѣздники топтали его полки одинъ за другимъ, послѣ чего трусливые Литовцы и Татары первые оставили поле битвы. Все было проиграно. Однакожъ Смольяне, презирая позоръ отступленія (Soli Smolensces foeditatem fugae detestati eximiae virtutis, fortitudinis laudem meruerunt et una turmâ penitus deleta, duae reliquae cum Polonis in laevo cornu sese conjunxere. Leo Heitorià Prussica Lib. III), дали время своею устойчивостью ободриться и собраться съ силами прочимъ войскамъ, которыя и разбили рыцарей. Изъ 83 т. рыцарскаго войска 40 т. пало на полѣ сраженія, 15 т.; взято въ плѣнъ; 200 рыцарей съ своимъ магистромъ и командорами пали на полѣ битвы. Здѣсь пала главная сила рыцарства и этимъ пораженіемъ Нѣмецкій орденъ былъ сокрушенъ почти совершенно, возрожденіе котораго не было мыслимо теперь безъ поддержки папы. Рыцари стали уходить изъ конвентовъ, обращаясь къ мірскимъ занятіямъ. Побѣдители обогатились отвоеванными сокровищами у побѣжденнаго рыцарства; только Смольяне не воспользовались плодами своего геройства.

VI. Однакожъ Таненбергская катастрофа имѣла вліяніе и на судьбу нашей страны. Наши рыцари должны были принять посильное участіе въ защитѣ своихъ собратій и прекратить войну со Псковичами, которые между тѣмъ на мѣстѣ разоренной рыцарями Коложанской крѣпости, въ 1414 году успѣли построить Опоченскую. Въ 1417 году, по приказанію Московскаго государя, Псковичи заключили миръ съ нашими рыцарями, которые искали этого мира, такъ какъ хроники говорятъ, что магистръ нашихъ рыцарей этого времени Спангеймъ долженъ былъ находиться въ постоянномъ вооруженіи противъ Литовцевъ во все время 10 лѣтняго своего правленія. Впрочемъ мирные договоры для Нѣмцевъ ничего не значили, потому что они нарушали ихъ по прежнему своему обычаю. Такъ они, по смерти Василія Димитріевича, опять начинаютъ искать ссоры со Псковичами. Дерптскій епископъ, какъ говоритъ хроники, подговорилъ Витовта ударить на Псковичей въ 1426 г., который и подступилъ къ Опочкѣ съ великою силою Литовскою и Татарскою, имѣя въ помощи Мегмета, Татарскаго Хана. При войскѣ Витовта находилась громадная пушка, называвшаяся Галкою, которую везли 40 лошадей. Вся эта обстановка говорила о намѣреніи Витовта завоевать Псковъ, пріобрѣтеніемъ котораго онъ хотѣлъ увеличить земли своего государства. На старости своей Витовтъ задумалъ освободиться отъ Польши и принять титулъ Литовскаго короля, каковому намѣренію Витовта особенно радовались наши Нѣмцы, надѣясь тѣмъ ослабить своего врага Польшу. Однакожъ подать помощь Витольду они не могли явно, опасаясь мести Ягеллы, а почему они свои враждебныя дѣйствія ограничили только убійствомъ нѣсколькихъ нашихъ человѣкъ и захватомъ нѣкоторыхъ пограничныхъ луговъ. Хотя Витовтъ вошелъ съ большими приготовленіями и силами въ Опоченскій уѣздъ, однакожъ подъ Опочкою и Воронačемъ его наступленія были неудачны, а подъ Порховымъ выстрѣлъ разорвалъ и его страшную Галку. Псковичи встрѣтили эти его намѣренія съ ожесточеннымъ сопротивленіемъ. Никогда Русскіе и Литовцы такъ не боролись враждебно. Опочане сдирали кожу съ плѣнныхъ Литовцевъ, а надъ Татарами производили болѣе лютыя истязанія. Такое озлобленіе наши Псковичи доказывали Литовцамъ за ихъ дерзкое предпріятіе на покореніе подъ свою власть Русской земли, о каковыхъ предпріятіяхъ ни одинъ изъ предковъ Ви-

товта не смѣлъ и думать, вступая въ управленіе нашими княжескими столами только въ видѣ служилыхъ князей. Убѣдясь въ несбыточности своихъ замысловъ на Псковъ, Витовтъ отступилъ отъ Пскова, удовлетворясь уплатою ему 3 т. р. Псковичами. Не сбылась мечта Витовта также и о королевской Литовской коронѣ и объ отдѣленіи Литвы отъ Польши, вслѣдствіе происковъ Ягеллы. Хотя Ягелло достигъ своихъ цѣлей—т. е. отказавшись съ рискомъ отъ Литовскаго княжескаго престола въ надеждѣ сдѣлаться Польскимъ королемъ — въ чемъ и успѣлъ, достигъ и другой цѣли—при соединеніи Литвы съ Польшею, съ помощью силъ обоихъ народовъ, поразить силы Крыжаковъ и сокрушить Нѣмецкій орденъ,—каковая цѣль и высказана была главнымъ условіемъ Городельской Польско-Литовской уніи въ 1414 г., связывавшей Литву съ Польшею; однакожъ расторженіемъ Литвы съ Польшею, разрушалась завѣтная мечта Польскаго короля Ягеллы окатоличить Литву, о чемъ Ягелло старался со всею ревностью, выступивъ въ первый разъ, при обращеніи Литвы въ католичество, самъ въ роли проповѣдника. Не смотря на такую ревность Ягеллы къ своей новой вѣрѣ, прогрессъ католицизма на Литвѣ былъ на столько слабъ, что Ягелло выступая на Грунвальдскую битву съ крыжаками, какъ мы видѣли, долженъ былъ самъ приказать своимъ войскамъ пѣть русскую молитву: „Богородице Дѣво, радуйся"; Затѣмъ равно и борьба Витовта съ Ягелломъ ясно указываетъ на бывшее значеніе Руссизма и Православія, опираясь на которые элементы Витовтъ имѣлъ перевѣсъ надъ Ягелоновою политикой. Какъ Витовтъ; такъ и его преемники опасались вступать въ борьбу съ Русскою партіею, о силѣ и преобладаніи которой на Литвѣ и въ нашей странѣ Коцебу засвидѣтельствовалъ разсказомъ о слѣдующемъ эпизодѣ. Витольдъ упрекалъ рыцарей, что они не заботились о распространеніи католицизма въ своихъ земляхъ, на что рыцари указывали со взаимнымъ упрекомъ Витольду, что въ его владѣніяхъ на 100 православныхъ приходится только одинъ католикъ и что католическіе бискупы не имѣютъ средствъ содержать для себя и одной лошади, тогда какъ православные епископы разъѣзжаютъ на шестерняхъ и въ каретахъ.

VII. По смерти Витовта, не успѣвшаго возложить на себя отдѣльной Литовской короны вслѣдствіе разныхъ Польскихъ интригъ, съ 1430 года открылась борьба снова за отдѣленіе Ли-

товской короны отъ Польши, продолжавшаяся болѣе пяти лѣтъ, въ которой сторонникомъ Русской партіи и представителемъ православія явился Болеславъ Свитригайло, принадлежавшій къ католицизму, а между тѣмъ боровшійся для сокрушенія его. Замѣчательно, что въ этой борьбѣ Свитригайлы съ католиками на Литвѣ, являются его союзниками наши Ливонскіе рыцари старающіеся этою борьбою ослабить Литовскія силы, а между тѣмъ, поддерживая Свитригайлу, старающіеся упрочить за собою присвоеніе нашей Люцинской земли, состоявшей въ удѣлѣ Свитригайлы. Въ 1432 году, подъ начальствомъ Динабургскаго командора и Рѣжицкаго фохта, наши рыцари отправились изъ Волькенбергскаго замка въ походъ на Литву, но были разбиты на Жмуди. Борьбу эту Свитригайло проигралъ и въ 1435 году, потерпѣвъ пораженіе на р. Свентѣ подъ Вилькомиромъ, вслѣдствіе самонадѣянности Магистра Кернедорфа, дѣйствовавшаго слишкомъ опрометчиво. И здѣсь Смольяне, бывшіе противниками Свитригайлы первые разбили рыцарей. Пораженіе это было тягостно въ особенности для нашего рыцарства, которое потеряло здѣсь свои лучшія силы для пополненія которыхъ и Нѣмецкое рыцарство уже не могло доставлять нашему рыцарству новыхъ контигентовъ, какъ оно доставляло ихъ въ былыя времена, такъ какъ оно само находилось въ борьбѣ съ Польшею, стремившеюся возвратить себѣ тѣ области въ Польшѣ и Мазовіи, которыя захватилъ себѣ Тевтонскій орденъ. Такъ дорого обошлось Нѣмцамъ присвоеніе Люцина. Свитригайло былъ послѣдній Литовскій князь нашей Лютинской земли, значащейся подъ 1335 годомъ, въ числѣ земель, ему принадлежащихъ. Послѣ Вилькомирскаго пораженія Свитригайло бѣжалъ въ Витебскъ, гдѣ два года отбивался отъ своихъ противниковъ, откуда потомъ бѣжалъ на Подолъ, гдѣ и умеръ въ 1352 году. На сколько православные Бѣлорусы XV в. не долюбливали Латынь и Нѣмцевъ вообще, осталась на память того замѣчательная рѣчь Смоленскаго Кашталяна Ив. Мелешки, сказанная имъ на сеймѣ въ 1489 противъ рыцарской и Латинской культуры, развратное направленіе которой онъ описалъ рельефно въ этой рѣчи. (Зап. Р. Вѣст. 1882 Авг.).

ГЛАВА VII.

Борьба рыцарей подъ защитою своихъ замковъ съ Московскими полками.

Aula profanatae est sedes aptissima menti est hilaris, gaudens vultu, spe dives inani.

Impietas et furor nullo arcium munimento, nullo armorum praesidio sunt securi.

I. Въ то время, какъ Прусскіе рыцари послѣ Таненбергскаго пораженія слабѣли и падали въ борьбѣ съ Польшею, наши Ливонскіе рыцари, послѣ Вилькомирскаго пораженія, не только не оказываются въ ослабленіи своей силы, но, чрезъ 10 лѣтъ, они являются на аренѣ борьбы, съ новыми замыслами. Причинами такого факта оказываются слѣдующія данныя. Во 1-хъ, Прусскіе рыцари, при своихъ паденіи, лишившись покровительства папы, перестали получать крыжацкія подкрѣпленія, между тѣмъ какъ наши рыцари по прежнему пользовались благосклонностью папъ и крыжацкими ополченіями; во 2-хъ, прусскіе рыцари послѣ Грюнвальдской битвы потерпѣли разореніе и грабежъ своей страны отъ Татарскихъ и Литовскихъ войскъ, лишившись чрезъ то многихъ сокровищъ и богатства, между тѣмъ какъ наши рыцари на Вилькомирской битвѣ ограничились только потерями, понесенными въ войскѣ, контингенты котораго тотчасъ пополнились новыми вербованіями; въ 3-хъ, Прусскіе рыцари въ борьбѣ своей съ Польшею не имѣли союзниковъ въ своихъ сосѣдяхъ; тогда какъ наши рыцари, послѣ Вилькомирскаго сраженія, въ Литовцахъ находятъ себѣ союзниковъ для завоеванія Пскова и Новгорода, о чемъ не разъ рыцари договаривались еще съ Витольдомъ, считая для себя дѣломъ легкимъ завоеваніе Пскова и Новгорода. Этой мечтѣ сочувствовали какъ папа, такъ и императоръ на столько, что, не смотря на всю аномалію Крыжацкаго закона, надъ существова-

ніемъ котораго папа Сикстъ V вынужденъ былъ произнести извѣстный приговоръ: „delenda est ista pessima nigra crux, т. е. необходимо уничтожить этотъ наихудшій черный крестъ,—приговоръ, произнесенный имъ по случаю жестокой казни, которой подвергъ Гермейстеръ Рихтенбергъ епископа Кубанда, погибшаго смертью Уголина, несмотря на то, существованію нашего ордена оказывали свою помощь какъ папа, такъ и императоръ. Надеждамъ на завоеваніе Пскова и Новгорода въ XV ст. однакожъ представилось для алчныхъ замысловъ пропаганды неожиданное препятствіе въ возвышеніи Москвы, принявшей подъ свою защиту Псковъ, и куда Москва съ XV в. начала посылать своихъ намѣстниковъ. Это обстоятельстко вынудило рыцарство, воевавшее со Псковомъ до этого времени набѣгами и воровскими проворными захватами, измѣнить пріемы борьбы, такъ какъ съ этого времени за всякій рыцарскій набѣгъ въ отвѣтъ являлись въ Ливонію Московскіе полки, разсыпавшіеся по выраженію хроникъ, по всей Ливоніи, подобно саранчѣ, съ местью всему рыцарству за своеволіе смѣльчаковъ того или другою рыцарскаго конвента. Такой поворотъ обстоятельствъ заставилъ рыцарей отказаться отъ набѣговъ и озаботиться исправленіемъ замковъ, твердыни которыхъ представляли надежную ограду для рыцарской безопасности, такъ какъ для разрушенія ихъ необходимы были большія затраты и средства, которыхъ, по мнѣнію рыцарей, у Москвы не доставало. Надѣясь затѣмъ на отдаленное разстояніе Москвы отъ Ливоніи, рыцарство считало себя въ безопасности съ этой стороны, находясь кромѣ того въ союзѣ съ Польшею. Нѣкоторые изъ дальновидныхъ рыцарей, напр. магистръ Вольтуденъ, видя участь Нѣмецкихъ рыцарей, которыхъ безъ всякаго состраданія въ это время порабощала и грабила Польша, сдерживая фанатизмъ своей собратіи, указывала на болѣе надежный для рыцарей союзъ съ Москвою, но противъ такого указанія стояло большинство рыцарскаго общества, требовавшее упорной и непримиримой борьбы съ Московскими кецерами.

II. Неудача Вилькомирскаго сраженія не смирила нашихъ рыцарей. Чтобы прикрыть свое пораженіе, они рѣшаются возобновить дерзкія предпріятія своихъ предковъ противъ Русскихъ, какъ противъ еретиковъ, борьба съ которыми обѣщала имъ богатую наживу, а почему они просили Папу объявить крестовой походъ противъ Новгородцевъ. По всей Западной Европѣ открылись

молебствія, сборы и пожертвованія на вооруженіе крестоносцевъ, каковой походъ состоялся въ 1448 году, но окончился очень неудачно, такъ что этотъ походъ безполезный возбудилъ общій ропотъ всѣхъ сословій противъ безпокойнаго магистра. Однакожъ рыцаря рѣшились опять, чрезъ 10 лѣтъ, начать войну. Выраженіе, что они прямо отъ себя открыли эти притязанія къ Псковичамъ за земли, лежащія у Озолицы, указываетъ не на Орденъ, а на нашихъ рыцарей т. е. на Динабргскаго командора, дѣйствовавшаго въ нѣкоторыхъ вопросахъ самостоятельно отъ Ордена. Между Рѣжицкими и Люценскими замками оставалися земли по случаю смерти Свитригайлы, въ спорной принадлежности, каковымъ обстоятельствомъ и воспользовались рыцари. Да и притязанія были сдѣланы Нѣмцами не къ Новгородцамъ, а къ Псковичамъ. Чтобы запугать Псковичей, рыцари напали на городокъ Кобылу въ 1461 г., но Псковичи отплатили съ своей стороны набѣгомъ на рыцарскія земли въ два пути: сперва до р. Кохвы, текущей по с. Люцинскаго уѣзда, а потомъ и за Кохву, и такъ далеко проникли въ Ливонію, какъ до сего времени Псковичи никогда не проникали въ Нѣмецкую землю, при чемъ особенно осталось то замѣчательно, что „въ такой сильной брани ни одинъ изъ Псковичей не палъ, а куда бѣжалъ ихъ врагъ, лежалъ мостъ Нѣмецкаго трупья". Наконецъ, на помощь къ Псковичамъ прибыли Московскіе полки, послѣ чего рыцари спѣшили заключить миръ въ 1864 г. съ Псковичами. По окончаніи войны, Псковичи прославили Св. Тройцу и Михаила Архангела, радуясь, что одержали побѣду надъ рыцарями собственными силами безъ помощи и Новгородцевъ, безъ помощи и Литовцевъ. Объ этой войнѣ нѣтъ свѣдѣній въ Нѣмецкихъ хроникахъ, какъ нѣтъ также свѣдѣній и о слѣдующей войнѣ. Указаніе лѣтописью на веденіе Псковичами этой войны сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы объяснить наступленіе для Пскова новыхъ отношеній его къ рыцарямъ, борьбу съ которыми онъ теперь ведетъ въ союзѣ съ могущественною Москвою. Въ 1463 году Псковичи возвели въ Красномъ Городкѣ крѣпость противъ Люцинскаго замка. Основаніе Красногородной крѣпости преданіе народа пріурочиваетъ къ этому же времени. Въ такой же обстановкѣ, въ какой рисуется въ преданіи Люція—строительница Люцина, рисуется и строительница Красногородской крѣпости, носившая сама на своихъ плечахъ камни для построенія крѣпости и, между тѣмъ при спѣшности сво-

ей работы, взвалившая на свои плеча камень не по своимъ силамъ, который она между прочимъ пронесла нѣсколько времени, но, не доходя нѣсколько шаговъ до крѣпости, камень этотъ падаетъ у нея съ плечъ, и она уже не могла поднять его съ мѣста, гдѣ онъ и до сего времени лежитъ на мѣстѣ. По виду этотъ камень—квадратный, довольно значительный по величинѣ, бѣлый, и имѣющій какую то необъяснимую надпись. Эти преданія составлены въ критическій моментъ борьбы русскаго народа съ рыцарствомъ и отвѣчаютъ по своей идеѣ упомянутому лѣтописному указанію. Имѣется и другое, подобное этому, преданіе о первыхъ дняхъ Красногородцевъ, которыхъ разъ напугалъ ракъ, вылѣзшій изъ р. Синей, къ которому они вышли на поклонъ съ крестнымъ ходомъ. Ракъ, увидѣвъ идущихъ къ нему Красногородцевъ, испугался самъ и скрылся.

III. Какъ мы видѣли, въ борьбѣ съ Новгородцами крестоносцы еще разъ явились подъ своей странной фирмой въ нашу страну; однакожъ эта была послѣдняя проба папы къ возбужденію религіозной борьбы въ нашей странѣ. По заключенію Коцебу, еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія Гермейстеръ Книпероде уже составилъ невыгодное заключеніе о послѣдствіяхъ крестовыхъ ополченій, положительно вредныхъ въ культурномъ отношеніи. Крестовое ополченіе 1448 года было послѣднимъ усиліемъ со стороны пропаганды, послѣ котораго уже не возможны были новыя воззванія, а почему рыцарство, для пополненія своихъ конвентовъ, обратилось къ пріисканію новыхъ средствъ. Предъ семидесятыми годами прибылъ въ Ливонію богатый Липедетмольдскій дворянинъ Берендъ Борхъ съ толпою авантюристовъ и колонистовъ, купившій обширныя пустопорожнія земли за Любаньскимъ озеромъ въ Рѣжицкомъ уѣздѣ. Преданіе говоритъ, что Борхъ, по прибытіи къ намъ, намѣревался вступить въ бракъ съ дворянкою Тедвенъ, который однакожъ по интригамъ Сильверстра—арцибискупа, разстроился, а почему онъ и поступилъ въ духовные рыцари, поклявшись местью духовенству, что и сдержалъ надѣлѣ. Онъ былъ высокаго роста и богатырской силы. Его мечь, хранящійся у Аташанскихъ графовъ не менѣе двухъ арш. длины, съ соотвѣтственною этой длинѣ шириною. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ, Деритскимъ епископомъ, а другой просто рыцаремъ. Мантейфель (Poln. Livl. стр. 63) сомнѣвается въ принадлежности мѣстечекъ Вы-

шенъ и Прелей Борхамъ съ 1472 года, говоря, что Борхъ, какъ рыцарь, не имѣя послѣ себя наслѣдника, не могъ оставить этихъ земель своему роду; но у Борха былъ братъ—женатый, отъ котораго остались наслѣдники. Въ Малиновѣ, въ дворцѣ Зиберга имѣется его портретъ съ его супругою; впрочемъ рыцари могли передавать, поступая въ монашество, свои права и другому лицу. Законъ этотъ остается на Инфлянтахъ въ своей силѣ и до сего времени, что мы знаемъ изъ судьбы одного Инфлянтскаго помѣщика, пріобрѣвшаго себя дворянство по смерти дворянина, нанявшагося во время Севастопольской войны, за него въ рекруты и убитаго на войнѣ. Бывшій магистръ нашего ордена Менгденъ вошелъ въ это время въ союзъ съ Новгородцами противъ Московскаго государя. Рыцари наняли нашихъ переметчиковъ, Подкурскаго и Торгошу, которые въ 1469 году подвели Нѣмцевъ для нападенія на нашихъ сторожевыхъ козаковъ, обманувъ которыхъ они ограбили и убили 26 Псковскихъ гостей или купцовъ на Синемъ озерѣ. Вступившій на мѣсто Менгдена въ 1469 г. магистръ Вольтузенъ, онъ же Ферзенъ, не долюбливавшій Литву, успѣлъ помирить Псковичей съ рыцарями. Въ это время Новгородцы посылали пословъ къ Польскому королю съ просьбою о помощи противъ Московскаго государя, каковыхъ пословъ Вольтузенъ однакожъ задержалъ, не слѣдуя политикѣ Менгдена. *) Кажется, это обстоятельство и было причиною, что рыцари свергли его за союзъ съ Москвою, провозгласивъ на его мѣсто упомянутаго Липедетмольдскаго рыцаря Берендта Борха, ожидая отъ него возвращенія временъ Альберта Буксгевдена. И, дѣйствительно, Борхъ отправляетъ немедленно, по своемъ вступленіи въ магистерскую должность, гордое требованіе къ Псковичамъ, чтобы они отказались отъ Озолицы, такъ какъ онъ намѣренъ изъ Вендена перенести свою резиденцію по сосѣдству къ этому мѣсту. Псковичи, опросясь съ Московскимъ дворомъ, отвѣчали магистру, что Магистръ воленъ жить, гдѣ ему угодно, но Озолица ихъ земля и они отъ нея не отступятся. Бѣляевъ въ своей Исторіи Пскова Озолицу предполагаетъ у Нейгаузена, но онъ ошибается. Эта Озолица находилась на сѣв. Рѣжицкаго уѣзда въ сосѣдствѣ съ Борховскими

---

*) Во время Вольтузена, въ 1473 году, Софія Палеологовна, на пути изъ Италіи въ Москву, прибыла въ Щертовку пос. Люц. у., гдѣ Московскіе бояре приняли ее на свои струги, встрѣчая ее медомъ, налитымъ въ кубки и турьи роги. Оттуда она слѣдовала въ насадкѣ во Псковъ.

землями, гдѣ теперь Зосоль и Узульники, пос. Рѣж. у., и на в. отъ которой лежала Корсуля, по свидѣтельству Гербенштейна, безспорно составлявшая въ нач. XVI ст. владѣніе Московскаго государя. Борхъ, услыхавъ, что во Псковъ прибыли Московскія и Новгородскія рати, отступился отъ своихъ требованій и заключилъ въ 1474 году миръ. Отсюда начинаются событія, описанныя и въ хроникахъ, и лѣтописяхъ.

IV. Однакожъ этотъ миръ былъ не прочен, такъ какъ чрезъ четыре года магистръ снова заявилъ притязанія къ Московскому правительству за то, что Московскіе полки, преслѣдуя разбитыя рати Новгородцевъ, спасавшіяся въ Дерптскую область, вошли во владѣнія Ордена безъ его дозволенія. Не смотря на готовность Москвы удовлетворить требованіямъ Ордена за выставляемые имъ убытки по этому случаю, магистръ искалъ предлога завязать борьбу съ Москвою. По случаю открытія ею борьбы съ Ахматомъ, Ханомъ Золотой орды, Борхъ, окончивъ свою борьбу съ духовенствомъ выслалъ два отряда рыцарей— одинъ подъ Гдовъ, а другой изъ рыцарей нашей страны подъ Вышній Городокъ, за что государь приказалъ Псковичамъ отплатить немедленно также набѣгомъ на Дерптскую область, которые съ помощью летучаго Московскаго отряда, подобно саранчѣ по выраженію хроникъ, налетѣли на землю рыцарей, въ Августѣ 1480 года. Когда нашъ государь выступилъ противъ Ахмата, Борхъ во главѣ 100 тысячнаго войска, съ какимъ ни одинъ изъ его предшественниковъ не вторгался въ Русскія земли, вступилъ въ Псковскую область. Побившись подъ Изборскомъ и сжегши городокъ Кобылу, рыцари подступили къ Пскову. Осаду Пскова нашъ лѣтописецъ такъ изображаетъ: „тогда поганный местеръ возъярився, попухнѣвъ лицемъ, пріиде ко Пскову, скрежеща своими многоядными зубы“. На четвертый день прибыли къ нему на помощь Юрьевцы и „привезоша множество разнаго запаса и хлѣбовъ и пива и вологи, аки на пиръ зовоми. И напившеся и поклашася местеру посады зажещи, а Псковъ взяти“. Видно было, что Нѣмцы собрались подъ Псковъ, съ намѣреніемъ овладѣть имъ. Они съ давняго времени, какъ только овладѣли нашею страною, считали Псковъ своею добычею. Многіе изъ Псковичей въ страхѣ оставили городъ, но вотъ одному изъ благочестивыхъ гражданъ явился во снѣ Довмонтъ и сказалъ ему: „вземше одѣяніе гроба моего съ крестами, обойдите трижды градъ

мой съ молитвой, и не страшитесь!“ И, дѣйствительно, на рѣшительномъ своемъ приступѣ рыцари получили такой сильный отпоръ, что Борхъ заблагоразсудилъ возвратиться во свояси, взявши на возвратномъ своемъ пути какую то незначительную крѣпость Доруфъ. *) Въ этомъ походѣ особенно отличились Динабургскій и Рѣжицкій префекты, т. е. фохты: геройство позднее и безполезное. Прибывъ домой и не имѣя средствъ для содержанія своего войска, Борхъ распустилъ его по своимъ домамъ. Но 1 Марта 1481 г. врываются Московскія войска и съ такою быстротою подступили подъ Феллинъ, гдѣ находился самъ магистръ, что онъ едва ускакалъ ночью отъ своихъ враговъ на верховомъ конѣ. Наши войска поплѣнили въ это время всю Нѣмецкую землю отъ Юрьева до Риги, а Лотыголу и Чюхну, по сказанію лѣтописи, „овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша, а сущіи въ лѣсѣхъ отъ мраза измроша, а иніи гладомъ погибъша. Бѣ тогда мразы сильно велицы и снѣгъ человѣку въ пазуху. А Нѣмецкая земля вся тогда бяше не въ опасѣ: пива много варяху, не чаяху на себѣ таковыя пагубы. И отмстиша Нѣмцемъ за свое и въ двадесятеро, али и болѣе, якоже нѣцыи рѣша: Псковъ сталъ, не бывало тако“. Подлинность и достовѣрность этого сказанія оказывается изъ сличенія Борхова письма къ Гермейстеру, **) которымъ Борхъ извѣщалъ Прусскихъ Нѣмцевъ о крайнемъ опустошеніи и разореніи Ливоніи Русскими, которыхъ нашествіе онъ сравниваетъ съ нашествіемъ Гунновъ. Въ теченіи мѣсяца они разорили цѣлую кучу замковъ, считавшихся до того времени неприступными, между которыми онъ упоминаетъ о Руситенѣ, т. е. Розитенѣ или Рѣжицѣ и о Лудзенѣ или Люцинѣ. ***) Въ Витебскихъ вѣдомостяхъ 1865 г. № 26 говорится, что и Динабургскій замокъ былъ также опустошенъ въ

*) Такой крѣпости у насъ нигдѣ не было. Эти сказки подобны Роденштейновымъ.

**) Гермейстеръ Рихтенбергъ самъ былъ слабъ, и Папа хотѣлъ перевести его рыцарей на Турецкія границы для миссіи среди Туровъ, но рыцари отказались отъ такой чести.

***) Письма Борха къ Гохмейстеру помѣщены въ Mittheilungen aus dem Gesch. L. E. und Kurland I. W. должно замѣтить, что послѣ Борха Берендта изъ Динабургскихъ командоровъ и Рѣжицкихъ фохтовъ, нѣкоторые командоры впослѣдствіи успѣли занять магистерскія должности, какъ напр. Динабургскіе командоры Фюрстембергъ и Кетлеръ, и Рѣжицкій фохтъ Галенъ. Вообще по свидѣтельству Гваньини, Динабургскій командоръ управлялъ нашею страною почти независимо отъ магистра, которому иногда и наслѣдовалъ, по вакансіи его мѣста.

это время. Ливонскіе рыцари, вѣроятно, и теперь потерпѣли бы крахъ, еслибы главные воеводы Ив. Булгакъ и князь Ярославъ Оболенскій не приняли подкупа отъ рыцарей. Героемъ этой войны былъ кн. В. Ѳ. Шуйскій, гонявшійся и преслѣдовавшій Борха. По удаленіи Русскихъ изъ Ливоніи, въ орденѣ возникла междоусобная война между духовенствомъ и рыцарями, во время которой архіепископъ Сильверстръ Стодевешеръ попался въ 1479 г. въ плѣнъ къ рыцарямъ, которые его въ слѣдующемъ году отравили въ Кокенгаузенѣ, *) но потомъ и сами рыцари возстали противъ Борха и свергли его съ должности въ 1484 году. Борхъ не ожидалъ своего паденія. Когда его враги-рыцари прибыли, въ Ноябрѣ 1484 года, въ Венденъ и, ворвавшись въ замокъ, потребовали къ себѣ Борха, то Борхъ вошелъ къ рыцарямъ въ залу и занялъ свое мѣсто. Тогда старшій изъ рыцарей-заговорщиковъ, обратясь къ нему сказалъ: „братъ и господинъ Борхъ: командоры отрѣшаютъ Васъ отъ управленія и магистерства. Оставьте ваше мѣсто и уступите его другому". Берендъ, не сказавъ ни слова, сошелъ съ мѣста. Тотъ же рыцарь обратился къ командору Фрейтагу, сказалъ: „Братъ Іоаннъ! Святая Дѣва приказываетъ вамъ быть магистромъ и повелители ордена призываютъ васъ на это мѣсто". Борху однакожъ дали на прокормленіе два замка, но онъ только прожилъ одинъ годъ по низложеніи своемъ и умеръ съ горя. Читая возмутительные эпизоды изъ этой ожесточенной междоусобной войны духовенства съ рыцарями, мы ничего подобнаго не находимъ въ войнѣ Русскихъ съ Орденомъ, которые не производили никакихъ безцѣльныхъ варварскихъ опустошеній и разореній, какими ознаменовали себя рыцари въ этой войнѣ, опустошая напр. нашъ Крейцбургскій замокъ или предавши огню архіепископскую библіотеку въ Кокенгаузенѣ. Тогда какъ Нѣмецкіе историки пишутъ упреки Русскимъ въ варварскомъ веденіи ими войны съ рыцарями, наши лѣтописи проходятъ молчаніемъ ту фанатическую ненависть рыцарей къ намъ, которую они обнаруживали не только на войнѣ,

---

*) Аномалія пропаганды, выразившаяся въ нашемъ орденѣ въ борьбѣ рыцарей съ духовенствомъ, въ такихъ же симптомахъ выразилась и въ Нѣмецкомъ орденѣ, гдѣ рыцари своихъ бискуповъ замучивали въ тюрьмахъ. Такъ въ 1474 г. бискупъ Дитрихъ фонъ-Куба погибъ смертью Уголино, по распоряженію Гермейстера Рихтенберга или Рифле, который самъ вскорѣ погибъ преждевременно отъ мученій совѣсти.

но и въ мирное время при торговыхъ съ нами сношеніяхъ. Ожесточеніе и раздраженіе Нѣмцевъ оказывается безъ границъ въ особенности съ того времени, какъ они увидали возвышеніе Москвы, съ которою имъ теперь приходится войти въ счеты, при своихъ нападеніяхъ и набѣгахъ на Псковъ и Новгородъ. Несчастныхъ Русскихъ плѣнныхъ они предавали самымъ звѣрскимъ казнямъ: жгли ихъ на кострахъ, варили ихъ въ котлахъ, четвертовали, сдирали кожу съ казнимаго и т. д. Въ особенности подобными своеволіями отличались Ревельцы, за что нашъ государь требовалъ отъ нихъ объясненій и удостовѣренія, но гордые рыцари осмѣлились высказывать дерзкія угрозы даже лицу самого Государя въ послѣд. годахъ XV в., за что государь приказалъ арестовать 49 купцовъ Нѣмецкихъ въ Новгородѣ, а рыцари захватили 200 нашихъ Псковскихъ купцовъ.

V. Такой разрывъ съ Москвою объявили наши гордые рыцари, самообольщаясь болѣе всего своимъ воинскимъ искусствомъ, превосходствомъ своего оружія и надеждою на крестовыя ополченія, а всего болѣе на Литву. Государь надѣялся повести на этотъ разъ рѣшительную войну съ рыцарями, нравственное распаденіе которыхъ достигало въ это время до крайней степени. Пьянство и развратъ были общими ихъ пороками. Борнигеръ, писатель XIV в; такъ описываетъ состояніе Нѣмецкаго рыцарства, каковое описаніе приходится и къ нашимъ рыцарямъ. Приведемъ изъ Борнигера (Histor. Prusiae Leo) нѣсколько обличеній." Священники ведутъ болѣе свѣтскую жизнь, нежели духовную. Во многихъ храмахъ не совершается никакого богослуженія, потому что священники занимаются охотою, для которой держатъ стаи собакъ по 2 т. штукъ. Ересь растетъ; священники дозволяютъ существовать язычникамъ за деньги; священники поютъ въ церквахъ, а рыцари сидятъ въ погребахъ и пируютъ. Рыцари не сдерживаютъ обѣщаній и клятвами шутятъ. Властители, т. е. фохты смѣются надъ законами, говоря: „мы вамъ законъ" и продаютъ законъ за деньги и подарки. Они притѣсняютъ бѣдныхъ и жалующихся Магистру; адвокатамъ угрожаютъ тюрьмою; у бѣдныхъ отнимаютъ рабочіе инструменты, которыми послѣдніе прокармливаютъ жену и дѣтей. Налоги и подати растутъ съ каждымъ годомъ". При чемъ ораторъ говоритъ, что всѣ эти вещи всякому извѣстны, но онѣ прикрыты и ни чьего не трогаютъ сердца. Развратъ нашего духовенства

описанъ въ исторіи Рутенберга гл. XXV, ч. 11. 304 стр.: описаніе его гораздо сильнѣе рѣжетъ глаза наблюдателя.

VI. Какъ ни храбрились рыцари противъ Москвы, но одни безъ союзниковъ не рѣшались вступить съ ними въ борьбу, для чего подожгли сначала Шведовъ, которые однакожъ вскорѣ заключили миръ съ Москвою въ 1495 г. Видя здѣсь неудачу, Магистръ обратился къ Литовскому князю Александру Казиміровичу, зятю нашего государя. Какъ мы видѣли, еще при Витовтѣ многіе изъ Литовскихъ, въ особенности Русскаго происхожденія, князья и бояре переходили къ Московскому государю на службу. Эти переходы увеличились съ того времени, какъ Московскій государь освободился отъ Монгольскаго ига. Не малою причиною этихъ переходовъ были также административныя мѣры Литовскаго государя, который закрывалъ Русскія княжества, какъ напр. Кіевское, Витебское и др., обращая ихъ въ воеводства съ предоставленіемъ городамъ ихъ Магдебургскаго права и др. привиллегій. Кромѣ этихъ причинъ были и другія, между которыми выдѣлялась главною—преслѣдованіе и стѣсненіе правъ Православнаго народа. Въ 1501 году Александръ Казиміровичъ послалъ подъ Дорогобужъ своихъ лучшихъ полководцевъ: Константина Острожскаго и Николая Радзивила, противъ которыхъ и нашъ государь выслалъ лучшаго своего полководца Даніила Щеню. Одновременно съ открытіемъ Литовской войны, государь получилъ извѣстіе отъ Псковичей о вторженіи въ ихъ область рыцарей, противъ которыхъ выслалъ Московскихъ воеводъ Пенку и Василія Шуйскаго, не давъ имъ рѣшительнаго полномочія къ открытію войны съ рыцарями, ожидая съ ними мира, пользуясь каковымъ ожиданіемъ и нерѣшительнымъ положеніемъ нашихъ воеводъ рыцари стоптали подъ Изборскомъ наши войска и, наконецъ, хотя не достигли рѣшительнаго выигрыша въ главной битвѣ на р. Сѣрицѣ, но удержали за собою поле битвы. Послѣ Сѣрицкой битвы Магистръ разорилъ Красногородскій и Островскій уѣзды. Между тѣмъ Щеня, одержавъ побѣду надъ Острожскимъ, получилъ назначеніе въ Ливонію. Наши войска были раздѣлены въ Ливоніи на три отряда: одинъ назначенъ былъ противъ Нарвы, другой противъ самого Магистра и третій противъ Литовцевъ, стоявшихъ у Опочки съ своимъ воеводою Чернякомъ. Въ концѣ самаго года, съ наступленіемъ весны Даніилъ Щеня налетѣлъ на Дерптскій округъ, гдѣ во-

свода Оболенскій настигъ Юрьевцевъ подъ Гельметомъ, гдѣ Оболенскій въ самомъ тылу сраженія палъ, но его воины, увидавъ гибель любимаго своего начальника, пришли въ такое неступленіе, что начали разить своего врага не свѣтлыми саблями, а, какъ свиней, шестоперами. Русскіе хозяйничали въ Ливоніи послѣ этой битвы до самого Марта, когда къ Опочкѣ подступили Литовцы, которою овладѣть не могли и должны были отступить къ Красному городку и Кораю Бору (лѣсъ на границѣ Люц. у.), которые грабили семь дней, а поселянъ убивали. Героями этихъ грабительскихъ бандъ оказываются опять же рыцари нашихъ замковъ, съ помощью самого Ландмаршала, что видно изъ его донесенія магистру, который самъ сидѣлъ дома въ ожиданіи помощи отъ раны. Магистръ хвастовался побѣдою надъ Русскими, оправдывая свое возвращеніе изъ похода распространившимся будто поносомъ въ его войскѣ. Русскіе не оправдываются подобными причинами. По прибытіи въ Ливонію пилигримовъ, магистръ въ Августѣ м-цѣ выступилъ на Псковъ, узнавъ объ одновременномъ нападеніи на Московцевъ Монголовъ, Татаръ и Поляковъ. Расчитывая, что Псковъ въ такомъ случаѣ останется беззащитнымъ, магистръ вошелъ въ Псковскую область, но, попавъ въ засаду, обращается вспять въ Ливонію, но, по переходѣ за Евикшту, былъ настигнутъ Щенею при оз. Синолинѣ 1502 г. 13 Сент. Рыцари были въ такомъ страхѣ за свою судьбу, что Плетенбергъ далъ обѣтъ совершить паломничество въ Іерусалимъ, если только съумѣетъ унести цѣлою свою голову изъ этой битвы. Хроники поютъ о своихъ побѣдахъ и говорятъ, что наши полки были разбиты, но это ложь. Благодаря наступленію ночи, рыцари, правда, успѣли уйти отъ непріятеля, который однакожъ, при преслѣдованіи бѣжавшихъ рыцарей, какъ о томъ говоритъ Бѣляевъ, истребилъ отрядъ ихъ въ 1500 человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, магистръ установилъ обязательнымъ празднованіе 14-го Сентября въ Ливоніи, не въ воспоминаніе побѣды, но въ воспоминаніе избавленія рыцарей де Rutenica potestate т. е. въ память избавленія рыцарей отъ Русской неволи. Въ 1503 году рыцари заключили миръ съ нашимъ государемъ на основаніи Борховскаго договора, обязываясь платить древнюю Деритскую дань, о которой потомъ забыли, какъ равно и Плетенбергъ не исполнилъ своего обѣта паломничества. Рыцари, не смотря на паломническіе свои обѣты, находились наканунѣ реформаціи... Однакожъ Гермейстеръ Фридрихъ, отказавши Польскому королю въ

присягѣ на подданство, въ 1504 г. собираетъ послѣдній конвентъ въ Мемелѣ, для формулированія рыцарскаго законодательсвта, въ которомъ участвуетъ и нашъ магистръ Плетенбергъ. *)

VII. Рыцари, вынужденные непосильною борьбою съ Москвою на отдѣльный отъ Литвы миръ съ Москвою, разсказываютъ между тѣмъ легендарныя чудеса о явленіи въ облакахъ Божіей Матери предъ ихъ полками въ сраженіи,—и, несмотря на то, они нетолько оставили Литву, но и вошли въ тайный союзъ съ Русскими противъ нея, въ каковой союзъ втянули и Прусскихъ рыцарей. Литовцы просили въ 1513 г. (Ливон. акты Напьерскаго докум. CCXVII) рыцарей не пропускать Русскія войска чрезъ свои владѣнія, но рыцари даже подводили Русскихъ въ Литовскіе города, напр: подвели Псковскаго воеводу Андрея Сабурова въ 1517 году въ г. Рославль. Въ эту войну Литовцамъ явилась чудесная помощь отъ св. королевича Казиміра, будто-бы явившагося попавшимъ въ засаду Литовцамъ при Двинѣ и указавшаго имъ бродъ черезъ рѣку, которую они и перешли ночью. Въ этомъ году война сосредоточилась около Опочки, которую однакожъ Литовцамъ неудалось взять, а почему они въ досадѣ и прозвали ее свинымъ корытомъ. Героями этой войны со стороны Московской оказываются Иванъ Васильевичъ Ляцкій и Өеодоръ Васильевичъ Лопата-Оболенскій, а Литовцами командовали Константинъ Острожскій и начальникъ артилеріи Сверженскій. Послѣдній осаждалъ Опочку. На помощь къ этимъ панамъ Сигизмундъ подослалъ Черкаса и Зеленугу, но наши воеводы разбили непріятеля въ трехъ мѣстахъ, но въ какихъ неизвѣстно. Изъ сличенія мѣстныхъ преданій и лѣтописей оказывается

*) Постановленія Нѣмецко-Ливонскаго конвента составляютъ памятникъ культурной дѣятельности рыцарства, какого Поляки не оставили по себѣ. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ постановленій Мемельскаго конвента, бывшаго въ 1505 г. Всякая торговля, кромѣ пищею, попойки, запрещаются въ воскресные и праздничные дни, а до обѣдни въ эти дни не открываются ни присутствія, ни собранія. Дворяне обязаны наблюдать за посѣщеніемъ кирхи крестьянами. Сильнымъ нищимъ запрещается попрошайничество; грабители изгоняются изъ общества; всякія покупки у пьяныхъ воспрещаются. Учреждена такса для всякихъ издѣлій. Для развитія ремесленности между гражданами, мастера получили обширную власть надъ своими подмастерьями. Подобныхъ законовъ въ Польскомъ кодексѣ мы не находимъ, кромѣ стремленія къ механической полонизаціи народа посредствомъ вигилій, покутовъ, юбилеевъ и т. д., совершавшихся въ торжественныхъ церемоніяхъ при ярмаркахъ.

слѣдующее. Мѣстныя преданія указываютъ на гору Сциблу въ Люц. у. у села Еверсемуйжа, покрытую на пространствѣ квадратной версты военными могилами, какъ на мѣсто битвы Русскихъ съ Литовцами и Нѣмцами. Наши лѣтописи указываютъ мѣсто битвы между Лицкимъ и паномъ Черкасомъ на мѣстность, лежащую между рѣками Синей и Исой. Судя по количеству могилъ на горѣ Сциблѣ, народъ говоритъ, что въ Сциблѣ хранится столько сокровища, что на нихъ можно купить цѣлую Ригу. Назадъ тому лѣтъ 20, одинъ крестьянинъ нашелъ въ Сциблинскихъ могилахъ серебряные карманные часы. Нужно заключать, что здѣсь происходило страшное сраженіе, на которомъ Лицкій взялъ въ плѣнъ Черкаса и Зеленугу и представилъ ихъ Московскому государю, за что побѣдитель былъ осыпанъ многими Монаршими щедротами. Пользуясь этимъ союзомъ съ Москвою, Архіепископъ Лунеъ почпнилъ замокъ-Маріенгаузенъ и въ 1525 году исправленъ былъ Люцинскій замокъ. Существованіе Люцинскаго замка и дѣянія его безъименныхъ рыцарей необъяснимы и загадочны. Такой обширный замокъ, а между тѣмъ онъ не имѣетъ у себя даже фохта и неизвѣстно, кому онъ принадлежалъ,—рыцарямъ ли или духовенству, доказываетъ неопредѣленность его положенія. Вѣроятнѣе всего—эта неопредѣленность его проистекала изъ безправнаго владѣнія имъ рыцарями; слѣдовательно, онъ былъ вертепомъ. Величина Люц. замка показана Без-Корниловичемъ въ такихъ цифрахъ: сѣвер. его сторона имѣетъ 60 саж; южная 60; запад. 27; а вост. 57 саж. Съ юж. стороны были у него ворота, въ которыя въѣзжали чрезъ подъемный мостъ, перекинутый черезъ ровъ, окружающій замокъ; другія ворота были на сѣв. сторонѣ, ведшія къ озеру. Площадка замка заключала 150 кв. саж., онъ имѣлъ 6 башенъ. Въ 1535 г. Московскіе воеводы основали въ Себежѣ крѣпость, названную въ честь юнаго Московскаго государя Іоанна Грознаго Иваньгородомъ. Сигизмундъ прислалъ пана Немиру съ 35 т. войскомъ для его разрушенія, которое войско Немира все уложилъ подъ Себежемъ, но Иваньгорода не взялъ.

VIII. Сличая всѣ эти событія по хроникамъ, лѣтописямъ и преданіямъ, оказывается, что наши рыцари, не смотря на весь свой фанатизмъ и стремленіе къ развитію воинскаго своего искусства, но, съ появленіемъ Московскихъ полковъ, составлявшихся со всѣхъ областей Русской земли, поставлены были въ

затруднительное положеніе, начавшееся уже тѣмъ, что должны были оставить своевольные набѣги на Русскія земли, соблюдать договоры и заключиться въ своихъ замкахъ *). Уже одно это об-

*) Это обстоятельство мы считаемъ началомъ паденія ордена, имена магистровъ котораго мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь, а также и ихъ сувереновъ—арцибискуповъ отъ начала пропаганды. Іерархія Ливоніи: Мейнардъ отъ 1168 г. — 1196. Бертольдъ, убитый на сраженіи съ Ливами 1196: Альбертъ Буксгевденъ, armatus apotsolus—агитаторъ пропаганды—1229; Николай—самый умѣренный изъ агитаторовъ—1233; Архіепископъ Адалбертъ Саурберъ—1232 г., ввергнутый рыцарями въ тюрьму, Луненъ 1286, Фехтенъ 1294 г. сидѣвшій въ рыцарской тюрьмѣ, Іоаннъ Сверинъ, опозоренный въ плѣну ихъ —1300 г. Изарнъ? Фридрихъ Баронъ—1340, жившій все свое управленіе при папѣ, судясь съ рыцарями; Енгельгенбертъ Даленъ 1348; Фромгольдъ Фюльгаузенъ, воевавшій въ нашей странѣ—1369. Блумбергъ—1373. Спитенъ—1392 г; Валенродъ—1417. Габунди—1424. Шарфенбергъ—1449. Сильвестръ Стодевешеръ, самый энергическій противникъ рыцарства, отравленный имъ 1480 г. Грубенъ —1484. Гильдебрандтъ 1484 г. Гаспаръ Линденъ сѣкъ розгами Латышей для обученія ихъ молитвамъ и катихизису—1524. Бланкефельдтъ, сторонникъ Московіи, докторъ обоихъ правъ, сверженный съ престола,—1526. Шенингъ—1539 г. Вильгельмъ Бранденбургскій отъ 1539 года до войны Іоанна Грознаго. Магистры Ливоніи: Винно 1218, Вольквинъ—1236 г. Германъ Балька 1242 г. Геймбухъ 1245 г. Грюнингенъ 1247 г. Штукляндъ 1256. Эбернгардтъ Баро? Зангергаузенъ 1258. Горнгаузенъ 1261 г. Ейкштедтъ 1264 г. Вернеръ Брейдгаузенъ 1267. Мандернъ 1269. Отто Роденштейнъ 1272 г. Андрей 1274 г. Пордекъ 1275 г. Рацебургъ 1278 г. Конрадъ Фейхтвангенъ 1279 г Этотъ магистръ ознаменовалъ свою дѣятельность и энергію и на мѣстѣ Гермейстера. Шпрборъ 1287. Герцогенштейнъ Гогенбахъ, 1289 Думставенъ 1296. Бруно 1298 г. Іоке 1327 г. Еберигардъ Монгеймъ 1341. Дрейлевенъ Мамыка—1347. Госвинъ 1360. Фятингофъ? Фреймерзенъ 1384. Лобеусь Гильзенъ 1394. Брюгеней 1404. Турке 1418. Спангеймъ 1428. Рутенбергъ 1437 г. Керисдорфъ—1439 г. Букенроде 1442. Финке—1456. Остгофъ Менгденъ—1475. Валгаузенъ—1477. Берендъ Борхъ 1486 г. Фрейтагъ—1495 г. Плетенбергъ—1435 г. Реке—1551 г. Фюрстенбергъ—1559 г. Кетлеръ. Изъ нихъ на боевой аренѣ себя доказали: Вольквинъ, Балька, Брейтгаузенъ, Роденштейнъ, Шпрборъ или Вальякимъ, Думсгавенъ, Іоке, Монгеймъ, Дреймамыка, Гильзенъ, Финке, Борхъ, Плетенбергъ и Кетлеръ. Послѣ Борха магистры величались титулами имперскихъ князей въ родѣ свѣтлостей—serenissimorum. Имена ихъ Гермейстеровъ: Германъ Зальца, Конрадъ Турингъ—одинъ изъ благочестивыхъ гермейстеровъ, Попо Остерна, Ганно, Гартманъ, Бурхардъ, Конрадъ и Годфридъ въ XIII столѣтіи, Зифридъ Фейтвангенъ, Карлъ Босфоръ, Орсель, убитый рыцаремъ, подобно Винно, Людеръ Брауншвейгскій, Дитрихъ Алтенбургскій, Людвигъ Кенигъ, Генрихъ Дузенеръ, Винрихъ Книпроде, Конрадъ Цельнеръ—Ротенштейнъ или Энгельгардтъ, Конрадъ Валенродъ; въ XV вѣкѣ слѣдующіе были: Конрадъ Юнингенъ и его братъ Ульрихъ, Генрихъ Пляуенъ, Михаилъ Кухмейстеръ, Павелъ Руссдорфъ, Ерлихгаузенъ, Генрихъ Реусъ, Рихтенбергъ, Мартинъ Трухзессъ, Іоаннъ Тифенъ и Фридрихъ,

стоятельство было значительною ступенью въ прогрессѣ мѣстной цивилизаціи. Московское правительство, понимая значеніе такого направленія, избѣгало всякимъ образомъ поводовъ къ борьбѣ съ гордымъ и своевольнымъ рыцарствомъ, уступая ему во всѣхъ требованіяхъ и домашнихъ сумасбродствахъ, лишь бы пріостановить его набѣги и умиротворить его фанатизмъ. На дѣлѣ однакожъ вышло иначе.

графъ Саксонскій, а послѣдній былъ Альбертъ Бранденбургскій, принявшій реформацію и титулъ Прусскаго Герцога въ 1525 г.

ГЛАВА VIII.

Дѣянія карателя Латинскихъ мистификацій, рыцарскихъ профанацій и Ливонскихъ коварныхъ гостей — Московскаго царя Ивана Васильевича Грознаго.

Frustra caduci fulminis artifex moles ab alta turri remugiit, si moesta respondere cantu templa negant, superûmque pridem stupescant aera silentio. Aulae inter fomenta, occulta sunt tormenta.

I. Въ теченіи своего ненормальнаго существованія, наше рыцарство не разъ находилось на краю гибели то въ борьбѣ съ внѣшними врагами, то при внутреннихъ междоусобіяхъ; но послѣ своего пораженія неожиданно снова возставало оно, благодаря помощи Папъ,—и изъ разрушенныхъ и истребленныхъ непріятелемъ своихъ замковъ, рыцари, какъ коршуны, снова вылетали, чтобы терзать и свою страну, и своихъ сосѣдей. Оправясь отъ своего пораженія, эти гордые рыцари составляли новые замыслы, новыя козни противъ своихъ сосѣдей, относясь съ презрѣніемъ къ ихъ дружественнымъ уступкамъ и довѣрчивости, каковыя уступки они считали слѣдствіемъ страха своихъ сосѣдей предъ ихъ могуществомъ. Такимъ образомъ пользуясь миромъ съ Москвою и ея споромъ со Псковомъ, Орденъ, какъ мы выше сказали, прежде въ 1509, г. успѣлъ возстановить развалины Маріенгаузенскаго замка, а въ 1525 году возстановилъ руины Люцинскаго замка. Укрѣпленіе этихъ замковъ они мотивировали борьбою съ Поляками, тогда какъ ихъ они укрѣпляли противъ Русскихъ. Грозные уроки, заданные имъ Іоанномъ Великимъ, не могли искоренить у нихъ наслѣдственныхъ обширныхъ замысловъ и расчетовъ, безумной самонадѣянности и фанатической ненависти къ Русскимъ. Потерпѣвъ пораженіе при Плетенбергѣ отъ Русскихъ и спасти свое существованіе только покорностью своему побѣдителю, рыцари, оправясь отъ этого пораженія опять, съ безстыдствомъ при-

писываютъ себѣ побѣду въ своей борьбѣ съ Русскими, которые потому будто бы и оставались въ такомъ продолжительномъ мирѣ съ рыцарями, именно отъ времени Плетенбурга даже до времени Фюрстемберга, что боялись борьбы съ рыцарями, тогда какъ при Плетенбергѣ на самомъ дѣлѣ рыцари дѣятельно служили сами орудіемъ Московскому Правительству, которое послѣ смерти Плетенберга, по окончаніи войны съ Литвою, пріобрѣло во внѣшней политикѣ еще большую силу и значеніе. Москва не могла страшиться рыцарей, бывшихъ нѣкогда грозною гидрою уже потому, что она видѣла болѣе и болѣе ихъ уединяемое положеніе отъ Папы, переставшаго подсылать имъ крестовыя ополченія, а также и уединеніе ихъ отъ своего общества, проникавшагося идеями реформаціи, которая разоблачала эксплуатацію духовенства и рыцарства священными символами и мистическими формами. И, дѣйствительно, реформація по этому пути сдѣлала шагъ впередъ, осуждая фанатизмъ, ляменты, крики и въ Небо глосы, одобряемыя въ католицизмѣ. Вся эта измышленая мистификація отжила свое ненормальное существованіе. Такъ Гермейстеръ Альбертъ въ 1513 г. ввелъ Русскихъ пословъ въ свой костелъ во время мессы, приказавъ бискупу продолжать ее, которую этотъ пріостановилъ, пораженный присутствіемъ при ней кецеровъ. Такой фактъ указываетъ на паденіе мистификаціи. Однакожъ и между рыцарствомъ и его духовенствомъ мало находилось лицъ, понимавшихъ аномалію своего призванія. Большая часть общества жила крыжацкими принципами, питаясь давнею народною ненавистью къ Русской націи, примѣровъ каковой ненависти между нашими Ливонскими Нѣмцами имѣется довольно. Напр. въ концѣ XV в. въ Дерптѣ Нѣмцы напали на православныхъ въ праздникъ Крещенія Господня, во время ихъ процессіи на Іордань, при чемъ убили священника Исидора и нѣсколькихъ его прихожанъ; при открытіи реформаціи въ Дерптѣ также православные много пострадали во время безчинства Нѣмецкаго народа, отступавшаго изъ католичества въ реформацію; когда возникли волненія у Рижскихъ Нѣмцевъ по случаю открывшихся у нихъ реформаціонныхъ волненій, то Рижскій архіепископъ Бланкельфельдъ рѣшился въ 1525 г. обратиться за защитою себѣ къ Москвѣ, переселясь предварительно въ Шваненбургъ, гдѣ Нѣмцы схватили его за то и замучили его. *) Надѣясь на свои замки, оружіе

*) Доказательствомъ рыцарской аномаліи мы приводили выше, что еще во

и воинское искусство, Рыцарство грозно потрясало своими широкими мечами противъ кецера Московита, отнявшаго у него и Новгородъ и Псковъ, на покореніе которыхъ городовъ рыцарство такъ самонадѣянно расчитывало. Имя Московита для нихъ было на столько ненавистнымъ, что хроники всякій несчастный свой походъ къ Пскову или Новгороду, еще съ XIII вѣка, начинаютъ приписывать Московиту, побѣждавшему только безчисленными полчищами ихъ малочисленныя, но геройскія и воинственныя когорты. Всякіе протесты Московита противъ рыцарей хроники называютъ варварскою, дерзкою алчностью Скиоской Азіатской сволочи, въ сношеніяхъ съ которою рыцари будто-бы соблюдали строго международные законы, о которыхъ эти Скиоы не имѣли понятія. Что же касается своихъ безумныхъ фанатическихъ набѣговъ (Kreuzzüge) на сосѣдей то, эти хроники причисляли ихъ подъ категорію религіозныхъ и культурныхъ доблестей.

II. Вслѣдствіе такихъ враждебныхъ отношеній рыцарства къ намъ, Москва, по освобожденіи своемъ отъ Монголовъ и собравшись со всѣми удѣлами въ одно государство, поставила первымъ вопросомъ уясненіе своихъ историческихъ правъ, отъ имени Русскаго народа, на Ливонію и Бѣлоруссію, для освобожденія этихъ земель отъ чужеземныхъ націй, вторгшихся въ смутное время въ эти земли, каковой вопросъ хотя въ 1513 году показался страннымъ Литовскимъ чинамъ (Рус. Лив. акты Напьерскаго, грам. № CCCXVII. О принадлежности Ливоніи Русскимъ такъ говорится въ этомъ документѣ: Quod terra Polocensis suos limites haberet fluvio ex Dvina usque ad mare tendentes et testificantur idem, quod civitas vestra Polocensi est sita. Въ этомъ документѣ Поляки называютъ Московита Schismaticus et inimicus totius nostrae religionis christianae и гнѣваются на Московита за заявленіе имъ своихъ правъ на принадлежность къ Русской землѣ Полоцка, Витебска и Смоленска), но умный Плетенбергъ

второй половинѣ прошлаго вѣка Папа Сикстъ IV, по случаю жестокаго поступка Нѣмецкаго Гермейстера Рихтенберга съ епископомъ Кубой и нашего магистра Борха съ Рижскимъ арцибискупомъ Сильверстромъ произнесъ знаменитыя слова: „Deleatur ista nigra pessima crux“. Папа предлагалъ перемѣстить ихъ въ наши южныя степи, отдавая имъ эти степи ареною для борьбы съ Мусульманами, но рыцари не согласились, не рѣшаясь, при всей своей дерзости, принять такую задачу, отъ которой Русскій народъ однакожъ не отказался. Извѣстно, какъ наши храбрые рыцари бѣжали изъ Москвы въ 1525 г., узнавши о пріѣздѣ въ Москву татарскихъ пословъ.

признавалъ это заявленіе Москвы роковымъ для себя вопросомъ и, какъ мы выше сказали, старался замять всевозможными уступками Московіи. Какъ бы ни было, при жизни Плетенберга миролюбивыя сношенія Русскихъ съ Нѣмцами не прекращались, каковыя сношенія старались поддерживать благонамѣренные изъ Нѣмцевъ и послѣ Плетенберга, что видимъ изъ тайныхъ сношеній нѣкоторыхъ Нѣмцевъ съ Москвою. Но послѣ Плетенберга Нѣмцы начали оказывать разныя прижимки Русскимъ, дошедшія наконецъ до того, что Русскимъ купцамъ не дозволяли торговать въ своей землѣ съ иноземцами-торговцами не столько изъ того, чтобы нанести нашей торговлѣ вредъ, сколько изъ того, чтобы оттиснуть насъ отъ сношеній съ иноземцами, которыхъ даже не пропускали въ Московію чрезъ свою землю, а иныхъ, какъ напр., Шлитта осмѣлились въ 1547 г. заарестовать и содержать въ тюрьмѣ за то, что Шлитъ провожалъ партію ремесленниковъ, навербованныхъ для Москвы, а одного оружейника Шваненбургскій фохтъ казнилъ въ началѣ 50 гг. Нѣмцы въ особенности, старались не пропускать въ нашу страну оружейниковъ, считая, что наши предки выучились оружейному искусству у рыцарей, тогда какъ еще Василій Димитріевичъ получилъ первыя пушки отъ своего тестя Витовта. Правительство наше смотрѣло съ неудовольствіемъ на эти самовольныя проказы колонистовъ въ своей Русской землѣ, которые, заграждая намъ пути для международныхъ сношеній, тщеславились еще и притязаніями быть нашими учителями въ культурѣ и просвѣщеніи. Переговоры нашего правительства по этимъ вопросамъ не достигали до желаемаго результата, а между тѣмъ, какъ бы для новаго упрека въ несправедливости Нѣмцевъ къ нашему правительству, отстранявшемуся отъ всякихъ вмѣшательствъ въ ихъ внутреннія дѣла, по случаю избранія въ коадюторы архіепископа одного изъ кандидатовъ, противнаго видамъ рыцарей, Польское правительство вступилось за этого кандидата и послало отъ себя своего посла, не имѣя на то право, отстаивать при Рижскомъ архіепископѣ интересы этого кандидата. Когда этотъ посолъ остановился на своемъ пути въ Рѣжицкомъ замкѣ, чрезъ который ему необходимо было проѣзжать въ Маріенгаузенскій — мѣстопребываніе архіепископа, то Рѣжицкій фохтъ Вернеръ-Бель бросилъ его въ тюрьму, гдѣ посолъ отъ суроваго обращенія съ нимъ рыцарей на 3-й день и умеръ. Польскій король Сигиз-

мундъ Августъ придвинулъ къ границамъ Ливоніи стотысячное войско для наказанія дерзости рыцарей. Фюрстембергъ отправилъ въ Германію Динабургскаго командора Готгарда Кетлера для вербованія жолнеровъ, такъ какъ у рыцарей было своего войска всего 10 т. Однакожь командировка Кетлера не удалась, и Фюрстемберъ просилъ на колянахъ предъ Польскимъ королемъ о мирѣ, на который король и согласился, заключивъ при томъ съ рыцарями союзъ противъ Московскаго Государя въ 1556 году.

III. Въ это время Московскій престолъ занималъ хотя молодой Государь, но воспитанный строго въ традиціяхъ своего народа и уже прославившійся покореніемъ Казани и Астрахани, и который очень близко принималъ къ своему сердцу судьбу Ливоніи и нашей страны, считая ихъ отчиною своихъ предковъ. Имя этого Государя Иванъ Васильевичъ; онъ первый изъ Русскихъ князей принялъ царскій титулъ, стремясь оправдать его своими дѣяніями и возвысить имя и значеніе своей націи. Вслѣдствіе союза рыцарей съ Польшею, онъ напомнилъ рыцарямъ какъ объ упомянутыхъ нарушеніяхъ ими своихъ договоровъ съ Москвою, такъ и о неуплатѣ ими условленной Дерптской дани при Плетенбергѣ, о которой рыцари забыли и къ каковому требованію они относились шутливо. Рыцари самонадѣянно вызвали войну съ Москвою, въ борьбѣ съ которой имъ хотя не представлялось надежды на папу и крестоносцевъ, но въ это время одинъ изъ Литовскихъ магнатовъ Радзивилъ, Несвижскій князь, въ 1557 г., вошедши въ сношенія съ Фабіаномъ Борхомъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на рыцарство, предложилъ взаймы Ордену 40 т. талеровъ для веденія войны съ Москвою, на которую войну въ особенности возбуждали и вдохновляли рыцарство архіепископъ Вильгельмъ и Маріенбургскій командоръ, совѣтуя укрѣпить Ашераденскій и Зельбургскій замки, а также и наши, какъ пограничные съ Москвою. Архіепископъ обязывался съ своей стороны, укрѣпить свои замки: Маріенгаузенскій и Лубаньскій. Рыцари надѣялись также во время этой войны раздѣлить силы Москов. Государя заключеніемъ отдѣльныхъ союзовъ съ сосѣдними нашими княжествами, въ чемъ жестоко ошиблись. Не такъ однакожь смотрѣли на эту войну Дерптскій, Курляндскій и Эзельскій епископы, которые никакимъ образомъ не предсказывали счастливаго исхода для ордена изъ этой вой-

ны, а почему Дерптскій епископъ продалъ свое епископство, а послѣдній, запасшись деньгами, также оставилъ свою діоцезію и убѣжалъ до начала войны въ Германію, унеся съ собою громадныя богатства; ихъ примѣру послѣдовала масса нажившихся у насъ Нѣмецкихъ фамилій. На сколько какъ рыцарство, такъ и духовенство этого времени упали въ нравственномъ состояніи, довольно указать на грязную борьбу кандидатовъ за Эзельское епископство въ 1531 до 1540 г., главною героинею которой борьбы между монашествомъ выступаетъ темная личность Уршули, олицетворявшей самого демона. Въ 1550 г. появился даже и какой то пророкъ въ Ливоніи, который, бродя по городамъ и селеніямъ, грозилъ наступающею бѣдою для Ливоніи. Но какъ архіепископъ, такъ и рыцарство не унывало, расчитывая на покровительство Польши. Вообще рыцарство относилось къ лицу нашего Государя съ гордымъ вызовомъ, оспаривая его законныя требованія софизмами и пустыми возраженіями, уменьшая наконецъ его титулъ, что даже оказывается и у настоящихъ Нѣмцевъ историковъ. Такъ Мантейфель (Pol. Liv.) и въ настоящее время называетъ нашего Государя Ивана Васильевича Грознаго не царемъ, а Русскимъ княземъ, между тѣмъ какъ своихъ магистровъ или мейстеровъ. (Въ русскихъ др. актахъ они называются иногда мистрюлѣками) величаетъ Гермейстерами, каковымъ титуломъ, какъ извѣстно, былъ величаемъ только начальникъ Тевтонскаго ордена, магистръ котораго, а равно и нашего состояли подъ властью этого Гермейстера. Или этотъ же историкъ въ изложеніи историческаго очерка нашихъ городовъ, не сказавши о причинѣ войны Іоанна Грознаго съ Ливонскимъ орденомъ, вездѣ проводитъ причиной подчиненія Ордена Польшѣ, что орденъ нуждался въ защитѣ Польши противъ Русскихъ; вѣроятно, по мнѣнію этихъ историковъ Русскіе были также и причиною подчиненія Прусскихъ Нѣмцевъ Польшѣ? Вотъ какъ Нѣмецкіе историки извращаютъ эти событія: Самую войну Мантейфель описываетъ, какъ нападеніе свирѣпаго варвара на беззащитныхъ и не укрѣпившихся сиротокъ, на крѣпости которыхъ какъ напр. на Динабургъ, имѣвшій въ то время слабый будтобы гарнизонъ напалъ нашъ Государь внезапно, повелъ штурмъ, причемъ онъ ужасно свирѣпствовалъ. Кто же виноватъ былъ, что рыцари подняли войну, считая ее игрушкой для себя? Хотя рыцари упрекаютъ Іоанна Грознаго въ неожиданномъ, внезап-

номъ его паденіи на нихъ, для отраженія каковаго нападенія они не имѣли будто-бы времени для вооруженія, но постановленіе Вольмарскаго ландтага 1556 года возвѣщало положительно о предстоящей войнѣ для Ливонцевъ съ Москвою, при чемъ воспрещалась всякому Ливонцу и мысль о какой нибудь уступкѣ непріятелю *). Государь нашъ, за долго до начала своей войны съ рыцарями, приказалъ предварительно, для угрозы непріятелю, придвинуть свои войска къ границамъ Ливоніи, занимаясь въ это время переговорами съ рыцарями, которые манили его разными обѣщаніями. Съ другой стороны, наши войска, вступивъ въ Ливонію, встрѣтили Мальву, открытую, по приказанію Фюрстемберга, т. е. военное по всей Ливоніи вооруженіе; встрѣтили укрѣпленными уже наши замки, гдѣ назначено было ихъ рыцарямъ двойное содержаніе, т. е, по 6 гульденовъ въ мѣсяцъ рыцарю и по 4 гульдена оружейному,—что также говоритъ не о внезапномъ нападеніи нашего Государя на Ливонію.

IV. Хотя и эти историки, и хроники жалуются на Московскаго царя, что онъ неожиданно вторгся въ Ливонію и засталъ рыцарей не приготовившимися къ борьбѣ, но это ложь, измышленная въ извѣстныхъ видахъ и не достойная науки. Мы видѣли, что прелюдіи къ этой трагедіи тянулись въ теченіи почти двухъ лѣтъ съ 1554 г., между тѣмъ какъ рыцари никогда не извѣщали сосѣдей о своихъ на нихъ набѣгахъ. Мы начали свой походъ на Ливонію по всѣмъ правиламъ международныхъ сношеній. Объявленную нашимъ государемъ войну съ рыцарями въ концѣ 1557 г. нашъ народъ принялъ съ общею радостью, какъ дѣло завѣтное еще отъ предковъ. На передовые посты въ Псковскую и Изборскую крѣпости назначены были извѣстные Казанскіе герои: Михаилъ Васильевичъ Глинскій, родной дядя государя, и Григорій Ивановичъ Темкинъ. Въ рядахъ прочаго войска мѣста вождей занимали тоже извѣстные витязи: князь В. С. Серебряный, Михаилъ и Юрій Репнины, Даніилъ Адашевъ, Андрей Михайловичъ Курбскій, Шереметьевъ, Басмановъ, Плещеевъ, Барабашевъ, Петръ Серебряный и другіе. Всѣ они однакожъ состояли въ подчиненіи Татарскихъ ца-

*) Фюрстембергъ, конкордатомъ, 9 Авг. 1558 г. обѣщалъ Виленскому палатину пособить Польшѣ отвоевать Смоленскъ и Московію; Деритскому Епископу запрещено строжайше входить въ отдѣльный союзъ съ Московскимъ царемъ.

ревичей Шигъ-Алея, Кайбулы и Тохтамыша. Съ перваго взгляда оказывается страннымъ, почему Татарскіе Царевичи получили такое высокое назначеніе и почему Самъ Государь не принялъ на себя личнаго начальства. Послѣднее обстоятельство объясняется изъ дѣйствій нашихъ войскъ, для которыхъ не былъ предназначенъ обширный планъ, состоявшій въ намѣреніи Государя принизить запосчивость Нѣмцевъ и ихъ своеволіе не завоеваніемъ страны, для чего даже и не было въ достаточномъ количествѣ войска у насъ (всего 40 т.), а только опустошеніемъ ихъ страны. Эту цѣль похода и высказалъ Нѣмцамъ Шигъ-Алей по окончаніи похода. Что же касается назначенія Татарскихъ Царевичей главными воеводами, то такимъ избраніемъ Государь намѣревался отстранить у своихъ бояръ поводъ къ мѣстническимъ спорамъ, каковые, какъ увидимъ ниже, тотчасъ и открылись въ слѣдующемъ походѣ, съ назначеніемъ Темкина. *) Вторженіе нашихъ войскъ въ Ливонію послѣдовало съ двухъ пунктовъ: изо Пскова и Иванъ-Города, находившагося противъ нѣмецкаго замка Нарвы, какъ свидѣтельствуетъ сказаніе Курбскаго. Кто вторгался изъ Иванъ-Города, о томъ не имѣется свѣдѣній, но о состояніи нашей страны мы почерпаемъ свѣдѣнія изъ источниковъ, изданныхъ Ширреномъ, въ числѣ которыхъ оказываются распоряженія магистра Фюрстемберга о встрѣчѣ непріятеля преимущественно на этомъ пунктѣ, для которой должны были выступить Динабургскій командоръ, Ашераденскій и Зельбургскій фохты. Первая встрѣча нашими фохтами русскихъ войскъ была удачною, что оказывается изъ радостнаго о томъ донесенія Рѣжицкаго фохта. Однакожъ, донесенія Маріенгаузенскихъ рыцарей: Ганса Гинде, Мейснера и Мертенса отъ 2 февраля 1558 г. оказываются очень плачевными, въ подтвержденіе которыхъ имѣются донесенія того же Рѣжицкаго фохта, который извѣщалъ прежде о своихъ счастливыхъ подвигахъ, а теперь повѣствуетъ объ ужасной опасности его замка, для освобожденія изъ которой онъ требуетъ немедленной помощи отъ Магистра, грозя въ противномъ случаѣ оставленіемъ своей должности. Сличая эти свѣдѣнія со

---

*) А, можетъ быть, это назначеніе Татаръ воеводами Государь сдѣлалъ, зная общеизвѣстную боязнь Нѣмцевъ предъ Татарами, опасаясь ихъ звѣрской жестокости на битвахъ. Противъ Нѣмцевъ послѣ Іоанна Грознаго посылала Татаръ и Башкиръ Елисавета Петровна въ 7 лѣтнюю войну тоже не безъ результата.

Псковскими лѣтописями, мы находимъ, что дѣйтсвительно, Рѣжицкіе, Люцинскіе и Динабургскіе рыцари сдѣлали набѣгъ на Красный городокъ и пожгли много Псковскихъ волостей, а, прежде того, сожгли Себежскій Монастырь Св. Николая; но эти подвиги были послѣдними, за которыми началась упомянутая нами ихъ трагическая судьба. Магистръ былъ въ ужасѣ и самъ бросился на защиту нашей страны, а для защиты сѣверной Ливоніи, рыцари ему избрали Кетлера, б. Динабургскаго командора, переселившагося въ Венденъ, по совѣту съ которымъ магистръ и спѣшилъ послать къ нашему Государю о мирѣ, обѣщаясь во всемъ исполнить его желанія. Государь далъ рыцарямъ перемиріе тѣмъ болѣе, что Ливонскіе воеводы ему были необходимы для отраженія вторгшагося въ это время въ наши предѣлы Крымскаго Хана, быть можетъ, и по вызову его къ тому этими же рыцарями, какъ оказывается изъ документовъ Румянцовскаго Музея. Возвратившихся воеводъ Царь всѣхъ одарилъ, кромѣ Псковскаго воеводы Глинскаго, котораго онъ оштрафововалъ за медленность его дѣйствій, вѣроятно, узнавъ о продажѣ Кетлеромъ нашей страны Полякамъ, которыхъ Глинскій допустилъ въ нее безпрепятственно *) Когда наши воеводы отправились противъ Крымскаго Хана, то рыцари тотчасъ нарушили перемиріе своими коварными нападеніями, тѣмъ и выпудили Государя къ открытію на этотъ разъ грозныхъ дѣйствій, при которыхъ въ самое короткое время наши войска покоряютъ съ 11 мая по сентябрь 1558 г., Нарву, Нейшлосъ, Венденъ, Рындехъ, Нейгаузенъ и другіе замки и, наконецъ, крѣпкій Деритъ, епископъ котораго отправился въ Москву плѣнникомъ. Недовольный дѣйствіями Глинскаго, Государь назначилъ Псковскимъ воеводою Василія Семеновича Серебрянаго-Оболенскаго, который, въ началѣ 1559 г., разбилъ самаго перваго изъ рыцарей Фелькерзама. Вслѣдъ за этой побѣдой надъ несокрушимый оплотъ Ливоніи, Маріенбургъ, взя-

*) Нѣмцы жалуются на жестокое опустошеніе Русскими Ливоніи въ этомъ походѣ, но сами откровенно сознаются въ непримиримой ненависти новоизбраннаго Магистра Кетлера къ Русскимъ, надъ которыми онъ совершалъ всевозможныя жестокости, гдѣ только могъ, для чего достаточно указать на судьбу Русина-Игнатьева, воеводы Рингенскаго замка, оборонявшагося съ своимъ гарнизономъ въ 140 чел., отъ Кетлера, осадившаго его въ это время. 4 недѣли Русинъ Игнатьевъ отбивался отъ Кетлера и, отчаявшись въ помощи, наконецъ сдался Кетлеру, который варварски казнилъ нашего героя со всѣмъ его гарнизономъ за это мужество смертью.

тый Морозовымъ. Отпущенный на капитуляцію Морозовымъ, Маріенбургскій командоръ Зибургъ былъ брошенъ Кетлеромъ въ тюрьму въ оковахъ за потерю Маріенбурга, что также не внушило мужества упавшему духу у рыцарства нашего, которое въ теченіе съ небольшимъ года потеряло почти всю Ливонію отъ Двины до Шведскихъ владѣній, исключая Риги, Ревеля, Перновы, Кокенгаузена и нашихъ замковъ. Для покоренія портовъ мы не имѣли флота.

VI. Такая печальная судьба рыцарей—Мечносцевъ вызвала особое участіе западныхъ государей: императора, Шведскаго и Датскаго королей, наконецъ и Польскаго короля, къ которымъ они обратились съ плачевными жалобами на Московскаго тирана, обвиняя его въ жестокомъ и лютомъ нападеніи, для котораго онъ собралъ всѣхъ Скиѳскихъ народовъ, какъ то изъ Тулы съ береговъ Уфы, Рязанцевъ, Сѣверянъ, Калужанъ отъ береговъ Оки одѣтыхъ въ медвѣжьи шубы съ страшными стрѣлами, Торопчанъ, Тверичей, Угличанъ, Костромичей. (смотр. Аулеумъ Данандъ. Евкедій ст. 1111 — 1135). А рыцари забыли, какъ нападали на Псковъ съ авантюристами, являвшимися и съ береговъ Рейна, Эльбы, Темзы и отъ Дуная? Такія іереміады и такое униженіе нисколько не говорятъ въ пользу чести нашихъ рыцарей, — собратьевъ рыцарей Тевтонскаго ордена, которые боролись съ своимъ врагомъ, не обращаясь за помощью къ другимъ націямъ,—и притомъ боролись почти полвѣка, отстаивая свое существованіе, тогда какъ наше рыцарство не выдержало борьбы и въ теченіе одного года. Нѣмецкіе рыцари при своемъ паденіи не находили ни у кого сострадания къ своей судьбѣ: всѣ радовались ихъ паденію, считая ихъ чуждой и отжившей корпораціей въ средѣ Европейскихъ государствъ, и, даже при своемъ паденіи, они должны были испытать самыя дерзкія оскорбленія отъ своихъ жолнеровъ. *) Подъ ударами своей судьбы эти рыцари смирились не только предъ своимъ врагомъ, но мы видимъ много примѣровъ между ними глубокаго раскаянія въ своихъ преступленіяхъ и ложномъ своемъ призваніи, напр.: припомнимъ изъ исторіи Лео раскаяніе гермейстора

*) Они даже были оставлены и нашими рыцарями на произволъ своей несчастной судьбы почти безъ всякаго пособія, какъ послѣ Таненбергской битвы, такъ и послѣ Коницкаго и Чарновицкаго пораженій въ 60-хъ годахъ XV вѣка.

Тифена въ гордости и жестокости своихъ рыцарей. Не такова исторія нашихъ рыцарей. Читая жалобы нашего магистра Кетлера къ императору о заслугахъ рыцарской пропаганды въ распространеніи Христіанства и культуры въ нашей странѣ, читая іереміады хроникеровъ и поэтовъ на развалинахъ этихъ разбойническихъ вертеповъ, называемыхъ замками, удивляешься дерзости нашихъ авантюристовъ, которые подъ самою казнью составляютъ замыслы на новаго рода эксплоатаціи. На порожденіе подобныхъ замысловъ подаютъ поводъ сами же западные суверены, обратившіе свое благосклонное вниманіе на эти жалобы рыцарей и отправившіе своихъ пословъ въ Москву съ протестами за рыцарей. Этимъ посламъ поручалось изучить Московскій народъ, для оправданія рыцарскихъ заявленій о грубомъ его состояніи, неспособномъ для религіозной и культурной миссіи, каковые послы ухищряются составлять нелѣпыя критическія описанія Московіи, изъ каковыхъ довольно указать хотя на Бухау. Масса такихъ протестовъ однакожъ не испугала нашего неустрашимаго государя, направившаго теперь свои намѣренія на окончательное покореніе нашихъ замковъ, остававшихся еще въ рукахъ рыцарей, съ паденіемъ каковыхъ замковъ раскрывался свободный путь на Ригу. Однакожъ избѣгая кровопролитія, Государь нашъ, крѣпко обнадеженный на миръ униженными просьбами коварныхъ и вѣроломныхъ Нѣмцевъ, обѣщавшихъ всякія уступки, далъ соизволеніе на открытіе перемирія между воюющими сторонами отъ 10-го мая по 10-ое ноября 1559 года, *) надѣясь на столько на миротворное окончаніе переговоровъ, что даже часть нашихъ войскъ находившихся въ Ливоніи, отправилъ съ Даниломъ Адашевымъ на Крымскаго Хана. Получивъ свѣдѣніе объ уменьшеніи въ Ливоніи нашихъ войскъ, Кетлеръ между тѣмъ, не смотря на перемиріе, самъ нападаетъ на нашего воеводу Кашкарова, занимавшаго съ незначительнымъ гарнизономъ замокъ Лаисъ, а изъ нашихъ замковъ фохты стали вторгаться въ Себежскую и Красногородскую области, не смѣя впрочемъ нападать на самихъ воеводъ: Себежскаго кн. Ив. Долгорукова и Красногородскихъ: Ѳому Третьякова и Нападью-Вышеславцева. Напрасно, князь Ив. Ростовскій, преемникъ Долгорукаго, ста-

*) Здѣсь лѣтосчисленіе Нѣмцевъ съ Русскимъ разнится на годъ вслѣдствіе празднованія новаго года ими и нами въ разное время.

рался уговорить Рѣжицкаго фохта къ соблюденію перемирія, но рыцари не унимались, и между прочимъ, при переговорахъ о нарушеніи мира, заявляли свои оправданія, какъ будто побѣдители.

VII. Государь не зналъ, чѣмъ объяснить такую самодѣятельность рыцарей и рѣшился на окончательное пораженіе рыцарскихъ силъ. На эту борьбу Государь самъ желалъ выступить, но дипломатическія сношенія, а при томъ болѣзнь его супруги Анастасіи Романовны заставили его отказаться отъ этого намѣренія, а почему онъ въ особенности остановился въ нерѣшимости на выборъ полководца, для рѣшенія такого важнаго вопроса. Сначала этотъ выборъ палъ на героя нашей страны Григорія Ив. Темкина, но лишь только войска прибыли во Псковъ, какъ открылись мѣстническіе счеты между двумя главными воеводами Замятней-Сабуровымъ и Очиной-Плещеевымъ, каковымъ споромъ государь остался не доволенъ, и на мѣсто Темкина послалъ А. Курбскаго, а Темкину, Шуйскому и двумъ Шереметьевымъ Государь приказалъ направиться на нашу страну, вслѣдствіе чего мы и нападаемъ на ихъ слѣдъ отъ 27 Октября еще 1559 года, когда они, по показанію нашихъ плѣнныхъ въ Динабургѣ, находились на пути отъ Пскова къ Маріенгузену. Что они совершили въ этотъ походъ—неизвѣстно, но они облегчили дѣйствія Курбскому и Барабашу, занявшимся покореніемъ Фелина, гдѣ Курбскій взялъ въ плѣнъ магистра Фюрстемберга, послѣ роковаго пораженія Барабашемъ самаго Ландмаршала Филипа Беля и др. фохтовъ подъ Эрмесотъ, въ Авг. 1560 г. пораженія, сокрушившаго послѣднія силы рыцарства. Когда привезли въ Москву несчастныхъ плѣнныхъ, то Государь на столько былъ милостивъ къ плѣнному магистру, что далъ ему для содержанія городъ Любимовъ, но ландмаршалъ или, какъ предки наши выговаривали вообще это слово по своему, лямошка, осмѣлился говорить Государю лично дерзкія рѣчи, то и былъ за то казненъ отсѣченіемъ головы. Это распоряженіе Государя Нѣмцы называютъ лютымъ, а между тѣмъ забываютъ, что перенесли Нѣмецкіе рыцари отъ своихъ жолнеровъ, находясь у нихъ въ плѣну въ своей столицѣ—Прусскомъ Маріенбургѣ и какъ они обходились съ нами дерзко въ былое время. Рутенбергъ въ своей исторіи сообщаетъ ни на чемъ неоснованныя свѣдѣнія объ ужасной судьбѣ этихъ плѣнныхъ, будто бы битыхъ кнутами на улицахъ, потомъ обезглавленныхъ, трупы которыхъ были оставлены на съѣденіе

птицамъ и звѣрямъ, каковыя свѣдѣнія болѣе правдивый историкъ Рихтеръ отрицаетъ, но Рутенбергъ свой вымыслъ выдаетъ за дѣйствительность. Однакожъ этотъ вымыслъ противорѣчитъ другому тому показанію, какъ Московское правительство дорожило свѣдущими иностранцами, а почему оно и не могло лишать безполезно жизни этихъ плѣнныхъ. Вслѣдъ за пораженіемъ при Эрмисѣ открылось поголовное возстаніе крестьянъ противъ Нѣмцевъ въ Эстоніи, которое однакожъ было усмирено Шведами *).

VIII. Побѣда Русскихъ при Эрмисѣ на столько напугала всѣхъ друзей нашего рыцарства, что они рѣшились общими силами принять участіе въ нашей Ливоніи. Нашъ Государь избѣгалъ борьбы изъ-за рыцарей съ Литовцами, какъ то оказывается изъ того обстоятельства, по которому одному можно объяснить только отступленіе въ 1559 году нашихъ вождей: Темкина, Шереметьевыхъ и Шуйскаго изъ нашей страны, куда прибыли Польскіе воеводы: стольникъ Литовскаго королевства Ходкевичъ Янъ и Чечерскій староста Зеновичъ съ 500 человѣкъ конницы и 500 человѣкъ пѣхоты. Вѣроятно, нашъ государь отступалъ отъ столкновенія съ Польшею на условіи не вмѣшательства ея въ борьбу нашу за Ливонію, въ которую также вписнулся и Датскій король, купивъ у Курляндскаго и Эвельскаго епископовъ участки для своего брата Магнуса. Долго не были намъ извѣстны условія, на которыхъ вошла Польша въ соглашеніе съ Орденомъ, который однакожъ, уступая Польшѣ наши четыре замка съ придачею къ нимъ за Евикштинскихъ замковъ: Лубани, Верзона и округа Баускаго въ Курляндіи подъ заемъ 600 т. гульденовъ для рыцарей и 100 т. для архіепископа, отдавалъ эти земли подъ условіемъ союза въ борьбѣ съ Русскими, отъ которыхъ рыцари надѣялись отвоевать и свою Ливонію и возстановить прежнюю независимость и самостоятельность за эти уступки. Несчастные рыцари повѣрили этимъ обѣщаніямъ Поляковъ и впустили въ наши замки Польскіе гарнизоны, не получивъ условленной суммы, а Поляки, по вступленіи въ наши замки, не оказывали ни-

*) До сего времени Нѣмецкіе историки разсказываютъ исторію своихъ рыцарей, какъ объ эпическихъ классическихъ дѣяніяхъ; съ этого же времени открывается лирическій циклъ іеремиадъ, жалобъ на угнетенія, притѣсненія Москвита, бывшаго причиною страданій рыцарей и отъ Поляковъ, и отъ Шведовъ, и пр. народовъ.

какого участія въ борьбѣ рыцарей съ Русскими, такъ какъ имъ было строго приказано отъ своего короля не нападать на Московскія земли. На просьбы рыцарей о помощи, король отзывался обѣщаніемъ объявить о томъ на сеймѣ, безъ согласія съ которымъ онъ не рѣшается будто бы вступить въ борьбу съ Московіею, между тѣмъ какъ дипломатъ его по этому дѣлу Радзивилъ снова манилъ ихъ обѣщаніями дѣйствительной помощи въ такомъ только случаѣ, если Ливонскіе рыцари и вся Ливонія признаютъ себя на вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ, которая обѣщаетъ религію, права и національность Нѣмцевъ оставить неприкосновенными. Не смотря на свои несчастія, однакожъ нѣкоторые изъ рыцарей проникли хитрые разсчеты Поляковъ и желали пріискать иной исходъ, а почему, напр. Каспаръ Бокумъ обратился къ Шведскому королю съ просьбою о союзѣ, а Эзельцы приняли къ себѣ Магнуса Датскаго принца. Бокумъ отстранился отъ Магнуса, Датскаго принца, видя его союзъ съ Московскимъ государемъ. Поляки обѣщаютъ рыцарямъ снова массу привилегій, а между тѣмъ преемнику Фюрстемберга, Готгарду Кетлеру, обѣщаютъ возведеніе въ герцогское достоинство съ предоставленіемъ династическихъ правъ въ наслѣдственномъ порядкѣ на Курляндскую область. Это послѣднее предложеніе подкупило Кетлера въ пользу Польши, и онъ немедленно соглашается отречься отъ рыцарскихъ обѣтовъ, присягаетъ 19 Ноября 1561 года Польскому королю, а 3 Марта 1562 слагаетъ съ себя свое магистерское званіе. Нашему Нѣмецкому дворянству предоставлены были особыя права и при занятіи административныхъ должностей и на владѣніе землями и крестьянами, а, наконецъ, и на торговлю не только по всей Ливоніи, но и по всему Литовскому государству, съ которымъ Ливонія соединяется, какъ равноправная земля. За дворянствомъ оставлялось право не только гражданскаго, но и уголовнаго суда надъ своими крестьянами, каковое право мотивировалось частыми возмущеніями крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ. Ни одинъ дворянинъ не можетъ быть арестованъ прежде позыва въ судъ. Король выговариваетъ однакожъ для себя право назначать капитановъ въ замкахъ принимая во вниманіе прежде всего національное Нѣмецкое происхожденіе *).

---

*) По этому же договору Сигизмундъ II обязался за сохраненіе религіозныхъ правъ Ливонцевъ, но Польскіе пропогандисты XVIII вѣка (Августа,) Jus plenum fidei catolicae, ст. 72) объясняли, что, дѣйствительно, Августъ обя-

ГЛАВА IX.

Героическая борьба Русскаго народа за Ливонію со всѣми своими сосѣдями и истомленіе въ ней Іоанна Грознаго.

Αὐτίκα τεθναίην, ἐπεὶ οὐκ ἄρ' ἔμελλον ἑταίρῳ
Κτεινομένῳ ἐπαμῦναι. Ὅμηρος.

И Поляки, подобно Крыжакамъ и Рыцарямъ, вторглись въ нашу страну тайно и коварнымъ образомъ безъ объявленія войны намъ. Вскорѣ послѣ перваго упомянутаго десанта Поляковъ, въ Ливонію вторглись Литовскія войска подъ начальствомъ воеводъ: Радзивила, Полубенскаго, Цыркевича и Тризны. Стрыйковскій говоритъ, что наши воеводы, не сражаясь, съ испуга бѣжали предъ Польскимъ войскомъ I. Ходкевича, состоявшемъ всего изъ 1000 чел.; между тѣмъ какъ наше войско состояло изъ 50 т.; что Полубенскій разбилъ 108 т.; нашего в. подъ Маріенбургомъ, какого многочисленнаго войска мы въ то время и не могли выставить. На самомъ же дѣлѣ было такъ. Радзивилъ завладѣлъ Тарвистомъ, но П. Серебряный разбилъ его предъ Пернавой, а Курбскій разбилъ кн. Полубенскаго подъ Венденомъ. Самоувѣренность Поляковъ въ своемъ правѣ на Ливонію Поляки выразили на столько дерзко, что Сигизмундъ Августъ, не одержавъ еще ни одной побѣды надъ нами, дозволилъ себѣ своеволіе дарить Ливонскія имѣнія своимъ кліентамъ. Вмѣшательство Польши, Крымскаго Хана, Швеціи и Даніи въ нашу борьбу съ рыцарями раздражило Государя нашего до крайней степени. Въ связи этихъ обстоятельствъ и нужно искать ту причину его ненормальнаго раздраженія, такъ омрачившаго неоспоримое величіе его заслугъ. Теперь онъ понялъ свою ошибку— потерю нашей страны, изъ которой Польша устроила для себя неприступный барьеръ въ борьбѣ за Ливонію, для овладѣнія каковымъ барьеромъ необходимо было намъ раздвоить силы—однѣ имѣть

зался сохраненіемъ правъ Ливоніи, но не диссидентовъ!... Іезуитская хитрость! Собственно установленіе политической связи Ливоніи съ Литвою и опредѣленіе правъ служащихъ чиновъ въ Ливоніи состоялось по сейму въ Трабахъ, мѣстечкѣ Ошмянскаго у., состоявшемуся около этого времени.

для охраны своихъ завоеваній въ Ливоніи, а другія высылать въ нашу страну на борьбу съ Поляками, чтобы выбить ихъ отъ нея, а затѣмъ направлять особые полки, необходимые также на югѣ для отраженія Крымскаго хана. Такимъ образомъ наша страна является въ новой роли. Чтобы обезсилить этотъ барьеръ, Государь остановился на завоеваніи у Польши Полоцка и Витебска, имѣвшихъ неприступные замки. Для открытія противъ нихъ похода, Государь весь 1562 годъ провелъ въ приготовленіяхъ и, съ наступленіемъ 1563 года, отправился самъ въ походъ подъ Полоцкъ, которымъ и овладѣлъ въ теченіи двухъ недѣль; послѣ чего возвратился домой, положившись на бояръ въ предположеніи завоевать, при помощи ихъ искусства, Витебскіе замки, покореніе которыхъ было оставлено до слѣдующаго года. На требованіе Сигизмундомъ Августомъ у нашего Государя прекращенія войны съ рыцарями, Іоаннъ Грозный отвѣтилъ: „что Инфляндскій Край издавна принадлежитъ Россіи, и Деритскій епископъ всегда признавалъ свою зависимость отъ Россіи, что рыцари нападали на Русскія церкви на Инфлянтахъ, задержали Русскую торговлю, а почему онъ имъ и объявилъ войну". Покореніе Полоцка, древняго Русскаго Православнаго города, обрадовало Россію и на столько напугало Литовцевъ, что Радзивилъ отступилъ отъ Полоцка, предполагая движеніе Государя къ Вильнѣ, путь къ которой теперь былъ открытъ. Впрочемъ наши рыцари, при общемъ смятеніи на Литвѣ, успѣли въ 1563 году сдѣлать два набѣга: 1-й въ Маѣ мцѣ сдѣлали Литовцы изъ Люцина и Динабурга на Себежскую область, въ которой разорили монастырь, а въ Октябрѣ Нѣмцы изъ Маріенгаузена разорили Псковскія поселенія: Муравейно, Корай Боръ и Овсище." За эти набѣги Псковичи произвели рекогносцировку подъ замками: Друсою, т. е. Друею, Витебскимъ и Мстиславлемъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ борьбу Русскихъ въ Ливоніи, но не должны минуть фактъ объ измѣнѣ главнаго нашего воеводы А. Курбскаго, который бѣжалъ въ это время къ Литовцамъ, будучи недоволенъ быстрыми, строгими требованіями государя. Бѣгство этого измѣнника было неощутительно для нашего военнаго дѣла, но его дерзкія выходки противъ лица государя, подметныя письма къ Московскимъ боярамъ, у которыхъ Іоаннъ Грозный хотѣлъ искоренить обычай свободнаго отъѣзда отъ своего Государя къ чужеземнымъ, —обычай, остававшійся у насъ въ силѣ изъ быта Варяговъ, но теперь ока-

зывавшійся неумѣстнымъ въ государственномъ нашемъ окрѣпленіи, а еще болѣе въ критическія минуты нашей борбы за Ливонію, приводили государя въ раздраженное состояніе до болѣзненности. Съ открытіемъ весны 1564 года, Государь послалъ Дерптскаго героя П. Ив. Шуйскаго подъ Витебскъ съ сильною ратью, которую Литовцы успѣли разбить, по оплошности самого вождя, заплатившаго за то своею жизнью. Эта побѣда вызвала другую бѣду, состоявшую въ ошибочныхъ дѣйствіяхъ П. Серебрянаго, осаждавшаго въ это время Мстиславль. Узнавъ о пораженіи Шуйскаго, П. Серебряный на пути своемъ къ Витебску на выручку погибшей рати, также по оплошности, попался на встрѣчу болѣе сильному непріятелю и былъ разбитъ на голову, изъ-за чего сложилась на Литвѣ пословица, „подъ Витебскомъ вышло кепско, а подъ Оршею и того горше,“ т: е: подъ Оршею разумѣется въ этой пословицѣ пораженіе П. Серебрянаго. Эта наша неудача на столько придала смѣлости Литовцамъ, что они въ томъ же году выслали 70 т; для возвращенія Полоцка, въ чемъ однакожъ обманулись. Еще болѣе обманулись они въ своихъ расчетахъ на А. Курбскаго, котораго послали подъ Великія Луки во главѣ 15 т; войска. Измѣнникъ оказалъ плохую услугу Польшѣ, отбитый вездѣ съ позоромъ. Послѣ чего Поляки уже не рѣшались дѣлать ему новыхъ довѣрій.

XI. Съ наступленіемъ 1565 года явились паны: Сецигневскій и Лесновольскій подъ командою кн. Полубенскаго съ 12 тысяч. войскомъ и съ нарядомъ подъ Красный Городокъ и начали его осаждать; но узнавъ, что на выручку его отъ Великихъ Лукъ выступили воеводы Шуйскій и Шереметьевъ, оставивъ осаду Краснаго Городка, пошли на встрѣчу непріятеля, котораго и встрѣтили подъ Вельемъ. „Потравившись (по выраженію лѣтописи) другъ съ другомъ, Литовцы пошли прочь къ Воронячу, но, обратившись назадъ, повоевали много земли: Островской, Посписской, у Люцена, т: е: Лудина, Красногородской и Велейской и вышли къ Улеху.“ Бутырскій въ своей исторіи Опочки говоритъ, что не знаетъ въ своей окрестности Улеха, (стр. 86) но Маріенгаузенъ вездѣ называется Улехъ или Влехъ, а въ простонародьи Валекимомъ. „А воеваша пол-двѣ недѣли, полону много вывели, и помѣщиковы и крестьянскіе дворы выжгли, церквей не жгли, а вышли изъ земли первую недѣлю поста“. Въ Августѣ мѣсяцѣ того же года Полубенской

снова явился предъ Краснымъ городкомъ, но воевода Василій Вешняковъ разбилъ его на голову, а Серебряный В. С. съ воеводою Бутурлинымъ ходилъ къ Кеси и Вольмару, и вывелъ оттуда плѣнныхъ 3200 ч. Стрыйковскій говоритъ, что въ это время одинъ изъ Витебскихъ наѣздниковъ Бируля являлся также въ окрестности нашей страны похвастаться своимъ удальствомъ. Митрополитъ Евгеній въ своей исторіи Пскова упоминаетъ также о похожденіяхъ на аренѣ нашей страны какого то пана Цвиковскаго. Государь въ это время былъ занятъ Крымскимъ Ханомъ, которому Сигизмундъ Августъ платилъ дань за то только, чтобы онъ своими набѣгами на южныя границы Московіи отвлекалъ ея силы отъ нашей страны. Такимъ образомъ въ этотъ страшный періодъ времени Псковъ является опять одинокимъ борцомъ за судьбу нашей страны съ грозными ея врагами, имѣя только вождями своими Московскихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоитъ незабвенный для Русскаго народа неустанный атлетъ — боецъ Псковскій Воевода В. С. Серебряный, являвшійся впереди своихъ Псковичей вездѣ и на главныхъ, и мелкихъ битвахъ въ теченіи болѣе 10 лѣтъ. Государь цѣнилъ имъ выше всѣхъ своихъ соратниковъ. Гнѣваясь на брата его Петра за Оршанскую битву и наказавъ его разъ разореніемъ его дома чрезъ опричниковъ, къ Василію Семеновичу онъ имѣлъ иное довѣріе, которое послѣдній и оправдывалъ въ теченіи своей службы. Къ этому же бурному времени относится происхожденіе Литовскаго войска, называемаго Кварцянами, предназначенными Сигизмундомъ для этой нескончаемой борьбы съ Москвою за Ливонію; у насъ въ это время произошло учрежденіе Опричниковъ. Не смотря на то, успѣхи Литовцевъ въ этой войнѣ не отвѣчали ожиданіямъ ихъ, а равно и затратамъ ихъ на эту войну. Въ этомъ же 1569 году, какъ видно, по Литовскимъ метрикамъ, Рѣжицкій замокъ состоялъ уже во владѣніи Русскихъ. Между тѣмъ Польша узнала въ 1567 г. объ отправленіи нашего Государя въ походъ на нашу страну, который походъ однакожъ не состоялся вслѣдствіе непогоды и безпутицы. Государь дошелъ до Столицы и воротился въ Москву. Въ 1569 году Изборскій воевода Нащокинъ подступилъ къ Улеху, но Полубенскій отбился отъ него и взялъ его въ плѣнъ, овладѣвъ Изборскомъ, изъ котораго бояре Юрій Токмаковъ и Морозовъ выгнали Полубенскаго, а Нащокина отняли изъ плѣна.

XII. Храбро и мужественно бились наши предки за нашу страну, чѣмъ и вынудили Поляковъ на заключеніе мира. Борьбу эту нельзя отнести къ малымъ и незамѣчательнымъ войнамъ, видя такую массу могильныхъ холмовъ по всему тому району, гдѣ она кипѣла. Много она стоила слезъ и потерь народу, хотя о ней сохранилось очень скудное количество письменныхъ источниковъ, извлекаемыхъ то изъ Псковскихъ лѣтописей, то изъ Литовскихъ хроникъ и метрикъ разбросанныхъ, такъ сказать, мимоходомъ въ исторической литературѣ о нашей странѣ, такъ что о нѣкоторыхъ событіяхъ и происшествіяхъ мы нигдѣ не находимъ слѣдовъ, напр: когда и какимъ образомъ Рѣжица перешла обратно во власть Поляковъ? Но вообще новые союзники, т: е: Нѣмцы и Поляки дрались упорно съ своимъ врагомъ, котораго искусною политикою втянули, кромѣ того, въ двѣ другія тягостныя войны, а именно: съ Крымскимъ Ханомъ, производившимъ съ юга свои опустошительные набѣги на Москву, а также и со Шведами, овладѣвшими Ревелемъ и Эстоніею и угрожавшими самому Дерпту. Съ изумленіемъ умъ наблюдателя останавливается на этомъ ужасномъ времени, волненія котораго великій нашъ поэтъ, землякъ нашъ изъ Святогорской окрестности—владѣлецъ Михайловскаго села, А. С. Пушкинъ, уподобляетъ волненію Моря-Океана. Какая масса народовъ текла на борьбу съ нашимъ Царственнымъ Исполиномъ, наводившимъ страхъ на своихъ враговъ однимъ своимъ Именемъ! Читая ихъ іеремiады и считая ихъ безчестную компанію, невольно приходятъ на память прекрасныя слова Пушкина:

„Сколько ихъ, куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?“

Не безъ участія Поляковъ поднимались у насъ и внутреннія возмущенія, при которыхъ Польша нашимъ бѣгунамъ и измѣнникамъ предлагала открыто пріютъ, хвастаясь благодушіемъ своихъ королей и полученіемъ отъ нихъ привиллегій. Чтобы остановить эти переходы бояръ, Государь бралъ клятвенныя съ нихъ записи. Эти обстоятельства были причиною необходимости заключенія нами перемирія съ Польшею, *) чтобы

---

*) Поляки XVI в. не нападали въ своей странѣ на православныхъ, а старались уронить въ глазахъ ихъ Московское правительство и, въ особенности, нашихъ Государей, начавъ поносить личность Іоанна Грознаго, съ какою дер-

имѣть возможность отразить хана, а также и дать отпоръ Шведамъ, которые въ слѣдующемъ 1570 году отразили нашего союзника Магнуса отъ Ревеля и вслѣдствіе чего Государь вынужденъ былъ самъ лично предпринять походъ въ 1572 году, въ которомъ и овладѣлъ крѣпкимъ замкомъ Витенштейномъ. Миръ съ Польшею окончательный при жизни Сигизмунда не состоялся, потому что Поляки не соглашалися уступить намъ все и Ливоніи и Полоцкой земли, чего не отступно требовалъ нашъ Государь. Сопоставляя уступчивость І. Грознаго по Запольскому миру съ этими требованіями, нѣкоторые писатели находятъ эти требованія Грознаго чрезмѣрными. Напротивъ, нашъ Государь умно дѣйствовалъ и при этихъ переговорахъ, видя силы Сигизмунда слабыми, каковыя С. Баторій увеличилъ союзомъ съ Венграми, Волохами, Татарами и козаками вдвое противъ Сигизмундовыхъ силъ.

XIII. Однакожъ на сколько мы нуждались въ мирѣ съ Поляками, на столько и Поляки нуждались въ немъ для устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ съ Ливонцами, о каковомъ они и озаботились во время этого перемирія. Въ теченіи уже краткаго періода времени своего господства надъ Нѣмцами, Поляки убѣдились, что Кетлеръ, при назначеніи должностей, старался отстранять католиковъ, тѣмъ входилъ въ сношенія съ иноземными государями, что возбуждало подозрѣніе Поляковъ и они отстранили его отъ управленія Ливоніею, оставивъ при одномъ Курляндскомъ Герцогствѣ. Потомъ они приступили къ составленію политической уніи Ливоніи съ Литвою, заключенной въ Люблинѣ 3 Авг. 1569 г. Ливоніи предоставленъ былъ особый гербъ: „Бѣлый шестокрылый грифъ съ короною на головѣ; на червонномъ полѣ; въ правой лапѣ его мечь,“ и своя печать; депутаты ихъ и сенаторы засѣдаютъ въ Польскомъ Сенатѣ съ Литовскими чинами. Губернаторомъ Ливоніи назначенъ былъ изъ Православныхъ, Русскихъ воеводъ Янъ Ходкевичъ. Вся Ливонія была раздѣлена на 4 діоцезіи, въ которыхъ высшими правителями состояли каштеляны, управлявшіе своими округами вмѣстѣ со старостами. Каштеляны занимали мѣста въ сенатѣ и жили въ Динабургѣ. *) Артиллерійскимъ дѣломъ въ замкахъ за

зостью выступилъ первымъ Ст. Баторій, направляя Гваньини и друг. своихъ креатуръ на тотъ же путь.

*) Мантейфель и Крашевскій, ратующіе въ своемъ Познаньскомъ и д. Польскихъ Инфлянтовъ за старожитность Польской культуры въ нашей странѣ, не приводятъ однакожъ хронологіи Польскихъ администраторовъ нашей страны.

ботились староста и ротмистры, но старостѣ воспрещалось вмѣшиваться въ воинскія дѣла замка. Начальство надъ драбою или жолнерами находилось въ рукахъ ротмистровъ; въ каждомъ замкѣ числилось не менѣе 350 жолнеровъ. Жалованье полагалось драбу безъ коня 5 злотыхъ въ мѣсяцъ, а съ конемъ 15, каковое жалованье выплачивается по окончаніи войны. Раненаго жолнера казна лѣчитъ на свой счетъ; жолнеру дозволяется охота и рыбная ловля въ лѣсахъ и рѣкахъ. Вообще въ первое время Нѣмцы и Поляки служили дружно своей цѣли и прочно укрѣпились и водворились въ нашей странѣ въ рыцарскихъ замкахъ и на рыцарскихъ привиллегіяхъ, такъ что, для исторженія ихъ изъ нея, необходимы были чрезвычайныя усилія и мѣры со стороны Московскаго Правительства, которому стоило такихъ жертвъ и усилій сокрушить Орденъ Меченосцевъ. Заключая перемиріе съ Москвою, Поляки имѣли въ виду ослабить и парализировать связи и единство Московской Руси съ Бѣлоруссіею и нашею страною, выражавшіяся въ желаніи Православнаго народа, во главѣ котораго стояли такіе знатные Литовскіе магнаты, какъ Янъ Ходкевичъ, на соединеніе Литовской короны съ Московскою, по случаю приближавшейся смертибездѣтнаго Сигизмунда-Августа. Вотъ почему сторонники Польской партіи хлопотали о политическихъ уніяхъ Литвы и Ливоніи съ Польскою короною, стараясь обезсилить Московскую партію, указывая на грубые Московскіе обычаи, на деспотизмъ Московской царской власти, на разновѣріе и др., причины. Государь нашъ соглашался принять Литовскую корону, но не соглашался на утвержденіе за Литовцами привилегій ихъ и вольностей, что оказывалось не сроднымъ быту Московской

Но достаточно одного взгляда на продолжительные перерывы въ преемствѣ нашихъ воеводъ и каштеляновъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности притязаній этихъ историковъ. Время правленія Польскихъ воеводъ въ Ливоніи: Янъ Ходкевичъ отъ 1565—1605 г. Шлибенъ графъ отъ 1681—1695 г. Плятеръ Янъ —1696 г. Фелькерзамбъ—1705; Плятеръ Фабіянъ? Гротусъ 1707, Коссъ 1709; Пржебендовскій—1713, Морштынъ—1722, Плятеръ Людвигъ—1735 Шембекъ —1737, Борхъ Янъ 1765, Бржостовскій 1767, Зибергъ—1776;—Зибергъ Вышлингъ Тадеушъ—1776. Номинальные воеводы считались до 1790 г. Динабургскіе каштеляны: Брабекъ Пятавскій 1577. Фелькерзамбъ—1680, Коссъ—1698, Бергъ, Фонъ Гармель, Пржебендовскій, Барановичъ, Шреттеръ, Валь, Пршиздецкій, Свинарскій, Струшинскій, Гильзенъ, Щитъ, Иимеровичъ, Гильзенъ Іозефъ, Зибергъ, Левицкій, Меръ и Коссаковскій. Изо всѣхъ нихъ ни одинъ не прославился историческою извѣстностью.

Руси. По смерти С. Августа, въ 1572 г. Поляки успѣли избрать въ Польскіе короли Генриха Анжуйскаго, который однакожъ самъ отказался отъ Польскаго престола, видя борьбу партій, изъ которыхъ Православная призывала Іоанна Грознаго на Польскій престолъ; но Поляки взяли верхъ, избравъ въ короли Стефана Баторія, господаря Семиградскаго, обязавъ его продолженіемъ войны съ Москвою.

XIV. Такое странное обязательство взято было Польскими чипами съ соискателя ихъ престола, чтобы разъ навсегда положить конецъ притязаніямъ преобладавшей, могущественной Православной Русской партіи въ королевствѣ имѣть Государя себѣ единовѣрнаго и единственнаго. Но прежде открытія войны съ Москвою, король выступилъ подъ Гданскъ, для усмиренія возмутившихся его граждавъ протестантовъ, откуда онъ писалъ къ Криштофу Радзивилу, намѣстнику Ливоніи, о союзѣ нашего Государя съ Гданскими мятежниками и Крымскимъ Ханомъ, между тѣмъ какъ нашъ Государь стоялъ въ полѣ противъ последняго, управляя сторожевыми полками въ Калугѣ. Борьба съ Крымскимъ Ханомъ, начавшаяся со времени открытія Ливонской войны, хотя составляла второстепенную задачу для Государя нашего, но она связывала ему руки въ борьбѣ за Ливонію, какъ и война со Шведами. Послѣ его побѣды подъ Витенштейномъ, наши бояре опять проиграли сраженіе подъ Ревелемъ, считаясь мѣстническими правами. За то Крымскій Ханъ сдѣлалъ послѣдній свой набѣгъ предъ началомъ войны нашей съ Баторіемъ, отраженный отъ Калуги самимъ Государемъ. По окончаніи борьбы съ ханомъ, Государь долженъ былъ вступить въ борьбу съ Баторіемъ за Ливонію, въ которой наши воеводы уже успѣли сдѣлать походы подъ Адзель, Падисъ и Логоверь, но эти походы остались безъ результатовъ. Наши воеводы сражались мужественно съ своимъ непріятелемъ; не смотря на то наши бояре теряли результаты своихъ подвиговъ изъ-за мѣстническихъ споровъ, кипѣвшихъ даже въ присутствіи самаго Государя, а почему не только не представлялось съ ними надежды на новыя завоеванія, но мы много понесли потерь въ Ливоніи, впрочемъ еще пока мелкихъ. Враги наши знали объ этой слабой нашей сторонѣ и ожидали появленія самаго Государя на аренѣ борьбы и притомъ въ нашей странѣ, что оказывается изъ предварительныхъ распоряженій Баторія предъ этой войною, т. е. назначе-

ніи въ намѣстника Ливоніи Радзивила, виновника Ливонской войны, съ приказаніемъ ему готовиться къ этой войнѣ и назначеніи въ полководцы Ходкевича и Полубенскаго, прославившихся уже опытностью и военнымъ счастіемъ. Впрочемъ есть свѣдѣнія, что Ходкевичъ очень не ладилъ съ Поляками и желалъ состоять подъ Московскимъ правленіемъ, а почему Баторій и не далъ ему главнаго управленія въ этой войнѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ мы упоминаемъ особо, чтобы опровергнуть завѣренія Польскихъ писателей, что государь напалъ на нашу страну неожиданно и завоевалъ ее, нашедши ее неприготовленною къ борьбѣ. Руссовъ въ своей хроникѣ старается доказать, что этотъ походъ нашего государя есть вторичное его неожиданное нападеніе на рыцарство, которое ожидало, дѣйствительно, въ это время отъ него нападеніе на свои владѣнія, но только не на наши Инфлянты, а на Ревель, но Руссовъ положительно лжетъ, потому что росписаніе войскъ и приготовленіе къ этому походу выражается въ разрядныхъ книгахъ такъ: „Государь приговорилъ съ сыномъ (т. е. въ Боярской Думѣ), како ему очищати свою отчину Лифляндскую землю и како стояти ему противу Крымскаго хана". *) Ревель въ нашихъ актахъ всегда причислялся къ Эстоніи, а подъ Лифляндіею и Курскою землею разумѣлись Рижская губернія съ нашими Инфлянтами или Лифляндія. Встрѣчая слово въ этомъ опредѣленіи или постановленіи о походѣ государя вмѣсто ожидаемыхъ словъ: „покорить или возвратить" болѣе частное по значенію: „очищать", т. е. выгнать непрошеныхъ гостей, нельзя не удивляться справедливости нашего государя и скромному его взгляду на свое призваніе. Мы постараемся обслѣдить этотъ процессъ очищенія нѣсколько внимательнѣе въ виду и прежняго историческаго значенія нашей страны, и той роли, которую она должна играть въ будущемъ послѣ очищенія своего.

XV. Почти всѣ историки, основываясь на іеремiадахъ Нѣмецкихъ хроникъ, думаютъ вообще, что нашъ государь покорялъ Ливонію, вооружая на нее многочисленныя полчища, что было

*) Выраженіе „очищати" Нѣмецкіе историки вообще примѣняютъ и къ Ливоніи, жалуясь, что онъ отнималъ у Нѣмецкаго дворянства родовыя имѣнія, что совершенно не было на дѣлѣ, гдѣ всѣ имѣнія были оставлены за своими прежними владѣльцами, между тѣмъ какъ Ст. Баторій и Г. Адольфъ поступили совершенно иначе. Въ нашей странѣ онъ отнялъ только у Рыковъ и Борховъ имѣнія, передавъ ихъ Тизенгаузенамъ, что Баторій отмѣнилъ.

совершенно на дѣлѣ не такъ. Вышеупомянутое постановленіе состоялось въ Апрѣлѣ 1577 года, при каковомъ опредѣленіи указано и время выступленія нашихъ войскъ, и ихъ количество, и имена военачальниковъ. Войскамъ приказано было собираться въ двухъ пунктахъ въ Новгородѣ и во Псковѣ. Въ Новгородъ должны были явиться Москвичи и Новгородцы, а во Псковѣ Смольяне, Юрьевцы и изъ Шелонской пятины. Въ Новгородѣ должны были собираться войска на Преполовеце, а во Псковъ на Вознесенье. Войска были раздѣлены на авангардъ, состоявшій изъ 19416 человѣкъ солдатъ и 12000 обозныхъ людей, и арьергардъ, состоявшій изъ Мещерскихъ и Казанскихъ Татаръ, срокъ прибытія имъ былъ назначенъ на Петровъ день. Изъ арьергарда былъ выдѣленъ отрядъ въ 5207 человѣкъ для отдѣльной диверсіи на Адзель и Трикатенъ. Для устройства ратнаго дѣла еще по веснѣ прибылъ самъ государь въ Новгородъ. Начальникомъ авангарда государь назначилъ Симеона Бекбулатовича Тверскаго князя, бывшаго прежде Касимовскимъ царевичемъ. Подъ его командою состояли Ив. П. Шуйской (будущій Псковскій герой), В. А. Сицкой, Петръ Тутаевичъ Шейдяковъ и Никита Романовичъ Юрьевъ. Въ авангардѣ передовымъ полкомъ командовалъ Ѳ. И. Мстиславскій, а сторожевымъ В. Ѳ. Шуйскій. Арьергардомъ управляли царевичи: Бурдалей и Мустафалей, а отдѣльнымъ отрядомъ въ ардергардѣ Трубецкой. Кромѣ этихъ бояръ въ разрядахъ значатся также имена слѣдующихъ бояръ: С. Черкаскаго, Тюфякина, Щелкалова, Стрѣшнева, В. Ѳ. Воронцова, Клобукова, Сим. Корходиновича и др. Отпустивъ изъ Новгорода Москвичей и Новгородцевъ на покореніе, вѣроятно, замковъ, лежавшихъ на сѣверъ отъ Венденa или скорѣе только для диверсіи и отраженія Шведовъ, самъ Государь съ сыномъ Иваномъ прибылъ 15 Іюля во Псковъ и оттуда отправился въ нашу страну къ Смоленскимъ полкамъ. Наши замки онъ покоряетъ въ такомъ порядкѣ по показанію хроники Руссова: 15 Іюля—Маріенгаузенъ (а по нѣкоторымъ документамъ 17 Іюля) 25—Люцинъ, 30 Іюля—Рѣжицу, 11 Августа Динабургъ и т. д. т. е. чрезъ два или три дня по замку. Въ нашихъ лѣтописяхъ этотъ походъ описанъ такъ: „Пришелъ Государь ко Влеху и того же дня взялъ, оттолѣ, (т. е. отъ города Влеха или Маріенгаузена) къ Рѣжицѣ: ввечеру послалъ воеводъ города смотрѣти, а на завтрое городъ взялъ. А оттолѣ къ Невгину за пять верстъ, и ввечеру Государь ѣздилъ города смотрѣти, а на

завтрое взялъ... А потомъ внизъ по Двинѣ къ Ружборгу и Нѣмцы побѣжали...“ Отъ Ружборга направился къ Кокенгаузену, по взятіи котораго къ Вендену, покоривъ до 17 Сентября 30 замковъ, которыхъ Псковичи и Литовцы не могли взять въ теченіи трехъ съ половиною вѣковъ. *) Въ Венденѣ убѣдясь въ измѣнѣ Нѣмцевъ и Мангуса, своего намѣстника Ливоніи, искавшихъ защиты у Баторія, оставилъ путь на Ригу, для осады которой онъ имѣлъ у себя мало войска и отправился въ Москву. Предполагая встрѣтить Баторія съ войною въ Ливоніи, Государь особенно сильно укрѣпилъ Люцинскій, Рѣжицкій, Кокенгаузенскій и Вольмарскій замки. Въ Кокеносъ онъ отправилъ: 59 пушекъ и пищалей разнаго рода, пороху 817 п., олова 225, желѣза 800 п.; въ Вольмаръ 56 пушекъ и пищалей, пороху 434 п., 20 п. олова и каменныхъ пуль, облитыхъ оловомъ 734; въ Лужу (т. е. Люцинъ) 37 пищалей, 282 пуд. пороху, 3400 пуль; олова 22 пуд., въ Рѣжицу 24 пищали, 395 пуд. пороху, 1150 пуль.

XVI. Хроники Фабриція и Гейденштейна говорятъ, что Государь

---

*) Желающіе провѣрить достовѣрность разсказа нашей лѣтописи объ этомъ походѣ Іоанна Грознаго, могутъ справиться о немъ въ хроникахъ Руссова, Фабриція, а также въ Mitheilungen; желающіе ознакомиться съ дипломатическимъ споромъ Іоанна Грознаго съ Баторіемъ по вопросу о Ливоніи, могутъ найти полную переписку этихъ государей въ Діаріушѣ Баторія во время Псковскихъ его походовъ, изданномъ Кояловичемъ. Мы считаемъ не лишнимъ перечислить имена воеводъ, оставленныхъ Іоанномъ Грознымъ у насъ, по удаленіи Іоанна Грознаго изъ Ливоніи въ новозавоеванныхъ замкахъ, а именно: въ Крудборгѣ, т. е. Крейцбургѣ—Матвѣй Путятинъ и Сем. Кокошкинъ во Влехѣ, т. е. Маріенгаузенѣ—Ѳ. Ляпуновъ, въ Лужѣ, т. е. Люцинѣ—Григорій Колычевъ; въ Рѣзицѣ П. Семеновичъ Лобановъ—Ростовскій и Данило Ржевскій; въ Алыстѣ, т. е. Маріенбургѣ Скобельцынъ; въ Вальядѣ осадная голова Ив. Ѳеод. Сабуровъ, да Никита Григ. Бороздинъ; въ Раковорѣ осадная голова Ст. Сабуровъ. Первый Сабуровъ, съ открытіемъ похода Баторія подъ Псковъ, отличился знаменитымъ отраженіемъ Замойскаго отъ своей крѣпости Заволочья. Исчисленіе воеводъ по прочимъ замкамъ мы минуемъ. Карамзинъ, порицая послѣдніе годы царствованія Іоанна Грознаго, говоритъ, что у государя нашего для отраженія Баторія уже и не оказывалось такихъ искусныхъ полководцевъ, съ какими онъ выступалъ подъ Казань, что мы считаемъ невѣрнымъ мнѣніемъ нашего исторіографа, такъ какъ конецъ царствованія Іоанна Грознаго и замыкается сонмомъ героевъ и служилаго, и невольнаго призванія. Іоаннъ Грозный пережилъ три генераціи своихъ сподвижниковъ: Казанскихъ героевъ, покорителей рыцарства и последнюю—борцовъ съ Баторіемъ. Замойскій—врагъ Грознаго, удивлялся стойкости Іоанна Грознаго въ такой долговременной его борьбѣ съ своими врагами. (См. Діаріушъ Баторія, изд. Кояловичемъ).

открылъ осаду нашихъ замковъ не съ Маріенгаузена, а съ Люцина, что согласно съ народнымъ преданіемъ, которое указываетъ на гору Ершовку, какъ на батареи Грознаго, а на пос. Ключинки, лежащіе на правомъ берегу р. Синей, какъ на перепутный пунктъ отъ Синозерья,—бывшій, вѣроятно, сборнымъ пунктомъ войскъ, шедшихъ изъ Смоленска. Преданіе указываетъ на Ключинки, какъ на мѣсто, гдѣ государь бросилъ свой золотой перстень, въ ознаменованіе своего обрученія съ нашею страною. На сколько эти преданія вѣрны, нѣтъ возможности судить, принимая также и другія преданія о насыпяхъ, подобныхъ Ершовкѣ, находящихся у Ашерадена, Зесвегена и др. мѣстъ по Ливоніи и признаваемыхъ за батареи Грознаго. Неужели Грозному было время соорудить такую массу насыпей? При томъ для подобныхъ батарей необходимо большее количество орудій, чѣмъ то, которое находилось при всѣхъ войскахъ государя, а именно всего 57 пушекъ. Обращаясь къ хроникамъ, мы видимъ, что онѣ рисуютъ эти успѣхи нашего государя, какъ результатъ той страшной силы, съ которою онъ вступилъ въ нашу страну, какъ результатъ того ужаса, которымъ было окружено его Имя. Но эти показанія очевидная ложь. *) Осматривая вооруженіе нашихъ и Ливонскихъ замковъ по Діаріушу Баторія, изданному Кояловичемъ, мы находимъ въ нихъ массу орудій, далеко превышающую вооруженіе Іоанна Грознаго, и численность гарнизоновъ, далеко превышавшую наши войска, а въ отношеніи ужаса Польскіе гарнизоны нашихъ замковъ опирались на боевую славу своихъ капитановъ, имена которыхъ покрыты были славою ветерановъ, а именно: въ Люцинѣ былъ

*) Дашкевичъ въ замѣткахъ по исторіи Литовской Руси говоритъ, что одинъ изъ Польскихъ депутатовъ на сеймѣ, отвергая избраніе Іоанна Грознаго на Польскій престолъ, сказалъ, что имя Грознаго было на столько ненавистно для самихъ Русскихъ, что если бы онъ рѣшился выступить въ поле противъ непріятеля, то его убили бы сами его подданные. Какъ оказывается изъ исторіи Іоанна Грознаго, предположеніе этого депутата было неосновательно. Да и сами Литовцы: Ходкевичъ и Радзивилъ были согласны на подданство Грозному. Фредро, описывая исторію этого вопроса, вообще говоритъ, что панамъ нравилось болѣе сеймовое, нежели монархическое правленіе. Кому же изъ пановъ была охота отказаться отъ своихъ привилегій? Что же касается другого преданія о построеніи будто бы іезуитами подземныхъ ходовъ въ Люцинѣ и Полоцкѣ, то это невѣроятно; такимъ дѣломъ, конечно, не могли заниматься патеры-іезуиты, для дѣятельности которыхъ были совершенно иныя задачи и у которыхъ не могло быть столько средствъ, для веденія такихъ гигантскихъ работъ, очевидно, принадлежащихъ сильнымъ народамъ.

капитаномъ Юргенсъ Альтенъ-Бокумъ, въ Динабургѣ знаменитый Тальвошъ, въ Маріенгаузенѣ Фабрицій Вельшеръ, въ Крейцбургѣ Фюрстембергъ, въ Швanенбургѣ Розенъ, въ Ашераденѣ Мюнстеръ, въ Кокенгаузенѣ Радзивилъ *).

XVII. Доискиваясь причины такихъ быстрыхъ чудесныхъ подвиговъ Іоанна Грознаго, мы убѣждаемся, что причиною ихъ былъ не ужасъ его имени, а благоговѣніе народа къ его личности, противъ которой всѣ эти закаленные въ бояхъ герои, хотя и надѣявшіеся на свои гарнизоны и своихъ соратниковъ, не смѣли и вступать съ нимъ въ бой, спѣша при поднесеніемъ законному ратоборцу своей отчины, какъ замковыхъ ключей, такъ и своей повинной головы. Всѣ эти пресловутые храбрецы не смѣли даже и появиться въ поле для битвы, чувствуя, что это поле есть законная отчина его противника. Такъ Радзивилъ хвастовался Баторію, что ему стоитъ только явиться въ поле, и предъ нимъ побѣжитъ непріятель; но когда появились Русскіе у Кокенгаузена, то онъ, вышедши изъ замка съ отрядомъ въ 300 человѣкъ для экскурсіи, дѣйствительно, встрѣтился съ непріятелемъ, во время нападенія котораго, не дожидаясь исхода битвы и оставивъ на произволъ судьбы свой отрядъ, бѣжалъ съ арены битвы, прикрываемый ночнымъ мракомъ и, добѣжавъ до Интаврскаго замка, былъ втащенъ по веревкамъ на замковыя стѣны. Другой тоже рыцарь панъ Полубенской, Литовскій полководецъ, взятый нами въ плѣнъ, выдалъ предъ государемъ своего клеврета, измѣнника нашего, Датскаго принца Магнуса, который въ позорномъ раскаяніи испросилъ себѣ прощеніе у государя за свою измѣну. Хроники нагло клевещутъ и извращаютъ дѣйствія нашего государя, приписывая ему какіе то звѣрскіе, лютые поступки въ обращеніи съ своими плѣнными изъ нашей страны, которымъ онъ столько дѣлалъ добра, сколько не дѣлалъ для своихъ плѣнныхъ ни одинъ изъ завоевателей, продержавъ ихъ въ плѣну

---

*) Польскіе писатели хвалятся воинскимъ искусствомъ своихъ полководцевъ этого времени, однакожъ наши воеводы, не смотря на недостатокъ у себя оружія и слабость своихъ крѣпостей, успѣвали мужественно отражать своего непріятеля, для чего довольно вспомнить о геройскомъ двукратномъ отраженіи въ 1580 г. Замойскаго отъ Заволочья воеводою Ив. Сабуровымъ. Описаніе осады Заволочья находится у Гейденштейна, гдѣ Сабуровъ названъ vir magnae auctoritatis apud Ducem et inter Moscos. За взятіе Заволочья Баторій возвелъ Замойскаго въ Гетманское достоинство.

до возвращенія своего во Псковъ, откуда отпустилъ въ цѣлости и сохранности на всѣ четыре стороны; хроники также клевещутъ объ уводѣ имъ Рѣжицкихъ Нѣмцевъ въ Москву, куда, дѣйствительно, отправилась часть ихъ, но не по принужденію, а по своей волѣ. Однакожъ, вступивъ въ Кокеносъ и узнавъ объ измѣнѣ Нѣмцевъ, онъ началъ суровѣе обходиться съ плѣнными Нѣмцами, между тѣмъ какъ плѣнныхъ Литовцевъ онъ тотчасъ отпускалъ изъ плѣна, обязывая ихъ только не вступать опять на борьбу противъ него. Хроникеры упоминаютъ о нарушеніи государемъ нашимъ какихъ то капитуляцій, на которыхъ онъ принималъ наши замки при сдачѣ ихъ; но такихъ капитуляцій не было при сдачѣ нашихъ замковъ, такъ какъ они сдавались ему на всей волѣ, какъ своему законному государю, какое обстоятельство и дало поводъ даже нашему государю оставить на память о себѣ загадочный акростихъ, написанный на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ утверждаетъ Карамзинъ,—на плохомъ Нѣмецкомъ языкѣ, что для насъ не важно, но важно содержаніе этого акростиха, въ которомъ Грозный говоритъ о своемъ призваніи и своей зависимости только отъ Бога и что онъ не обязанъ никому въ отчетѣ за свои дѣйствія. Вотъ эти стихи:

Iwan Wassilievitsch ich bin genannt,
Und habe unter mir so manches Land,
Mir denn mein Titel ausweisend ist
Sanct Pauli Lehr halt ich fein,
Habe die gelert von den Aeltern mein,
Wie dann mein Muskowitern alten,
Die nun dienen mir mit reichem Schalle,
Ich bin der Russen Herr gut.
Geboren von meiner Eltern blutt,
Kein Titel durch Gahe und Ritt
Von Nimand erkaufet nit
Keinem Herren ich gehorsam war,
Dann Cristi Gottes Son ist mein Zar.

XVIII. Чтобы убѣдиться на сколько извращена Нѣмецкими хроникерами исторія этой войны, достаточно сопоставить съ походомъ нашего Государя ту ужасную рѣзню и бойню, съ которыми происходило вторженіе Ст. Баторія въ Полоцкъ и Псковскую землю, въ 1579 г. Съ своими авантюристами изъ Венгровъ, Хорватовъ Волоховъ, Козаковъ и др. народовъ Баторій разорилъ нашу Псков-

скую область пожарами, убійствами и истребленіемъ всякой жизни. Извѣстно, съ какимъ остервененіемъ, даже женщины, бросались на нашихъ падшихъ въ бою героевъ, тогда какъ въ преданіяхъ нашей страны о нашихъ войнахъ мы ничего подобнаго не встрѣчаемъ. Не говоря объ истребленіи имъ до основанія нашихъ крѣпостей: Сокола, Туровли, Нещерды, Копья и многихъ др. какую массу беззащитныхъ поселеній онъ истребилъ, опустошая ихъ огнемъ и мечемъ! Но имущество и вооруженіе, оставленное по описи и сколько было принято отъ Поляковъ нами, все было передано нами обратно по Запольскому миру въ цѣлости, такъ что походъ Іоанна Грознаго имѣлъ видъ не столько войны, сколько дружественной борьбы, между тѣмъ какъ Псковскій походъ Баторія скорѣе походитъ на вторженіе варваровъ, хотя во главѣ этихъ варваровъ находились свѣтила Европейскаго образованія: б. ректоръ Падуанскаго Университета, а потомъ коронный гетманъ и канцлеръ Баторія Замойскій, начальникъ артиллеріи Вейеръ, Добросоловскій и др. Впрочемъ, если мы проиграли Псковскую войну, то болѣе вслѣдствіе мѣстническихъ споровъ и недостатка оружія, чѣмъ вслѣдствіе неспособности воеводъ. У нашихъ враговъ была превосходная артиллерія въ дѣлѣ, а у насъ наша была разбросана по Ливонскимъ замкамъ. Что же касается, какъ честно боролись съ нами наши враги, довольно вспомнить объ одномъ Венденѣ. Нѣмецкая злоба и коварство рѣшились сдѣлать злодѣйское покушеніе даже на Священную Особу нашего Монарха, предложивъ ему ложную капитуляцію Венденскаго замка, при которой сдавшіеся рыцари сдѣлали выстрѣлъ въ Государя. Тогда Государь въ справедливомъ гнѣвѣ приказалъ открыть атаку замка, при каковой атакѣ не было дано уже пощады осажденнымъ. Однакожъ многіе изъ Нѣмецкихъ хрониkеровъ, разсказывая о Венденской карѣ, не объясняютъ причины ея, которая указываетъ на безпримѣрное коварство ихъ рыцарей, и отъ котораго Богъ однакожъ спасъ чуднымъ образомъ Своего Помазанника. Такого же рода оказывается и попытка Замойскаго—освободиться отъ своего противника Псковскаго воеводы Ив. П.Шуйскаго, которому онъ послалъ въ подарокъ адскую машину. Всѣ эти герои: и Замойскій, и Венденцы, и имъ подобные, оказываются потомствомъ Андрея Госта, убійцы Давида Гарденскаго. При разореніи страны, нашъ государь не дозволялъ своимъ войскамъ разорять ни костеловъ, ни монас-

тырей у католиковъ, тогда какъ и рыцари, и Поляки поставляли себѣ за честь совершать набѣги, а, въ случаѣ сопротивленія, и открывать осады нашихъ монастырей, чѣмъ прославились рыцари, какъ мы видѣли, еще при Лютенбергѣ и его преемникахъ, а при Баторіи уже вели прямыя осады, изъ каковыхъ осадъ во время Псковской войны Печерскій монастырь прославился двукратнымъ отраженіемъ осады, изъ которыхъ въ послѣдней, на приступѣ 9 Ноября 1581 г., съ монастырской стѣны знатнѣйшіе изъ Нѣмецкихъ рыцарей: Кетлеръ (не Готгардъ), Фаренсбахъ и Путлеръ свалились со стѣны въ монастырь, гдѣ и оставались плѣнными у монаховъ до конца войны. Принявши въ свое владѣніе замки, Русскіе не превращали ихъ въ недоступныя для туземца твердыни, подобно Полякамъ, которые, какъ видно, изъ инструкціи, данной Ходкевичу, отпирали замковыя ворота только въ полуденное время, остерегаясь непріятеля, въ каковыхъ предосторожностяхъ Русскіе не нуждались, и входъ въ Русскіе замки былъ для всѣхъ открытъ. Впрочемъ враги наши разъ воспользовались этою довѣрчивостью и успѣли ворваться въ Динабургскій и Венденскій замки въ 1577 году, гдѣ плѣнныхъ перерѣзали до одного человѣка изъ Русскихъ гарнизоновъ, сочинивъ опять небылицы по этому случаю, а именно, что Динабургскій замокъ былъ отнятъ, когда Русскіе сторожевые солдаты напились много пива, подареннаго имъ Поляками по случаю какого то праздника, а въ Венденъ Нѣмцы ворвались ночью, подобравъ ключи къ замковымъ воротамъ.

XIX. На сколько же мужественно сражались наши воеводы, памятникомъ того остался случившійся съ Баторіемъ эпизодъ, при возвращеніи его отъ Пскова, подъ Люциномъ, которымъ заносчивый король хотѣлъ овладѣть безъ боя. Въ Люцинѣ былъ въ это время воеводою Григорій Θеодоровичъ Колычевъ. Баторій проѣзжалъ съ конвоемъ мимо Люцина и потребовалъ у Колычева сдачи, но Колычевъ приказалъ дать выстрѣлъ въ смѣльчаковъ, послѣ чего храбрецы отступили съ своимъ королемъ отъ замка. Подступали къ замку хорунжій Собѣскій и Трокскій воевода Радзивилъ, изъ которыхъ первый былъ раненъ выстрѣломъ. Митр. Евгеній въ своей исторіи Пскова говоритъ, что обозъ Баторія много потерпѣлъ на пути отъ засадныхъ по крѣпостямъ Русскихъ войскъ.

XX. Вообще враги наши любятъ говорить о войнѣ Іоанна Грознаго, какъ о войнѣ тирана, лютаго опустошителя, и истребите-

ля. Такъ Баторій въ письмѣ къ Ходкевичу отъ 31 Августа 1577 года, и позднѣе во второмъ, говоря объ изумительно быстромъ завоеваніи нашей страны Іоанномъ Грознымъ, жалуется на измордованіе ея имъ, т. е. на опустошеніе. Эта жалоба появилась отъ перваго изъ современниковъ Іоанна Грознаго Баторія, составлявшая любимый его конекъ, что у него повторяется въ жалованной предку Мантейфелей грамотѣ на новыя земли, въ вознагражденіе тѣхъ земель, которыя будто бы потерпѣли въ 1566 году отъ опустошеній Москвитянъ: „pro plurima damna per grassationes Moscoviticas perpessa“ (Мантейфеля Пол. Инфлянты. Познаньское изданіе) и въ др. мѣстахъ. *) На основаніи клеветъ Баторія, Поляки разрушеніе нашихъ замковъ вообще приписываютъ Русскимъ. Однакожъ по распросамъ у стариковъ и изъ Русскихъ документовъ можно приписать имъ разореніе только Маріенгаузенскаго замка во время Грознаго; но и этотъ замокъ былъ разрушенъ Шведами во время сѣверной войны. Прочіе всѣ замки были въ цѣлости до настоящаго столѣтія, и Наполеонъ I, направляя адскіе легіоны въ нашу страну, предполагалъ найти въ нихъ опорный пунктъ. Для Русскихъ не было нужды въ ихъ разрушеніи, какъ равно и въ поддержаніи ихъ. Существованіе ихъ было необходимо для Поляковъ, но они не имѣли средствъ содержать ихъ, такъ какъ эти средства они обращали на сооруженіе костеловъ, а самые замки отдали во владѣніе ксендзамъ, которые нисколько не заботились объ ихъ поддержаніи, и они постепенно приходили въ ветхость и наконецъ разрушились. Наше правительство оставляетъ эти историческія руины въ неприкосновенности, хотя своимъ паденіемъ они грозятъ своимъ посѣтителямъ, близко къ нимъ подходящимъ. Остаются въ той же неприкосновенности и таинственные подвалы Люцинскаго замка. Король Баторій, чтобы оправдать свой варварскій походъ подъ Псковъ, прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы какимъ нибудь образомъ очернить личность Грознаго и подъ тѣмъ предлогомъ заявить свои притязанія на нашу страну. Онъ самъ заявляетъ о небывалыхъ опустошеніяхъ Москвитянъ, а его наперсники, напр. Гваньини пишутъ заказные памфлеты на священную личность нашего

---

*) Замѣчательно, что народъ имѣнія Мантейфелей— Сеевъ окрестилъ названіемъ Девелевщизной, словомъ производнымъ отъ древне-Нѣмецкаго слова devil, т. е. дьяволъ, каковое названіе, конечно, пріурочено за этой фамиліей не безъ заслуги на болѣе подлинный дипломъ, чѣмъ королевскій.

Государя, подшитые гнилою ниткою. Читая іеремiады Нѣмцевъ, основывающихся на этихъ заявленiяхъ пресловутаго короля героя и разсказывающихъ объ окончательномъ опустошенiи и истребленiи Іоанномъ Грознымъ нашей страны, невольно раждается вопросъ: „къ чему же нашъ Государь сооружалъ въ пустынѣ православные храмы, учреждалъ епископiи и давалъ законы для опустошенной страны? Къ чему же сами Нѣмецкiе хронистеры не разъ и не объ одномъ изъ бояръ нашихъ отзываются съ сочувствiемъ, напр. о. П. И. Шуйскомъ, Н. Романовичѣ Юрьевѣ, Курбскомъ и др.?“ Доказательство заботливости Іоанна Грознаго какъ объ управленiи, такъ и объ обезпеченiи страны отъ непрiятеля мы находимъ въ Дiарiушѣ Баторiя въ описи укрѣпленiя Русскихъ замковъ по Ливонiи, изъ каковой описи оказывается между Нѣмецкими крѣпостными орудiями эдва ли не половина, принадлежащая намъ; за тѣмъ, въ доказательство заботливости о внутреннемъ управленiи въ исторiи Экарта Лифляндiи мы встрѣчаемъ извѣстiе, что рыцарскiй Дерптъ при Іоаннѣ Грозномъ превратился въ Русскiй городъ. Не это ли обстоятельство они называютъ разоренiемъ страны, т. е. возвращенiе ея къ прежней культурѣ?

XXI. Послѣднее обстоятельсто и возмущало нацiональное чувство Нѣмцевъ, вслѣдствiе чего они и слагаютъ извѣстную пѣснь мертвецовъ, молящихся въ 1584 году въ провалившейся подъ землю Рѣжицкой кирхѣ и переведенную поэтомъ Уландомъ на современный Нѣмецкiй языкъ. Хитрый Баторiй, подмѣчая и поддѣлываясь къ этому чувству Нѣмцевъ, въ одномъ изъ своихъ посланiй говоритъ, что въ послѣднiе два года, предъ 1583 годомъ, почти всѣ Нѣмцы изъ Рѣжицкаго и Динабургскаго округовъ были выжаты (abgezwackt); но не нашъ Государь, а самъ Баторiй выжалъ ихъ изъ Ливонiи. Нѣмцы, при вступленiи Русскихъ, сами удалялись изъ нашей страны, не получая привилегiй отъ Русскаго правительства, каковыя Польское правительство, щедро сулило и ни одной не исполнило. Наше правительство, не прибѣгая къ такимъ уловкамъ, достигало болѣе прочныхъ результатовъ въ управленiи Ливонiею, чѣмъ рыцари и Польша, потому что Руссификацiя водворялась въ нашемъ краѣ на основахъ древней родственной мѣстной культуры для Руссификацiи, тогда какъ Нѣмецкая и Польско-Латинская могли водворяться у насъ только при искорененiи основъ древней культуры съ помощью

насилій. Нѣмецкіе историки, а также и Польскіе приписывають себѣ культуру нашей страны, указывая на свои конституціи и реституціи, на раздѣленіе ими страны на староства и войтовства; однакожъ въ Діаріушѣ Баторія оказывается извѣстіе, что при передачѣ Грознымъ Ливоніи Полякамъ послы Баторія на столько были знакомы съ нашею страною, что вынуждены были даже пользоваться картою Русскихъ, каковой карты не имѣли и рыцари, что и доказываетъ наше первое положеніе, что рыцари знали только свои замки, нисколько не заботясь о странѣ и ея народѣ и наслаждаясь въ своихъ кломбахъ, т. е. замкахъ своими грабежами: а потому-то при раздѣленіи страны по войтовствамъ Поляки слѣдовали дѣленію Русскихъ, оставивъ у этихъ войтовствъ даже и Русскія названія. Впрочемъ и самая то Польская администрація утвердилась не прежде второй половины XVII вѣка, такъ что хотя наша страна въ первой половинѣ XVII вѣка и состояла уже подъ Польскимъ правительствомъ лѣтъ 40, но даже смѣлые іезуиты не рѣшались вступать во внутрь ея, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ миссіонеровъ іезуитовъ 1618 года, видя неподатливость нашихъ туземцевъ къ совращенію въ католицизмъ. Въ прочности Русской культуры какъ въ Ливоніи, такъ и въ нашей странѣ всѣ какъ Нѣмцы, такъ и Поляки были увѣрены, что оказывается изъ того, что они, не смотря на взаимную антипатію, въ чувствѣ ненависти и опасенія предъ Русскимъ именемъ были въ тѣсномъ союзѣ, что особенно открывается изъ усилій ихъ выпроводить Русскихъ скорѣе какъ нибудь изъ Дерпта, куда отправился для этой цѣли самъ Замойскій, гдѣ упразднялъ безъ нужды Русскія церкви, обращая ихъ въ магазины и архивы. Готгардъ Кетлеръ, по примѣру Плетенберга, по случаю заключенія Запольскаго мира былъ такъ радъ, что установилъ нарочное для того празднованіе. Для замѣны убывшаго Русскаго населенія, Замойскій предположилъ вызвать трудолюбивыхъ Голландцевъ колонизировать нашу страну, на что Голландцы не согласились. Пылкій проэктъ!..

XXII. Окончаніе нашей войны завершилось заключеніемъ Запольскаго перемирія въ 1582 году 17 Января при осадѣ Ст. Баторіемъ Пскова, хотя и мужественно отразившаго своего врага на нѣсколькихъ грозныхъ приступахъ, но находившагося въ опасности. Вообще Государь велъ эту долговременную войну побѣдоносно, но какъ началась она для него не-

счастіемъ въ его семействѣ—смертью любимой первой его жены Анастасіи Романовны, такъ и закончилась почти равнымъ этому несчастію горемъ—преждевременною смертью его любимаго сына Ивана Царевича, упомянутаго героя послѣдней войны, причиною которой послужила неосторожность самаго отца. Хотя въ Псковской войнѣ успѣхъ оставался на сторонѣ Баторія, но этотъ успѣхъ былъ слишкомъ сомнителенъ, и Замойскій, его полководецъ, настойчиво просилъ пріостановиться Баторія дальнѣйшимъ движеніемъ Польскихъ войскъ внутрь Московіи, слишкомъ отдаленной отъ Польши и имѣвшей воинственное населеніе. Баторій согласился съ этимъ мнѣніемъ, но, замѣтивъ изъ заискиванія нашимъ Государемъ посредничества о мирѣ съ Польшею у Папы, предложилъ вмѣсто умѣренныхъ условій—самыя невыгодныя для насъ, а именно или оставаться каждому при своихъ завоеваніяхъ, или отказаться отъ Ливоніи. Хотя мы принесли много жертвъ, затратили громадныя средства въ теченіи 22-хъ лѣтней войны за Ливонію, но отдавать коренныя наши земли Псковскія и Витебскія на жертву Латинской пропагандѣ, Государь не рѣшался и соглашался лучше на выступленіе изъ Ливоніи, чѣмъ на послѣднее условіе. Войска наши и народъ пришли въ ужасъ, и, не желая выступать изъ Ливоніи, въ землѣ ея они прятали свое оружіе, въ надеждѣ скораго возвращенія въ нее для борьбы. Когда въ Московской Боярской Думѣ открылось засѣданіе по этому вопросу подъ предсѣдательствомъ самого Государя, то, дѣйствительно, многіе изъ бояръ были противъ рѣшенія Государя, требуя лучше продолженія войны, чѣмъ соглашенія на такой постыдный миръ. Между протестовавшими противъ этого рѣшенія Государя въ особенности выдавался со всею энергіею самъ Царевичъ Иванъ Ивановичъ, припавшій у трона къ Стопамъ Своего Отца, требуя у него ратей, съ которыми онъ брался изгнать надмѣннаго врага изъ Россіи. Государь, помня неудачи подобныхъ вызововъ съ Магнусомъ и молодымъ Мстиславскимъ подъ Ревелемъ, не хотѣлъ и слушать этихъ рѣчей и въ раздраженіи ударилъ палкою своего сына такъ неосторожно, что онъ на третій день, вѣроятно, отъ этого удара и умеръ. Мы не будемъ касаться грустнаго состоянія несчастнаго отца, въ которомъ Богъ будетъ ему Судьею, но продолжая разсказъ о заключеніи Запольскаго перемирія, мы должны сказать вопреки мнѣнію многихъ писателей, что Іоаннъ Грозный согласился буд-

то бы на это перемиріе по малодушію. Напротивъ, это не Московскіе послы требовали названіе этого договора миромъ, а Польскіе, на что нашъ царь не согласился; и потомъ Польскіе послы требовали заключенія его на продолжительное время, тогда какъ Государь назначилъ ему срокъ только три года. Многіе писатели принимаютъ этотъ миръ, какъ результатъ пораженія Іоанна Грознаго: но почему же враги его, послѣ этого пораженія не воспользовались случаемъ для новыхъ на него нападеній? Напротивъ, его имя сдѣлалось на столько страшнымъ для сосѣдей, что когда изъ Ливоніи наши рыцари, по прежнему обычаю, начали въ 1582 году дѣлать набѣги на Витебскіе уѣзды, то Московскіе бояре тотчасъ оповѣстили Польское правительство, что „его люди забѣгаютъ въ Невельскій, Велижскій и Лудскій уѣзды, каковая земля издавна, за много лѣтъ, Московская земля“, послѣ каковаго замѣчанія прекратились рыцарскіе набѣги Поляковъ въ Московскую землю. Мы также не вѣримъ Польскимъ сказкамъ, что будто бы Баторій раскаявался въ своей поспѣшности на заключеніе Запольскаго и умеръ, угрожая Москвѣ новою войною. Нѣтъ, не здѣсь нужно искать поводовъ къ заключенію нашимъ Царемъ перемирія. Замойскій, какъ видно, изъ Діаріуша Баторія, угадалъ эти причины, удивляясь, какъ мужественно нашъ Царь такое долгое время находился безвыходно на боевой аренѣ, дѣйствуя безустанно на своемъ посту: и, дѣйствительно, ничье сердце, какъ Іоанна Грознаго, такъ глубоко не чувствовало истомленія своего народа отъ такой продолжительной борьбы. Однакожъ прозорливый стратегъ Баторія Замойскій понималъ хорошо, что это истомленіе народа не есть еще истощеніе у него силъ для борьбы, а почему, при вступленіи Поляковъ въ Ливонію и выступленіи ихъ изъ Псковской земли, онъ строго воспретилъ своимъ войскамъ зачинать какіе нибудь споры съ Русскими, опасаясь пробужденія опасной борьбы. При заключеніи мира, онъ согласился на многія унизительныя для него условія, напр. чтобы нашимъ чиновникамъ и духовнымъ лицамъ были даны подводы для выѣзда изъ Ливоніи, какъ равно и для перевоза всей нашей артиллеріи, разбросанной по разнымъ замкамъ, для подъема которой необходимо было употребить и много времени, и много силъ. И Замойскій исполнилъ это условіе, наблюдая за нимъ лично, а въ наши замки послалъ для наблюденія какого то пана Бѣлявскаго. Еще болѣе былъ Іоаннъ Грозный увѣренъ въ воз-

вращенія Ливоніи къ Русской землѣ, произнеся при подписаніи Запольскаго договора достопамятныя слова: „Ливонія была наша и будетъ нашей“,—слова, надъ которыми долго смѣялись враги наши. Потомъ, заключая Запольскій миръ, мы не только ничего не теряли изъ прежнихъ своихъ владѣній, но пріобрѣтали Сокольскій и Невельскій округи, бывшіе подъ Литовскимъ государствомъ и затѣмъ закрѣпили за собою Себежскую землю. Чрезъ Сокольскій округъ съ Лудскою землею мы вступили на берегъ Двины, чрезъ какой округъ Псковичи имѣли водный путь для торговли съ Ригою. Однакожъ самый важный вопросъ—изгнаніе рыцарства и крыжаковъ со всѣми мистификаціями былъ рѣшенъ окончательно Іоанномъ Грознымъ, что составляетъ его заслугу для Русской земли на вѣчныя времена. Хотя Баторій клеветалъ на него въ отношеніи исторженія Нѣмцевъ изъ нашей страны, разоренія ихъ замковъ и вражды его къ Латинской вѣрѣ, но на дѣлѣ все это оказывается клеветою: ни противъ Нѣмцевъ, ни противъ Католицизма онъ не имѣлъ ничего враждебнаго. Первыхъ онъ даже ласкалъ, принимая многихъ изъ нихъ, какъ извѣстно, къ себѣ на службу, а противъ послѣдняго онъ протестовалъ, замѣчая стремленіе ихъ къ господству надъ прочими исповѣданіями, какъ это оказывается изъ его словъ къ Антонію Поссевину: „А правда ли, Антоній, что Католики цѣлуютъ своему Папѣ ноги?“ Онъ также противился предоставленію для Латинскаго духовенства разныхъ привилегій, водворяя и свое Православное духовенство въ Ливоніи безъ всякихъ привилегій.

XXIII. Но, прощаясь съ высокою, дивною личностью Царственнаго Ратоборца, за судьбу нашей страны, этого карателя мистификацій, профанацій и всякаго рода интригъ, дѣянія котораго составляютъ эпоху для нашей страны, мы должны сказать еще нѣсколько словъ въ отвѣтъ на усилія его враговъ уменьшить значеніе его умственнаго развитія, стремленій и заслугъ. Враги его, напр. Баторій и Нѣмцы вообще его умственное развитіе сводятъ на степень доморощеннаго грамотѣя, владѣвшаго только церковными свѣдѣніями, и, въ особенности, любившаго религіозные диспуты, у котораго политическія стремленія, при завоеваніи Ливоніи, „начались и заключились построеніемъ въ Ливоніи только церквей“. Но это сужденіе не имѣетъ основанія. Правда, онъ любилъ изученіе своей религіи, любилъ вести бесѣды о ней съ своими богословами, стараясь

усвоить истины ея по ученію Отцовъ своей Церкви и по завѣщаніямъ своихъ предковъ, но входить въ богословскія препія съ иновѣрцами онъ предоставлялъ призваннымъ на то людямъ. Въ дѣлѣ Религіи Онъ былъ только охранителемъ ея и стражемъ ея противъ новшествъ и извращеній. Сами же хроники передаютъ о неудачной попыткѣ одного изъ протестантскихъ проповѣдниковъ вступить съ нимъ въ Кокенгаузенѣ въ религіозный диспутъ; сами онѣ передаютъ, какъ онъ, на свадьбѣ у Магнуса, вѣроятно, въ отвѣтъ на подобные же вызовы, заставилъ своихъ пѣвчихъ пропѣть имъ Символъ Вѣры Аѳанасія Александрійскаго. Правда, что его первою заботою въ отвоеванной Ливоніи было возстановленіе православныхъ храмовъ, но не правда, что этимъ дѣломъ и замыкались его дѣйствія въ Ливоніи. Враги Его скрываютъ Его истинныя дѣянія, приравнивая Его и ставя Его въ рядъ съ своими пропагандистами, вся дѣятельность которыхъ замыкалась только въ своихъ мистическихъ вывѣскахъ и въ закрѣпленіи за собою чужой земли. Нѣтъ, открывъ борьбу съ Нѣмецкою пропагандою, онъ заявилъ, говоря словами одного изъ Греческихъ поэтовъ: „ἐπεὶ οὐχ ἱερηίον, οὐδὲ βοείην“ что онъ поднимаетъ не религіозный вопросъ и не о поповскомъ дѣлежѣ. Его вопросъ былъ страшнѣе—роковой вопросъ за жизнь и смерть, поднятый Имъ при погибели нашей страны, какъ древнимъ Геракломъ у гроба Алькесты со смертью, для исхищенія первой отъ оковъ послѣдней. И, въ самомъ дѣлѣ, борьба Грознаго за спасеніе нашей страны, приговоренной на окончательную гибель, по волѣ пропаганды, исхищаетъ нашу страну отъ погребенія ея за живо въ царствѣ уничтоженія. Это рѣшеніе судьбы ея—высшая историческая заслуга Грознаго, чѣмъ факты культурной и миссіонерской конкуренціи, появленіе дѣятелей на которой мы увидимъ въ свое время, задачи которой были удѣломъ уже внуковъ его, потомства его! Его задачи заключались въ тяжеломъ призваніи суроваго ратоборца, карателя вѣковаго коварства и избавителя страны въ послѣднія ея минуты. Конечно, на этой трагической аренѣ не могло быть безъ ошибокъ и увлеченій, но мы опускаемъ пелену надъ этой грустной случайностью, безъ которой ничего великаго не происходитъ въ человѣчествѣ—какъ непремѣннаго послѣдствія упорной борьбы. И Александръ Великій, и Юлій Цезарь, и Карлъ Великій—были не безъ ошибокъ.

ГЛАВА X.

Ужасное состоянiе нашей страны въ теченiи почти полвѣка, со вступленiемъ въ нее Поляковъ, послѣ Запольскаго мира.

Frustra, Poloni, cingimus oppida muris et arces arcibus addimus: delubra, si squallent—et altis coelituum viret herba tectis.

Польша квитнетъ Латиной,
Литва квитнетъ Рущизной.

I. Получивъ по Запольскому миру такiя неожиданныя прiобрѣтенiя, Польша задалась обширными проэктами, а именно: при ослабленiи реформацiею католицизма въ Западной Европѣ, занять мѣсто первой католической державы у папскаго трона, а за тѣмъ стать во главѣ Восточныхъ Славянъ, опираясь на помощь Римской курiи, подававшей такую помощь павшему славному Нѣмецкому рыцарству. Однакожъ этимъ замысламъ Поляковъ представлялись непреодолимыя препятствiя не только извнѣ, но и внутри своего государства. Имя католика и въ XVI вѣкѣ было также ненавистнымъ для Московитовъ, какъ и прежде въ XIV вѣкѣ, на что мы указывали въ своемъ мѣстѣ, а въ Бѣлоруссiи и на Литвѣ въ XVI вѣкѣ католичество находилось почти при паденiи. Такъ, по свидѣтельству историка Древней Пруссiи Леона, въ 1876 году на Жмуди изъ 70 парохiй числилось всего только 6. Многiе изъ Литовскихъ магнатовъ, принявшихъ католицизмъ, или возвратились въ православiе, или совратились въ протестантизмъ. Многiе даже изъ бискуповъ номинально состояли католиками, принадлежа между тѣмъ втайнѣ къ протестантизму, какъ напр.; Николай Пацъ, ум. въ 1850 г., былъ извѣстный кальвинистъ. Особенно же для католиковъ было чувствительно отпаденiе въ кальвинизмъ Николая Радзивила Чернаго, князя Несвижскаго, примѣръ котораго нашелъ

многихъ подражателей. Конечно, при подобномъ шаткомъ положеніи Поляковъ, небыло возможности мечтать въ XVI ст. нетолько о внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ, но даже ручаться за нераздѣльность прежнихъ владѣній, пріобрѣтенныхъ не силою оружія, а случайно, съ помощью которыхъ она и достигла настоящаго пьедестала. Если Польша тщеславилась своею побѣдою надъ Нѣмецкими рыцарями, то послѣдніе при Альбертѣ Прусскомъ герцогѣ чрезъ магистра Вольфганга, открыто приписывали свое пораженіе Литовцамъ, въ союзъ съ которыми, Польша, измѣнивъ рыцарямъ, вступала для погибели рыцарства. Находясь въ союзѣ съ Польшею, Литва не забывала этого своего значенія, и благодаря умной политикѣ Ягеллоновъ, сдерживавшихъ излишнюю ревность Поляковъ къ пропагандѣ, между Поляками-католиками и православными Бѣлоруссами и Литовцами поддерживались хотя не искренно миролюбивыя отношенія, для предупрежденія окончательнаго разрыва. Бывали такіе примѣры взаимнаго довѣрія между пастырями этихъ вѣроисповѣданій, что во время своихъ отлучекъ отъ мѣста своего служенія, они поручали исправленіе своихъ обязанностей другъ другу. Со вступленіемъ Польско-Литовскаго государства въ унію съ Ливоніею, положеніе дѣлъ въ Польшѣ осложнялось, устройство каковаго положенія дѣлъ послѣ Запольскаго мира Ст. Баторій и Замойскій приняли на себя, рѣшившись на крутыя реформы въ подвластныхъ Польшѣ земляхъ, преимущественно въ Ливоніи и нашей странѣ, начатыя съ сохраненія рыцарскихъ правъ и привиллегій только за тѣми дворянами, которые останутся вѣрными католичеству или обратятся въ него, а также и съ предоставленія прочимъ сословіямъ соотвѣтствующихъ правъ за исповѣданіе католичества. Обширныя права и привиллегіи, присвоенныя рыцарству, дѣйствительно, вызвали многихъ, какъ изъ Ливонскихъ Нѣмецкихъ дворянскихъ фамилій, такъ и изъ Русскихъ бояръ нашей страны къ увлеченію Польскими обѣщаніями и къ переходу въ католицизмъ, но Православное духовенство и Русскій простой народъ, а также Нѣмецкіе бюргеры и Ливонскіе Латыши остались глухи къ Польскимъ проэктамъ. Изъ этого источника начинается складъ событій въ нашей странѣ послѣ Запольскаго мира, какъ только высказались принципы Польскаго правительства,—складъ событій, хотя отличающійся по обстановкѣ отъ крыжацкой эпохи, но по своимъ принципамъ

проистекающій отъ него. Хотя возбудителемъ борьбы народовъ теперь является не папа, занимавшійся прежде составленіемъ крыжацкихъ ополченій, но за то, вмѣсто папы, являются его орудія—ордена католической церкви, составляющіе также милицію Христовыхъ слугъ, дѣйствующую въ своей цѣли не набѣгами и открытыми убійствами, а замаскированными притѣсненіями и гнетомъ. Послѣднія мѣры оказались, какъ мы видѣли изъ отзыва Латыша о вступленіи полякующаго Литовца въ нашу страну, гораздо болѣе тягостными, чѣмъ вступленіе рыцарей: „пусть стрѣлы Перуна расколятъ мостъ на Двинѣ, по которому этотъ врагъ вступилъ въ нашу страну" такъ говорятъ Латышъ о польской тираніи. Этотъ врагъ оказался болѣе алчнымъ и болѣе жестокимъ, захвативъ всѣ земли у туземца и принесшій инквизицію и крайнюю тиранію въ страну, съ требованіемъ обученія туземца Латыни и отреченія отъ своей національности.

II) Поляки, получивъ Ливонію отъ Нѣмцевъ и обѣщавъ имъ за то всякаго рода привиллегіи, неприкосновенность религіи и національности, однимъ словомъ, возвращеніе странѣ Золотаго Вѣка тотчасъ, по завоеваніи Ливоніи отъ Русскихъ, принялись за стѣсненія у Нѣмцевъ правъ и открытіе Латинской пропаганды, въ то время, когда Нѣмцы не подавали, съ своей стороны, никакого къ тому повода. Напр.; Баторій предоставилъ католикамъ, переселяющимся въ Ливонію, особыя права и преимущества,—имъ были предоставлены права на имѣнія, вымороченыя и конфискованныя у подозрительныхъ лицъ, а также и у тѣхъ, кто не представилъ законныхъ документовъ на свои земли. У Нѣмцевъ Баторій сократилъ наслѣдственныя права на земли, предоставленныя въ 1561 году Ливонцамъ Сигизмундомъ Августомъ. Нѣмцамъ предоставлены были только два голоса противъ четырехъ на ляндтагахъ, такъ что они имѣли только совѣщательный, а не рѣшающій голосъ, который находился у двухъ націй: Поляка и Литвина. Нѣмцы покорились этой волѣ Баторія, но Баторій поспѣшилъ съ своею Латинскою пропагандою. Разрушивъ съ помощью Нѣмцевъ храмы православныхъ, Баторій, по вступленіи въ Ригу, потребовалъ у Рижанъ уступить ему одну изъ кирхъ для обращенія ея въ костелъ, такъ какъ всѣ костелы въ Ригѣ были обращены въ кирхи, на что Рижане отвѣтили королю отказомъ. Разгнѣванный король приказалъ сказать Нѣмцамъ: „ite et dicite istis bestiis, me hoc die nec non comesturum, donec templum,

quod volo, ingredior," т: е: „идите и скажите этимъ бестіямъ, что онъ до тѣхъ поръ въ этотъ день не возметъ куска хлѣба въ ротъ, пока не получитъ храма, который онъ избралъ себѣ." Храмъ королю уступили Рижскіе купцы, которые въ это время только одни безъ дворянъ приняли протестантизмъ, но прибывшіе съ Баторіемъ іезуиты слишкомъ горячо пристали къ Нѣмцамъ съ Латынью, требуя введенія ея во всѣхъ школахъ по приказу короля, который, посѣщая школы, обыкновенно обращался къ ученикамъ съ такими словами: „disce latine, et ego te faciam aliquando moscie panie," т: е: учись Латыни и я тебя сдѣлаю современемъ вельможнымъ паномъ. Поляки восторгались отъ этихъ словъ, а Нѣмцамъ эти слова были чрезъ чуръ не по сердцу. Они хотѣли оставаться по прежнему Нѣмцами, не желая знать ни этой латыни, ни всякой мистификаціи, о которой снова іезуиты, сдѣлавшіеся королевскими наперсниками, начали проповѣдовать для развитія пропаганды ad maiorem gloriam Dei. Орудіемъ для своей проповѣди іезуиты избрали помѣщиковъ или дворянъ, ходатайствуя за ихъ усердіе въ дѣлѣ миссіи о мѣстахъ и разныхъ привиллегіяхъ, а почему большая часть изъ дворянъ, опасаясь лишиться королевскихъ милостей, осталась въ католичествѣ, тогда какъ бюргеры и ремесленный классъ, чтобы освободиться отъ вліянія ксендзовъ, перешла въ протестанство. Желаніе короля ввести лѣтосчисленіе по Грегоріанскому календарю подало въ Ригѣ поводъ гражданамъ къ возмущенію въ 1585 году, каковое возмущеніе потомъ совпало съ возмущеніемъ Шведовъ, не допустившихъ Польскаго короля Сигизмунда III Вазы, наслѣдовавшаго Баторію въ 1586 г. до вступленія по наслѣдству на ихъ престолъ, какъ рьянаго католика и вмѣсто котораго избравшихъ Карла, Герцога Зюдерманландскаго, какъ приверженца Лютеранскаго ученія *) На сторону Шведовъ отозвались многіе изъ Лифляндскихъ дворянъ, между которыми выдавался по своему значенію Фабіанъ Тизенгаузенъ, сожженный съ своею женою и дѣтьми на кострѣ Поляками, по подозрѣнію ихъ въ измѣнѣ Тизенгаузена Польшѣ. Напуганная участью Тизенгаузена въ 1601 году партія знатныхъ

---

*) Описаніе этой войны находится въ Mitheilungen aus dem Gebiete и т. д. К. IV. Здѣсь же заключается и описаніе посольства рыцарей въ Московію во главѣ Тизенгаузена, на которое Борисъ не отозвался съ участіемъ.

Нѣмцевъ отправилась въ Москву искать покровительства царя, между тѣмъ какъ другая партія обратилась къ Карлу и помогла ему въ началѣ войны овладѣть нѣсколькими замками, такъ какъ Польскій главно-командующій Радзивилъ не спѣшилъ выступленіемъ на арену борьбы, считая Шведа маловажнымъ для себя непріятелемъ и пируя свадьбу своего сына. Судьба посольства Нѣмцевъ въ Москву разрѣшилась предложеніемъ имъ отъ царя обождать нѣсколько времени своимъ союзомъ съ Московіею. Однакожъ Шведы, имѣя у себя такихъ тактиковъ, какъ Мансфельдъ, доказали, что борьба съ ними была едва-ли подъ силу и самимъ Замойскому и Ходкевичу, изъ которыхъ послѣдній успѣлъ однакожъ разбить Мансфельда подъ Кирхольмомъ 1605 г. 27 сеп. Тягость этой войны была не столько ощутительна для воюющихъ сторонъ, сколько для туземцевъ Латышп и Нѣмцевъ. Польскіе жолнеры, считая Нѣмцевъ измѣнниками, нападали на нихъ безъ разбора, на праваго и виноватаго, избивая и оскорбляя своихъ капитановъ безнаказанно; а туземцы должны были перенести ужасный голодъ, достигшій въ 1601 и 1602 году такихъ размѣровъ, что матери пожирали своихъ дѣтей. Однакожъ арена этой борьбы оказалась школою для будущихъ героевъ въ великихъ войнахъ, а именно: въ Московской и потомъ на западѣ въ 30 лѣтней: съ театра нашей войны отправились подъ Москву Жолкѣвскій, Лисовскій, Гонсѣвскій, Милецкій, Вейеръ, прославившіеся, какъ неотразимые наѣздники, а въ 30 лѣтней Германской войнѣ Мансфельдъ занимаетъ по своимъ подвигамъ первыя ея страницы. Удаленіе со сцены нашей борьбы этихъ наѣздниковъ, а за тѣмъ отзывъ самого гетмана Ходкевича Сигизмундомъ въ Варшаву въ 1606 году въ Варшаву, для усмиренія рокоша (повстанія) противъ Сигизмунда, дало возможность Шведамъ снова взять верхъ надъ Поляками. Впрочемъ шансы Шведовъ въ Ливоніи не занимали вниманія Сигизмунда, который задумалъ великія предпріятія противъ Москвы, предпріятія, которыми онъ хотѣлъ превзойти и своего предмѣстника и на которыя дружно отозвалась вся Польша. Съ легкой руки Баторія, Поляками, которыхъ поджигали іезуиты, овладѣваетъ прямо манія борьбы съ Москвою,—манія, съ которою они вторгались въ ея предѣлы безъ всякаго повода и, за отраженіе Москвою ея авантюристовъ, объявляя свои оскорбленія и притязанія. Направивъ во внутрь Московской земли наѣздническія шайки, Польша, съ 1607 г. по 1613

годъ, изъ нашей страны подсылала новые контингенты для этихъ шаекъ, изъ которыхъ шайки Лисовскаго и Просовецкаго, въ особенности, въ 1611 году, грабили Себежскую и Опочепскую окрестности и вторгались въ Печерскій монастырь. Себежцы разъ разбили отрядъ въ 4000 съ семью полковниками, между которыми были главными Шприйко и Наливака, а въ другой разъ разбили отрядъ Лисовскаго. Къ этому времени, т. е. къ 1610 г. относится водвореніе Бениславскихъ въ Биржѣ, полученной ими за отличіе, вѣроятно, въ наѣздническихъ набѣгахъ на Псковскія земли. Походъ самого короля подъ Москву также не удался. Поляки возвратились изъ похода съ пустыми руками. Для уплаты кварцянамъ жалованья въ коронѣ не достало казны, и предводитель ихъ Кравацкій поднялъ тотчасъ же бунтъ въ 1613 году, за который былъ посаженъ на колъ. Послѣ Кравацкаго открылъ разбои по Бѣлоруссіи нѣкто Челядка, нападая на богатыхъ пановъ; за нимъ Славскій, Яновскій и Бѣлоскурскій являются защитниками православныхъ, за что подвергнуты проскрипціямъ и банниціямъ. Не смотря на столько внутреннихъ безпорядковъ, не смотря на войну со Шведами въ Ливоніи, Поляки лѣзли въ борьбу съ Москвою, которую Польша въ 1618 году выиграла впрочемъ потому только, что Конашевичъ Сагайдачный, казацкій атаманъ, слишкомъ ревниво бился за интересы Польши, а затѣмъ Поляки, удержавъ нашихъ пословъ въ качествѣ плѣнныхъ успѣли выжать у насъ за обмѣнъ ихъ нашу Лудскую землю, Себежскую область и Невель съ Велижемъ. До этого времени ни въ Исторіи Литвы, ни въ Исторіи Польши мы не встрѣчались съ такимъ явнымъ нарушеніемъ международныхъ правъ, какъ обращеніе пословъ въ плѣнниковъ, но, съ этого времени, въ исторіи Польши оказывается цѣлая масса опытовъ коварства, забвенія законовъ чести въ отношеніи и своихъ сосѣдей, а также и въ отношеніи разновѣрцовъ своихъ подданныхъ, каковые поступки Польская интеллигенція всегда оправдывала мотивами вѣры, подобно тому, какъ рыцари оправдывали свои насильственныя и воровскія дѣла также призваніемъ своего священнаго служенія.

III. Такой поворотъ Польской политики обнаружился въ ея исторіи со времени призванія Баторіемъ въ Полоцкъ и въ Ливонію защитниковъ польщизны, въ родѣ рыцарей—защитниковъ Германизма, являвшагося, кромѣ своего духовнаго призванія, также и представителемъ Латинской миссіи. Однакожъ эти

профессіи составляли ихъ только форму, подъ которой имъ разрѣшены были также, какъ и рыцарямъ, всякаго рода хитрыя и коварныя мѣры, не минуя, въ случаѣ нужды, и насильственныя, въ отношеніи еретиковъ, а въ особенности схизматиковъ, въ видахъ совращенія ихъ въ католицизмъ. *) Эти пропагаторы латыни и полонизма въ нашихъ странахъ, замѣтивъ неподатливость и у Русскаго народа, какъ и у Нѣмцевъ, къ ихъ цѣлямъ придумали подобно политической уніи, такъ ловко удавшейся въ 1569 году, и религіозную церковную унію въ 1595 году, для совращенія православнаго народа, составлявшаго преобладавшую массу населенія въ Бѣлоруссіи и нашей странѣ, въ католицизмъ, придумавъ изъ этой уніи переходную ступеньку для перехода Руцизны въ Польщизну,—переходъ изъ православія или Греческой Вѣры въ Латинскую Вѣру. Всякому новому Поляку была наградою масса привилегій, чтобы вызвать большее число апостатовъ православія. Но и эта мѣра не удавалась, и многіе изъ апостатовъ, напр. Витебскій архіепископъ Іосафатъ, принявшій унію, Черниговскій епископъ Грековичъ и др; заплатили за свою позорную измѣну жизнью, которую они потеряли при народныхъ возмущеніяхъ, вызванныхъ ихъ дерзкою проповѣдью. Между тѣмъ эти миссіонеры—іезуиты избѣгали настоящихъ язычниковъ, которыхъ въ нашей странѣ и Бѣлоруссіи было довольно, и нападали на православный народъ, стараясь какъ будто о конкуренціи, а, въ самомъ дѣлѣ, чтобы, при ссорѣ и возмущеніи притѣсняемаго, воспользоваться грабежемъ и штрафами, для чего они владѣли массою средствъ, называемыхъ отлученіями, баниціями и, наконецъ, инквизиціею. Въ особенности было отчаяннымъ положеніе нашихъ Латышей, между которыми было издавна распространено Православіе, процвѣтанію котораго, безъ сомнѣнія, препятствовали дикіе набѣги рыцарства и, въ особенности, послѣдняя война Польши со Швеціею. Орденское духовенство, правда, имѣло въ нашей странѣ три замка: Крейцбургъ, Лубань и Маріенгаузенъ, и, конечно, въ этихъ замкахъ оно имѣло свои костелы, какъ и рыцари въ Динабургѣ и Рѣжицѣ; но миссіи

*) Сравненіе и наслѣдственность рыцарей и іезуитовъ мы основываемъ на томъ, что никто изъ католическихъ миссіонеровъ такъ не злоупотреблялъ инквизиціею, какъ іезуиты. До прихода ихъ въ Польшу, наша страна не имѣла понятія о святой инквизиціи.

своей открыть по нашей странѣ не могло вслѣдствіе, какъ мы видѣли, своей очень превратной судьбы. По паденіи рыцарства, какъ мы видѣли, единственная во всей странѣ Нѣмецкая кирха въ Рѣжицѣ провалилась подъ землю, а почему, подъ 1603-мъ годомъ, мы встрѣчаемся съ положительнымъ удостовѣреніемъ Аргентинуса, Католическаго миссіонера, обозрѣвавшаго нашу страну, что въ ней не имѣется ни одного Католическаго храма. Въ упомянутомъ нами выше отчетѣ миссіонера іезуита, посланнаго съ тремя своими товарищами въ 1618 году изъ Вендена во внутрь нашей страны, также для миссіонерскихъ рекогносцировокъ, мы снова убѣждаемся въ дѣйствительности показанія Аргентинуса, и притомъ мы убѣждаемся изъ этого отзыва, что руссификація въ нашей странѣ была на столько сильною, что и отважный іезуитъ, проникнувъ до Рушонъ и убѣдясь вездѣ въ Руссификаціи, наконецъ не рѣшается далѣе продолжать свой путь, направясь въ Динабургъ, гдѣ только и встрѣтился съ своими одновѣрцами. Этотъ іезуитъ замѣчаетъ, что туземцы стоятъ на низкой степени религіознаго состоянія, зная наизусть только по двѣ или по три молитвы, объясненія которымъ они не могутъ дать: а будто нынѣшніе католики болѣе знаютъ? Замѣчаетъ также, что супружескія связи и вообще нравственность стоятъ также на низкой степени, въ чемъ, конечно, нельзя и обвинять рыцарей, припоминая объ рыцаряхъ отзывъ Борингера. Слѣды язычества у Латышей этотъ іезуитъ замѣчаетъ, находя въ ихъ клетяхъ камень атмеченецъ, берегомый ими, какъ святость. Однакожъ іезуитъ-иноземецъ клевещетъ на нашихъ туземцевъ, потому что по Витебской губерніи и до сего времени встрѣчается мѣра, называемая Камнемъ, каковой атмеченецъ былъ не божествомъ, а, вѣроятно, мѣрою. Наконецъ, онъ указываетъ на почитаніе какого-то божка Цероклеса, которому послѣ ужина нѣкоторые члены изъ фамиліи оставляютъ во рту послѣдній кусокъ и прячутъ его гдѣ нибудь въ углѣ дома. Но это не культъ, а только повѣрье, и подъ Цероклисомъ, вѣроятно, іезуитъ отмѣчаетъ Цуровъ или души дѣдовъ, перешедшихъ въ загробный міръ. Изъ внимательнаго обозрѣнія вообще нравственнаго развитія нашихъ туземцевъ, мы находимъ самыхъ глупыхъ и забитыхъ Латышей между мѣстными католиками и уніатами нашей страны—это Латышей, живущихъ около Маріенгаузена и подъ Крейцбургомъ,

т. е. около б. резиденцій рыцарскаго духовенства, тогда какъ внѣ этихъ центровъ находятся Латыши, исповѣдующіе католицизмъ съ меньшимъ фанатизмомъ, и сохранившіе много Русскихъ обычаевъ и повѣрій. Но вышеприведенные нами визитаціи миссіонеровъ, вѣроятно, происходили не безъ результатовъ и вызывали католическія экзекуціи на бѣднаго Латыша, котораго онѣ принуждали къ оставленію Православія. По этому случаю хроникеръ Гильзенъ въ своихъ Инфлянтахъ, расказавъ о бѣдствіяхъ этого народа, отмѣчаетъ подъ 1621 годомъ, какъ курьезный слѣдующій мѣстный эпизодъ. Видя бѣдственное положеніе страны, одинъ изъ Латышей нанялъ другого Латыша зарыть его живымъ въ землю, что тотъ и исполнилъ. Въ этомъ актѣ самоотреченія отъ жизни чрезъ мучительное погребеніе себя заживо въ землѣ выражается глубокое безнадежное и безпомощное состояніе туземца, высказываемое имъ и въ его пѣсняхъ, въ которыхъ онъ выражаетъ надежду на лучшую судьбу только къ будущемъ мірѣ. Да, не для проповѣди вступили въ нашу страну эти мистики, называвшіеся іезуитами! Они занимались не дѣлами проповѣди, а политикою и интригами въ обществѣ, и не упрощая, а усложняя отношенія въ той аренѣ, гдѣ они дѣйствовали. Пясецкій жалуется, чтоПоляки потеряли въ 1521 г. Ригу чрезъ іезуитовъ, которые пересссорили Рижанъ съ Поляками и между тѣмъ не провѣдали во время о приближеніи Шведскаго короля Густава Адольфа, завѣряя короля, что въ Ригѣ все обстоитъ благополучно. Во время осады Риги Густавъ Адольфъ обращался къ Московскому царю съ предложеніемъ своего союза противъ Польши, обѣщая прислать царю достаточное число мелкихъ огненосныхъ канонэрокъ для отправленія ихъ по Двинѣ подъ Витебскъ, каковое предложеніе осталось со стороны Москвы безъ отвѣта *). Ригою овладѣлъ Шведскій король послѣ 3-хъ мѣсячной осады 21 окт. 1521 г. По взятіи Риги, а потомъ Митавы, Шведы предложили Сигизмунду миръ, который Польскій король отвергнулъ, хотя Густавъ Адольфъ предлагалъ его на умѣренныхъ условіяхъ, возвращая Польшѣ Ригу и желая одной Эстоніи. Іезуиты ободряли короля своего обѣщаніями побѣдъ въ

*) См. дворцовые разряды подъ 1521 годомъ гдѣ описывается сборъ Московскаго Правительства къ войнѣ съ Поляками, не состоявшейся однакожъ, вѣроятно, вслѣдствіе умиротворенія Поляковъ.

будущемъ, и Сигизмундъ жестоко ошибся, положившись на іезуитовъ.

IV. Четыре года, по взятіи Риги, ея завоеватель не подавалъ о себѣ вѣсти изъ своей столицы Стокгольма, но въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1625 года онъ снова является въ Лифляндію. Для борьбы съ нимъ Польскій король назначаетъ Литовскимъ гетманомъ канцлера Льва Сапѣгу. Густавъ Адольфъ обратился на Кокенгаузенъ, овладѣвъ которымъ по 9-ти дневной осадѣ, подступилъ къ Зельбургу, павшему также послѣ незначительнаго сопротивленія. На встрѣчу врага Гетманъ послалъ своего сына—маршала Станислава Сапѣгу, котораго Г. Адольфъ при первой же встрѣчѣ разбилъ на голову, отнявъ у него обозъ и артилерію. Послѣдствіемъ побѣдъ Г. Адольфа оказывается лишеніе имъ нашихъ Гильзеновъ, за преданность къ Польшѣ, главныхъ ихъ владѣній въ Лифляндіи, такъ называемыхъ Сесвегенскихъ, а съ ними Новгардта, Каверсгофа и Роннаго, переданныхъ Будсбергу, Раске и др. Густавъ Адольфъ лишилъ также Тизенгаузеновъ въ своей Лифляндіи ихъ владѣній, извѣстныхъ подъ именемъ Кавелехта. Борхи также потеряли свои владѣнія въ Лифляндіи, оставшись только при владѣніяхъ въ Рѣжицкомъ уѣздѣ. Послѣ чего Г. Адольфъ обратился отъ деревни Вальмуйжа, мѣста пораженія Сапѣги, на Рѣжицу, Люцинъ и Маріенгаузенъ, которыми овладѣлъ безъ боя, потому что они въ это время не были укрѣплены, и потомъ, минуя Динабургъ, переправясь чрезъ Двину, подступилъ къ Биржанскому замку, принадлежавшему Криштофу Радзивилу. Нужно сказать, что въ 1610 году Бениславскіе получили отъ Польскаго короля Биржанскія владѣнія, въ которыхъ основали замокъ для борьбы съ Псковичами. Однакожъ хотя преданіе и указываетъ на существованіе въ Биржѣ какого то замка, но онъ не имѣетъ впрочемъ никакой исторической извѣстности подобно и другимъ замкамъ, появившимся въ это время у насъ, а именно: Лявдерскому и Дзенигальскому. Но Густавъ Адольфъ направился не къ Биржѣ Бениславскаго, а за Двину къ Радзивиловской Биржѣ, находившейся въ Ковенской губ. Хотя Радзивилъ былъ во враждѣ съ Гетманомъ, который занималъ должность, принадлежавшую ему по праву, и который преслѣдовалъ своего совмѣстника такъ открыто, что запретилъ Минскимъ и Новогрудскимъ крестьянамъ Радзивила вербоваться въ его полки; однакожъ Густавъ Адольфъ нашелъ

такой сильный отпоръ, что только, по истеченіи мѣсячной осады, успѣлъ овладѣть Биржею, откуда вывезъ въ Ригу громадный запасъ оружія, между которымъ находилось однѣхъ только пушекъ 60. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, почему Густавъ Адольфъ, по взятіи Рѣжицы и Люцина и не нашедши тамъ оружія, которое капитаны и хорунжіе тратили на свои потребности, оставляя свои замки даже безъ пороха на выстрѣлъ, оставилъ Динабургъ и бросился на Биржу. По завоеваніи Биржи, путь къ Вильнѣ для Шведовъ былъ открытъ и Г. Адольфъ приказалъ Горну и Лябару сдѣлать попытку вторгнуться во внутрь Литвы, самъ же обратился назадъ къ Ригѣ, такъ какъ узналъ о назначеніи въ нашу страну Сигизмундомъ новаго полководца—Литовскаго референдарія Александра Гонсѣвскаго. Сапѣга, дѣйствительно, славился своимъ дипломатическимъ искусствомъ, но никогда онъ не былъ полководцемъ. Впрочемъ не только Сапѣга, но и Кр. Радзивилъ оставались дѣйствующими лицами на аренѣ борьбы номинально. Какъ далеко проникли въ Литву Горнъ и Лабаръ, но перваго мы уже видимъ вскорѣ въ Лявоніи выступившимъ на встрѣчу неприятеля по направленію къ Лиснѣ, гдѣ Гонсѣвскій устроилъ ему засаду, пославъ въ въ нее Плятера. Битва произошла упорная, въ которой Горнъ потерялъ своего полковника Ляскопела, но Поляки потеряли въ этомъ сраженіи Плятера. Горнъ былъ отбитъ отъ своего направленія и отступилъ къ Евикштѣ. Въ это время и Густавъ Адольфъ потерпѣлъ также неудачу. При выступленіи изъ Инфлянтовъ на Биржу, онъ оставилъ мостъ на Двинѣ для беспрепятственнаго своего сообщенія изъ—за Двины съ Инфлянтами, устроивъ на обоихъ берегахъ Двины шанцы, для обереженія ея отъ переправы неприятеля. При возвращеніи въ Инфлянты, Густавъ Адольфъ уже не находитъ ни моста, ни шанцовъ, а почему долженъ былъ отступить ниже по Двинѣ, переправясь черезъ нее. Между тѣмъ Гонсѣвскій спѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы отнять наши замки изъ рукъ Шведовъ, такъ какъ въ рукахъ Гонсѣвскаго находился только одинъ Динабургскій замокъ, который онъ укрѣпилъ прочно, для отраженія неприятеля. Такъ какъ, еще до прибытія Гонсѣвскаго, Сапѣга командировалъ сюда Константиновича и Девялтовскаго для возбужденія шляхты и составленія ополченія, то, по призыву ихъ явились подъ Рѣжицу и бѣлая шляхта, и черная шляхтурка. Въ Рубонѣ

историческомъ *) сборникѣ Буйницкаго напечатана хроника іезуита Іордана, участвовавшаго въ этомъ ополченіи, въ которой означены имена Шляхтичей, явившихся къ Гонсѣвскому, изъ которыхъ Гонсѣвскій Борха назначилъ капитаномъ Рѣжицы, Карпицкаго капитаномъ Люцина, а Ушацкаго капитаномъ Маріенгаузена. Надъ ними ротмистромъ назначилъ Гильзена, управленіе конницею вручилъ французу Лямонтаню и Снарскому а артиллерію поручилъ Фелькерзаму.

V. Первымъ подвигомъ этого ополченія была осада Рѣжицы, которою командовалъ Фальштернъ, храбрый Шведскій капитанъ который мужественно встрѣтилъ своего непріятеля, отражая осаду его почти цѣлыя сутки и непріятель вступилъ въ крѣпость только тогда, когда Фальштернъ палъ въ битвѣ. По взятіи Рѣжицы послѣдовала обычная пирушка, на которой Нѣмцы и Поляки, изъ-за національной антипатіи, едва было не передрались, причемъ Поляки высказывались по обычаю съ зарокомъ: „пока святъ (свѣтъ) будетъ святомъ, никогда Полякъ не будетъ Нѣмцу братомъ“. Однакожъ наши друзья, въ виду общей опасности, помирились и отправились далѣе въ путь. Въ составѣ прочей шляхты этого времени мы находимъ слѣдующія фамиліи „Оборскихъ, Гуморскихъ, Ходковскихъ, Стротковскихъ, Пальцевичей, Дзенгилевскихъ, Голумбіевскихъ, Осаидовскихъ, Деренговскихъ, Савицкихъ, Бутвиловскихъ, Свиптицкихъ, Бушевичей, Жолондзей и др. Впослѣдствіи къ этимъ фа-

*) Хотя Поляки присвоиваютъ себѣ право на исторію ихъ доблестныхъ дѣяній въ Инфлянтахъ, однакожъ и у нихъ, какъ и у рыцарей нѣтъ ни одного цѣльнаго произведенія о періодѣ ихъ господства въ нашей странѣ, также какъ и у рыцарей. Впрочемъ о Гонсѣвскомъ мы встрѣчаемъ въ хроникѣ іезуита Іордана, сопровождавшаго Гонсѣвскаго въ этомъ походѣ. Однакожъ въ подлинность и достовѣрность ея нѣтъ возможности вѣрить и она есть, безъ сомнѣнія, вымыслъ поздняго времени, — чистая фабула, въ которой мы не находимъ никакихъ датовъ ни по хронологіи, ни по топографіи. Очевидно, что эта хроника составлена съ цѣлью выставить миссіонерскія заслуги іезуитовъ, что оказывается изъ описанія дикарки Латышки, захваченной жолнерами въ лѣсу въ плѣнъ. Одичаніе этой Латышки описано съ крайней утрировкою, при которой она изображается и безсловеснымъ, и безсмысленнымъ существомъ, въ видѣ звѣренка, однакожъ, при стараніяхъ и искуствѣ іезуита въ скоромъ невѣроятно времени и осмыслившимся и научившимся говорить. Поляки восторгаются этою хроникою, вѣря ея истинамъ, но для Русскаго читателя ея фабулы оказываются неубѣдительными. Эта хроника помѣщена въ Рубонѣ Буйницкаго, который, кажется, и смастерилъ ее.

миліямъ прибыли изъ Польши нѣкоторыя и изъ знаменитыхъ фамилій напр.: Зарембы, Шадурскіе, Вейтки и др. Въ скорое время они заплодили всю страну, такъ что и Нѣмецкія фамиліи ополячились. Нѣмцы—народъ умный, первые оказались готовыми на уступку. Избирая изъ двухъ золъ меньшее, они находили для себя больше выгодъ въ союзѣ съ Поляками, чѣмъ со Шведами, потому что у Поляка было болѣе свободы и простора для своеволія, чѣмъ у Шведа и, въ особенности, если вступившій съ нимъ въ союзъ соглашается на принятіе католичества. Нужно сказать, что многіе изъ нихъ еще держались протестантизма, какъ напр.: Плятеры, Борхи, Гильзены, но въ послѣдствіи и эти фамиліи ополячились съ окончательнымъ поступленіемъ Инфлянтовъ подъ Польское владычество. По завоеваніи Рѣжицы, ополченіе направилось къ Люцину, комендантъ котораго замка, не надѣясь получить для себя подкрѣпленія изъ Ливоніи, сдалъ замокъ безъ боя. Хроника описываетъ этотъ замокъ подробнѣе, чѣмъ прочіе, замѣчая, что по обширности его не было ему подобнаго въ Ливоніи; а о Маріенгаузенскомъ замкѣ хроника говоритъ, что онъ уже въ то время былъ уже развалинами, въ которыхъ жили только мыши, да крысы. Гонсѣвскій на столько радовался своему завоеванію, что на память о Ликсинской битвѣ онъ подарилъ мызу Авлю іезуитамъ, которые устроили здѣсь свой первый костелъ. Призваніе Ордена іезуитовъ, посланныхъ въ началѣ къ Нѣмецкимъ рыцарямъ, гдѣ они основали свою резиденцію въ Браунсбергѣ, а потомъ въ лицѣ Гозія въ Польшу. Въ нашу страну они были призваны Ст. Баторіемъ по покореніи имъ Полоцка, гдѣ онъ имъ будто бы такъ говорилъ„: Отцы! зачѣмъ вы стремитесь по слѣдамъ вашего О. Ксавье въ отдаленную Индію? Вотъ я покорилъ страну схизмы и намѣренъ отнять у царя Ливонію, гдѣ дерзко блуждаетъ Лютерова ересь: кто же мнѣ будетъ пособникомъ для исторженія изъ этихъ странъ и ереси, и схизмы? Оставайтесь здѣсь,—и я надѣлю васъ богатыми имѣніями и вѣчными доменами, и жизнь ваша здѣсь будетъ лучше, чѣмъ въ отдаленной и неизвѣстной Индіи“. На этомъ фактѣ іезуиты и требовали у Поляковъ выдѣла для себѣ фундушей и донацій. Противъ водворенія ихъ сопротивлялись вначалѣ Нѣмцы, но Поляки, ожидая себѣ помощи отъ іезуитовъ въ борьбѣ съ Нѣмцами, звали ихъ, поступаясь фундушами. Но возратимся къ продолженію разска-

за о борьбѣ Сапѣги со Шведами. Чтобы оградить себя отъ Шведовъ въ Инфлянтахъ хотя до рѣки Евикшты, Сапѣга поспѣшилъ устроить по ней шансы по указанію Криштофа Радзивила, который теперь съ нимъ помирился, и они начали дѣйствовать за одно. Эти успѣхи на столько воодушевили Поляковъ, что они рѣшились напасть на Шведовъ уже въ самой Ливоніи, а почему Гонсѣвскій направился на Кокенгаузенъ, а Сапѣга направился на самую Ригу. Однакожъ неприятель зорко слѣдилъ за дѣйствіями Польскихъ Инфлянтчиковъ, и Горнъ, выступивъ изъ Вольмара, заставилъ Гонсѣвскаго отступить во свояси, а Густавъ Адольфъ, встрѣтивъ Сапѣгу на его пути къ Ригѣ, погналъ его обратно за Евикшту, при переправѣ чрезъ которую произошла ожесточенная схватка между неприятелями, при чемъ подъ Шведскимъ королемъ была убита лошадь, и онъ опрокинулся съ нея; но успѣлъ спастись невредимымъ, послѣ чего снова бросился на врага и выбилъ его изъ шанцевъ, причемъ до 600 человѣкъ убыло изъ Польскаго отряда. Такъ молодой Шведскій король испытывалъ и упражнялъ свои силы въ борьбѣ съ Польскими наѣздниками на аренѣ нашей страны, какъ бы для того, что ему судьбою предопредѣлено было поразить потомъ въ Протестантской 30-ти лѣтней войнѣ Нѣмецкихъ католиковъ, высылавшихъ на насъ въ былыя времена такія массы крестоносцевъ. Не любилъ этотъ герой католиковъ всею своею душою и думалъ давно о приготовленіи имъ великой мести и тяжелыхъ пораженій. Онъ еще разъ, вторично, вызывалъ Московскаго царя въ союзъ противъ Польши, приготовивъ уже 20 огненосныхъ лодокъ для осады Витебска, убѣждая царя напасть съ своей стороны на Литву. Еслибы этотъ союзъ состоялся, то, вѣроятно, уже въ это время Сигизмундъ испыталъ бы на себѣ и своемъ народѣ ту судьбу которую перенесъ нѣсколько позднѣе, чрезъ 30 лѣтъ, одинъ изъ его наслѣдниковъ Іоаннъ Казиміръ, предсказатель наступившаго паденія своего государства. Для Москвы было удобное время къ открытію войны съ Польшею, потому что въ это время у Польши были стянуты гарнизоны изъ пограничныхъ крѣпостей: но Сигизмундъ,—орудіе іезуитовъ, чувствуя свое стѣсненное положеніе, отступился и отъ своихъ своихъ фанатическихъ мѣропріятій въ отношеніи Православныхъ, и отъ притязаній на Московскую корону. Густавъ Адольфъ, не видя надежды на Москву, вернулся

въ Швецію, приказавъ Горну продолжать военныя дѣйствія въ Польшѣ, которая еще разъ, въ 1626 г.; 6 генв., потерпѣла отъ Шведовъ пораженіе при Экау, прежде нежели Густавъ Адольфъ выѣхалъ въ послѣдній разъ изъ нашей страны, за судьбу которой онъ такъ жестоко мстилъ необузданнымъ Полякамъ.

VI. Однакожъ Густавъ Адольфъ отправился въ Швецію не для покоя, а избравъ другой путь для нападенія на Поляковъ. Неуспѣвъ войти въ союзъ съ Московскимъ царемъ, Г. Адольфъ узналъ, что въ это время въ Польской Пруссіи появился грозный разбойникъ, называвшійся королемъ Даниломъ и безпрепятственно разорявшій свою страну. Мы не утверждаемъ, чтобы Г. Адольфъ входилъ въ союзъ съ этимъ королемъ, но думаемъ, что дѣйствія этого короля, вѣроятно, подали поводъ Шведскому герою сдѣлать высадку на берега Пруссіи: чтобы воспользоваться царствовавшей тамъ анархіею. Въ самое короткое время Г. Адольфъ овладѣлъ четырьмя главными городами Пруссіи: но мы оставляемъ его походъ въ Пруссіи, упоминая о немъ потому только, что этотъ походъ имѣлъ вліяніе на событія нашей страны. По удаленіи Г. Адольфа изъ нашей страны, Гонсѣвскій успѣлъ, въ продолженіи 1626 года, овладѣть двумя замками за Евикштой: Далепомъ и Ляудономъ; послѣдній Шведы, при перемиріи 9-го Генваря 1827 года, вымѣняли на Биржу. По окончаніи перемирія 8-го Іюня того же года, Гонсѣвскій успѣлъ овладѣть Зельбургомъ и цѣлый мѣсяцъ простоялъ подъ Кокенгаузеномъ безъ всякаго результата. Но на Евикштинскихъ шанцахъ Поляки потерпѣли неожиданную потерю при слѣдующемъ случаѣ. Поляки выслали отрядъ мародеровъ въ 60 человѣкъ; съ наступленіемъ ночи, Шведскій капитанъ Акерсонъ подошелъ къ шанцамъ съ своимъ отрядомъ, который въ темнотѣ ночи Поляки приняли за свой отрядъ и впустили его въ укрѣпленіе. Въ происшедшей борьбѣ между Шведами и Поляками, со стороны послѣднихъ пали: Тизенгаузенъ и Зильдербахъ. Послѣ этой неудачи Поляки потеряли Динабургъ. Впрочемъ, вначалѣ 1627 г., Поляки успѣли нанести значительное пораженіе Шведамъ, разбивъ ихъ при р. Аа. Гонсѣвскій оказался на столько суровымъ къ побѣжденному имъ врагу, что не дозволилъ ему хоронить убитыхъ Шведовъ, говоря, чтобы тѣла ихъ далѣе свидѣтельствовали о его побѣдѣ. Эта побѣда настолько ободрила Поляковъ, что ихъ капитаны

Снарскій и Лонскій стали смѣлѣе и смѣлѣе вторгаться во внутрь Ливоніи, а между тѣмъ Гонсѣвскій совсѣмъ ослабилъ свои караулы. Тогда Горнъ, генералъ Шведскій, напалъ порознь на Польскіе отряды и въ одной схваткѣ съ ними уложилъ до 500 ч. на мѣстѣ съ капитаномъ ихъ Лонскимъ, не дозволивъ, съ своей стороны, побѣжденному врагу похоронить тѣлъ. Когда Гонсѣвскій прислалъ къ Шведамъ со вторичною о томъ просьбою, то Шведы отвѣчали, что „тѣ Шведы, которыхъ Поляки не дозволили нѣкогда похоронить, воскресли бы чтобы пожрать этихъ убитыхъ Поляковъ“. Таково было взаимное ожесточенное отношеніе другъ къ другу сражающихся. Страна находилась въ ужасномъ состояніи: голодъ, моръ, эпидемія, всеобщее опустошеніе и запустѣніе превратили Ливонію въ совершенную мертвую пустыню съ каменными развалинами опустѣвшихъ страшныхъ замковъ, владѣніе которыми пугало всякаго смѣльчака, вслѣдствіе темной прошлой ихъ исторіи. Боевые авантюристы и ексквизадоры, убѣдясь въ совершенномъ разореніи страны на вѣки, спѣшили оставить ее безвозвратно, отыскивая иныя страны аренами для своихъ подвиговъ. Прозорливый Ратоборецъ за судьбу ея, Царь Иванъ Васильевичъ, совершенно вѣрно угадалъ, что враги его сами пожрутъ другъ друга и, наконецъ, отъ нея отступятся. Какъ Шведы, такъ и Поляки вынуждены были наконецъ на заключеніе продолжительнаго перемирія въ г. Альтмаркѣ 1629 г.

VII. Доказательствами того, на сколько оказали враги въ этой войнѣ другъ къ другу ожесточеніе, предавая все опустошенію и истребленію, служитъ и отсутствіе всякихъ литературныхъ свѣдѣній объ этой войнѣ, не сохранившей никакихъ документовъ. Хотя Мантейфель выставляетъ свирѣпость и варварство Грознаго, но послѣ его войны враги приняли наши замки отъ насъ въ цѣлости и съ запасами, чему остались даже описи, сохранившіяся, какъ мы видѣли, въ діаріушѣ Ст. Баторія подъ Псковъ; тогда какъ отъ Поляковъ ничего не оставалось. Этотъ фактъ служитъ доказательствомъ, что наши враги злопамѣрно заботились объ истребленіи всякой жизни въ странѣ, имъ враждебной, каковое состояніе страны приводило ихъ въ восторгъ, для выраженія котораго они не знали мѣры. Фризій, описывая религіозные и культурные подвиги Кіевскихъ бискуповъ, отмѣчаетъ изреченія бискуповъ, радовавшихся паденію нѣкогда величествен-

наго Кіева; напр. онъ приводитъ изреченіе біскупа Андрея Шольдрскаго, изрекшаго при своемъ вступленіи въ 1630 г., какъ будто глубокое замѣчаніе: „Наконецъ-то, я увидѣлъ городъ Кіевъ, славный въ воображеніи, и ничего незначащій надѣлѣ. Такъ проходитъ слава міра сего: цари становятся рабами, властители—подданными и города—мусоромъ". Еще съ большею радостью высказался въ такихъ же чувствахъ одинъ изъ его преемниковъ Залускій: въ 1760 г., также при вступленіи своемъ въ Кіевъ, „Не ужели и ты палъ, Люциферъ, такъ рано поднявшійся"? Всѣ эти данныя, когда протестанты заявляютъ свои притязанія на насажденіе у насъ ими культуры, всѣ эти бисеры ихъ элоквенціи что же означаютъ какъ не то, что они свою дѣятельность заключали въ разрушеніи нашей культуры? Нѣмецкіе историки однакожъ поступаютъ иначе въ этомъ отношеніи: они стараются описывать въ унизительной степени состояніе страны подъ Русскимъ господствомъ, обращаясь съ грустными воспоминаніями къ погибшему прошлому ихъ господства. Такъ Мантейфель описываетъ неоднократно нечистоту, грязь, крайнюю бѣдность нашихъ городовъ, уменьшая на половину число жителей, „состоящихъ, будтобы изъ однихъ евреевъ и пьяныхъ салдатъ, высовывающихъ свои грязныя рожи изъ слуховыхъ оконъ своихъ соломенныхъ избушекъ и конуръ (см. Polnisches Livland.), въ каковое бѣдное состояніе страна приведена по его словамъ, конечно, опустошеніями Русскихъ". Когда были такого рода опустошенія, онъ не указываетъ положительно, напр. говоря, что Люцинскій замокъ разрушенъ Шведами и Русскими въ XVII ст.; а между тѣмъ о войнѣ Поляковъ со Шведами онъ скромно умалчиваетъ. Однакожъ Европейскіе путешественники I й половины XVII в., посѣтившіе Ливонію, всѣ согласно свидѣтельствуютъ о крайнемъ опустошеніи и запустѣніи страны послѣ этой звѣрской и ужасной войны. Кто же былъ причиною этой войны, если не сама пропаганда, стремившаяся къ истребленію всякой у насъ жизни, въ надѣждѣ насадить свою жатву въ нашихъ главныхъ городахъ: Смоленскѣ, Кіевѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и въ нашей странѣ, которую на радость себѣ эта торжествующая пропаганда съ своими трибуляціями и инквизиціями опустошила и разрушила болѣе, чѣмъ Татары въ теченіи 2-хъ вѣковаго своего господства надъ восточною Россіею. Шведы вызвались впрочемъ на миръ по поводу того обстоятельства, что кардиналъ Ришелье, во время кипѣвшей также на Западѣ борь-

бы протестантовъ съ католиками, искалъ въ это время унизить власть Германскаго императора, орудіемъ для чего сама судьба указывала на непримиримаго врага католиковъ Густава Адольфа. Вызовъ этотъ и принялъ за извѣстную субсидію Густавъ Адольфъ, оправдавъ его съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ онъ боролся и въ нашей странѣ. Поляки, сложивши между тѣмъ оружіе, по смер-Сигизмунда, со вступленіемъ на престолъ королевича Владислава, неизвѣстно по какому предлогу, если, не вслѣдствіе только своей маніи къ Москвѣ, объявили походъ на Москву, требуя снова Мономахову Шапку для своего короля Владислава IV.

VIII. Для разъясненія этой маніи Польской націи, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи Мономаховой Шапки, принятіе и санкціонированіе которой связаны съ именами государей, священными для нашей страны, бывшей ареною ихъ доблестныхъ подвиговъ. Притязанія Польскихъ королей на Мономахову Шапку, дѣйствительно, должно признать маніею, ибо эта корона, этотъ клейнодъ есть результатъ своебытной народной нашей культуры, обусловленный своемѣстнымъ, традиціоннымъ призваніемъ суверена, возлагающаго на себя эти регаліи, состоящимъ въ защитѣ Православія. Происхожденіе нашихъ регалій, священное для народа, связано съ судьбою его вѣроисповѣданія. Традиціи этого клейнода заключаютъ идеи о великомъ призваніи народа и его государя, владѣющихъ этою панацеею. Какъ происхожденіе этой Русской панацеи, такъ и ея традиціи, конечно, темны и непонятны для паписта, а, еще болѣе, для Поляка. Интересно припомнить, какъ знаменитый Польскій историкъ того времени разрѣшилъ занимавшій въ то время общество вопросъ: „Цо то есть Мономахова шапка?“ Вопросъ этотъ такъ разрѣшаетъ Стрыйковскій: „Мономахъ велъ войну съ жившими въ Крыму Генуезцами, и, взявъ ихъ колонію Кафу, вступилъ въ единоборство съ Кафинскимъ воеводою, одолѣлъ его и снялъ съ него златую цѣпь, поясъ и княжую шапку, каковые трофеи и донынѣ употребляютъ съ благочестіемъ Московскіе князи“. Нѣтъ нужды доказывать нескладную ложь этого вымысла, обличающуюся съ первыхъ же ея словъ, а именно: Кафа еще не существовала во времена Владиміра Мономаха; воеводы не носятъ коронъ. Генуезцы принадлежали къ Латинской вѣрѣ, а Московскія регаліи есть продуктъ Греческаго культа; и, наконецъ, чтеніе Символа Вѣры коронующимся государемъ ясно

говорятъ объ иномъ происхожденіи ихъ, съ которымъ связаны традиціи объ обязанности нашего государя быть защитникомъ Православія и стражемъ восточной Христіанской культуры на тѣхъ принципахъ, на коихъ она сложилась во времена Константина Великаго и развивалась до Константина Мономаха, вынужденнаго, вслѣдствіе наступавшихъ испытаній для Греческаго народа, передать свою Священную Корону, чтобы спасти честь ея, на главу суверенов болѣе сильнаго народа—Русскаго, способнаго отстоять и ея честь, и исполнить ея традиціи. Итакъ, могъ ли Польскій король, будучи къ тому же католикомъ, возложить на себя такую тяжесть, какъ Бармы, Корона и Поясъ Мономаха? Густавъ Адольфъ, оказавшійся болѣе сильнымъ витяземъ, но и Шведскій герой, высказавшійся по ошибкѣ разъ съ притязаніями на Новгородскій и Псковскій троны и потерпѣвъ неудачу, въ другой разъ уже не рѣшался повторять такую аномалію. Но Владиславъ, въ 1633 году, во второй разъ повелъ свой народъ на гибельную борьбу, надѣясь принудить Москву къ поляковавью, подобно Литвѣ, надѣясь и съ Мономаховою шапкой поступить также, какъ Поляки поступили при присвоеніи себѣ нашихъ храмовъ, или какъ иконы Византійскаго стиля обставили своими аксессуарами. Надѣясь на паническое униженіе православныхъ, своихъ подданныхъ въ Бѣлоруссіи, подавленныхъ грозными мѣрами инквизиціи надъ бѣдными Витеблянами и Украинцами, страдавшими подъ властью уніатскихъ бискуповъ: Рутскаго, Селявы и др. надѣясь на подданство козаковъ, которыхъ манили привеллегіями, видя Густава Адольфа занятымъ на аренѣ 30-ти лѣтней войны въ Германіи за протестантизмъ, Поляки считали это время самымъ удобнымъ для объявленія намъ войны, зная при томъ, что Москва еще не успѣла оправиться отъ времени самозванцевъ. Ни одинъ изъ Польскихъ королей не объявлялъ такого дерзкаго мотива, такой придирчивости для борьбы съ родственнымъ, единоплеменнымъ ему народомъ, съ какимъ мотивомъ выступилъ въ эту войну Владиславъ, попирая наши высшіе и государственные, и національные девизы.

IX. Государь нашъ выслалъ на Владислава двѣ рати: одну главную—подъ начальствомъ воеводы Шеина, знаменитаго своимъ мужествомъ еще съ 1612 года при осадѣ Сигизмундомъ Смоленска, а другую—меньшую приказалъ Псковскому воеводѣ Димитрію Ефимовичу Воейкову набрать изъ Себежскихъ и Опоченскихъ коза

ковъ. Оставляя разсказъ о дѣяніхъ Шеина, имѣвшаго у себя подъ рукою специалистовъ военнаго дѣла по разнымъ частямъ, какъ то: Матисона и Прозоровскаго и совершившихъ много подвиговъ, но не касающихся нашей области, мы прослѣдимъ дѣйствія Воейкова, совершавшіяся въ районѣ нашей страны. Овладѣвъ Себежемъ и Освеею, наши казаки ходили подъ Друю и 20 іюля возвратились домой съ большимъ числомъ плѣнныхъ и провезли съ собою домой нѣсколько пушекъ. Одновременно съ этой партіей Себежанъ Опочане, ходившіе подъ Люцинъ, также 14 іюля возвратились домой съ большимъ полономъ. Торопчане взяли Невель. Между тѣмъ Литовцы рѣшились отомстить нашимъ козакамъ за эти походы набѣгами на Псковскіе пригороды, но Воейковъ выслалъ противъ нихъ своихъ боярскихъ дѣтей, которые встрѣтили Литву на своемъ рубежѣ и разбили ее такъ, что она едва спаслась подъ Лужею. Справляясь съ хроникою Гильзена, мы находимъ, что одинъ изъ его предковъ въ эту войну командовалъ Рѣжицкимъ замкомъ и отличился въ этой войнѣ, изъ чего нужно заключать, что Русскіе проникали до Рѣжицы. Полочане и Дисненцы безъ боя бѣжали отъ непріятеля, переходя почти открыто на его сторону. Изъ заявленій Полоцкаго воеводы Лисовскаго оказывается, что Полочане рѣшительно отказались укрѣпляться и защищаться противъ Московитовъ. Два раза король обращался къ Полочанамъ съ приглашеніемъ занять оставленныя ими земли. (Акты Археолог. ком. т. I грам. 94, 96, и 97). При такомъ оборотѣ войны, король опасался за самый Витебскъ, гражданамъ котораго онъ спѣшитъ возвратить прежнія ихъ привилегіи, отнятыя у нихъ по случаю убійства Іосафата Кунцевича. Равно и положеніе Смоленска становилось критическимъ, изъ котораго онъ спасся какимъ то неожиданнымъ случаемъ, состоявшимъ преимущественно въ мѣстническихъ спорахъ нашихъ бояръ, съ которыми не могъ совладѣть престарѣлый Шеинъ, погубившій тѣмъ не только свою армію, но и плоды геройскихъ подвиговъ Псковской рати. Однакожь Владиславъ спѣшилъ заключить Поляновскій миръ въ 1634 году, на основаніи Деулинскаго. Въ слѣдующемъ году Владиславъ заключилъ Стумдорфскій миръ и со Шведами, на основаніи Альтмаркскаго перемирія.

X. До этого времени, Литовцы были въ родственномъ, дружескомъ отношеніи къ Русскимъ, но пропаганда была причиною совращенія ихъ съ религіознаго пути и причиною ожесточенія

отпавшихъ Литовцевъ къ своимъ бывшимъ собратьямъ. Всѣ эти современныя проклятія и непримиримая ненависть, служащія преградою Русско-Литовскихъ связей какъ въ семейномъ, такъ и въ политическомъ бытѣ, произошли изъ принциповъ пропаганды, совратившей ихъ съ пути вѣры и національнаго родства, и на долго будутъ отравлять жизнь нашего края. Въ средѣ высшихъ классовъ эти проклятія прикрываются образованіемъ, но въ бытѣ среднихъ сословій они процвѣтаютъ и теперь во всей своей силѣ, питаемыя и распаляемыя хитрыми пропагандистами, которые величаютъ нынѣшнихъ Латышей и Литовцевъ новою, молодою націею, родившеюся въ нѣдрахъ священной пропаганды, а Латышей и Литовцевъ, отражавшихъ нѣкогда вторженіе пропаганды въ нашу страну старыми Летами и Литовцами (Poln. Livf. стр. 65), производившими дикія нападенія на божіихъ рыцарей нашихъ замковъ, изъ которыхъ послѣдніе совершали набѣги въ языческія земли Латышей съ перемѣннымъ счастіемъ. Измышленіе современными писателями для Латышей и Литовцевъ названія молодой націи въ отличіе отъ ихъ предковъ очевидно изобрѣтено пропагандою въ видахъ самоотрѣченія Литвы отъ своей національности: но такимъ самоотверженіемъ не отличились наши Латыши въ угоду пропагандѣ, терпѣніе которыхъ однакожъ истощилось въ послѣднее время, какъ увидимъ ниже при описаніи послѣдняго Польскаго мятежа. Впрочемъ, какъ ни смѣлы и дерзки были притязанія пропаганды противъ бѣдныхъ Латышей и Литовцевъ, но болѣе дерзкими оказывались замыслы Поляковъ противъ Москвы и Русскаго народа. Кто же былъ вождемъ этого дерзкаго замысла? Въ самомъ дѣлѣ, неужели это были короли: Сигизмундъ и Владиславъ, которыхъ мы видѣли во главѣ ополченія? Однакожъ на дѣлѣ оказывается, что съ перваго же взгляда заправителемъ этого движенія выступаетъ католическое духовенство.

XI. Изъ всѣхъ этихъ войнъ Польша вышла съ крайними потерями, *) лишившись при томъ добраго имени, которымъ пользо-

*) Польскіе паны и Литовскіе бояре, обогатившись при разореніи ими Нѣмецкаго ордена, а также во время грабежей своихъ на Псковскихъ походахъ и во время самозванцевъ, въ послѣднюю войну, а прежде въ борьбѣ съ Густавомъ Адольфомъ, погубили свои сокровища и награбленное богатство не производительно, такъ что корона не имѣла средствъ расчитаться съ ея затратами, потерянными на вооруженіе въ этихъ войнахъ. Казаки убѣдились въ невыгодѣ союза съ сумасбродною и своевольною націею

валась до начала борьбы своей съ Іоаномъ Грознымъ, заступивъ мѣсто несчастныхъ рыцарей. Какъ велики были потери Польши, оказывается то изъ обѣдненія ея казны, въ которой не достало средствъ для уплаты Сапѣгѣ, Литовскому гетману за тѣ издержки, которыя онъ затратилъ для веденія войны за Инфлянтами. Осталось одно изъ его писемъ къ своему сыну, въ которомъ онъ жалуется на не уплату ему казною денегъ за свои затраты на войнѣ. Впрочемъ, вслѣдствіе особенныхъ его настояній, король уступилъ ему городъ Друю, переименованный въ честь именитаго владѣльца Сапѣжинскомъ. Если были обижаемы казною въ разсчетѣ такія высокопоставленныя лица, какъ Левъ Сапѣга, то какова же была доля мелкой шляхты, на которой опирались сила и оборона государства? Это и было причиной, что мы такъ часто встрѣчаемся въ Польской исторіи съ неповиновеніемъ и уклоненіемъ мелкой шляхты отъ своихъ обязанностей, т. е. отъ обороны государства, такъ часто встрѣчаемся съ растратами казеннаго имущества, произведенными панами. Не имѣя средствъ вознаградить заслуги шляхты изъ казны, правительство поступалось уступкою шляхтѣ новыхъ привилегій, напр. послѣ Штумдорфскаго мира ей была дозволена торговля въ Динабургской таможнѣ съ отмѣною стараго и новаго цла, т. е. пошлины. Кто же былъ причиною такой грустной доли нашей шляхты, на это мы находимъ не прямое указаніе, а только косвенный намекъ, оставленный этимъ же Львомъ Сапѣгою въ каламбурѣ, сказанномъ имъ предъ сенаторами: „Завоевавъ Ливонію, сказалъ онъ, мы желали принести даръ Богу и вырѣзали часть изъ Ливоніи для духовныхъ, какъ будто оторвали борты отъ камзола, которымъ намъ самимъ хотѣлось воспользоваться, за что Господь и наказалъ насъ потерею ея. Но, чтобы поправить свою ошибку, на этотъ разъ мы уступаемъ остальную Ливонію духовенству, всю цѣликомъ“. Почему же наша шляхта дѣлала такую широкую уступку своему духовенству? По той естественной причинѣ, что она вступала въ нашу страну, какъ и прежде рыцарство, какъ бы на вассальныхъ отношеніяхъ къ духовенству, въ видахъ миссіонарнаго услуженія послѣднему на пути насильственной пропаганды католицизма и въ той же символо-мистической роли.

XII. Изъ этого каламбура Сапѣги оказывается разладица шляхты съ миссіонерами и духовенствомъ, происшедшая изъ-за раздѣла страны между этими двумя сословіями, а равно оказывается

также и протестъ первой къ правительству за неблагодарность его къ ея заслугамъ. Объ этихъ отношеніяхъ шляхты къ духовенству засвидѣтельствовалъ и нашъ хроникеръ Гильзенъ, упрекая Польское правительство въ неисполненіи имъ своего обѣщанія и въ невыдачѣ шляхтѣ условленныхъ субсидій, при чемъ онъ, вспоминая и опираясь на воинскія заслуги шляхты, высказываетъ конкурренцію шляхты съ духовенствомъ и въ дѣлѣ обращенія туземцевъ въ католичество, при чемъ онъ разсказываетъ такого рода фактъ, что въ 1621 году, Ливонскій бискупъ обратился къ Инфлянтскимъ Латышамъ: „Какую они желаютъ избрать и принять вѣру?", то Латыши отвѣчали на этотъ вопросъ бискупа, что „они примутъ ту вѣру, какую угодно будетъ ихъ господамъ указать и куда пойдутъ господа, туда за господами пойдутъ и ихъ подданные". Этимъ фактомъ Гильзенъ говоритъ о двойной заслугѣ своего Нѣмецкаго дворянства, которое въ угоду Полякамъ отказалось, во 1-хъ, отъ своей національной вѣры-протестантизма, избраннаго Ливонскими Нѣмцами и отвергнутаго въ пользу Польскихъ обѣщаній нашими Нѣмцами, и, во 2-хъ, что наши туземцы и принятіемъ католицизма обязаны не Польской миссіи, а волѣ своихъ господъ. Этотъ разсказъ Гильзена о предложеніи епископа туземцамъ выбора вѣры указываетъ также на то, что наши туземцы уже имѣли прежнюю свою вѣру, которую должны были оставить по требованію господъ, изъ чего оказывается, что Польскіе писатели ошибаются, сравнивая нашихъ Латышей съ звѣрятами, и утверждая, что у Латышей первая вѣра—Католическая. Этотъ фактъ говоритъ не въ пользу Польской миссіи, которая является водворившеюся у насъ не посредствомъ проповѣди, а путемъ насилія и съ притязаніями на господство тамъ, гдѣ она ни сѣяла, ни жатвы не собирала. Значеніе Нѣмецкаго дворянства въ нашей странѣ Гильзенъ поясняетъ еще и другимъ фактомъ. По взятіи отъ насъ Ливоніи, Баторій хотѣлъ уничтожить право помѣщиковъ на тѣлесныя наказанія крестьянъ, съ каковымъ предложеніемъ онъ и обратился къ послѣднимъ, на что они отвѣчали нежеланіемъ уничтоженія этого права. Удивленный будто-бы такимъ отвѣтомъ крестьянъ, Баторій отвѣтилъ: „Phryges non nisi plagis emendantur", т. е. что Фригійцы исправляются не иначе, какъ палками. Конечно, этимъ фактомъ Гильзенъ старается объяснить гуманность Нѣмецкаго дворянства къ отношеніи своихъ подданныхъ, поучительную для необузданной Польской шляхты, и

этимъ фактомъ онъ очевидно упрекаетъ Польскую администрацію, которая оказывается въ неблагодарности къ заслугѣ нашихъ ренегатовъ Нѣмцевъ, обратившихся въ католичество, безъ перехода которыхъ въ Польскій лагерь, Польша, конечно, потеряла-бы и нашу страну, которую она въ это время назвала Восточною Ливоніею. Конкурируя со Шведами, Польша обѣщала много привиллегій нашимъ Нѣмцамъ, водвореніе которыхъ въ нашей странѣ оказывается только съ паденіемъ Риги. Переходъ ихъ на сторону Польши Густавъ Адольфъ однакожъ наказалъ отнятіемъ у нихъ ихъ владѣній въ Ливоніи. Изъ перешедшихъ Нѣмцевъ въ нашу страну мы находимъ Гильзеновъ, Борховъ, Плятеровъ, Зиберговъ, Молей, Тизенгаузеновъ, Тизенпольтовъ, Зиберговъ, Молей, Реутовъ, Ромеровъ, Кимборговъ, Мантейфелей, Вальденовъ, Тизенгольтовъ, Шредерсовъ, Корней, Вольфовъ-Людингаузенскихъ, Керновъ, Розеновъ, Келлеровъ, Гейкинговъ, Деренгофскихъ, Вейсенгофовъ, и др. фамилій.

ГЛАВА XI.

Внуки Іоанна Грознаго, какъ исполнители культурныхъ его принциповъ во время Московской войны за Малороссію съ Поляками, или борьба страны съ Польшею, при пробужденіи ея отъ вѣковаго мертвеннаго сна.

Quid tibi, Polone, cum faretra? Gladium tua dextra recusat.

I. Потерявъ къ Ливонской войнѣ, окончившейся Стумдорфскимъ миромъ въ 1635 году, большую часть Ливоніи, удержавъ за собою только меньшую ея часть, лежавшую за р. Евикштой, на востокъ отъ первой, Поляки какъ будто и не чувствовали своей потери. По крайней мѣрѣ, Польскій канцлеръ краснорѣчивый Оссолинскій въ своей рѣчи предъ Папою, въ 1638 г., свидѣтельствовалъ, что изо всѣхъ Католическихъ державъ только одна Польша не можетъ терпѣть въ предѣлахъ своей территоріи никакой ереси, каковыя слова и оправдываются во внутренней борьбѣ этого времени въ Польшѣ католиковъ съ своими разновѣрцами за господство Католицизма. Гильзенъ говоритъ, что и эту часть Ливоніи, названную Восточною Ливоніею, т. е. Livonia Australis, Поляки удержали за собою по совѣту Ливонскаго епископа, къ которому сенатъ предъ заключеніемъ мира обратился съ вопросомъ, „какую часть изъ отторгаемыхъ Швеціею у Польши земель, удержать за собою?“—на каковой вопросъ бискупъ посовѣтовалъ лучше промѣнять Польскую Пруссію на нашу страну, какъ болѣе подручную для пропаганды. Епископъ не высказалъ, съ какой стороны наша страна была удобнѣе, чѣмъ Польская Пруссія для пропаганды, но, соображаясь съ прошедшими происшествіями въ нашей странѣ и съ послѣдующими, оказывается, что епископъ указывалъ Полякамъ на нашихъ Нѣмцевъ ренегатовъ, отдѣлившихся отъ Латинской федераціи и посвятившихъ себя Польскому рыцарству. Находясь въ нашей странѣ разъединенными и съ Германіею и съ своими прежними Ливонскими собратьями, они,

*

естественно, должны были служить всѣми силами лозунгу Посполитой рѣчи. Въ надеждѣ на ихъ усердіе, Польша, быть можетъ, и не направляла до сего времени своей пропаганды въ нашу страну, забота о которой за это время у Польскаго правительства высказалась только учрежденіемъ въ 1648 г. новаго цла или таможенной пошлины у Динабургской пристани, получающей особое значеніе, съ потерею Риги Польшею. Эти привиллегіи въ своей дѣятельности наше Нѣмецкое дворянство оправдало въ этотъ періодъ времени во всякомъ случаѣ, и Польшѣ на его защиту можно было расчитывать, что увидимъ изъ послѣдующихъ событій нашей страны, и что оно было не чуждымъ элементомъ для Польши, служа въ званіи Польскихъ рыцарей, или шляхты, хотя ихъ національность и мѣшала во многомъ слиться съ Польскими интересами, какъ это мы видѣли изъ спора его съ Поляками въ лагерѣ Гонсѣвскаго. Не смотря на то, оно занимало первыя мѣста въ странѣ, и при его помощи Польша удержала Ливонію за собою, а почему оно и удержало за собою свое положеніе рыцарскими подвигами, совершенными въ интересахъ Польши за свое случайное положеніе. Что касается какъ водворенія у насъ Польской шляхты, такъ и дѣятельности католическаго духовенства въ нашей странѣ за это время, то мы нигдѣ не могли отыскать для того данныхъ. Должно также отмѣтить тотъ фактъ, что, для привлеченія шляхты въ нашу страну, она была избавлена отъ платы и стараго мыта, и новаго цла въ упомянутой Динабургской таможнѣ. Въ отношеніи состоянія Католицизма въ нашей странѣ, о процвѣтаніи котораго составители сеймоваго постановленія 1678 г. упоминаютъ, какъ увидимъ ниже, то мы нигдѣ не отыскали данныхъ для опредѣленія этого процвѣтанія, хотя нѣтъ сомнѣнія, что католичество, преслѣдуя въ это время нашихъ Полоцкихъ іерарховъ Мелетія Смотрицкаго и Сильвестра Косова, проникло въ нашу страну и основало, кромѣ упомянутой Аули, подаренной іезуитамъ, свои костелы и плебаніи, но въ незначительномъ количествѣ, напр. въ Ливенмуйжѣ, Рушонахъ и Фейманахъ. Однакожъ правильнаго управленія этою миссіею не существовало, т. е. не было ни точной статистики католиковъ, ни опредѣленій границъ у приходовъ или парохій. Вслѣдствіе убійства Іосафата Кунцевича, Польское правительство въ 1621 г. запретило возведеніе всякихъ Православныхъ церквей въ Полоцкой епархіи, а почему и у послѣдователей этого кореннаго исповѣданія прекращается іерархическій надзоръ, и Православіе

находится съ этого времени въ борьбѣ съ своими врагами. Хотя во главѣ противниковъ Православія стояли въ это время самые ярые фанатики—Уніатскіе митрополиты Рутскій, Селява, но и въ лагерѣ Православныхъ мы находимъ людей высокаго ума и особенной энергіи, для чего должно вспомнить только о Смотрицкомъ, отличавшемся высшею ученостью своего времени. Впрочемъ Латины хвалятся его измѣною Православію, въ которой однакожъ онъ раскаялся и перешелъ обратно въ Православіе. Сколько Смотрицкій ратовалъ за Православіе на литературномъ поприщѣ, то полный списокъ его произведеній представляетъ обширный каталогъ и ясно говоритъ о его значеніи. Изъ современныхъ Православныхъ ученыхъ съ нимъ только могутъ равняться ректоръ Кіевской Духовной Академіи Гизель и Кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Благодаря энергіи этихъ высокихъ людей и оказывается, что не смотря на всѣ усилія нашихъ ренегатовъ: Рутскаго, Селявы и др., которыхъ католики величаютъ атлантами Уніи, Православіе, хотя пострадало отпаденіемъ въ нашей странѣ многихъ дворянскихъ фамилій, нар. Рыковыхъ, Буйвидовъ, Верещинскихъ, Богомольцевъ, но въ народѣ оно имѣло крѣпкіе корни. Но обратимся къ изложенію самихъ событій.

II. Какъ ни грозно было такое завѣреніе Польскаго-Канцлера Оссолинскаго, но вспыхнувшее возстаніе Казаковъ доказало его хвастливость. Поляки были не въ силахъ усмирить возмущенія. Вмѣсто того, чтобы отказаться отъ гордыхъ замысловъ, Поляки вызвали для себя новыя испытанія. По случаю подданства Малороссіи Московскому царю, Польша, вслѣдствіе своей воинственной маніи къ Москвѣ, поспѣшила объявить Москвѣ вызовъ на войну. Поляковъ постигли неудачи въ борьбѣ съ Малороссами или козаками, но большія несчастія постигли ихъ съ наступленіемъ войны съ Москвою, которая въ 1654 году снарядила двѣ рати, изъ которыхъ: одна, подъ предводительствомъ самого Государя Алексѣя Михайловича направилась на Смоленскъ, подступивъ къ нему 15 Іюля. На защиту послѣдняго отправились всѣ наши Бѣлорусскіе ренегаты и наши Инфлянчики, изъ которыхъ выдавались: полковникъ Корфъ, ротмистръ Тизенгаузенъ и старосты: Рѣжицкій Бернъ и Динабургскій Вольфъ. Осада задержана была искусствомъ инженера-Поляка Боноллига, который однакожъ 23-го Сен. долженъ былъ сдаться. Главный бой былъ на башняхъ Ве-

селухѣ и Молоховскихъ воротахъ. На Смоленской стѣнѣ находилось 36 башенъ; 60 орудій было въ дѣйствіи, 46 гаковицъ, 8 серпентиновъ и множество другихъ орудій. Поляки отстрѣливались тѣмъ порохомъ, который имъ Шеинъ оставилъ еще въ 1612 г., а именно: 77 бочекъ пороху, 11 барилъ (барила 3 четверика) и 8 солановъ (немного менѣе барилы). Польское правительство было не довольно дѣйствіями своего Смоленскаго воеводы Абрамовича и предало его подъ слѣдствіе, на которомъ Абрамовичъ показывалъ о расхищеніи пороха Литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ. Другая рать подъ предводительствомъ воеводы Василія Петровича Шереметьева направлена была на покореніе Велижа, Дисны, Дриссы и Витебска. И та, и другая рати исполнили блестящимъ образомъ свое назначеніе, покоривъ предназначенные пункты и углубившись въ Бѣлоруссію по пути къ Вильнѣ и разбивъ подъ Головчинымъ 23 Сент. Литовскаго гетмана Януша Радзивила. 22 Ноября Шереметьевъ овладѣлъ послѣ Велижа Витебскомъ. Въ томъ же году палъ и Полоцкъ. Направляя въ 1655 году эти рати на Вильну, Государь приказалъ Псковскому воеводѣ Аѳонасію Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину занять Польскіе Инфлянты, гдѣ Шведы утвердились уже въ Лужѣ и Рѣжицѣ, стараясь не допустить занятіемъ этихъ городовъ приближенія Русскихъ къ морю, какъ такимъ образомъ Пуфендорфъ мотивируетъ занятіе этихъ городовъ Шведами. На самомъ дѣлѣ, воинственный король Шведскій Карлъ X, Густавъ рѣшился вмѣшаться въ нашу войну съ Польшею, видя изъ быстрыхъ успѣховъ нашего оружія удобную минуту поживиться на счетъ падавшей Польши. Потерпѣвъ неудачу на Инфлянтахъ, или какъ ихъ называли теперь Поляки Восточной Ливоніею, Карлъ, заключивъ союзъ съ Бранденбургскимъ герцогомъ и Трансильванскимъ господаремъ Ракочіемъ, напалъ на самую Польшу, овладѣвъ Варшавой и Краковымъ. Между тѣмъ нашъ Ордынъ-Нащокинъ напалъ на Динабургскій замокъ, единственный пунктъ на Инфлянтахъ, который еще оставался у Поляковъ, отъ каковаго замка Польскій комендантъ Комаровскій однакожъ успѣлъ отразить Ордына-Нащокина. По отступленіи Нащокина, Комаровскій спѣшилъ сдать свой замокъ 1 Іюля Шведамъ. Вѣроятно, уже по этому обстоятельству должна бы возгорѣться война между Москвою и Шведами, но стараніями Ордына-Нащокина, котораго Пуфендорфъ—въ своей исторіи Карла X Густава аттестуетъ, какъ vir astutissimus omnium-

mortalium т. е. мужъ, хитрѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, въ 1655 году разрыва между Шведами и нами не послѣдовало. Между тѣмъ Поляки, чтобы спасти свою Варшаву отъ Шведовъ, согласились на уступку имъ Восточной своей Ливоніи, если они ее отвоюютъ у насъ. И, дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1666 году Шведы овладѣли также Друею и Дрисою, находившимися въ нашихъ рукахъ. Нашъ дипломатъ Нестеровъ заявилъ Шведскому королю, что жители этихъ городовъ просятъ Московскаго Государя освободить ихъ отъ Шведскаго короля, находиться въ подданствѣ котораго они не желаютъ, не зная Шведскаго языка. Шведовъ также не терпѣлъ нашъ народъ и по другимъ городамъ, выражая къ нимъ свое раздраженіе и нерасположеніе.

III. Хотя война съ Польшею продолжалась, но государь рѣшился открыть войну и со Шведами, назначивъ въ помощь къ Ордыну-Нащокину двѣ рати: одну на Ригу, а другую въ Финляндію на покоеніе Ингріи. Финны покорились намъ безъ сопротивленія, открывъ даже сами возмущеніе противъ Шведовъ, но путь на Ригу сопровождался усиленною борьбою. Изъ переписки начальника этой арміи Семена Лукьяновича Стрѣшнева оказывается, что 18 Іюля наши войска подступили къ Динабургу, въ которомъ сидѣлъ полковникъ съ гарнизономъ въ 400 человѣкъ *). Со времени начатія нами осады, Нѣмцы не позволяли нашимъ стругамъ проходить по Двинѣ мимо замка. 29 Іюля Стрѣшневъ извѣщаетъ Государя, что Нѣмцы выбѣжали изъ Овикшты, оставивъ тамъ только роту солдатъ. Авикштой Стрѣшневъ называетъ, безъ сомнѣнія Крейцбургъ. 31 Іюля воевода извѣщаетъ Государя о взятіи, наконецъ, Динабурга. Соловьевъ такъ описываетъ самый приступъ нашихъ войскъ къ Динабургу. За два часа до разсвѣта подступили къ Динабургу 3400 человѣкъ и, за полчаса до разсвѣта, овладѣли большимъ городомъ, а потомъ взяли и меньшой или верхній, гдѣ вырубили всѣхъ людей. Въ царской грамотѣ на имя Трубецкаго, по случаю приказа ему совершить молебствіе за взятіе Динабурга, говорится: „тотъ городъ на высокой осыпи и около того города у Нѣмецкихъ людей земляныя и деревянныя крѣпости были учинены, и нарядъ городу былъ большой, и людей

---

*) Переписка Стрѣшнева съ Государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ помѣщена въ дополненіяхъ къ историческимъ актамъ, т. 4. гр. 28. Гильзенъ въ своей хроникѣ совершенно опустилъ исторію объ этой войнѣ,—новое доказательство искусства Польскихъ историковъ.

въ немъ сидѣло не мало". (Пол. собр. т. I № 185). Динабургъ этотъ былъ не прежній рыцарскій замокъ, существовавшій до Стеф. Баторія, который призналъ необходимымъ перенесеніе Динабурга ниже по теченію рѣки на 15 верстъ. Гваньини означаетъ въ Баторіевомъ Динабургѣ двѣ части: arx—замокъ и civitas городъ, прибавляя при томъ munitissime sita, т. е. сильнѣйше укрѣпленъ, тогда какъ Рѣжицу и Люцинъ называетъ muratae arces, т. е. каменные замки, но безъ городовъ. На ряду съ Динабургомъ Гваньини ставитъ Кокенгаузенскій, Тарвастскій и Ашераденскій замки. Любопытенъ отзывъ нашего Государя о Кокенгаузенскомъ замкѣ, взятомъ нашими войсками въ присутствіи его самого, 14 Августа: „крѣпокъ безмѣрно, ровъ глубокій—меньшій братъ нашему Кремлевскому рву, а крѣпостью сынъ Смоленску граду; сей чрезъ мѣру крѣпокъ". Польскіе писатели говорятъ, что всѣ эти замки находятся въ разрушеніи со времени Іоанна Грознаго, но они сами себѣ противорѣчатъ: иначе къ чему Поляки, на что мы выше упомина-ли, старались хитростью овладѣть Динабургомъ и Венденомъ? Несправедливо также говорятъ Поляки о разрушеніи Динабургскаго замка въ эту войну, такъ какъ Русскіе, по взятіи его, старались объ обновленіи и удержаніи его за собою, назвавъ его Борисо-Глѣбскомъ, а Кокенгаузенъ Димитріе градомъ. Послѣднее названіе дано въ память сына Іоанна Грознаго Димитрія и указываетъ, что этотъ походъ на Ливонію былъ предпринятъ Алексѣемъ Михайловичемъ по завѣту Іоанна Грознаго. Теперь обратимся къ Ордину-Нащокину, изгонявшему Шведовъ изъ нашей страны, о чемъ свѣдѣній не имѣется, но разрушеніе Рѣжицы и Люцина Поляки приписываютъ Русскимъ, а Русскіе Шведамъ которые упорно бились съ Русскими подъ Люциномъ, о чемъ должно заключать по многимъ Шведскимъ монетамъ, находимымъ до сего времени на Люцинскомъ замковищѣ и принадлежащимъ ко времени Карла X. *) О возобновленіи Люцинскаго замка Русскими въ 1662 году мы заключаемъ, по показанію Псковской лѣтописи, что въ этомъ году было предназначаемо для Люцина 165 тюковъ фитиля, каковые однакожъ не были отосланы, по случаю полученія Псковичами извѣстія о выходѣ Литовцевъ на

*) О взятіи этихъ городовъ Русскими мы находимъ свѣдѣнія въ дополненіяхъ къ историч. актамъ т. V стр. 315 т. VI 443 и 455 стр. Впрочемъ городовое т. е. замковое управленіе въ этихъ замкахъ въ это время Поляками было уничтожено.

Люцинъ. И такъ не Русскіе старались объ опустошеніи и разореніи страны, но наши враги, истреблявшіе наши поселенія до основанія, какъ такъ поступали и ихъ предки рыцари, вторгаясь въ Русскую землю. *) Куда наши дѣвались богатые Псковскіе города: Воронячъ, Велье, Дубки, Гостени, также какъ и встрѣчающіяся въ исторіи Пуфендорфа этой войны поселенія нашей страны: Ракишки, Вашпарвы, Оболь и Усколъ? Всѣ эти упреки Польскихъ и Нѣмецкихъ писателей основаны и проистекаютъ изъ національнаго пристрастія и прямо противорѣчатъ исторіи этого времени, въ которое процвѣтала неподлежащая никакимъ сомнѣніямъ и возраженіямъ дивно-высокая дѣятельность изъ многихъ знаменитыхъ людей этого времени извѣстнаго государственнаго человѣка Ордына-Нащокина, исторія котораго принадлежитъ нашей странѣ и составляетъ примѣръ, поучительный для всякаго гражданина и національную гордость Русскаго патріота. Необходимо поговорить подробнѣе о дѣятельности этого мужа, дѣйствовавшаго по принципамъ Іоанна Грознаго въ возстановленіи Православія и древней Русской культуры,—поговорить подробнѣе нѣмъ потому что дѣянія Грознаго очернены и затемнены его врагами, дѣянія, служившія принципами вообще для администраціи этого времени и, въ особенности, для Ордына-Нащокина.

IV. По взятіи Кокенгаузена или Димитріеграда, Государь приказалъ Ордынъ Нащокину управлять этою частью Ливоніи изъ Димитріеграда, который однакожъ онъ долженъ былъ оставить по случаю распространившейся эпидеміи въ При-Двинскихъ городахъ. Воеводы доносили Государю, что, по случаю распространенія язвы въ странѣ, прекратились всякія сообщенія, и всѣ пришли въ ужасъ, принимая къ тому же во вниманіе военное время. Однакожъ Правитель страны спѣшилъ принять всѣ мѣры для прекращенія общественнаго бѣдствія, не только какъ администраторъ, но какъ ближайшій другъ человѣчества и истинный Христіанинъ. Устроивая богадѣльни, монастыри и другія благотворительныя заведенія на общественныя, а чаще на собственныя средства, онъ самъ лично принималъ участіе въ об-

*) Тѣхъ же городовъ, которыхъ они не въ силахъ были истребить, постарались хотя переименовать; какъ переименовали Люцинъ, Динабургъ, Друю, Фастово и др., при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ потерпѣли неудачу, напр. Друя измѣнена Поляками въ Сапѣжинскъ, Фастово въ Верещинскъ: но это измѣненіе, какъ извѣстно, не удалось. Не удались ихъ попытки такого же рода и съ другими примѣчательными поселеніями.

легченіи участи несчастныхъ. Оставляя величіе своего сана, изъ подражанія Христу, онъ не рѣдко самъ служилъ призрѣваемымъ имъ несчастнымъ; посѣщалъ тюрьмы, больницы, что между тѣмъ не препятствовало ему однакожъ преслѣдовать и наказывать разбойниковъ и злодѣевъ. Онъ также ходатайствовалъ предъ Государемъ и Патріархомъ о доставленіи пособій страдальцамъ нашей страны, о чемъ можно заключать, находя грамоту Патріарха Никона къ обитателямъ нашей страны, въ каковой грамотѣ заключается, кромѣ пастырскихъ утѣшеній также и приказаніе гигіеническихъ мѣропріятій. Рядомъ съ этими мѣрами о прекращеніи язвы, онъ предпринималъ мѣры о народномъ продовольствіи, каковая его забота также сохранила жизнь у многихъ несчастныхъ, и мы за это время не встрѣчаемъ потрясающихъ сценъ голода 1601 года. Гильзенъ, между прочимъ, замѣчаетъ въ своей хроникѣ объ этомъ голодѣ, говоря, что щуры, т. е. крысы отъѣдали морды у быдлъ т. е. у коровъ. Однакожъ жизнь людей была защищена болѣе сильными мѣрами, чѣмъ во время голода 1601 года. Изъ внутренняго его управленія особенно замѣчательно его усердіе о прекращеніи разбоевъ, которыми наша страна славилась, со времени рыцарства. Чтобы привести эту мѣру въ дѣйствительность, онъ обращался съ нарочною просьбою къ Государю о присылкѣ къ нему для расправы также и изъ Полоцка подобнаго рода людей, такъ какъ въ Полоцкѣ давали имъ поблажку. Рѣжицкій уѣздъ сыздавна славился ихъ притономъ, а почему Ординъ-Нащокинъ и избралъ этотъ городъ своимъ мѣстопребываніемъ. Для оживленія сношеній и сообщеній этой страны съ сосѣдними землями, О. Нащокинъ учредилъ почты, провелъ тракты, положивъ начало газетнымъ сношеніямъ. *) Хотя иностранцы вообще клевещутъ на жестокость Русскихъ при обращеніи ихъ съ своими плѣнными, но мы имѣемъ отъ этого времени пастырское увѣща-

*) Мантейфель при описаніи Люцина и Динабурга жалуется, что въ этихъ городахъ онъ нашелъ нѣкоторыя улицы не мостовыя. А давно ли, напр. въ Митавѣ,—этомъ главномъ пунктѣ Нѣмецкой культуры въ Ливоніи, появились мостовыя, которыя были устроены только по почину Русскаго губернатора Валуева? Мантейфель минуетъ заслуги нашихъ администраторовъ, для которыхъ еще довольно труда о проложеніи путей сообщенія въ странѣ, уничтоженныхъ рыцарями. Мантейфель жалуется на упадокъ Креславки со времени поступленія ея подъ Русскую власть, на жидовскую грязь въ Люцинѣ: неужели въ томъ виновата Русская администрація, что Креславка потерпѣла столько проскрипцій за свои послѣдніе мятежи.

ніе Полоцкаго епископа къ Псковскому воеводѣ Хованскому о томъ, какъ должно обращаться съ плѣнными: на сколько же Поляки относились варварски и своевольно къ этому вопросу, то хроники разсказываютъ, какъ въ началѣ прошлой войны Польши со Шведами Радзивилъ, находясь въ ссорѣ съ Ходкевичемъ, по свидѣтельству Гильзена, приказалъ плѣнныхъ Шведовъ утопить въ Двинѣ потому только, что они сдались на капитуляцію не ему, а его врагу Ходкевичу. Эти плѣнные, по приказу Радзивила, были привязаны навзничь къ доскамъ, которыя были потомъ пущены по Двинѣ. Утонченное звѣрство, а болѣе того крайній безпорядокъ въ правленіи! Одно лицо даетъ приказаніе, а другое отмѣняетъ это приказаніе и назначаетъ свое сумасбродное: подобнаго безпорядка мы не знаемъ въ бытѣ Русскихъ, у которыхъ законъ руководитъ дѣйствіями правителя. Сами иностранцы замѣчаютъ, какимъ мощнымъ и дѣятельнымъ проводникомъ законности у Русскихъ этого времени оказывается царское званіе, такъ что они величали своего царя Алексѣя Михайловича Justus sol, т. е. солнцемъ правды (Пуфендорфъ). Такъ быстро и животворно развился принципъ, положенный Іоанномъ Грознымъ въ основу Русской жизни. Съ этого времени правда и честность становятся девизомъ Русской культуры. Конечно, и приближенные такихъ повелителей должны были походить на нихъ сколько нибудь, и весь этотъ циклъ героевъ, являющихся въ этой Московской войнѣ, представляетъ яркое созвѣздіе, въ которомъ Ордынъ-Нащокинъ былъ не ложною звѣздою, разливавшею свой свѣтъ въ нашей странѣ не безслѣдно.

V. Всѣ упомянутыя административныя мѣры Ордына-Нащокина быстро оживили, воскресили страну нашу, славившуюся до этого времени только замками, бывшую притономъ для разбоевъ и обратившуюся въ пустыню, воскресили ее къ дѣйствительно-культурной жизни. До этого времени наши города Рѣжица и Люцинъ уже забыли о городской и промысловой жизни; со времени же А. Л. Нащокина, Рѣжица снова является торговымъ пунктомъ нашей страны, благодаря его о ней его заботливости. По открытіи заразы въ Кокенгаузенѣ, Ордынъ-Нащокинъ, поэтому ли случаю, или не надѣясь удержать его за собою или не желая Кокенгаузенъ, какъ Нѣмецкій городъ, обращать въ Русскій, оставилъ его и перенесъ свою резиденцію въ Рѣжицу, которая, съ того времени, начинаетъ привлекать

къ себѣ торговлю, какъ показываетъ привиллегія Элеоноры, Шведской королевы, данная въ 1661 г. Кокеносцамъ на веденіе торговли съ Рѣжицею. Такъ было прочно водвореніе и правленіе Ордына-Нащокина, что Кокеносцы и, съ поступленіемъ подъ Шведскую корону, ищутъ прежней связи съ Русской землею, считая себя ея частью.

VI. По Велесарскому договору въ 1657 году, послѣ неудачнаго похода нашихъ войскъ подъ Ригу, предпринятаго нами вообще поспѣшно, противъ системы, уже указанной I. Грознымъ, который не рѣшался подступить прямо къ ней, но только по завоеваніи Ливоніи, мы нѣсколькими побѣдами надъ Шведами, а именно: подъ Оболемъ, Усколомъ, Крейцбургомъ и Ракишками, принудили Шведовъ оставить намъ Кокенгаузенъ и Дерптъ и, наконецъ, Польскую Ливонію, и поправили свою ошибку—ранній походъ подъ Ригу; но, при заключеніи Кардискаго съ ними мира въ 1660 г., мы отдали имъ обратно Дерптъ и Кокеносъ, а Польская Ливонія, завоеванная нами отъ Шведовъ, осталась за нами. Государь выразилъ свое благоволеніе Ордыну-Нащокину за Кардискій миръ возведеніемъ его въ званіе ближнего боярина. Умиротвореніе Шведа, который вообще въ это время отличался воинственностью и упорствомъ въ борьбѣ, что мы видѣли изъ войны его съ Поляками отъ 1599 до 1635 года и какое онъ оказалъ во 30-лѣтнюю войну въ Германіи, составляло дѣло великаго искусства. Но болѣе высшимъ искусствомъ, со стороны Нащокина, оказывается то дѣло, что этотъ же Шведъ, который велъ такую ожесточенную борьбу съ Поляками, въ войнѣ съ нами не причинялъ у насъ тѣхъ злодѣйствъ, на которыя жалуются Поляки. Не даромъ Пуфендорфъ называетъ Ордына-Нащокина: Vir, astutissimus omnium mortalium. *) Хотя иностранцы клевещутъ, какъ мы выше замѣтили, на самоуправство и жестокость Русскихъ, но одно сравненіе этой войны съ Шведско-Польскою доказываетъ неосновательность этихъ клеветъ. Со времени Кардискаго мира Нащокинъ спокойно управлялъ страною, отразивъ Литву и Поляковъ съ такою силою, что наши Инфлянтчики—ренегаты не смѣли и думать о сопротивленіи Русской власти, удовлетворяя своей страсти къ приключеніямъ за предѣлами нашей страны, какъ о томъ на-

---

*) Замѣчательно, что Наполеонъ 1-й давалъ такой же эпитетъ и Александру Благословенному.

ходимъ свѣдѣніе у Гильзена, повѣствующаго объ участіи ихъ въ борьбѣ съ Любомирскимъ возставшимъ противъ Польскаго короля Іоанна Казиміра подъ Монтвами въ Пруссіи въ 1665 году, гдѣ они держали сторону короля,—и всѣ положили тамъ свои головы, и гдѣ палъ одинъ изъ Гильзеновъ. Ксендзы и всѣ миссіонеры съ патерами іезуитами поспѣшно удалились изъ страны, такъ что въ странѣ не осталось ни одного католическаго костела, какъ гласитъ о томъ сеймовое постановленіе Инфлянтчиковъ 1678 года о возстановленіи костеловъ *). Наконецъ Русскіе обычаи, законы и языкъ на столько ожили въ населеніи, что Поляки должны были отказаться отъ своей рѣчи. Война съ Литвою послѣ Кардискаго мира продолжалась еще 6-ть лѣтъ, въ теченіи каковаго времени мы боролись съ Польскими войсками, правда, не всегда побѣдоносно, но превосходство оружія оказывалось на нашей сторонѣ **). Пьясецкій, свидѣтельствуетъ, что когда Русскіе въ 1667 году предложили Полякамъ миръ на неожиданно выгодныхъ условіяхъ, т. е. отказываясь отъ нашей страны, что на таковыя условія они спѣшили согласиться, уступивъ остальные уѣзды Витебской губерніи, лежащіе надъ Двиною, Смоленскъ и Черниговъ съ Малороссіею, лежащею по лѣвую сторону Днѣпра; при чемъ владѣніе Кіевомъ для насъ ограничили Поляки, срокомъ на два года. Причина, побудившая насъ заключить поспѣшно Андрусовскій миръ заключилась въ томъ, что у насъ непосредственно за этой войною открывалась война съ грозною Турціею; но, поспѣшая заключить этотъ миръ съ Польшею и уступая ей нашу страну, А. Л. Нащокинъ вставилъ въ договоръ знаменательное о ней выраженіе т. е что онъ уступаетъ ее „впредь до особагo о ней разсужденія, т. е. на время“. За заключеніе этого мира Государь наградилъ Ордына-Нащокина массою почестей, наградъ, поставивъ его начальникомъ Посольскихъ приказовъ, давъ ему чинъ оберегателя Царской печати, подаривъ ему городъ Порѣчье.

---

*) Постановленіе не указываетъ виновниковъ снесеній костеловъ и истребленія богослуженія, но очевидно подразумѣваетъ Русскихъ, что совершенно такая же ложь, которую хотѣлъ установить и Ст. Баторій объ опустошеніяхъ Іоанна Грознаго. Такихъ костеловъ еще и немогло явиться въ такое смутное время, какимъ оказывается для нашей страны первая половина XVII вѣка.

**) Поляки уже свою Лифляндію или Ливонію считали окончательно потерянною для нихъ, а въ Москвѣ, съ 1656 г. даже былъ учрежденъ особый приказъ такъ называемыхъ Лифляндскихъ дѣлъ.

Однакожъ Аөанасій Лаврентьевичъ не долго пользовался этими почестями, отъ которыхъ въ 1670 году онъ самъ отказался и, отправился въ Псковскій Крыпецкій монастырь (въ 12 вер. отъ Пскова), гдѣ постригся въ монашество подъ именемъ Антонія, въ каковомъ званіи и окончилъ жизнь уже схимникомъ въ 1680 г. Впрочемъ судьба была на столько не ласкова къ А. Л. Ордынъ-Нащокину, что онъ вначалѣ пострадалъ за Андрусовскій договоръ подвергшись царской опалѣ, вѣроятно, за уступку Полякамъ нашей страны; опалу однакожъ царь вскорѣ снялъ съ него и наградилъ по заслугамъ, убѣдясь въ его невинности. Если бы правительство, по словамъ одного историка, слушалось бы болѣе совѣтовъ Нащокина, то Россія въ эту войну имѣла бы болѣе выигрыша. Однакожъ правительство дважды вызывало его изъ кельи для дипломатическихъ совѣтовъ при переговорахъ съ Польшею, изъ чего нужно заключать, что нашъ великій инокъ и при молитвахъ своихъ къ Богу не опускалъ изъ вниманія судьбы нашей страны. Жизнь его представляетъ научный интересъ, какъ государственнаго человѣка, представителя русской интеллигенціи, оказывается вообще поучительною, какъ высокаго христіанина.

VI. Послѣ Чигиринской побѣды въ 1677 г. надъ Турками, наше правительство должно было развязаться съ Польшею по спорному вопросу о владѣніи Кіевомъ, по каковому вопросу въ 1678 году и въ 1680 году оно дважды договаривалось съ Польшею, которой вынуждено было поступиться Себежемъ и Невелемъ въ 1680 году въ обмѣнъ за Кіевъ. *) Тяжела была для Псковичей уступка Себежа нашимъ врагамъ и тяжела на столько, что по мѣстнымъ легендамъ отъ иконы Себежской Божіей Матери изъ очей ея лика въ этомъ году точились слезы; но мы должны были согласиться на эту уступку, имѣя тяжелую борьбу съ Турками,

*) Причина уступки Инфлянтовъ и удержанія за собою Кіева, гдѣ іезуиты грозили совершеннымъ совращеніемъ православнаго народа въ Католицизмъ, заключилась въ развитіи нашимъ правительствомъ своихъ видовъ въ отношеніи казаковъ. Пропаганда, силившаяся стереть съ лица земли Псковъ, не успѣвъ въ этомъ своемъ намѣреніи, сокрушила мать нашихъ городовъ, Кіевъ, такъ что епископъ Залусскій, увидавъ его въ первый разъ и пораженный его разореніемъ, произнесъ вышеупомянутыя злорадственныя слова: „et tu, Lucifer, cecidisti, qui mane oriebaris!“ Русскіе уступили Полякамъ Инфлянты, для удержанія за собою Кіева, который волновали Дорошенко, Выговскій и др. лица, стремившіеся къ независимости Малороссіи.

и притомъ эту уступку приговорилъ самъ старецъ Антоній Крынецкій, котораго государь Өеодоръ Алексѣевичъ вызывалъ на эти переговоры съ Поляками. Во время этихъ переговоровъ Католическое духовенство успѣло выжать въ 1683 году у Польскаго правительства самую широкую для себя конституцію въ нашей странѣ, что вызвало наше правительство и Польское на новыя недоразумѣнія, для отстраненія которыхъ и то, и другое согласились заключить миръ безъ участія духовныхъ, для каковой цѣли прибылъ въ Москву въ 1685 г. Гримуальтъ Радзивилъ, заключившій съ Москвою Вѣчный миръ, по которому Москва отступалась отъ нашей страны, а также отъ Себежа и Невеля, взамѣнъ Кіева и съ придачей 167 т.; но за то Поляки, оставляя за собою всѣ прочія земли, взятыя нами у нихъ во время прошлой войны, оставляли у насъ всѣхъ плѣнныхъ, всю нашу добычу отъ этой войны, но, что всего важнѣе, обязывались предоставить Православію полную неприкосновенность. Въ этомъ договорѣ поименованы уступленными Польшѣ вмѣстѣ съ Витебскомъ и Полоцкомъ „города Лютинъ, Марпаусъ, Динабургъ и Рѣзица со всѣми полуденными Лифляндами, да Усвятъ, Сурожъ, Озерище и иныя многія мѣста“, въ придачу которымъ по перемирью въ 1680 г. были отданы еще Себежъ, Велижъ и Невель, при чемъ по Андрусовскому перемирью было выдано еще 200,000 руб. и по второму перемирью 2000 руб., а почему этимъ миромъ и прекращалися ссоры и обиды, которыми считалась Москва съ Польшею по Поляновскому миру. Въ договорѣ Вѣчнаго мира такъ обусловлена неприкосновенность Православія въ нашей странѣ: „прекращаются всякія ссоры и обиды, въ которыхъ считалась Москва съ Польшею со времени Поляновскаго мира. Святымъ церквамъ Божіимъ и епископіямъ: Луцкой, Перемышльской, Галицкой, Львовской, Бѣлороссійской и при тѣхъ монастыряхъ архимандріямъ: Виленской, Полотской, Оршанской и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и обрѣтается въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ отправленіе благочестивыя Греко-Россійскія вѣры всѣмъ живущимъ людямъ не дѣлать никакого утѣсненія и къ вѣрѣ Римской и къ Уніи не чинить принужденія и чинить не велѣть, но по давнимъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ блюсти, и благословеніе и рукоположеніе и поставленіе всѣмъ духовнымъ, обрѣтающимся въ благочестіи въ Польшѣ и Литвѣ, принимать въ

богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ отъ Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго по духовному ихъ чину и обыкновенію безъ всякаго прешинанія и вредительства“. Слова: „нечинить принужденія Православнымъ и чинить не велѣть“ доказываютъ полное торжество Православія въ нашемъ краѣ; однакожъ договоръ этотъ остался мертвою буквою, за принятіе котораго Польскими послами Польское духовенство возстало противъ своего правительства, дозволяя себѣ всевозможныя неправды и своеволіе въ отношеніи русскаго населенія, какъ это увидимъ въ слѣдующей главѣ.

XIII. Хотя мы завоевали для Поляковъ отъ Шведовъ и подарили имъ нашу страну, но всматриваясь въ геральдику нашей страны, мы не находимъ въ составѣ ея отъ этого періода времени ни одной Русской фамиліи, очевидно, по той причинѣ, что, со вступленіемъ своимъ, Поляки поголовно изгнали Русскихъ поселенцевъ по первому слову, противъ чего Русскіе не только не поднимаютъ ни протестовъ, ни клеветъ, но даже и не вспоминаютъ словомъ. Въ доказательство этой истины мы представляемъ просьбу Люцинскихъ и Рѣжицкихъ козаковъ сержантовъ: Орла, Ерохова и Волосатаго, урядниковъ Кобылина, Шабанова, Пылкова, Тычинина, Кузьмина, Одинца, Правоторхова, Душкина, Пашковскаго, Игнатьева и Моисеева, которые съ своими 123 рядовыми просятъ Псковск. Красногородск. воеводу въ 1667 о надѣлѣ имъ земли въ Красногородчинѣ, по заключеніи Андрусовскаго договора. *) Неужели эти витязи не пріобрѣли права поземельной собственности въ завоеванной ими землѣ? Да, они были изгнаны фанатизмомъ новыхъ владѣльцевъ изъ своей земли. Между тѣмъ, по поводу возвращенія этихъ героевъ на родину съ пустыми руками изъ завоеванной ими земли, мы обращаемъ вниманіе на эту враждебность Поляковъ, потому что примѣровъ такой вражды мы не находимъ и слѣдовъ у нашего правительства ни при возвращеніи своихъ родныхъ областей, ни при завоеваніи чужихъ земель. Впрочемъ, въ добрый часъ собрались уйти эти герои изъ нашей страны, которая со времени Андрусовскаго мира оказывается не ареною культуры, а ареною новыхъ козней и неправдъ Польской политики.

---

*) Просьба этихъ переселенцевъ помѣщена въ допол. къ историч. актамъ т. V. гр. 55. Просьба этихъ героевъ составляетъ самый свѣтлый контрастъ съ притязаніями нашихъ повстанцевъ послѣднихъ мятежей на предоставленіе имъ привиллегій, какъ наслѣдниковъ завоевателей и пресловутыхъ культуртрегеровъ.

IX. Какъ бы то ни было, вступленіе іезуитовъ въ Литву и Бѣлоруссію составляетъ въ исторіи Латинской пропаганды золотые ея дни, тогда какъ оно составляетъ для Православнаго народа дни испытаній. Съ прибытіемъ іезуитовъ, католицизмъ сталъ усиливаться въ Литвѣ пріумноженіемъ совращавшихся изъ Православія и увлекавшихся и всѣми этими привиллегіями, и этими внѣшними формами богослуженія, соединявшимися съ заказною театральностью, музыкою, но болѣе всего совращавшихся вслѣдствіе притѣсненій и инквизицій. Послѣднія мѣры іезуиты искусно примѣняли къ дѣлу, устрашая своихъ пасомыхъ то пораженіемъ ихъ экскомуникаціями, то побуждая ихъ къ обращенію индульгенціями, юбилеями и т. д. При этихъ мѣрахъ іезуиты собирали обильную жатву на Литвѣ, и историкъ останавливается не на одномъ печальномъ эпизодѣ, подобномъ постигшему въ 1662 г. нашего Виленскаго воеводу кн. Дан. Ефим. Мышецкаго, казненнаго Поляками въ Вильнѣ за вѣрность Православію и Русскому Царю, товарищей и подчиненныхъ котораго пропаганда успѣла увлечь въ измѣну. Въ контрастѣ съ этимъ грустнымъ фактомъ на страницахъ исторіи нашей страны мы видимъ, что новый лозунгъ Русской національности—царское имя, служившее такою отрадою Мышецкому въ послѣднія его минуты предъ казнью, собрало и одушевляло борцовъ нашей страны для дружнаго отпора тщеславной Латыни, освѣтивъ девизы Русской культуры и принципы Русской жизни на аренѣ нашей страны въ поучительныхъ данныхъ, что и составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА XII.

Безправныя присвоенія Латинской пропаганды въ нашей странѣ, вопреки договоровъ; пиры и оргіи Польской шляхты въ воздвигнутыхъ ею палацахъ въ нашей странѣ, на канунѣ паденія Посполитой рѣчи.

Sex sunt aerario perniciosa: consilia bellicosa, aedificia sumptuosa, munera pretiosa, natura litigiosa, vita luxuriosa, mensa gulosa.

Et j'ai vu des palais, des fêtes, des festins,
Des femmes, qui melaient leur blacheur aux satins,
Qui criaient: „triumphons, chantons, celebrons!"

Hugo.

I. При крайнихъ пораженіяхъ, принятыхъ Поляками во время борьбы съ Москвою за Малороссію, возвращеніе Инфлянтовъ подъ Польское управленіе было неожиданною находкою для Поляковъ, каковая неожиданность не только не вразумила ихъ, но еще болѣе распалила ихъ фанатизмъ. Напрасно государственные люди старались сдерживать этотъ фанатизмъ, но духовенство взяло верхъ въ сенатѣ и всѣ главныя части правленія захватило въ свои руки. Прежде всего, мы обратимся къ изложенію въ общемъ очеркѣ устройства Польской администраціи, называвшейся урядами, опредѣленными на сеймѣ 1667 г. До сего времени наша страна не имѣла отдѣльнаго управленія; но, послѣ Андрусовскаго мира, Польша признала необходимымъ дать новое устройство своей администраціи.

II. Всѣ великія предначертанія и усилія воскресителя нашей страны Ордынъ-Нащокина о возвращеніи ей городскихъ и промышленныхъ силъ рушились, съ возвращеніемъ въ нее Поляковъ. Самыя первыя мѣры Польскаго правительства состояли

въ разрѣзѣ съ мѣрами нашего правительства и были направлены къ уничтоженію въ ней и Православія, и Руссификаціи. Не задаваясь изслѣдованіемъ Польской администраціи, въ изданіи которой Поляки указываютъ на превосходство своей культуры надъ нашей, мы однакожъ укажемъ на различіе этихъ учрежденій отъ Русскихъ. Въ основѣ ихъ удержано было Польское республиканское устройство, основанное на сеймахъ, которыхъ назначено было три раза въ годъ, а судебная и полицейская часть отдана была въ руки старостъ и войтовъ, *) изъ которыхъ Динабургскій былъ назначенъ гродовымъ, а прочіе не гродовыми, обязанными въ подчиненіи и въ отчетѣ всякихъ сборовъ предъ гродовымъ. Гродовой или замковой староста рѣшалъ дѣла гражданскія и криминальныя, а не гродовой или земскій только гражданскія и не свыше 500 злотыхъ. Во главѣ староства стоялъ судья или староста и его подсудокъ, и 3 лице писарь. Гродовой староста управлялъ замкомъ, на содержаніе котораго шелъ сборъ податей съ этого староства, каковой сборъ шелъ также на содержаніе и драбовъ. Содержаніе замка у насъ было оставлено только въ Динабургѣ, въ прочихъ городахъ наши замки были упразднены. Управленіе драбою или жолнерами, находившимися при Динабургскомъ Замкѣ, вручено было хоружему. Сборъ съ не гродовыхъ замковъ раздѣлялся на двѣ половины: одна шла на содержаніе мѣстнаго уряда, а другая половина дѣлилась на двѣ части: одна шла на содержаніе короны, а другая на содержаніе Литовскаго войска. На этомъ же сеймѣ были опредѣлены размѣры разныхъ податей, называвшихся у Поляковъ: гиберною—подать на содержаніе войска, чоповою—подать акцизная, шелязною—мелочный сборъ. Подати платились у нихъ не подушно, а подымно, т. е. со влока, заключавшаго 15 дес. Въ 1667 году подать со влока была опредѣлена въ 13 злотыхъ, а въ 1724 г. она достигла 60 злотыхъ. Въ Динабургскомъ повѣтѣ считалось

*) Войты зависѣли отъ старосты. Динабургское староство раздѣлялось по слѣдующія войтовства: Прельское, Вышковское, Аглоньское, Дагденское, Креславское и Крейцбургское; Рѣжицкое староство—на Осуньское, Криванское, Рассіенское, Цискадское, Сакстигальское, Кашовское, Варковское, Неутеранское или Роговское, и Лубанское; Люцинское староство—на Нерзенское, Готышевское, Кушевское, Илюстовское, Пылденское, Малновское, Маріенгаузенское, Балтиновское, Корсовское, Боловское и Липиенское. Войтъ или солтысъ производилъ свой судъ съ Лавниками или засѣдателями; при старостѣ находился подсудокъ, а канцеляріею управлялъ писарь.

*

въ 1667 г. 700 дымовъ. На сеймахъ являлись депутаты только отъ Польской, Литовской и Нѣмецкой націи. Въ Сенатѣ три сенатора отъ нашей страны занимали предпослѣднее мѣсто: воевода, каштелянъ и епископъ страны. Цвѣтъ кунтушей для пановъ нашей страны былъ назначенъ голубой съ чернымъ. Дѣла, превышавшія иски свыше 500 злотыхъ переносились въ ассесорскіе суды, въ которыхъ при коронномъ референдаріи находился секретарь отъ Инфлянтскаго княжества, при которомъ разбирались дѣла страны. Изъ этого очерка оказывается, что Русская нація и Латыши не имѣли ни какихъ правъ, ни какого участія въ правленіи. Что касается Русскихъ, то Поляки просто выбивали ихъ, какъ не примиримаго неприятеля изъ страны, не дозволяя имъ даже поселеній въ лѣсахъ, какъ на такой фактъ Мантейфель указалъ въ своемъ Историческомъ Очеркѣ Польскихъ Инфлянтовъ. Кандидатами на всякія должности избирались лица только изъ 3-хъ націй: Польской, Литовской и Нѣмецкой, которыя только однѣ имѣли права, привилегіи на разнаго рода вольности и свободу. Для собранія сеймовъ предназначенъ былъ Динабургъ, въ которомъ однакожъ не оказалось помѣщенія для сеймовъ, а почему сеймы собирались вначалѣ въ Браславѣ и Посволѣ т. е. внѣ нашей страны. Отстраненіемъ Рѣжицы отъ ея прежняго назначенія оказывается намѣреніе Польскаго правительства подорвать связь нашей страны съ Московскимъ Государствомъ, что оказывается также изъ учрежденія таможенъ и кардоновъ на нашихъ границахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были мѣры къ изгнанію Русскаго языка изъ страны офиціальнымъ распоряженіемъ, чтобы всякое дѣлопроизводство съ 1692 г. было производимо только на Польскомъ языкѣ.

III. Но, еще прежде устройства урядовъ, т. е. Польскихъ судовъ, правительство озаботилось о водвореніи въ странѣ іезуитовъ, которымъ были отданы наши Борисо-Глѣбскіе т. е. Динабургскіе монастыри; за этими миссіонерами открытъ былъ входъ для цѣлой арміи монаховъ другихъ орденовъ, какъ то: Базиліановъ, получившихъ во владеніе себѣ Волынцы, Доминикановъ, Бернардиновъ и т. д. Спеціальное назначеніе Базиліанъ заключалось въ совращеніи Православнаго народа въ Унію. Въ 1678 г. правительство подняло вопросъ на сеймахъ о паденіи католицизма въ нашей странѣ для чего былъ поднятъ также и вопросъ о надѣленіи какъ монастырей, такъ и плебаній и косцеловъ приличными фундушами, причемъ эти надѣлы

мотивировались тою цѣлью, чтобы поставить господствующую религію процвѣтающею въ нашей странѣ.

IV. Замѣчательно формулированіе сеймоваго постановленія 1678 года о возстановленіи католичества въ нашей странѣ. Это постановленіе раскрываетъ виды и Польской администраціи и служитъ памятникомъ Латинизаціи нашей страны въ этомъ періодѣ времени: „поневажъ hostilitas et iniquitas temporum, говоритъ постановленіе, знёсла косцёлы и плебани Ксенжства Инфляптскаго ве вшисткихъ староствахъ и дзержавахъ тамечнихъ, такъ ижъ хвала Бога et exercitium religionis Romanae catolicae penitus evanuit и добра на sustentament капелановъ ex antiquo фундоване розны, (т. е. люди) между се разебрали: теды consulendo de indemnitate косцеловъ католицкихъ Римскихъ, абы плебани gaudeant reditibus pristinis, повагу сейму теразнѣйшаго вшистке данне права и привилеи антецессоровъ косцеломъ того ксенжства служенце, тудзешъ люстраціи anni 1582, 1590 и 1599 реассумуемы и аппробуемы et pro discernentie juris постановлямы коммиссаровъ нашихъ: Велебныхъ т. е. N N, и изъ свѣтскихъ лицъ—Литов. Подкоморія Паца и Владислава Соколовскаго, Подком. Инфлянтскаго (обязанность подкоморіевъ состояла въ наблюденіи и разборѣ споровъ о поземельныхъ границахъ) и Брацлавскаго писаря Бѣганьскаго, которы знесшисе о часѣ, unius vel duorum absentia non obstante, до тыхъ староствъ, ad praesens косцеловъ не машъ зъяды, de fundis косцеловъ inquirent, грунты на косцелы и плебани выдѣлятъ, et decisive per exigentia неготы decernent, чего уродзени старостови броницъ не маютъ sub poenis legum“. Однакожъ шляхта осталась недовольна широкимъ захватомъ духовенства у ней земель, но по новому сеймовому постановленію въ 1688 г. духовенство снова одержало верхъ, мотивируя „хенць еднакъ religionem catolicam, quam florentissimam мець въ той земли“. Въ силу желанія духовенствомъ такой флоренціи, оно захватило въ свое владѣніе обширныя земли. Мы имѣли случай читать описи имуществъ у нѣкоторыхъ Инфлянтскихъ костеловъ, и ихъ ненормальное богатство поражаетъ мысль даже при поверхностномъ взглядѣ на этотъ предметъ. Такой захватъ духовенство получило для содержанія школъ или феймановъ, учителя которыхъ феймановъ, называвшіеся бакалаврами и помѣщавшіеся при плебаніяхъ, т. е. при костельныхъ домахъ, обязаны были обучать своихъ учениковъ in orando, legendo,scribendo, cathe-

hismo et in ecclesia cantibus laudando — и подъ такою фирмою совершался грабежъ страны!... Будто образованіе народа заключается только въ пѣніи кантичковъ и въ изученіи катихизиса?... Впрочемъ основаніе феймановъ началось не прежде окончанія Сѣверной войны. Даже самую іерархическую организацію можно начать не ранѣе, какъ только съ 1703 года, а именно въ этомъ году принялъ Инфлянтскую епископію Теодоръ Вольфъ Людинсгаузенскій — до 1712 г. Христофоръ Шембекъ 1721. Станиславъ Безданъ — 1722, Августинъ Вессель — 1725, Венцеславъ Сѣраковскій—1740.

V. Должно замѣтить, что наша Ливонская Католическая іерархія, водворяясь въ нашей странѣ, не только не дозволяла появленія въ Инфлянтахъ проповѣдниковъ изъ заграницы иныхъ вѣроисповѣданій, но и католическимъ иноземнымъ проповѣдникамъ и ксендзамъ запрещало проповѣдь, изъ опасенія ихъ вредности для полонизаціи. Русское правительство въ этомъ случаѣ всегда поступало снисходительнѣе, дозволяя иноземнымъ проповѣдникамъ открыто и свободно являться на каѳедрахъ, не опасаясь за Руссификацію: такъ оно уважаетъ принципы вѣротерпимости! Вообще до 1668 г. внѣ замковъ по всей странѣ считалось только 4 костела: Ушвальдскій, Нитрамужскій, Вышковскій и Сарканскій, а съ 1668 г. къ этому числу подъ Польскимъ владычествомъ прибавилось II костелотъ и 2 монастыря, т. е. Пасиньскій и Веленскій; но съ поступленіемъ подъ власть Россіи наши поляки устроили до 70 костеловъ, не считая филій, ораторіумовъ, каплицъ и т. д. и наконецъ знаменитый монастырь Аглоньскій, обновивъ и расширивъ Пасиньскій и Ушвальдскій монастыри. Вотъ гдѣ заключается искусство пропаганды! Въ ея вѣдѣніи и состояли всѣ части управленія страною, такъ что шляхтѣ не оставалось ни какихъ занятій, кромѣ псовой охоты, пикниковъ и возведенія и низведенія своихъ королей, отъ которыхъ она искала всегда новыхъ правъ и привиллегій, новыхъ вольностей и свободъ, напоминая время отъ времени объ субсидіяхъ. Эта шляхта считала себя свободною, не обязательною предъ своимъ королемъ, такъ какъ она и должности (напр: староства, войтовства, мѣста хорунжихъ и т. д;), какъ и имѣнія пріобрѣтала себѣ арендою отъ казны, почему и управляла въ своихъ частяхъ почти независимо отъ короны. Общеизвѣстно самоуправство и своеволіе этихъ старостъ и войтовъ, необузданность каковаго самоуправства

была безгранична и въ которой она считала себя отвѣтственною только предъ Богомъ. Если внутри государства правительство относилось къ нимъ снисходительно, то тѣмъ болѣе оно должно было быть такимъ въ нашихъ Инфлянтахъ, какъ въ отдаленной и пограничной странѣ. Оно вынуждено было сулить нашей шляхтѣ столько привиллегій, сколько и само не въ силахъ было исполнить, обѣщать ей столько щедротъ, на сколько для того и само не имѣло средствъ. Такъ оно обѣщало обезпеченіе страны возобновленіемъ Динабургской крѣпости, каковое обѣщаніе осталось на словахъ; оно обѣщало значительную сумму для пособія черной шляхтуркѣ, но и это обѣщаніе осталось также безъ исполненія. Изъ всѣхъ привилегій за этотъ періодъ времени осталась одна только памятною—возведеніе нашей страны на степень Инфлянтскаго княжества, съ надѣленіемъ ему правъ, которыми пользовалась нѣкогда Ливонія. Но какое значеніе имѣетъ имя безъ средствъ и силы? Въ теченіи всего наступившаго періода, за цѣлые 100 лѣтъ, ни одинъ изъ шляхтичей—Инфлянтчиковъ не заслужилъ исторической извѣстности. Впрочемъ Польское правительство ожидало отъ нашей шляхты не политическаго развитія, а религіозной пропаганды, въ чемъ и заключается ея наступающая дѣятельность. *) Хроникеръ Гильзенъ говоритъ, что вопросъ о раздѣлѣ имѣній еще съ 80-хъ годовъ XVII вѣка поставилъ однакожъ шляхту въ раздоры съ духовенствомъ, въ особенности съ іезуитами, которые даже вызвали особыя коммиссіи для разбора своихъ споровъ съ Корфами. Вслѣдствіе понесенной отъ духовныхъ обиды шляхтою, Гильзенъ исчисляетъ обѣщанія правительства потерпѣвшей шляхтѣ въ ея борьбѣ съ непріятелями, каковыя обѣщанія такъ и остались обѣщаніями. Примѣръ такого обмана со стороны правительства хроникеръ указываетъ въ дѣлѣ Тизенгаузена, который едва получилъ затраченныя имъ суммы отъ короны.

---

*) Со стороны этого стремленія Поляковъ особенно занимательна ихъ борьба въ совращеніи нашихъ Нѣмцевъ, которыхъ они не допускали до службы прежде обращенія ихъ въ католичество. Такъ первый Плятеръ получилъ староство въ Динабургѣ только по принятіи имъ католицизма въ концѣ XVII вѣка. Борхи также, какъ и Гильзены, получили знатныя мѣста, по принятіи ими католицизма. Вольфы и Корфы приняли—было католицизмъ, но и отступились, какъ и Шпрены. О судьбѣ Вольфовъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но Корфы и Шпрены много пострадали отъ іезуитовъ, подвергаясь экскомуникаціямъ, т. е. отлученіямъ отъ церкви, что и заставило ихъ отдѣлиться совершенно отъ католицизма.

VI. Вслѣдствіе этого грабежа, открылась вражда между духовенствомъ и между шляхтою. Однакожъ силы послѣдней—были не рыцарскія, и она должна была выжидать случая. Что протестъ шляхты былъ сильный, на то указываетъ самъ хроникеръ Гильзенъ, бывшій іезуитомъ, что этотъ раздѣлъ имѣній оказался обиднымъ для партій, а почему заходили странные споры, въ особенности вслѣдствіе обиды Крейцбургскаго владѣльца Корфа. Долго таилась эта вражда скрытою, но проявленіе ея оказывается съ открытіемъ Сѣверной войны, что видно изъ отлученій Инфлянтскимъ епископомъ Вольфомъ—Людинсгаузскимъ начальника Инфлянтъ Якова Корфа, начатыхъ съ 1709 года за несогласную его жизнь съ своею женою. Эти отлученія были чрезвычайно выражены ярко съ предачею души отлучаемаго во власть Сатаны и Дьявола, съ вывѣшеніемъ такихъ отлученій на церковныхъ дверяхъ и. т. д. Однакожъ эти отлученія, видно, не дѣйствовали на Корфа, потому что противъ него возвѣщено Вольфомъ не одно отлученіе съ оповѣщеніемъ его упорства. Такъ была сильна власть Польскаго духовенства, что она требовала немедленной покорности отъ своего преступника. Впрочемъ имѣются памятники не одного подобнаго отлученія, такъ напр. по такой же причинѣ преданы экскомуникаціи Ширинъ и Войцеховскій. Но замѣчательна экскомуникація Христины Стабровской въ 1706 году за порочную жизнь, при чемъ выражена особенная причина этого проклятія, что до епископа дошли запрещенныя книги, которыя держитъ у себя Стабровская и въ которыхъ попирается церковное право, и что Стабровская презираетъ и людей, и все святое. Какъ бы то нибыло, такая нечестная дисциплина не прилична для церковной власти и принципы такого процвѣтанія ея слишкомъ шатки. Что касается такой суровой мѣры, какъ проклятія и публичное церковное безчестіе пасомыхъ лицъ изъ высокопоставленнаго сословія, то такой методъ Католическаго духовенства привнесъ въ нашу страну непоучительный элементъ для простаго народа.

VII. Оставляя въ сторонѣ и эту дисциплину, и споръ духовенства со шляхтою, мы привели дословно вышеупомянутое сеймовое постановленіе о надѣлѣ духовенства, чтобы показать чудовищную странность этого нарѣчія, которое составляетъ смѣсь разныхъ существовавшихъ и несуществовавшихъ языковъ, напр.

„reassuemj, negoty, сустентаментъ“ и такой оригинальный языкъ былъ принятъ проводникомъ такой же оригинальной культуры. Въ какихъ школахъ можно найти руководство къ изученію подобнаго языка? Способенъ ли подобный языкъ для пробужденія не только чувства въ сердцѣ, но вообще какого нибудь смысла въ головѣ? Конечно, подобный языкъ былъ изобрѣтенъ для искорененія прежней національности, языка, преданій и поэзіи. Этотъ сумбуръ былъ придуманъ іезуитами нарочно, чтобы продлить власть католицизма надъ бѣднымъ Латышемъ, затемняя такимъ кошемаромъ его самосознаніе. *) Появленіе А. Л. Ордына-Нащокина пробудило, воскресило жизнь нашей страны, а пропаганда оледенила и подавила силы и ея способности на неопредѣленное время; такъ какъ усвоеніе новой религіи Латышемъ состояло не въ уразумѣніи религіозныхъ истинъ и Слова Божія, передававшихся на Латинскомъ языкѣ, а въ обученіи разнымъ церковнымъ экзерциціямъ, состоявшимъ въ крыжеваніи, т. е. лежаніи на землѣ съ распростертыми руками, въ ползаніи по церкви предъ алтаремъ и около церкви, въ бичеваньи себя, въ ношеніи дротяныхъ пасовъ въ карцерныхъ заключеніяхъ, въ позорныхъ выставленіяхъ на вартовняхъ, звонницахъ, папертяхъ, въ слизываніи начерченныхъ мѣломъ и углемъ священныхъ знаковъ во время праздничныхъ мшей, въ перенесеніи добровольныхъ истязаній всякаго рода, въ разнаго рода покутахъ, т. е. обѣтахъ, въ прочтеніи или кричаніи опредѣленнаго числа кантичковъ—каковой дисциплинарной дрессировки нѣтъ возможности исчислить!.. Эта дрессировка была причиной опять же только пассивной связи Латыша съ Полякомъ, въ какой связи онъ стоялъ и съ Нѣмцемъ; къ послѣднему однакожъ сохранилось у него менѣе ненависти, чѣмъ къ Поляку-Литовцу, и, по отреченіи отъ процвѣтающей и старожитной культуры послѣдняго, нашъ туземецъ выскажется съ болѣе озлобленными легендами, чѣмъ о провалившихся Нѣмцахъ въ Рѣжицѣ. Гдѣ же здѣсь живучесть Полякующей культуры, которою хвастается Крашевскій? Быть можетъ, она интересуетъ шляхту и ксендза, но ужъ никакъ не народъ, принявшій эту культуру только при внѣшней дрессировкѣ,—въ чемъ мы надѣемся представить нѣсколько

*) Много есть пародій на этотъ языкъ, не забытыхъ и до сего времени по Витебской губ.; одна изъ такихъ пародій начинается словами: пуйдемъ, пане, до пивницы, выпьемъ пане по склянницѣ: Salva nos, glorio vos, gratia Tibi, Domine!“—

фактовъ въ последней главе. Къ шляхтѣ Латышъ относится съ паническимъ чувствомъ, такъ какъ шляхтѣ дозволялось безнаказанно тиранизировать, при чемъ шляхтичъ, засѣкавшій своего крѣпостнаго лозами до смерти, или убивавшій провинившагося своего слугу, на основаніи шляхетскихъ льготъ, не былъ отвѣтственъ за свое убійство предъ закономъ. Примѣровъ шляхетскихъ жестокостей нѣтъ числа, тѣмъ болѣе, что духовенство не только не наказывало такихъ поступковъ шляхты, но само даже ободряло, чтобы народъ удерживать въ ужасѣ предъ властью Поляка. Вслѣдствіе этого порядка вещей остается въ народѣ въ памяти безграничная ожесточенность Поляка, въ особенности, когда онъ появлялся между Русскимъ поселеніемъ. Съ скрежетомъ зубовъ онъ встрѣчалъ Русскаго, для котораго у него было самымъ ласковымъ привѣтомъ: „лупь пслкрева". Ни у одного народа не была такъ сильно развита національная ненависть къ Русскому, какъ у Поляка. Такъ изъ всѣхъ мародеровъ Французской Наполеонской арміи были самыми страшными мародерами Поляки, не знавшіе предѣловъ своимъ жестокостямъ и насиліямъ, при вторженіяхъ и набѣгахъ на Русскія поселенія, памятникомъ чего сохраняютя самыя точныя и голословныя преданія по Витебской и Смоленской губерніямъ.

VIII. Однакожъ внѣшнія отношенія между Русскимъ и Польскимъ правительствами не прекращались, не смотря на внутреннюю враждебную къ Русскимъ политику Поляковъ. Вслѣдствіе возникшаго разрыва Швеціи съ Польшею, въ 1699 году, Польша обратилась къ Москвѣ, вступивъ съ нею въ союзъ противъ Шведскаго короля. Уже при началѣ войны, Польское правительство высказало коварную политику въ отношеніи Москвы, освобождая Витеблянъ отъ военнаго постоя. Послѣ пораженія Русскихъ подъ Нарвою, Инфлянтскій главнокомандующій Хальковскій безъ всякой борьбы со Шведами въ 1700 году сдалъ свою страну Шведамъ. Когда потомъ Литовскій гетманъ Пацъ потребовалъ отъ Динабургскаго старосты Плятера разоруженія Динабургской крѣпости, по требованію нашего правительства, изъ опасенія, чтобы крѣпостныя орудія не достались въ руки непріятеля, то Плятеръ отказался исполнить это приказаніе. Поляки и Саксонцы хотя и подступали къ Ригѣ, но отраженные Шведами, отступили отъ арены борьбы, которая всею тяжестью упала на долю Русскихъ, вступившихъ въ 1701 году въ нашу страну въ Люцинъ, 8 Іюля, изъ котораго,

21 Іюля, Репнинъ подступилъ къ Кокенгаузену и взорвалъ его на воздухъ, возвратясь потомъ во Псковъ. Быстрые успѣхи Шведовъ вынудили Польскаго короля согласиться подтвердить свою вѣрность союзу съ нашимъ Государемъ посредствомъ свиданія своего въ Бирженскомъ замкѣ Радзивила (Ков. губ., но не Витебской, какъ думаютъ нѣкоторые историки. „Петръ 1-й". Календарь Гоппе 1872 года), при которомъ Польша вымогла у нашего Государя обѣщаніе раздѣлить будущія завоеванія отъ Шведовъ другъ съ другомъ. Въ этой войнѣ Поляки играли двусмысленную роль, изъ которой Русскіе не только не имѣли для себя пользы, но даже дѣйствія наши были стѣсняемы коварною политикою своихъ союзниковъ. Касательно нашихъ Инфлянтчиковъ должно сказать, что изъ нихъ не только не оказывается сторонниковъ Россіи, но Плятеръ заявлялъ себя открыто нашимъ врагомъ, вступивъ въ сообщество съ Сапѣгою, злѣйшимъ врагомъ Русскихъ. И извѣстно, что Государь помѣстилъ корпусъ Бауера въ 1705 году на зимнія квартиры въ Сапѣжинскѣ или Друѣ, для наблюденія за дѣйствіями Инфлянтчиковъ и для развлеченія Шведовъ въ самой Ливоніи.

IX. При описаніи Сѣверной войны хроникеръ нашъ Гильзенъ совершенно опустилъ описаніе состоянія нашей страны и всякія происшествія ея во время этой войны, миновавъ даже подвигъ Хальковскаго, упомянувъ однакожъ о заразѣ, занесенной Русскими солдатами въ 1709 году въ Динабургъ. Конечно, этотъ фактъ былъ упомянутъ въ упрекъ господства Русскихъ надъ страною, благодаря которому, наша страна была защищена отъ нападенія на нее Шведовъ. Итакъ, вмѣсто благодарности, Русскіе за свою защиту получаютъ упрекъ. И, дѣйствительно, въ то время, когда наша страна была избавлена отъ внѣшней борьбы, Польская пропоганда въ это время направила всѣ свои усилія, чтобы искоренить Русскій элементъ и Православіе. Слѣды этой пропаганды скрываются и въ епископскихъ посланіяхъ и папскихъ буллахъ, направленныхъ въ Инфлянты. Изъ хода войны мы знаемъ, что если нашей странѣ угрожалъ врагъ, то въ такой опасности она находилась отъ 1700 до 1703 года, съ котораго года война локализировалась на Литвѣ. До этого времени не оказывается никакихъ пастырскихъ воззваній къ народу, но съ 1703 года открывается серія епископскихъ посланій и папскихъ буллъ къ странѣ, въ которыхъ они высказываютъ свое сердечное

сострадание къ бѣдствіямъ страны, страдающей отъ войны при чемъ пастыри призываются къ предстательству предъ властителями объ умиротвореніи страны; а между тѣмъ пастырямъ вмѣняется строгая обязанность къ искорененію ересей и схизмы и т. д. Состояніе стрпны описывается въ ужасномъ видѣ: „Commota est et contremuit terra, fundamenta montium conturbata sunt". Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Папа открываетъ юбилеи съ наложеніемъ постовъ и говѣнія, учреждаетъ вигиліи; юбилеи эти смѣняются индульгенціями и новыми экскомуникаціями затѣмъ, чтобы прочнѣе закрѣпить страну за Католицизмомъ. Какъ бы то ни было, духовенство развило въ это время свою власть до крайнихъ границъ, что видимъ изъ его протеста противъ войскъ, квартированіе которымъ духовенство не дозволяло по своимъ маіонткамъ, а равно и не хотѣло давать никакихъ пожертвованій и податей. Освобожденіе имѣній, принадлежащихъ духовенству, было санкціонировано буллою самого Папы, который хотѣлъ такимъ образомъ возвысить духовенство предъ шляхтою. Только съ окончаніемъ сѣверной войны можно положить начало времени водворенія въ нашей странѣ католицизма.

X. Въ 1705 году, Петръ Великій, вступивъ въ Полоцкъ, убѣдился въ коварныхъ дѣйствіяхъ и Поляковъ и іезуитовъ, а почему здѣсь кстати упомянуть о судьбѣ Паткуля, вѣроломно выданнаго Августомъ II Карлу XII, и бывшаго нашимъ посломъ при Августѣ, но котораго Карлъ XII считалъ своимъ измѣнникомъ. Въ 1706 г. Карлъ XII произвелъ надъ несчастнымъ Паткулемъ казнь въ г. Казимірѣ послѣ двухмѣсячнаго таскавья его прикованнымъ къ пушкѣ, во время передвиженія Шведовъ изъ одного города въ другой. Карлъ XII назначилъ Паткулю лютую казнь чрезъ колесованье, которую мучитель приказалъ палачу произвести, сколько возможно медленнѣе. Гильзенъ подробно описалъ эту ужасную казнь. Палачъ медленно ломалъ несчастному коломъ руки, ноги, кости, но когда мученикъ въ предсмертной агоніи подползъ изломанный къ плахѣ, то палачъ не рубилъ ее топоромъ, а медленно рѣзалъ его шею. Какъ дѣйствовалъ Августъ, такъ поступали и подданные его въ отношеніи Русскихъ, а почему нашъ Государь объявилъ имъ угрозу поступить съ вѣроломными по заслугамъ, а потомъ, при посѣщеніи Софійскаго собора, внушилъ, по случаю рѣзкихъ выраженій патеровъ іезуитовъ противъ

Русскихъ, при осмотрѣ Государемъ гробницы Іосафата Кунцевича, чтобы впредь патеры не смѣли злоупотреблять вѣрою простаго народа, изобрѣтая ложныя реликвіи и небывалыя святыни, послѣ чего искуственныя мощи Кунцевича исчезли изъ Полоцка. Въ этой попыткѣ іезуитовъ подчинить и Русскаго Государя своей волѣ въ такой же степени, въ какой управляли своими крулями, іезуиты потерпѣли неудачу: но они не остановились на этой неудачѣ, какъ увидимъ ниже. Должно сказать, что въ это время всѣ Польскіе Инфлянты были отняты нами отъ Шведовъ, и изъ нихъ наши войска дѣлали нападенія на Шведскую Ливонію; такъ въ 1708 году Бауеръ, нашъ генералъ, изъ Польскихъ Инфлянтовъ нападалъ на Ливонію. Не смотря на побѣду нашего Государя при Полтавѣ надъ Шведами, Плятеръ, по прежнему упорствовалъ во враждѣ своей къ намъ, а почему Государь въ 1710 году назначилъ на зимнія квартиры свои войска въ Динабургѣ. Польскіе хроникеры жалуются, что, во время этого квартированія нашихъ войскъ въ Динабургѣ ими была занесена эпидемія въ этотъ городъ, опустошившая его. Какъ бы то ни было, въ 1710 году, Государь нашъ не довѣрялъ Полякамъ, приказавъ Ливонскому губернатору Голицыну наблюдать за Польскими войсками, находившимися въ Курляндіи, при чемъ, въ 1711 году, приказалъ сжечь какъ Витебскіе, такъ и Сапѣжинскій замки, служившіе гнѣздомъ и притономъ для сторонниковъ Сапѣги. Должно сказать, что поводъ къ этимъ возмущеніямъ подалъ самъ Августъ II, который избавилъ при началѣ войны, земли Сапѣги отъ военныхъ постоевъ, какъ отъ того были избавлены и наши Инфлянтчики, чѣмъ и объясняется ихъ противоборство противъ Русскихъ, въ особенности Инфлянтскаго духовенства. Всѣ эти обстоятельства заставили нашего Государя обязать новымъ договоромъ въ 1710 году Польскаго короля. Однакожъ, Поляки, не имѣя средствъ вести открытой борьбы съ нами, кипѣли религіознымъ фанатизмомъ, который разжигали въ умахъ и сердцахъ ихъ іезуиты, писавшіе между тѣмъ въ это время самые ожесточенные трактаты и воззванія на защиту господства своей вѣры надъ другими христіанскими вѣроисповѣданіями, совмѣстнаго существованія которыхъ въ Польскомъ королевствѣ никоимъ образомъ они не допускали, не оскорбляя чести католицизма. Еще не окончилась наша сѣверная война, въ которой Русскіе

съ такимъ самоотверженіемъ отстаивали Польскаго короля Августа II, а между тѣмъ этотъ же Государь Польскій на Гродненскомъ сеймѣ въ 1717 году принялъ приподнесенный ему іезуитомъ Анцутою трактатъ: „Jus plenum fidei Catolicae“,— схоластическое произведеніе чудовищнаго Польскаго фанатизма, съ которымъ авторъ его рисовался въ крайней нетерпимости и къ еретикамъ, и къ схизматикамъ, діалектически и пунктуально доказывая необходимость лишенія ихъ всѣхъ гражданскихъ правъ и изгнанія ихъ изъ Польши. Анцута былъ патріархомъ слѣдовавшихъ за нимъ Польскихъ авторовъ, развивавшихъ его задачу до безсмысленнаго утрированія ея принциповъ, высказавшагося у одного изъ его послѣдователей бискупа Андрея Залусскаго въ такой, наконецъ, грозной темѣ для одного изъ его трактатовъ: „Duo gladii adversus dissidentes a fide Catholica in regno Poloniae evaginati, alter defendendo, alter offendendo agens“. Не осуждая такой грозной ревности, не умѣстной въ призваніи христіанина, должно однакожъ замѣтить, что Русскіе никогда не вызывали ни католиковъ, ни Поляковъ къ дефенденціи, т. е. защитѣ, а между прочимъ ни рыцари, ни Поляки никогда не знали границъ своей офенденціи, т. е. нападеніямъ. Такимъ образомъ послѣ трактата Анцуты, въ томъ же 1717 году, послѣдовало заразъ закрытіе нѣсколькихъ Православныхъ монастырей въ Бѣлоруссіи, вопреки Гримуальтовскаго договора, и въ томъ числѣ закрыты Крыжборской или Крейцбургскій и Гриванскій или Динабургскій монастыри въ нашей странѣ. Къ этому же времени относится учрежденіе въ 1721 году въ нашей странѣ парохій: Динабургской-Рушинской, Рѣжицко-Осуньской, Люцинской и Маріенгаузенской съ выдѣленіемъ изъ нихъ Ликсенской парохіи, Аглоньскаго, Веленскаго и Посиньскаго монастырей, находившихся во власти Доминикановъ и іезуитовъ патеровъ. На это насиліе Православные нашей страны заявили жалобу нашему Государю, но на его протесты Сенатъ Польскій не только не обратилъ должнаго вниманія, но чрезъ нѣсколько времени послѣдовало упраздненіе Православныхъ храмовъ: въ Ликснѣ, Ниперовѣ, Царьградѣ, Михайловскомъ селѣ Старой слабодѣ или Истрѣ, Яноволи, Роговкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ строго говоря, Католики не упраздняли нашихъ храмовъ, а обращали ихъ въ Католическіе, т. е. присвоивали себѣ чужую собственность, изъ которой изгоняли нашихъ священно-служителей, замѣняя ихъ

своими, объясняя при этомъ простому Православному народу, что его попы невѣжи, мужики, не умѣющіе исполнять своего дѣла и говорить искусныхъ проповѣдей, что они не уничтожаютъ и нашей религіи, оставляя въ этихъ храмахъ прежнія святыни и иконы, предъ которыми они начинали только богослуженіе по новому чину и на Латинскомъ языкѣ *) Народъ Православный, видя, что эти ксендзы почитаютъ его завѣтныя святыни, находился въ неопредѣленномъ состояніи. Ксендзы, пользуясь потачкою къ себѣ своего правительства, прибѣгали къ разнымъ хитрымъ продѣлкамъ, чтобы воспользоваться этимъ состояніемъ народа для своей выгоды, причисляя подобныя продѣлки ad pias fraudes или ad devota deliria, извинительныя, по мнѣнію Латинскихъ миссіонеровъ, въ дѣлѣ пропаганды. Эти ксендзы были не прочь ad majorem gloriam Dei устроивать разнаго рода чудеса, напр. Святогорка, пос. Рѣж. уѣз. получила свое названіе, вслѣдствіе зажигавшагося неизвѣстнымъ пока образомъ огня на ней въ полночь, при чемъ послѣ открылась продѣлка ксендзовъ, желавшихъ выстроить на ней костелъ, каковое желаніе имъ однакожъ не удалось. Этотъ случай очень похожъ на устроенные тайные голоса при Янѣ Сабѣскомъ въ домѣ одного шляхтича на Волыни при помощи іезуитовъ, каковою продѣлкою умный король остался недоволенъ—и необъяснимые тайные голоса тотчасъ замолкли.

XI. Мы приводимъ воспоминаніе объ этомъ искусствѣ Латинскихъ миссіонеровъ, что оно, прикрываемое у нихъ разнаго рода религіозными театральными церемоніями, инструментальною и вокальною музыкою, ораторскою предикою, составляло не послѣднюю степень ихъ мистическаго искусства, каковому, при развитіи пропаганды, много помогали и эти индульгенціи, и юбилеи, и вигиліи, покуты, экскомуникаціи, дисциплинарныя крыжованья

*) Въ это время начали называть послѣдователей Православія въ нашей странѣ послѣдователями першей старожитной вѣры, что употреблялось въ актовомъ языкѣ. Вейсенгофъ въ дарственной записи земли подъ церковь Бродайжскихъ Православныхъ (Люцин. уѣз.) называетъ ихъ послѣдователями першей вѣры, которыхъ іезуиты называли вообще старовѣрами. На Инфлянтахъ, въ особенности во время Сѣверной войны, развилась старообрядческая секта Богумиловъ, объ искорененіи которой Рижскій бискупъ прилагалъ особыя заботы. Происхожденіе этой секты объяснено Костомаровымъ. Упомянутый документъ объ обновленіи Бродайжской церкви относится къ 1750 году. Впрочемъ эта уступка Поляковъ Православію оказывается единственною въ нашей странѣ.

и т. д. Самые костелы и другія церковныя строенія, называемыя плебаніями, сооружались съ замѣчательною роскошью, при которой не щадились никакія средства, ввиду назначенія ихъ для проповѣдниковъ процвѣтающей религіи. Эти почти всѣ костелы каменные и снабжены были обширными майонтками, особенно монастыри, принадлежавшіе іезуитамъ. Главныхъ костеловъ у насъ въ настоящее время числится 66, изъ коихъ 31 каменные; 3 монастыря, 20 филій, 1 ораторіумъ и 50 каплицъ. Такое количество костеловъ едва ли существуютъ и въ самихъ владѣніяхъ Папы? Особенною обширностью отличались Паспьскій, Аглоньскій и Ушвальдскій костелы. Православныхъ храмовъ въ Люц. уѣз. считается теперь 9, въ Рѣжицкомъ 2 и въ Динабургскомъ 6. Всѣ эти храмы отличаются своею бѣдностью и скромностью. Впрочемъ нѣкоторые способы присвоенія ксендзами Православныхъ святынь совершались и безъ всякаго искусства, а прямо путемъ грубаго насилія. Такъ въ Черешской церкви Динаб. уѣз. славилась въ народѣ чудотворная икона Божіей матери, каковая церковь вдругъ погибаетъ отъ пожара, во время котораго Православные вынесли икону въ скоро изготовленную для нея часовню. Благодушные и дружественные аглоньскіе ксендзы тотчасъ предлагаютъ услугу своимъ погорѣвшимъ сосѣдямъ помѣстать эту чудотворную икону въ ихъ костелѣ, пока Православные соберутся выстроить новую церковь. Православные новой церкви не успѣли построить, такъ какъ по проискамъ аглоньскихъ Доминикановъ ксендзовъ такая постройка не была имъ разрѣшена, а икона такъ и осталась у Аглоньскихъ ксендзовъ, на помощь къ которымъ прибыли потомъ Доминиканскіе монахи, устроившіе здѣсь свой монастырь, а чрезъ нѣсколько времени совмѣстно съ іезуитами, основавшіе также и въ Посиии такой же монастырь, сохраняющій до сего времени слѣды инквизиціоннаго судилища. Впрочемъ Посиньскій монастырь отличается отъ Аглоньскаго и Велонскаго Бернардинскаго тѣмъ, что монахи для привлеченія посѣтителей своего монастыря устроили на колокольнѣ часы съ конструкціею, въ которой для боя часовъ является у часовъ фигура жолнера, бьющаго при каждомъ звонѣ другую фигуру, изображающую жида. Такой фокусъ-покусъ привлекалъ толпы любопытныхъ, которые, наслушавшися костельной музыки и ораторскихъ поученій, поступали въ господствующую католическую религію. Массы монаховъ, кромѣ іезуитовъ, устроившихся обществами

подъ разными названіями: резиденцій, новиціатовъ, коллегіумовъ въ Дагдѣ, Ушвальдѣ, Пуцѣ, Авлѣ и Двинабургѣ, вступали въ нашу страну, а, именно Бернардины, устроившіе монастырь въ Веленахъ и Доминиканы, устроившіе монастыри въ Аглони и Пасинѣ. Всѣ эти монастыри основаны въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, давно уже процвѣтало Русское населеніе, исповѣдовавшее Православіе, для конкуренціи съ которымъ и сооружались эти монастыри. Чтобы имѣть болѣе быстрый успѣхъ съ упорнымъ Русскимъ народомъ, въ Волынцахъ Дриссенскаго уѣзда было основано Базиліанскимъ орденомъ училище для уніатовъ, въ каковомъ училищѣ приготовлялись ксендзы для проповѣданія уніи въ Православномъ народѣ. Упорно этотъ народъ противился водворенію Католицизма въ нашихъ странахъ, о чемъ свидѣтельствомъ осталось письмо Гребницкаго Флоріана, Уніатскаго Арцибискупа, къ Радзивилу, которымъ Гребницкій въ 1740-хъ годахъ домогается согласія у этого магната на обращеніе Православныхъ церквей въ уніатскія у Себежанъ, упорно стоявшихъ за Православіе. Какъ совершались всѣ эти насильственныя обращенія Православія въ нашей странѣ, какія глубокія страданія перенесъ нашъ народъ въ нѣмой скорби и безропотно, о томъ не имѣется офиціальныхъ свѣдѣній, но хранится много преданій. Послѣ договора Ништадскаго въ 1721 г., по изгнаніи изъ нея Русскими Шведовъ, Польскіе послы прибыли въ Москву съ требованіемъ возврата себѣ Ливоніи по договору Бирженскому; но имъ наши дипломаты посовѣтовали уѣхать скорѣе домой, такъ что отвоеванныя Русскимъ оружіемъ Инфлянты остались за Польшею безъ трактата. Доказательство неполной принадлежности нашей страны Полякамъ оказывается въ томъ, что они до 1721 года не дѣлили ее ихъ на парохіи. *)

XII. Ослѣпленные своимъ новымъ, случайнымъ успѣхомъ, іезуиты потеряли границы своей дерзости и, не получивъ отпора въ своихъ замыслахъ въ нашей странѣ, перенесли арену своихъ дѣйствій даже въ Кіевскую область, гдѣ, по условіямъ Вѣчнаго мира, и на Волыни, и въ Кіевской губ. выговорена была, подобно нашей странѣ, по Андрусовскому договору полоса земли

*) Самое слово „парохъ“ означаетъ начальника діоцезіи, т. е. прихода, начальника, получающаго въ видѣ гостя, содержаніе съ своего округа, что указываетъ на значеніе водворившейся у насъ Польской пропаганды, признававшей свое водвореніе непрочнымъ и временнымъ.

съ 12 городами около Бѣлой Церкви, на которую не должна была Латинская пропаганда простирать своихъ замысловъ. Но іезуиты, какъ и рыцари, не обращали никакого вниманія на договоры, открыто нарушая ихъ, а потомъ оправдываясь разными увертками, при чемъ насъ же самихъ виновати́ли. Въ этомъ отношеніи они далеко превосходили рыцарей, которые во всякомъ случаѣ не заключали союзовъ съ жидами для угнетенія своихъ Православныхъ подданныхъ, между тѣмъ какъ іезуиты, отдавая наши храмы въ аренду жидамъ, перешли всякую мѣру фанатизма. Рыцари дозволяли нашимъ Православнымъ свободное отправленіе своего богослуженія даже тогда, какъ іезуиты не дозволяли поправлять падающихъ нашихъ храмовъ и тѣмъ болѣе воздвигать новыхъ. Рыцари иногда свои притязанія формулировали буквою закона, юридикою, но Польская пропаганда дѣйствовала при своихъ нападеніяхъ на Православіе, очертя голову. Рыцари иногда сдерживались въ своихъ трибуляціяхъ, но Польская пропаганда заявила себя съ заклятою, непримиримою враждою къ Руси. Еще во время Петра Великаго съ 1710 г. іезуиты стремились овладѣть Фастовымъ, Бѣлою Церковью и другими городами этой мѣстности, но прозорливость Казацкаго полковника Палѣя и его эпическая и героическая борьба съ Польскими наѣздниками и іезуитами отразили на время стремленіе пропаганды. Не успѣвъ поразить героя въ честномъ бою, іезуиты разными интригами успѣли убрать его съ арены борьбы, съ которой онъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда онъ въ 1714 г. былъ возвращенъ, когда раскрылась его невинность. Но онъ ослабѣлъ здоровьемъ въ ссылкѣ и уже послѣ не появлялся на боевой аренѣ. Вообще наше правительство и въ этой странѣ дѣйствовало съ уступками предъ своими врагами, видя которыя, они на столько дѣлаются заносчивыми и дерзкими что осмѣливаются смѣяться и публично, и въ литературѣ надъ нашими іерархами, которые между тѣмъ встрѣчаютъ ихъ съ привѣтливостью и братолюбіемъ. Не касаясь воспоминаній о тѣхъ грубыхъ, площадныхъ оскорбленіяхъ, которыя переносило и наше духовенство, и самые іерархи, какъ напр. сколько перенесъ такихъ обидъ отъ Польскаго духовенства, Могилевскій арх. Сильверстъ Четвертинскій и знаменитый Бѣлоруссків пастырь Георгій Конискій отъ шляхты, мы укажемъ на отзывъ епископа Залускаго объ обрядности нашего архіерейскаго служенія, при которомъ онъ былъ приглашенъ присутство-

вать, во время посѣщенія имъ Кіева (De episcopatu Kioviensi. Frisius 1753 г.). Въ этомъ отзывѣ Залускаго оказывается какъ, съ одной стороны, грубое непониманіе порицателемъ своего предмета, а, съ другой стороны, и крайняя неблагодарность посѣтителя за гостепріимство, оказанное ему незаслуженно. (См. Фризія—въ доп. 21 стр.)

XIII. Всѣ эти факты совершались на канунѣ возмездія своевольной Польщизнѣ, которое благоразумные люди уже предвидѣли, прямо указывая па его развязку. Когда еще въ Петербургѣ и рѣчи не было о раздѣлѣ Польши, но Полоцкіе монахи (Дневникъ Софійскаго монастыря) въ 60 годахъ XVII столѣтія вели рѣчь о наступленіи времени отдѣленія Бѣлоруссіи отъ Польши въ составъ Россійскаго государства. Намъ пришлось читать рукопись, составленную на Польскомъ языкѣ однимъ изъ графовъ Борховъ предъ паденіемъ Польши, въ которой авторъ, подобно Борингеру, обличавшему въ XIV вѣкѣ распущенность рыцарей Нѣмецкаго ордена и ихъ безпорядки, краснорѣчиво обличаетъ злоупотребленія и самоуправство нашихъ старостъ, своеволіе шляхты и суетность стремленій своего католическаго духовенства. Эта дорогая рукопись осталась ненапечатанною, потому что общество того времени въ Польшѣ заражено было революціонными идеями, занесенными сюда изъ Франціи, и искало исхода къ политическому обновленію, но руководимое фанатиками іезуитами оканчивало только нападеніями на Православныхъ. Жалкая роль нашей шляхты, состоявшей подъ управленіемъ ксендзовъ и іезуитовъ, заключается, съ одной стороны, въ возведеніи палацовъ, а, съ другой стороны, въ пирахъ, оргіяхъ и псовой охотѣ. Такую жизнь она должна была вести, потому что она была отстранена отъ всякихъ серьезныхъ обязанностей, напр. отъ народнаго образованія, отъ гигіеническихъ заботъ о здравіи народа, что все находилось въ рукахъ ксендзовъ и іезуитовъ. Дипломатическія сношенія съ иноземными державами находились также въ рукахъ духовенства, отправлявшаго обязанности пословъ и заключавшаго самые важные договоры. Въ сенатѣ духовенство также властвовало. Извѣстенъ протестъ Бельзенскаго воеводы Матчинскаго на комиціяхъ 1688 противъ бискупа Опалинскаго, при чемъ Матчинскій выразился, что „должно изгнать бискуповъ изъ сената и послать ихъ въ Римъ“. О расширеніи власти духовенства въ Польшѣ заботился самъ Папа, вспоминая о судьбѣ Нѣмецкаго духовенства въ Ливоніи, пострадавшаго отъ рыцарства. Въ случаѣ же какого

нибудь протеста шляхты, то духовенство казнило его отлученіями, чему мы представили много примѣровъ изъ быта нашей шляхты въ началѣ XVIII вѣка. Съ того времени, какъ козаки отошли въ подданство Россіи, хотя со стороны ихъ время уже окончилось для рыцарской ихъ борьбы и мстительной расправы съ своеволіемъ пановъ, но шляхта не переставала, по поджигательству іезуитовъ, нападать на козацкія поселенія подъ предлогомъ своей священной пропаганды. Много времени терпѣли наши герои эти безпорядки, при которыхъ іезуиты и пропаганда, мало по малу, наконецъ, овладѣли, подобно нашей странѣ, почти всею выговорною Бѣло-Церковскою страною, т. е. почти 12 городами, присвоивая ее себѣ за давностью своего владѣнія ею и надѣясь какимъ нибудь образомъ опять запутать въ интригахъ нашихъ козаковъ-простаковъ, какъ запутали ихъ нѣкогда во времена Выговскаго и Мазепы. На этотъ разъ плоды хитрыхъ іезуитскихъ замысловъ были угаданы народомъ, и, при возникшемъ грозномъ возмущеніи козаковъ, извѣстномъ подъ именемъ Коліевщины или Уманьской рѣзни въ 1765 г., іезуиты и Базиліане жестоко поплатились за свои продѣлки. Въ такой бѣдѣ Поляки обратились къ нашему правительству съ жалобою объ усмиреніи козаковъ, которыхъ называли мятежниками, и наше правительство, скрѣпя сердце, должно было казнить героевъ—предводителей этого возстанія монаха Максима Желѣзняка и Гонту, чтобы только прекратить борьбу съ Поляками и избѣжать кровопролитія.

ГЛАВА XIII.

Паденіе Польши и пораженіе конфедератовъ, косиньеровъ и адскихъ легіонеровъ на аренѣ нашей страны, выступившихъ на защиту Польши.

За горами, за долами Бонопарте съ плясунами.

I. Казалось, Полякамъ слѣдовало-бы быть благодарными къ Русскому Правительству за вѣротерпимость и разнаго рода уступки, но па дѣлѣ вышло иначе. Въ безсильной ненависти Польскіе фанатики, составивъ конфедерацію, опредѣлили отомстить Православнымъ, для чего, чтобы имѣть болѣе вѣрный успѣхъ въ борьбѣ, вызвали къ себѣ изъ Франціи толпу авантюристовъ, явившуюся подъ предводительствомъ Дюмурье, присланнаго на помощь Полякамъ министромъ Шаузелемъ. Эта, такъ называемая, Барская конфедерація быстро была уничтожена Русскими войсками, которые, при преслѣдованіи ея въ предѣлахъ Турціи, въ 1769 году, сожгли мѣстечко Балту. Между тѣмъ наше Правительсво, принявъ войну съ Турціею за упомянутую Балту, внимательно слѣдило за дѣйствіями Поляковъ и, узнавъ о броженіи ихъ на Инфлянтахъ, послало въ томъ же году полкъ подъ командою Волконскаго на Полоцкъ, который при вступленіи въ Полоцкъ, объявилъ, что направляется въ Турцію, а между тѣмъ, дошедши до мѣстечка Глубокаго, далѣе не двинулся и здѣсь остановился. Военныя наши дѣйствія съ Турціею не ясно высказывались, такъ что Поляки, получивъ нѣсколько ложныхъ извѣстій о нашемъ будто бы пораженіи, вдохновились надеждою на успѣхъ своихъ замысловъ и составили уже нѣсколько конфедерацій, изъ которыхъ болѣе сильными были: Слуцкая, состоявшая подъ командою Огинскаго, а вторая Инфлянтская, организировавшаяся подъ начальствомъ Зиберга. Послѣдняя имѣла на-

мѣреніе дѣйствовать совмѣстно съ Полоцкою, состоявшею подъ начальствомъ Штейна—Полоцкаго маршалка. Полоцкая, прибывъ въ Полоцкъ и запретивъ судопроизводство, отправила часть своей шайки на грабежъ Архіерейскаго двора Струни, въ которой жилъ Православный архіерей; но, узнавъ, что Москали спѣшили по слѣдамъ ея, сама спѣшила укрыться въ Волынцы, гдѣ, сверхъ чаянія, она встрѣчается опять съ Москалями, явившимися изъ Глубокаго, что заставило Полоцкихъ храбрецовъ бѣжать безъ оглядки изъ Волынцевъ. За неудачу Полоцкихъ собратьевъ нашъ воевода Зибергъ рѣшился съ мужествомъ напасть на Москалей въ самомъ ихъ притонѣ въ Диснѣ, что давало несомненную надежду на успѣхъ при свѣдѣніи о раздѣленіи нашихъ силъ; но, прибывъ къ Диснѣ, Зибергъ узнаетъ о возвращеніи отряда изъ Волынцевъ, и мужество его оставляетъ. Онъ спѣшитъ возвратиться домой, чтобы не попасть межь двухъ огней. Такою благоразумною тактикою наши конфедераты—Нѣмцы спасли невредимо свои бока, тогда какъ Слуцкіе конфедераты поплатились жестоко въ своей битвѣ при Столовичахъ 12 Сентября 1771 года, въ которой имъ суждено было встрѣтиться съ самымъ грознымъ въ бою изъ Русскихъ вождей Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ. Говорятъ, когда Фридрихъ В. узналъ о Столовичской битвѣ, то сказалъ, что если Поляки получатъ еще подобное пораженіе, то для Польши наступаетъ конецъ. Послѣ Столовичскаго пораженія въ первые дни никто изъ Поляковъ не рѣшался на составленіе новыхъ кофедерацій, думая только въ раздумьѣ: что это будетъ? (co to będzie)?

II. Послѣдствіемъ Столовичской катастрофы было то, что многіе изъ благоразумныхъ Бѣлоруссцевъ и Литовцевъ, имѣя во главѣ самаго арцыбискупа Сестржепцевича, признали необходимость и естественность возвращенія нашего края подъ власть Россіи, стараясь только о спасеніи католицизма. Но іезуиты и ксендзы, надѣясь имѣть болѣе свободы въ Польщизнѣ, придали видъ этимъ событіямъ совершенной погибели Посполитой Рѣчи, что выразилъ Полоцкій проповѣдникъ іезуитъ предъ генераломъ Кречетниковымъ, сказавъ при немъ въ костелѣ проповѣдь о Вавилонскомъ плѣнѣ іудеевъ, сравнивая возвращеніе Полоцка къ Россіи съ плѣненіемъ іудеевъ въ Вавилонѣ? Вотъ примѣръ Польской политики! Шляхта въ иллюзіи о прежнихъ вольностяхъ и привиллегіяхъ не отказывалась поляковать, увлекая къ тому и па-

родъ, который, на первыхъ порахъ ослѣпляемый интригантами, не ясно понималъ свои интересы. Послѣ Столовичской битвы въ Полоцкъ прибылъ Русскій гарнизонъ въ 600 человѣкъ, а въ Февралѣ 1772 года, генералъ Каховскій приказалъ сдѣлать опись Католическимъ монастырямъ, а 13 Сентября приказано ксендзамъ приводить католиковъ на подданство Москвѣ. 23 Декабря 1772 года открыта была провинціальная канцелярія въ Динабургѣ, для управленія Инфлянтами, переименованными въ Двинскую провинцію, которая, по трактату между Россіею, Пруссіею и Австріею, совершившими первый раздѣлъ Польши, для прекращенія кипѣвшей въ ней революціи, была присоединена въ составѣ Полоцкой области, съ Велико-Луцкою и Витебскою провинціями, къ Псковской губерніи 10 Августа 1772 г. Псковская область вмѣстѣ съ Могилевскою губерніею образовала Бѣлорусскую губернію, врученную во управленіе Захару Григорьевичу Чернышеву. Самъ Чернышевъ жилъ во Псковѣ, а управленіе Полоцка съ Инфлянтскими землями сперва было предназначено сосредоточить въ г. Опочкѣ, но потомъ опредѣлено было перемѣстить въ Полоцкъ. Первый губернаторъ этой области былъ генералъ Кречетниковъ. Въ Двинской провинціи провинціальная канцелярія имѣла мѣсто пребываніе въ Динабургѣ, въ каковомъ городѣ тотчасъ же, 1772 года, предположено было устройство крѣпости. Правительство въ первый разъ предполагало устроить крѣпость при устьѣ Евкшты, перенеся оную изъ Динабурга; но этотъ проектъ былъ оставленъ. Въ 1776 году послѣдовало раздѣленіе провинцій на уѣзды, а въ 1778 году послѣдовало Высочайшее утвержденіе городскихъ плановъ: для Люцина, Рѣжицы и Динабурга. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было ко введенію Русскихъ административныхъ учрежденій: земскихъ судовъ, магистратовъ, почтовыхъ учрежденій, межеванія земли; объявлены были постановленія о сидкѣ вина, о корчмахъ, о продажѣ соли и о правахъ торговли.

III. Обыкновенно Польскіе писатели упрекаютъ Русскихъ, по случаю возвращенія ими себѣ Бѣлоруссіи, въ самоуправствѣ, притѣсненіи католиковъ Поляковъ и въ разореніи благосостоянія страны. Послѣдній упрекъ на столько наивенъ, что не стоитъ и опроверженія, по очевидности всей лжи. Люцинскій и Динабургскій уѣзды подъ Польскимъ владычествомъ были извѣстными притонами, напр. у Ругайжа и Корай Бора для всякаго рода

разбойниковъ и контрабандистовъ; въ странѣ существовали только винокуренные, мукомольные и рыболовные промыслы. Въ настоящее же время мы имѣемъ полотняныя, стеклянныя, скипидарныя и бумажныя фабрики. Если упало винокуреніе, то за то развилась торговля и земледѣліе во всей странѣ на 10% выше, что оказывается изъ возышенія цѣнности продуктовъ и заработковъ платы. Винокуреніемъ и мельницами занимались только одни помѣщики во время Польскаго владычества, но теперь этими промыслами занимается и народъ. Въ настоящее время численность горожанъ слѣдующая: въ Динабургѣ 32 т., въ Рѣжицѣ 11 т. и въ Люцинѣ 8½ т., тогда какъ въ этихъ городахъ подъ Польшею считалось число жителей въ сотняхъ только. Численность народа въ настоящее время въ нашей странѣ по вѣроисповѣданіямъ выражается приблизительно въ такихъ числахъ: католиковъ до 176 т., православныхъ до 50 т., евреевъ до 25 т.; между тѣмъ какъ на Инфлянтахъ въ 1570-хъ годахъ считалось жителей всего до 150 т. ж. Что касается численности дворянства, то она слѣдующая: въ Динабургскомъ уѣз. 3154 ч. въ Рѣжицкомъ уѣздѣ 996 ч. въ Люцинскомъ уѣздѣ 772 ч. Это количество превышаетъ количество дворянъ цѣлыхъ нѣкоторыхъ губ., напр. Владимірской, Ярославской, Тульской и др.

IV. Такъ была наказана Польша за свою дерзкую ненависть къ Русскому народу, при помощи котораго она поразила и Тевтонскій орденъ и завоевала Ливонію. Мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторые протесты Поляковъ противъ Россіи, которую одну считаютъ они виновницею несчастія. Свое право на господство въ нашей странѣ они мотивируютъ грозными побѣдами Баторія: но могутъ ли быть эти побѣды сопоставлены съ побѣдами Суворова? они мотивируютъ потомъ свое право владѣнія нашею страною на преемствѣ и наслѣдствѣ ея отъ рыцарей: но это право ими потеряно послѣ передачи ими нашей страны не однажды въ руки Шведовъ, отъ которыхъ она отвоевана нами. Впрочемъ это фиктивное право потеряно Поляками также, какъ и рыцарями, неоднократными нарушеніями международныхъ договоровъ, изъ каковыхъ нарушеній непростительнымъ оказывалось присвоеніе ими Фастовщины, Бѣлой Церкви, не говоря уже о нашей странѣ, куда они были допущены только на время. Что касается притѣсненія католиковъ, то и это очевидная клевета. У шляхты были оставлены всѣ ея прежнія личныя права; только

отнято у ней было право истязанія своихъ крестьянъ смертельными казнями. Весь шляхтскій и миссіонерскій институтъ оставленъ былъ Русскими неприкосновенными, даже многія фамиліи возведены въ графское и княжеское достоинство, напр. Гильзены, Плятеры, Борхи не въ силу заслугъ, но изъ-за родоваго происхожденія и для умиротворенія ихъ. При введеніи административныхъ учрежденій всѣ должности и мѣста предоставлены мѣстной шляхтѣ, права которой и по происхожденію, и на владѣніе землею, и на занятіе должностей оставлены во всей силѣ. Даже прежнія Польскія должности старостъ, войтовъ, маршалковъ и прочаго Польскаго уряда были отмѣнены не вдругъ, а постепенно и притомъ съ удовлетвореніемъ всякихъ притязаній по разнаго рода арендамъ, съ принятіемъ на себя взысканія этихъ арендъ съ крестьянъ впослѣдствіи, каковое взысканіе и до сего времени числится на многихъ войтовствахъ. Наше правительство, вводя свою систему сбора податей, избавляло разъ на всегда страну отъ произвола высшихъ классовъ надъ крестьянами и давало такимъ образомъ направленіе правильнымъ и прочнымъ отношеніямъ крестьянъ къ Государству. Развитіе городовой жизни сконцентрировало промышленныя силы народа подъ надзоромъ администраціи, каковая городская жизнь изчезла изъ страны во время Польскаго правленія.

V. Наше правительство вступая въ нашу страну, не обѣщало ни субсидій, ни вольностей, но не оставалось ни предъ кѣмъ въ долгу: такъ Рыки оказали какую-то помощь правительству, за что тотъ же часъ получили приличное вознагражденіе. Не обѣщая субсидій, наше правительство въ теченіи 2 лѣтъ не взимало съ народа никакихъ податей. Подушный оброкъ былъ назначенъ самый ограниченный въ 70 к. съ души. Въ отношеніи враждебнаго намъ католическаго духовенства правительство поступало со всѣмъ великодушіемъ, отчисливъ къ архіепископу Могилевскому отъ Ливоніи и нашу страну, предоставивъ ксендзамъ право проповѣди на Польскомъ языкѣ, оставивъ за ними всѣ фундуши и дозволяя іезуитскимъ крестьянамъ даже винокуреніе *).

**) Арцибискупъ Могилевскій Богушъ-Сестренцевичъ, прославляемый вообще въ Русской литературѣ, какъ врагъ іезуитовъ и другъ нашего правительства, такъ писалъ къ своей діоцезіи въ 1779 году, увѣщая ее въ твердости въ своей вѣрѣ: Ritus latinus propter suam praestantiam, eo quod sit ritus sanctae Romanae ecclesiae omnium ecclesiarum Matris et Magistrae sic supra Graecum ritum praevalet, maxime in Italicis

Принося такія жертвы, правительство не отказывалось предоставлять помощь и для содержанія учебныхъ заведеній, для каковаго дѣла и шляхта, и духовенство отнеслись нѣмо, такъ что правительство въ 1779 году вынуждено было само отпустить свои суммы, на которыя было основано городское училище въ Полоцкѣ съ преподаваніемъ наукъ на Русскомъ языкѣ. Это было первое Русское училище въ нашей странѣ, возникшее по изгнаніи изъ нея Латынью Русскаго элемента. Теперь іезуиты старались подавить его своею конкуренціею, *) но первые дѣятели этого училища старались не безъ успѣха выдержать эту конкуренцію. Такъ при посѣщеніи Государынею Екатериною II Полоцка, іезуиты представили Государынѣ свои піитическіе произведенія на Латинскомъ языкѣ, но и питомцы Русскаго Полоцкаго училища отличались на публичныхъ актахъ своими стихосложеніями, которыя они читали предъ публикою, въ ряду которой ежегодно присутствовалъ самъ Губернаторъ. Католики, однакожъ не ввѣряли воспитанія своихъ дѣтей Русскому училищу, отдавая ихъ въ іезуитскій коллегіумъ, вэзду сохраненія ихъ національности, или отправляли своихъ дѣтей во Францію. Національностью своею наши католики считали Польщизну, увядавшія прелести которой находили много поклонниковъ въ шляхетномъ сословіи, которое съ тоскою вспоминало о разныхъ привиллегіяхъ и свободахъ, потерянныхъ со вступленіемъ Русскихъ въ страну. Болѣе всего были чувствительна потеря шлях-

---

regionibus, ubi Latinis episcopis Graeci subjecti sunt, ut non modo ab ipso ad Graecum trasitus nullatenus permitatur, verum etiam a Graecis semel assumptus, absque Apostolica dispensatione deseri nequebat“. Вотъ изъ-за чего католики такъ претендуютъ на флоренцію своей Вѣры по всему свѣту. И такъ пораженная пропаганда не только не смирилася, но снова заявляетъ борьбу, неимѣющую смысла!... Сестрженцевичъ домогался у нашего правительства получить Папы Русскихъ католиковъ, чѣмъ и объясняется замыслъ этого его посланія. Такъ дерзки замыслы польской пропоганды!..

*) Съ особеннымъ усердіемъ служили іезуитамъ Гильзены, изъ которыхъ Николай былъ въ 1750 г. Смоленскимъ бискупомъ, принадлежа къ ордену іезуитовъ. Гильзенами сооружено нѣсколько костеловъ въ нашей странѣ; они же подарили фундушъ для Базиліанскаго училища въ Болынцахъ, который потомъ былъ, кажется, переведенъ на Витебскій конviктъ. Съ Гильзенами конкурируютъ по этой части Мантейфели, Солтаны, Зиберги, Шадурскіе, Борхи, Селицкіе, Моли, Соколовскіе, Поплавскіе и нѣкоторые др. Братъ Николая Гильзена Янъ составилъ Инфлянт. хронику.

тою права надъ жизнью своего крѣпостнаго крестьянина, а также права сеймовыхъ собраній, исключительнаго права винокуренія въ странѣ, права безпошлинной торговли, и права арендованія должностей. Въ большемъ же раздраженіи къ своему новому положенію относилось духовенство, которое, по трактатамъ 3 великихъ державъ, должно было изъять даже изъ употребленія слово: „схизма" и должно было принимать Папскія буллы съ разрѣшенія нашего правительства, а также быть въ отчетности предъ нашимъ свѣтскимъ правительствомъ за свои политическія дѣйствія, а болѣе всего лишено было права на совращеніе Православныхъ въ католичество, чѣмъ прежде они занимались безпрепятственно. *) Затѣмъ были приняты мѣры для пресѣченія фанатическихъ протестацій католиковъ противъ нашихъ духовныхъ, что видно изъ оповѣщенія арцибискупа въ 1780 году по костеламъ, что ему приказано назначать сгодную, т. е. мирную персону, для сопровожденія Русскаго капелана, т. е. благочиннаго, при вступленіи его въ Инфлянты. Это распоряженіе указываетъ, какъ были обширны права католиковъ и какъ Русскіе вѣротерпимы, что даже наше духовенство не могло и показываться въ свою исконную страну!... Были приняты также мѣры противъ совращенія православныхъ при бракахъ съ католиками въ католичество, что было въ обычаѣ до сего времени въ нашей странѣ.

VI. Всѣ эти ограниченія вызывали и у ксендзовъ, и у шляхты глубокіе вздохи о погибшемъ прошломъ, а почему уже съ 1785 года начинаются въ нашей странѣ глухіе протесты противъ Русскихъ, которые однакожъ не обнаруживались пока тѣмъ болѣе, что правительство, наблюдая за Польшею, преимущественно стягивало свои войска въ нашу страну, изъ которой, въ 1792 году, мы видимъ отправленіе двухъ корпусовъ, сформированныхъ Губернаторомъ Михаиломъ Никитьевичемъ Кречетниковымъ, въ штабѣ котораго состояли знаменитости наступавшаго времени: Барклай де Толли, Беннигсенъ, Ферзенъ, Денисовъ и Буксгевденъ. Только въ 1795 году наши Инфлянчики, когда всѣ наши войска были стянуты въ Варшаву, рѣшились было взяться за оружіе, но безуспѣшно. Эти возмущенія начинались изъ Боловскихъ и Маріенгаузенскихъ лѣсовъ, что и было причиною водворенія впослѣдствіи въ

*) Съ этого времени уже не оказывается въ официальныхъ сборникахъ нашей діоцезіи ни одной буллы ни о юбилеяхъ ни индульгенціяхъ.

этомъ пунктѣ Русскихъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ первымъ оказывается Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, по смерти котораго является Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ. Повстанцы направились къ Динабургу, для осады котораго они ожидали Огинскаго, прибывшаго, дѣйствительно, во время, но успѣвшаго только сжечь крѣпость, послѣ чего онъ долженъ былъ спасаться въ глуши упомянутыхъ лѣсовъ. Повстаніе неудалось, въ особенности, потому что народъ не принялъ никакого участія, на которое расчитывали повстанцы. Еще въ 1789 г., крестьяне Динабургскаго уѣз.. находившіеся подъ арендою у Плятера заявили свои жалобы, что Плятеръ овладѣлъ ими, бывши старостою, безъ права, вслѣдствіе чего Правительство, послѣ многолѣтняго спора крестьянъ съ Плятеромъ, рѣшило отобрать ихъ отъ него за субарендованіе ихъ въ другія руки. Это рѣшеніе фамилія Плятеровъ приняла оскорбленіемъ для себя со стороны Русскаго правительства, изъ чего и объясняются послѣдующія дѣянія этой фамиліи въ исторіи Польскихъ революціонныхъ движеній. Это первое повстаніе нашихъ Инфлянчиковъ совпало съ паденіемъ Польши, а почему наказаніе ихъ слилось въ общей катастрофѣ послѣдней, за которою наступило время великой французской революціи, отвлекшей взоры всѣхъ отъ судьбы нашей страны, ввиду стремленія Поляковъ вступить на путь этой революціи.

VII. Конечно, эти протесты народа противъ шляхты должны были бы разумить ее къ ея покорности Русскимъ: напротивъ она начала готовиться къ борьбѣ съ нами. Однакожъ какъ ни скрытно наши Инфлянчики приготовлялись къ грозной борьбѣ, но водворившіеся между ними Русскіе поселенцы замѣтили это ихъ движеніе во время. Коноводами этого движенія были духовные и, въ особенности, іезуиты. Они распускали всякіе невыгодные слухи о правительствѣ, распаляя противъ всего Русскаго фанатизмъ черной шляхты. Такъ еще въ 1803 г. Правительство убѣдилось въ томъ, что Освейскіе ксендзы распускали слухъ о намѣреніи нашего Правительства обратить Греко-Уніатовъ въ Православіе принудительными мѣрами. Впрочемъ они успѣли однакожъ убѣдить Правительство въ своей благонадежности, такъ что Правительство разрѣшило возвести Полоцкій ихъ коллегіумъ на степень іезуитской академіи. Но, предъ началомъ войны 1812 года, они являются у Французовъ провод-

никами послѣднихъ въ нашу страну и ихъ сподвижниками. Что они были проводниками, то это болѣе, чѣмъ несомнѣнно. Извѣстно, что въ нашу страну явились Французскіе инженеры для изученія мѣстоположенія Волькенбергскаго замка, гдѣ Наполеонъ намѣревался положить базисъ своей операціонной линіи. Вѣроятно, къ этому времени относится происхожденіе сказки о томъ, что будто бы Сергѣй Петровичъ Кульневъ, извѣстный кавалерійскій генералъ, пріѣзжая въ Люцинъ со службы къ своей матери, ловилъ будто-бы ксендзовъ и, впрягая ихъ въ караважку, заставлялъ ихъ возить себя вокругъ замковой стѣны. Эта сказка придумана въ духѣ рыцарскаго времени, когда рьяные рыцари отправлялись на утреннія прогулки для того, чтобы натѣшиться вдоволь всякимъ мучительствомъ и наругательствомъ надъ схизматиками и язычниками, каковая охота совершенно не въ характерѣ Русскаго человѣка. *) Мы упомянули объ этой сказкѣ затѣмъ, чтобы дать понятіе о признательности туземца къ памяти Кульнева, защитившаго страну отъ грознаго ига Папистовъ.

VIII. Переходя къ разсказу о вторженіи Французовъ въ нашу страну, мы считаемъ необходимымъ вспомнить читателю о томъ, что Русскіе должны были встрѣтить своего непріятеля, съ слишкомъ неравными силами каковыя силы были у насъ раздѣлены еще для неоконченной нами войны съ Турціею, на театрѣ которой даже находился первый нашъ полководецъ Кутузовъ. Вступая въ Русскую землю, непріятель раздѣлилъ свои громадныя силы на три части, изъ коихъ подъ предводительствомъ самого Наполеона главная и сильнѣйшая часть устремилась на Москву, какъ на цѣль похода, а другую непріятель устремилъ на Волынь, для прикрытія Варшавы, а третью подъ начальствомъ одного изъ самыхъ боевыхъ своихъ маршаловъ Удино или герцога Реджіо, во главѣ 23 т. корпуса, состоявшаго изъ Кроатовъ,

*) На подобныя сказки были мастера и предки нашихъ собратій, если припомнимъ сказку о Давидѣ Гарденскомъ, какъ онъ разсѣкъ дѣвушку католичку, заставъ двухъ своихъ солдатъ въ спорѣ за право владѣнія ею, какъ добычею на войнѣ. Эта сказка помѣщена въ хроникѣ Лео. На подобные поступки Русскій человѣкъ не способенъ. Наши противники валятъ свою вину на насъ, издревле отличаясь своимъ сумасбродствомъ надъ нашими монахами и священниками, какимъ отличились и въ послѣдній мятежъ. Разсказываютъ объ истязаніи однимъ паномъ пойманнаго въ Себежскомъ уѣздѣ священника, встрѣтившагося ему на дорогѣ отъ больнаго съ св. Дарами въ 1863 году. Потерпѣвшій страдалецъ даже нигдѣ не жаловался.

на столько извѣстныхъ своею храбростью, что самъ Наполеонъ называлъ ихъ адскими легіонерами, направилъ на покореніе нашей страны, поручивъ другому маршалу Макдональду, столько же извѣстному храбростью, атаковать Ригу, а потомъ спѣшить на помощь Удино, который долженъ былъ прорваться къ Петербургу. Въ составѣ корпуса Удино были замѣчательные генералы: Легранъ, графъ Вердье, Мерле и Кавалерійскій генералъ Кастексъ. Изъ младшихъ генераловъ были извѣстны: Мезонъ, Каза-Бьянка корсиканецъ, Кудрасъ, Кутуръ, Альберъ, Корбино и др. Въ корпусѣ Магдональда въ дивизіи генерала находился 5 полкъ подъ командою Литовца князя Радзивила, стремившагося на арену борьбы въ Лифляндіи для обновленія историческихъ подвиговъ своихъ предковъ Радзивиловъ, которые съ такимъ упорствомъ старались о соединеніи Лифляндіи съ Литвою. Быть можетъ, какъ высказываетъ въ своихъ историческихъ статьяхъ Сырокомля объ этой неисполнившейся надеждѣ ихъ предка на вокняженіе на Литовскомъ престолѣ, и этотъ Радзивилъ попалъ въ армію Наполеона съ такими же замыслами. Государь нашъ предусматривалъ этотъ путь и приказалъ избрать пунктъ въ нашей странѣ для устройства лагеря, каковой и былъ избранъ при Дриссѣ. Устройствомъ этого пункта занялся иностранецъ Фіуль, но такъ устроившій не цѣлесообразно этотъ пунктъ, что по осмотрѣ Государемъ его работъ, оказалось, что громадныя суммы на устройство этого пункта были устроены непроизводительно. Для сопротивленія непріятелю нашъ главнокомандующій Барклай де Толли на этотъ пунктъ отдѣлилъ корпусъ Витгенштейна въ 18 т., состоявшій изъ 3-хъ дивизій подъ командою 3-хъ дивизіонныхъ генераловъ: Берга, Сазонова и Коховскаго. Послѣдній былъ Кавалерійскимъ генераломъ. Подъ командою его состоялъ и Кульневъ, начальствовавшій Гродненскимъ Гусарскимъ полкомъ, еще съ 1809 года прославившійся въ Шведскую войну, рѣшившись на переходъ въ Швецію съ своимъ полкомъ чрезъ Ботническій заливъ, замерзшій въ то время. Кромѣ кавалеріи здѣсь были присоединены и козачьи полки подъ командою Платова, Радіонова и Селиванова. Кромѣ этихъ генераловъ были извѣстны своею боевою славою: бригадный генералъ Козачковскій, князь Сибирскій и Балкъ. Между полковниками, пріобрѣвшими себѣ извѣстность съ этого времени, были замѣчательными: Ридигеръ, Фроловъ, Мурузи, Денисьевъ и Волконскій. Противъ Макдональда назначенъ былъ

Генералъ Гаменъ, которому приказано было удерживать Макдональда на пути его ко Пскову. *) Оборона Динабурга произошла 1 Іюля. Удино, отдѣливъ часть своего корпуса подъ командою Генерала Сеньженя, подступилъ къ Динабургу, который осаждалъ безуспѣшно въ продолженіи 4 дней, и, по приказанію Наполеона, отступилъ, направясь къ Полоцку. Между тѣмъ Кульневъ, по переправѣ чрезъ Двину открылъ Сеньженя, на котораго напалъ съ Платовымъ. Три раза Кульневъ ходилъ въ атаку на Французовъ,—и безуспѣшно, и только съ прибытіемъ Полковника Ридигера, Французскій генералъ долженъ былъ сдаться съ 3-мя офицерами. Это сраженіе произошло при Друѣ. Въ это время т. е. 14 Іюля, Удино успѣлъ укрѣпиться въ Полоцкѣ и, оставивъ тамъ гарнизонъ свой, переправился чрезъ Двину, направляясь къ сѣверу; нашъ же Полководецъ избралъ пунктъ для своего лагеря на Себежскихъ высотахъ, куда отозвалъ изъ Динабурга и Уланова, собирая къ этому пункту закаленныхъ бойцевъ. Для воспрепятствованія къ соединенію съ Удино Макдональда, отбитаго Левисомъ изъ Лифляндской губ. и стремившагося къ Люцину, главнокомандующій отрядилъ генерала Гамена. Однакожъ судьба назначила иной пунктъ этой роковой борьбы.

IX. Французскій полководецъ, увѣренный въ превосходствѣ своихъ силъ и средствъ предъ непріятельскими и расчитывая на свое соединеніе съ корпусомъ Макдональда, смѣло направился по дорогѣ къ Себежу. Авангардомъ его командовали Легранъ, Кастексъ, Мезонъ и Бьянка—корсиканецъ, землякъ императора. Французы отступили отъ большой дороги влѣво, на деревню Якубово, имѣя въ виду скорѣйшую встрѣчу съ Макдональдомъ, который отправлялся отъ Динабурга на село Истру

*) Одному изъ Русскихъ Генераловъ Польскаго происхожденія было поручено спасеніе провіанта, заготовленнаго при Дриссенскомъ лагерѣ. Хотя непріятель былъ за 80 еще верстъ, но Потоцкій не оправдалъ довѣрія къ себѣ правительства. Многіе изъ нашихъ Поляковъ поступили на службу къ Наполеону, который изъ нихъ Графа Борха поставилъ меромъ г. Витебска, отставивъ отъ этой должности князя Друцко-Соколинскаго за преданность законному Государю. Наши Поляки-Инфлянчики не имѣли права быть недовольными нашимъ правительствомъ, которое освободило ихъ отъ Нѣмцевъ, даровавъ для нашей страны особыхъ отъ Ливоніи архіепископовъ и для католиковъ и для уніатовъ особыя права. При этихъ арцибискупахъ Польщизна, которую такъ преслѣдовали Нѣмцы, стала на твердую почву въ нашей странѣ.

или Старую Слободу. Есть мѣстное преданіе, что о направленіи Французовъ узнала Клястицкая помѣщица Убри, во время ихъ привала въ ея имѣніи, о чемъ посиѣшила сообщить Витгенштейну и тѣмъ разстроила соединеніе Удино съ Макдональдомъ. Частныя подробности этого преданія намъ неизвѣстны, такъ какъ оно почерпнуто нами не на мѣстѣ. У Истры, какъ намъ извѣстно изъ распросовъ, были заготовлены подвозы, провіантъ для Французовъ, каковыя подготовленія остались безъ приложенія къ дѣлу. 18 Іюня Французы расположились было на отдыхъ въ Якубовѣ: какъ на опушкѣ лѣса появились наши гусары и завязали перестрѣлку, послѣ которой, по приказанію своего полководца, вышелъ Кульневъ изъ опушки лѣса и занялъ площадку деревни, вызывая на рѣшительный бой непріятеля, который и принялъ вызовъ, отбросивъ своего противника съ мѣста битвы. На помощь къ Кульневу подоспѣлъ самъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, съ которымъ Кульневъ и успѣлъ отразить непріятеля, обратившагося на соединеніе съ своими главными силами къ мѣстечку Клястицамъ. Пользуясь отступленіемъ непріятеля и предупреждая его соединеніе, нашъ главнокомандующій, по совѣту старшихъ генераловъ князя Яшвиля и Довре рѣшился дать непріятелю генеральное сраженіе. Главнымъ героемъ этой 3-хъ дневной битвы, ареною которой было почти 30 верстное разстояніе, былъ Кульневъ съ своими Гродненскими гусарами, которые напомнили славу своихъ соименниковъ Гарденскихъ дружинниковъ съ ихъ незабвеннымъ вождемъ Давидомъ Довмонтовичемъ; но и прочіе полки: Сѣвскій, Калужскій, Пермскій, Симбирскій и Могилевскій доказали свое геройское мужество. Въ этой битвѣ каждый изъ нашихъ вождей старался не отстать въ мужествѣ отъ своего товарища и со времени Клястицкой битвы, сдѣлались дорогими для Русскаго патріота имена Ридигера, Каховскаго, Фролова, Платова, въ особенности Сухозанета, управлявшаго артилеріею и мн. др. *) Непріятель употреблялъ всѣ силы, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ нашихъ, при чемъ многіе пункты битвы переходили по нѣскольку разъ изъ однихъ рукъ въ другія, пока, наконецъ, Удино не убѣдился въ необходимости отступленія, направясь къ Сивошину перевозу по дорогѣ къ

---

*) Пораженіе Французовъ Русскими подъ Клястицами можно приравнить съ пораженіемъ Персовъ Греками при Мараѳонѣ по своему вліянію на ободреніе мужества побѣдителей въ послѣдующей ихъ борьбѣ съ своими врагами.

Полоцку. Витгенштейнъ приказалъ Кульневу преслѣдовать непріятеля; но, при Сивошинѣ перевозѣ, гдѣ Кульневъ родился и жила въ то время еще его мать, онъ попалъ въ долинѣ между двухъ горъ подъ перекрестный огонь непріятеля, причемъ ядромъ оторвало ему обѣ ноги. Не смотря на свое ужасное состояніе, умирающій герой, видя опасность своего полка, мужественно продолжалъ давать приказаніе своимъ солдатамъ, пока не подоспѣлъ къ нему на смѣну его преемникъ. По разсказамъ иностранцевъ, подтверждающихъ также это его мужество, Кульневъ, когда замѣтилъ приближеніе къ себѣ Французовъ, будто бы сорвалъ съ себя крестъ, какъ бы досадуя на свою оплошность и приказалъ себя не трогать, желая умереть на мѣстѣ. *) По мужеству Французскіе историки сравниваютъ Кульнева съ любимцемъ Наполеона генераломъ Гуденомъ, который также, при быстромъ преслѣдованіи выступавшей нашей арміи изъ Смоленска, на р. Колоднѣ, 6 Августа 1812 года, попалъ подъ перекрестный огонь нашихъ полковъ и погибъ въ битвѣ. Однакожъ Французамъ, при преслѣдованіи преемника Кульнева генерала Грейфа, пришлось 21 Іюля подъ м. Головчинымъ встрѣтиться съ самимъ Витгенштейномъ, принудившимъ ихъ къ отступленію. Битва при Головщинѣ была самая ожесточенная, въ которой сами главнокомандующіе сражались въ ряду солдатъ своихъ. Въ этихъ битвахъ сами генералы сражались наравнѣ съ своими солдатами. При преслѣдованіи французами Грейфа, Каза-Бьянка, также попался подъ огонь нашихъ войскъ, но Вердье и Удино успѣли спасти его полкъ изъ огня. При Головщинѣ Витгенштейнъ былъ раненъ въ руку, но продолжалъ сражаться до конца битвы. Отбитый

*) Приблизившійся непріятель ринулся къ умирающему, стремясь овладѣть имъ, но изъ-за него завязалась борьба, въ которой выступилъ передовымъ борцомъ ординарецъ его, гусаръ Степановъ, рѣшившійся защитить своего командира. Владѣя замѣчательною силою, онъ одинъ бился противъ 9 человѣкъ и отразилъ ихъ, и самъ отбился, освободивъ умирающаго своего начальника. Когда убили подъ нимъ лошадь, то онъ отбивался стоя, пока не подоспѣли къ нему на помощь его товарищи. Этотъ могиканъ прожилъ до 1875 г., но ужасно страдая отъ ранъ, полученныхъ имъ при сраженіи подъ Сволною, 26 Іюля и подъ Полоцкомъ 5 Октября, и въ заграничныхъ бояхъ, изъ которыхъ онъ вышелъ въ отставку поручикомъ, но, буквально говоря, весь израненный съ ногъ до головы, съ незалечимыми и на груди, и на кожѣ желудка поврежденіями и, наконецъ, съ раздробленою ногою, такъ что часто жаловался на свою судьбу и завидовалъ участи Кульнева. Онъ скончался на 90 году отъ роду своей жизни въ г. Лепелѣ.

отъ Головщина, Удино спѣшилъ укрыться въ Полоцкъ. (При Сивошинѣ поставленъ Кульневу памятникъ, но тѣло его похоронено въ Ильзенбергѣ,—имѣніи, принадлежавшемъ ему по наслѣдству. Въ нашей странѣ пріютился прахъ и другого витязя только нѣсколько позднѣйшаго времени Д. П. Бутурлина, похороненнаго въ Маріенгаузенѣ, памятника которому теперь уже не существуетъ. Всѣ помнятъ могилу Бутурлина, слѣды которой съ памятникомъ въ настоящее время, съ переходомъ имѣнія его въ руки католиковъ, исчезли! Какая грубая, дикая національная вражда, преслѣдующая своего противника и въ загробномъ мірѣ! Примѣровъ такого фанатизма у Русскаго народа мы не знаемъ. Но отъ Поляковъ онъ, кажется, вправѣ ожидать умиротворенія для своей памяти, такъ какъ онъ въ 20 годахъ воевалъ въ Испаніи, защищая интересы Испанской короны. Память его священна и для Православнаго населенія, потому что онъ былъ ктиторомъ мѣстнаго Православнаго храма; священна память его для науки, потому что его имя какъ историка, описавшаго войну 1812 г., всегда будетъ дорого и незабвенно. *)

X. Оставивъ падшихъ, мы послѣдуемъ за Удино, отступавшимъ къ Полоцку, куда къ нему стремился на соединеніе Баварскій корпусъ подъ начальствомъ Сен-Сира. Самъ Удино былъ раненъ при Кохановкѣ и принужденъ былъ сдать свое начальство своему товарищу Сен-Сиру; Легранъ былъ также раненъ. Сен-сиръ прибылъ къ нему на помощь уже послѣ Клястицкой битвы. На этой ужасной битвѣ Удино потерялъ 10 т. человѣкъ. Наполеонъ очень остался недоволенъ Удино, ожидая отъ его адскихъ легіонеровъ побѣдъ и торжества. Клястицкая битва въ первый разъ указала гордому Наполеону опрометчивость его замысловъ, а почему онъ даетъ приказъ Полоцкимъ своимъ героямъ замкнуться пока пожатіемъ пріобрѣтенныхъ лавровъ, давъ только приказъ овладѣть на этотъ разъ Динабургомъ и изъ этихъ пунктовъ тревожить непріятеля партизанскими дѣйствіями. Борьба за Динабургъ съ того времени, какъ Гаменъ разстроилъ соединеніе Макдональда съ маршаломъ

*) На сколько варварски относились Французы къ Русскимъ въ этой борьбѣ, оказывается въ сожженіи ими въ Москвѣ библіотеки, принадлежавшей Бутурлину, нашему помѣщику, которая заключала въ себѣ свыше 40 т. томовъ. Этотъ поступокъ Французовъ напоминаетъ о сожженіи Омаромъ Александрійской библіотеки.

Удино, уже не входила въ планъ дѣйствій нашего полководца; однакожъ Макдональду стоило двухнедѣльной осады овладѣніе Динабургскою крѣпостью, оборонялъ которую такой незначительный гарнизонъ. Французы ворвались въ крѣпость 1-го Августа, причемъ обратилъ на себя вниманіе Радзивилъ какою то находчивостію, за которую маршалъ представилъ его къ генеральскому чину. Вообще Французы щедро награждали нашихъ измѣнниковъ чинами, такъ напр. Наполеонъ Борха пожаловалъ въ мера г. Витебска, а розданныхъ орденовъ почетнаго легіона, то есть адскаго и нѣтъ возможности исчислить. Сидѣніе въ Динабургѣ Макдональда оказалось далеко не выгоднѣе сидѣнія Полоцкихъ маршаловъ, которымъ патеры іезуиты успѣли доставить всѣ возможные матеріалы въ изобиліи, между тѣмъ какъ Ливонскіе Латыши -протестанты не давали покоя Динабургскимъ нашимъ гостямъ, не только истребляя ихъ фуражировъ, но не позволяя углубляться внутрь страны. Прусскіе солдаты, находившіеся въ корпусѣ Макдональда, начали разъединяться съ своими союзниками и становиться въ болѣе и болѣе рѣзкія отношенія. Вообще положеніе и того, и другого корпуса, съ Августа мѣсяца, становится опаснымъ. 5 и 6 Августа одновременно съ осадою Наполеона Смоленска, и Витгинштейнъ осадилъ Полоцкихъ маршаловъ, потерявшихъ въ этомъ сраженіи до 10 т. человѣкъ, при чемъ оборонительныя битвы начали день со дня становиться опаснѣе, пока не наступилъ роковой Октябрь, 5 числа котораго, по прибытіи Петербургскаго ополченія и генерала Штейнгеля, прибывшаго 27 Сентября изъ Ревеля въ Стерняны, откуда чрезъ Ирели и Креславку потомъ подступившаго къ Полоцку, открылась грозная атака нашего полководца Витгенштейна, не выдержавъ которой Французскіе Маршалы съ своими адскими легіонерами, сопутствуемые и Польскими косиньерами, спѣшили уйти изъ Полоцка, до наступленія морозовъ. По окончаніи войны признательные Псковичи поднесли Витгенштейну 150 т. руб. на покупку дома въ Петербургѣ, и мечъ Св. К. Всеволода съ девизомъ на немъ: „honorem meum nemini dabo.“ т. е. чести моей никому не уступлю. Государь внесъ этотъ девизъ въ гербъ графскаго достоинства Витгенштейна, которымъ онъ его наградилъ. Отъ денежнаго подарка Псковичей герой отказался. Это стремленіе Псковичей выразить признательность защитникамъ нашей страны въ 1812 году выясняетъ общую связь нашей

страны со Псковомъ, начавшуюся съ доисторическихъ временъ и заканчивающуюся въ наши дни. Нашей странѣ суждено было отстранить вторженіе Адскихъ Легіонеровъ во Псковъ и отслужить ему за прежнюю борьбу его съ Крыжаками и Польскими наѣздниками за судьбу ея. Войну 1812 мы связываемъ съ исторіею Крыжацкихъ традицій, исполнителями которыхъ были и на этотъ разъ Поляки, преслѣдовавшіе дикіе замыслы неумѣстной пропаганды. Однакожъ Русскіе въ борьбѣ своей съ Французами обращали вниманіе не на Поляковъ, но имѣли прямо борьбу съ Французами, которыхъ противъ насъ поджигали однакожъ Поляки. Послѣдніе, по пораженіи Французовъ, своихъ отдаленныхъ союзниковъ, очутились, такъ сказать, въ западнѣ, оставленные на произволъ мести Русскихъ, которые были вправѣ наказать ихъ теперь по заслугамъ, но Русскіе удовлетворились обѣщаніемъ Поляковъ отреченія отъ своей пропаганды,— на чемъ первые и успокоились.

XI. Видя эти возмущенія Поляковъ противъ Россіи, предоставившей имъ столько уступокъ, и не встрѣчая подобныхъ возстаній ни въ Пруссіи, ни въ Австріи, участвовавшихъ также въ раздѣлѣ Польши и непредоставлявшихъ своимъ Полякамъ такихъ уступокъ, невольно является вопросъ о причинѣ возстаній нашихъ Поляковъ. Причина тому заключается въ неправильномъ изъясненіи историческихъ правъ Польши на принадлежность ей древнихъ Русскихъ областей, неразрывную связь съ которымѝ она основываетъ на заслугахъ своей пропаганды, напр. въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, что, конечно, должно отнести къ числу иллюзій, очевидныхъ съ перваго же взгляда для Русскаго человѣка и непонятныхъ для католиковъ и Нѣмцевъ. Такъ Прусскій министръ Герцбергъ, современникъ Екатерины В. открыто выражалъ мнѣніе о неправильномъ присвоеніи Россіею Полоцка, не говоря уже о Инфлянтахъ и Ливоніи. Это мнѣніе возбудило въ нашей Государынѣ сильное волненіе, при которомъ она, разсказавъ Исторію Полоцка, называетъ Герцберга невѣждою и однимъ изъ Померанскихъ воловъ, которые считаются глупыми животными оттого, что имѣютъ худой кормъ. Въ этихъ словахъ оказывается упрекъ Нѣмцамъ, истребившимъ Славянъ въ Помераніи и недостигшимъ этой цѣли въ нашей странѣ. Увлекаемые пропагандою, Поляки терпѣливо, для интересовъ послѣдней, переносятъ отъ своихъ единовѣрцевъ притѣсненія, составляя

свою исторію не въ интересахъ національнаго развитія, а на основаніи религіозныхъ тенденцій, при помощи которыхъ они овладѣли Литвою, Бѣлоруссіею и Инфлянтами и поступаются для Нѣмцевъ также и сами своею національностью. Горькая ошибка!..

ГЛАВА XIV.

Трагико-комическая судьба мечтателей о Крыжацких традиціяхъ и золотыхъ дняхъ на вѣки падшей Полякующей Литвы.

О чемъ шумите вы, народные витіи?

I. Окончивъ разсказъ о войнѣ 1812 года въ нашей странѣ, мы находимся при завершеніи своей задачи—изложеніи исторіи земли Варяжской Руси и борьбы Русскаго народа за судьбу нашей страны съ Нѣмцами и Литовцами, нападавшими на нее подъ девизомъ Креста, въ видѣ безпрерывныхъ ватагъ крестоносцевъ, когортъ рыцарей, меченосцевъ, рыцарей разбойниковъ струтеровъ, Польскихъ драбовъ и жолнеровъ, Венгерскихъ наѣздниковъ, Шведскихъ берсеркеровъ, заклятыхъ косиньеровъ и, наконецъ, адскихъ легіонеровъ и съ прочею ихъ собратіею. Послѣ многихъ переговоровъ и договоровъ по вопросу этой борьбы, судьба нашей страны является на Вѣнскомъ конгрессѣ Европейскихъ монарховъ въ 1815 г., который призналъ разъ на всегда не только неотъемлемую принадлежность нашей страны и Бѣлоруссіи къ Россіи, не рѣшаясь даже и касаться этого вопроса, но и порѣшилъ самобытное существованіе Польши, опредѣливъ ея вѣчную зависимость отъ Россіи. Приговоръ Вѣнскаго конгреса, не только въ главныхъ вопросахъ, но и во второстепенныхъ его частяхъ, безъ сомнѣнія, обязателенъ для боровшихся націй на столько, на сколько Нѣмецкая нація считаетъ Вестфальскій миръ для своихъ народовъ обязательнымъ. Вѣнскій конгресъ покончилъ не только вопросы о притязаніяхъ пропаганды на нашу страну, какъ неумѣстной и ложной иниціативы, но и поручился за недопущеніе революцій, съ одной стороны, на западѣ, такъ и, съ другой стороны, всякихъ повстаній и протестовъ противъ Россіи со стороны Польши, имѣя ввиду ея такія дерзкія и безобразныя интриги за послѣднія два столѣтія и въ политическомъ, и религіозномъ отношені-

яхъ противъ Россіи. Такимъ бразомъ, въ концѣ концовъ Русскій историкъ, озираясь на прошлую судьбу многовѣковой борьбы своего народа съ массою его враговъ, утѣшается скромнымъ, но спокойнымъ сознаніемъ, что успѣлъ отстоять землю своихъ отцовъ, тогда какъ историкъ дѣяній враждебнаго намъ лагеря (Mittheilungen auf dem Gebiete der Geschichte Li, Est und Kurlands B. p. 328), озираясь на замыслы вождей своего лагеря и видя плачевную судьбу ихъ, остается въ горькомъ разочарованіи, при изученіи и подвиговъ ихъ, и развязки этихъ замысловъ: „Есть ли это также исторія? говоритъ историкъ нашего ордена, въ заключеніи своего обзора его судьбы: Ты бѣдная, несчастная страна,—да, это есть не исторія живущаго, но умирающаго существа, не трагедія, но только послѣдній актъ какой то трагедіи. Объ іудеяхъ говорятъ обыкновенно, что они чрезъ свои страданія велики, и что ихъ исторія представляетъ только исторію страданій. Но іудеи имѣютъ однакожъ воспоминанія, прекрасныя дѣтскія мечтанія своего народа, поэзію своихъ сагъ и идиллію патріарховъ; они имѣютъ своихъ героевъ и золотой блескъ Соломонова царствованія, воспоминанія на столько величественныя и свѣтлыя, что они могутъ освѣтить и окрасить всю сухую жизнь. Но здѣсь? Никакого слѣда свѣжей жизни, никакого біенія вены, ни прилива, ни отлива происшествій, никакого волненія собственныхъ идей, никакого обмѣна между тьмою и свѣтомъ, метаморфозы и возрожденія,—ничего, какъ только всегда возвращающееся тожество, служащее мячикомъ для другихъ народовъ, которые послѣ боевой славы и побѣдъ утѣшаются тѣмъ, что они перебрасываютъ его изъ рукъ въ другія руки! Нигдѣ вы не найдете оригинальности, ничего собственнаго, изъ самого себя происшедшаго, ничего самоцѣльнаго, лишь только посредственное и управляемое. Это неслыханное несчастіе, чтобы только быть всегда копіею!“ И мы соглашаемся, что судьба нашего туземца тяжелѣе судьбы іудея, сохранившаго свою національность, которую Нѣмцы и Поляки отняли у нашего туземца, отняли у него поэзію и энергію къ жизни, отняли права, языкъ, обезличили и погребли заживо. Мы присовокупимъ, что изо всей этой многовѣковой армады, терзавшей и заклавшей нашу страну на жертву вѣчной смерти, ни одна личность не только не достигла историческаго ореола, но даже мѣстнаго воспоминанія. Всѣ эти рыцари, Польскіе наѣздники и

косиньеры, адскіе легіонеры, крыжаки и всякаго рода миссіонеры были сами не болѣе, какъ жертва мистификаціи, которою ловкіе политики эксплоатировали для своихъ дерзкихъ цѣлей. При отреченіи отъ своей родины, они жертвовали собою на пути пропаганды, подъ вліяніемъ иллюзіи служенія Латинству и священной Римской Куріи. А между тѣмъ, какъ этотъ историкъ не видитъ въ своемъ лагерѣ яснаго принципа дѣяній и стремленій, мы, обращаясь къ своему лагерю, прямо встрѣчаемся въ немъ и съ правдою дѣла, и находимъ обширный циклъ истинныхъ, честныхъ и высокихъ героевъ, отслужившихъ своему призванію при болѣе трудныхъ условіяхъ и покрывшихъ свое имя вѣчною, неувядаемою славою, постыдивъ своего врага торжественными своими побѣдами. Потому то на Вѣнскомъ конгрессѣ и приговорили государи оставить судьбу пропаганды на Волю Русскаго Монарха, какъ отжившей аномаліи, обличаемой ея горькими и для себя, и для своей среды результатами.

II. По окончаніи этой великой борьбы 1812 г., замыкавшей многовѣковую борьбу Русскаго народа за свои великіе интересы, Правительство наше отнеслось со всѣмъ великодушіемъ не только къ Полякамъ, но и ко всѣмъ измѣнникамъ своимъ, поляковавшимъ Бѣлорусцамъ и Инфляитчикамъ. Полное всепрощеніе и оставленіе за ними прежнихъ правъ было даровано Высочайшею Волею въ надеждѣ на усвоеніе ими законныхъ принциповъ для будущей своей дѣятельности. Принято было только нѣсколько косвенныхъ мѣръ для Русификаціи страны хотя по внѣшности, а именно: начата была въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ юрисдикція на Русскомъ языкѣ; послѣдовало изгнаніе іезуитовъ изъ нашей страны и Россіи, какъ главныхъ учителей полякованья *);

*) Замѣчательно, что и эти пропагандисты, подобно своимъ предшественникамъ Ливонскимъ рыцарямъ, уходили изъ нашей страны не съ пустыми карманами. Преданіе въ народѣ говоритъ, что они владѣли громадными богатствами, которыя они прятали въ катакомбахъ, преимущественно въ церковныхъ. Есть преданія, что тѣ іезуиты, которые не успѣли захватить съ собою своего богатства въ моментъ своего изгнанія изъ Россіи, возвращались послѣ къ намъ инкогнито и увозили попрятанное сокровище. Эти дѣйствія пропагандистовъ не походятъ на дѣянія Русскихъ, которые и при Іоаннѣ Грозномъ, и при Алексѣѣ Михайловичѣ, выходили изъ нашей страны безъ наживы; чего же съ собою не могли захватить іезуиты, то они истребляли подобно Французамъ, побросавшимъ въ Семлевское озеро награбленное въ Москвѣ богатство, котораго не могли довести до Франціи. Такъ Виленскіе миссіонары истребили все свое богатство

учреждены въ Динабургѣ и Волынцахъ сперва уѣздныя училища, а потомъ, въ 1829 г. учреждена гимназія въ Динабургѣ съ преподаваніемъ наукъ на Русскомъ языкѣ. Такая мѣра оказывалась крайне необходимою предъ 30-ми годами, когда нашими католиками овладѣла какая то пассія къ усвоенію Польщизны, развитіе которой они устроивали на счетъ своей Русской коренной національности, поддавшись вліянію ксендзовъ, бунтовавшихъ шляхту, занимавшую администрацію страны. Это развитіе Польщизны на столько было сильно не только по уѣздамъ, въ глуши гдѣ нибудь, но даже въ нашихъ губернскихъ городахъ. Такъ Н. С. Голицынъ, посѣтивъ Витебскъ въ 1829 г; пишетъ: „Польская и Еврейская націи были лицевою стороною въ нашемъ краѣ и Русское слово можно было рѣдко гдѣ услышать: только и слышишь по улицамъ цвякане и дзвякане; вездѣ костелы, церквей мало; *) противъ губернаторскаго дома Базиліанскій монастырь, такъ что этотъ городъ имѣлъ видъ полупольскаго и полужидовскаго". Съ 30 года, какъ извѣстно, опять пробудились революціонныя движенія въ Парижѣ, расчитывая на успѣхъ каковыхъ движеній, Польша подняла знамя бунта, пославъ во Францію воззваніе къ демагогамъ о присылкѣ ей помощи. Какія уступки Русское Правительство ни дѣлало Полякамъ, но послѣдніе, потерявъ сеймовое и самоправное правленіе, не могли примириться съ новымъ положеніемъ, и въ особенности волновалась шляхта. Хотя ей были предоставлены не только въ нашемъ краѣ, но по

при отобраніи у нихъ миссіонарскаго монастыря. Замѣчательно описаніе нашей страны въ 1815 г. академикомъ нашимъ Бошнякомъ (изъ католиковъ), въ которомъ онъ означаетъ полосу Русской культуры, простирающуюся отъ Себежа до Вараклянъ и отличающуюся бѣдностью и грязью, а отъ Вараклянъ полосу Нѣмецкой культуры, оказывающуюся по его мнѣнію въ постройкахъ, покрытыхъ черепичными крышами и вообще отличающуюся болѣе приличною наружностью поселеній, что будто бы зависѣло отъ того, по его мнѣнію, что эта полоса заселена только Нѣмцами—культурнымъ народомъ. Конечно, бѣдность какъ Люцинскаго, такъ и Динабургскаго уѣздовъ, зависитъ не отъ этихъ причинъ, а отъ исторической тяжелой ихъ судьбы.

*) А если бы авторъ заглянулъ внутрь нашей страны и посмотрѣлъ бы, сколько за костелами открывалось далѣе ораторіумовъ, домициловъ, каплицъ, плебаній, феймановъ, около которыхъ народъ стоялъ на 40 часовыхъ вигиліяхъ, назначенныхъ для воспоминанія о потери вольностей и свободъ и при которыхъ распѣвали проклятія здрайцамъ ойчизны. Поляки не строили у насъ ни замковъ, ни городовъ, но обратили нашу страну въ Римскую Флоренцію

всей Имперіи самыя высшія почетныя мѣста въ управленіи, съ обидою даже для Русскихъ, но она не могла забыть того своего положенія, когда около нея группировалась жизнь страны; между тѣмъ какъ, съ поступленіемъ ея подъ Русскую власть, она должна была быть служащею въ администраціи ненавистнаго ей народа. При Польшѣ каждый староста былъ князькомъ своего уголка и въ его резиденціи собиралась жизнь всего его уголка; около его войтовъ группировалась жизнь ихъ околодковъ: съ поступленіемъ же нашей страны подъ власть Россіи центрами жизни оказываются города и волости, куда стягивается жизнь страны. Бывшія резиденціи нашихъ магнатовъ теряютъ свое значеніе, напр. Дагда—резиденція Гильзеновъ, Креславка—Плятеровъ, Варакляны—Барховъ, противъ чего протестуютъ неосновательно Мантейфель и Петцольдъ. Мелкая шляхтурка, потерявшая право участія въ сеймовой безурядицѣ, права на безнаказанное буйство и фанатизмъ, была самымъ воспламеняющимся матеріаломъ для бунта. Болѣе же всего было недовольно духовенство, лишившись права возбуждать своихъ пасомыхъ къ крыжацкимъ традиціямъ и лишившись чрезъ то власти надъ шляхтою и чернью. Теперь оно стало напоминать шляхтѣ о бывшей власти магнатовъ, а шляхтуркѣ о потерянныхъ привиллегіяхъ и свободѣ—и на эту тему стало составлять гимны, прилагая къ нимъ соотвѣтственные церковные мотивы,—гимны, составившіе цѣлый циклъ іереміадъ, проклятій, криковъ и лямептовъ на свое Вавилонское плѣненіе. Надежды свои на успѣхъ Польша полагала также и въ томъ, что Россія, занятая и истощенная войною съ Турціею, не въ силахъ будетъ выслать достаточнаго количества войскъ, необходимыхъ для пораженія мятежниковъ. Благодаря своему материнскому великодушію, Россія на свой собственный коштъ воспитала главныхъ вожаковъ Польскаго бунта 1831 г., въ лицѣ Лелевелей, Косцюшекъ, Дембинскихъ и т. д. Оставляя въ сторонѣ и Лелевелей и Косцюшекъ, при изслѣдованіи открытія бунта въ Варшавѣ въ 1831 году, мы на первыхъ его страницахъ встрѣчаемся съ однимъ изъ зачинщиковъ этого бунта питомцемъ школы подпрапорщиковъ—Шадурскимъ-инфлянтчикомъ. Къ этому времени должно отнести время вымороченія у насъ рода знаменитыхъ Гильзеновъ, послѣ которыхъ являются ихъ наслѣдниками Плуллины и Шадурскіе. Послѣдніе получили большую часть наслѣдства по Гильзенамъ, но растратили ее: за то Плуллины строгою экономіею достигли теперь первенства въ

Люцинскомъ дворянствѣ и занимаютъ передовое положеніе между Русскими и Нѣмецкими фамиліями.

III. При развитіи мятежа, Поляки надѣялись, что участіе въ немъ примутъ, какъ въ общемъ дѣлѣ, окатоличившіеся наши Бѣлорусскіе единоплеменцы, а также и Инфлянтчики. Сверхъ чаянія, война наша съ Турціею не помѣшала намъ выйти въ поле готовыми къ борьбѣ, а Франція отвѣтила Полякамъ, что кровь ея дѣтей нужна для защиты своей страны. Одинъ этотъ отвѣтъ Французовъ долженъ былъ бы вразумить Польскихъ доводцевъ, что время пропаганды, крыжацкихъ традицій, рыцарскихъ и шляхетскихъ привиллегій уже окончилось; но Польскіе фанатики разсчитывали на искусство и храбрость своихъ борцовъ, не видя между нашими воинами своего времени Суворовыхъ, Багратіоновъ Ермоловыхъ,—въ чемъ и обманулись. Но болѣе всѣхъ ошиблись наши Инфлянтчики. За направленіемъ и намѣреніями нашихъ Инфлянтчиковъ правительство зорко смотрѣло, что оказывается изъ предупрежденія Государя Императора Николая Павловича, сдѣланнаго главнокомандующему Бѣлорусскаго края графу П. А. Толстому: „надо обратить строгія мѣры на каналій Люцинскаго уѣзда, и прошу не выпускать ихъ изъ вида“. Вѣроятно, Витебская шляхта провѣдала о такомъ мнѣніи Государя, а почему и спѣшила покорною депутаціею къ нему усыпить подозрѣніе на нихъ правительства, по принятіи которой Государь снова писалъ къ Толстому: „Были у меня Витебскіе депутаты. Если вѣрить ихъ словамъ, то они всѣ вѣрны. Я имъ говорилъ откровенно и сильно, но посмотримъ, что изъ сего выйдетъ. Но мы столько имѣемъ случаевъ вѣроломства ихъ, что я не знаю, кому изъ нихъ можно вѣрить“. Эта глубокая прозорливость нашего Великаго Монарха была причиною того, что мятежъ не могъ организироваться въ нашей странѣ, такъ какъ для злоумышленниковъ пресѣчены были во время всякія средства къ совращенію слабой и легковѣрной толпы. Хотя въ Польшѣ, съ наступленіемъ 1831 г., закипѣлъ мятежъ, но волканъ его не распространился далѣе Вильны; въ нашей же странѣ герои его успѣли заявить только свою враждебную манифестацію, которой, конечно, сочувствовала и прочая шляхта, убравшись орденами почетнаго легіона, уцѣлѣвшими отъ несчастнаго возмутителя Европы Наполеона I-го; но, узнавъ о пораженіи Поляковъ, присмирѣла. Напрасно прибылъ въ Дисненскій уѣздъ одинъ изъ знатныхъ Польскихъ

революціонеровъ Залускій, разсылая свои прокламаціи: народъ остался глухъ къ ихъ воззваніямъ, на которыя отозвалось только нѣсколько горячихъ шляхецкихъ головъ. Правда, по прибытіи Пржиздецкаго и Радзишевскаго, Лидскихъ довудцевъ, мятежники успѣли овладѣть Дисною; но Маіоръ Сафьяновъ, прибывшій съ отрядомъ экзекуціи, выгналъ ихъ изъ Дисны, разбилъ на пути ихъ къ Динабургу, которымъ они надѣялись овладѣть при помощи графа Людвига Зиберга. Не успѣвъ овладѣть Динабугомъ, мятежники съ своими бандами вынуждены были оставить свои жилища и скрываться въ лѣсахъ и болотахъ, которыми такъ богата наша страна. Впрочемъ эта манифестація имѣла видъ замѣчательной оригинальности, такъ какъ во главѣ мятежниковъ, изображавшихъ изъ себя преемниковъ косиньеровъ и Адскихъ легіонеровъ, коноводомъ повстанцевъ выступила дѣва-графиня Эмилія Плятеръ съ своими подругами,—и повстанцы, одушевляемые своею импровизированною героинею, нѣкоторое время ловко ускользали изъ рукъ экзекуціи и успѣли проникнуть въ Жмудскіе лѣса, откуда скрылись за границу. Преданіе говоритъ, что эта героиня, достигши Парижа, умерла съ испуга, услышавъ о взятіи Русскими войсками Варшавы. Хотя всѣ наши бѣглецы подъ именемъ эмигрантовъ нашли себѣ пріютъ и укрывательство у нашихъ сосѣдей, но они не могли уже возбудить крыжацкихъ набѣговъ. Ни одно даже Европейское Правительство не рѣшилось протестовать предъ Россіею за судьбу Польши. И память ихъ остается забытою и безъотвѣтною въ рыцарскихъ хроникахъ, прославляющихъ только Варшавскихъ довудцевъ, а объ инфлянтчикахъ упоминающихъ только мимоходомъ. Къ чему же служатъ такое геройство и такія жертвы нашихъ Полякующихъ повстанцевъ?

IV. По усмиреніи Польскаго мятежа, наше правительство опять же отнеслось съ великодушіемъ къ нашимъ Инфлянтчикамъ, принявъ только нѣсколько косвенныхъ мѣръ къ усиленію Русскаго элемента и къ защитѣ Православія въ нашей странѣ. Въ числѣ этихъ мѣръ оказываются слѣдующія: 1) уничтоженіе должностей, напоминавшихъ о Польскихъ сеймахъ, какъ то: Коморіевъ, подкоморіевъ, возныхъ и Хорунжихъ; причемъ всѣ присутственныя мѣста получили переименованіе, подобное существовавшему въ Великорусскихъ губ. 2) перенесеніе училища изъ Креславки въ Рѣжицу; 3) Прекращеніе Литовскаго статута, а

также упраздненіе сословія панцырныхъ бояръ и обращеніе ихъ въ подушное званіе; 4) упраздненіе нѣкоторыхъ костеловъ; 5) основаніе Православнаго храмова въ Люцинѣ. Въ Рѣжицѣ еще въ 1812 году существовала Уніатская церковь. Доказательствомъ своемѣстности Православія въ нашей странѣ служитъ быстрое распространеніе его, напр. въ 1836 году въ Люцинѣ было только два Православныхъ лица, для которыхъ Государь Николай Павловичъ, посѣтивъ Люцинъ, по просьбѣ ихъ, приказалъ построить церковь, а теперь въ Люцинѣ уже имѣются два прихода православныхъ, которые образовались безъ пропаганды и инквизиціи и неполучая ни откуда ни фундушей, ни значительныхъ жертвъ, а, напротивъ, находясь въ борьбѣ со всякими интригами. Замѣчательно также происхожденіе Маріенгаузенскаго и Тискадскаго приходовъ, совершившееся въ наше время на глазахъ, благодаря энергіи и усиліямъ мѣстныхъ православныхъ миссіонеровъ священниковъ, которые; при затратѣ собственныхъ средствъ, основали училища, храмы для своей паствы, пріумножая ее обращеніемъ Латышей и старообрядцевъ въ Православіе. Вотъ такого рода миссія раціональна и не противорѣчитъ принципамъ Христіанской религіи! Очевидно, ее нельзя упрекнуть въ насильственномъ вторженіи и въ возмущеніи страны, какому подверглась она отъ вступленія въ нее Мейнарда и Альберта Буксгевдена. Это миролюбіе Русской миссіи и было причиною, что въ 1839 году уніаты обратились добровольно къ Греко-Россійской церкви, изъ которыхъ и образовались православные приходы въ нашей странѣ, какъ напр. въ Ляудерѣ, Старой Слабодѣ, Яноволи, Бродайжѣ, Рогайжѣ, Михайловѣ и Вертуловѣ Люцинскаго уѣз., въ Ильзенбергѣ-Рѣжицкаго уѣз., въ Ушвальдѣ Динабургскаго уѣзда и въ другихъ поселеніяхъ. Лучшею мѣрою къ ослабленію полонизаціи было запрещеніе преподаванія Польскаго языка въ мѣстныхъ училищахъ. Однакожъ въ концѣ 30-хъ годовъ Буйницкій, помѣщикъ Рѣжицкаго уѣзда, издавалъ свой историческій сборникъ: „Рубонъ" на Польскомъ языкѣ, что ясно показываетъ снисходительность нашего правительства къ поляковавшимъ нашимъ землякамъ. Двѣ статьи въ этомъ сборникѣ поставлены для православленія пропаганды: 1) 1-я поэма Борха на изгнаніе Русскихъ крестоносцами изъ Ливоніи, и 2-я на завоеваніе Гонсѣвскимъ Инфлянтъ у Шведовъ хроника Іордана, но очень бѣдная фактами. Послѣ 8 выпус-

ковъ изданіе прекратилось. Наконецъ, были учреждены правила къ пріему молодыхъ людей въ католическія семинаріи и монастыри, такъ какъ до этого времени въ духовенство могли поступать только лица шляхетскаго званія; а затѣмъ приступлено было къ опредѣленію лицъ шляхетнаго происхожденія и къ приведенію въ точную извѣстность граждан и однодворцевъ Западной губерніи, къ чему Правительство приступило послѣ столькихъ бунтовъ шляхты, жаловавшейся на эти мѣры и забывавшей, какъ Баторій поступилъ съ Нѣмецкимъ дворянствомъ, требуя точныхъ матрикулъ у послѣдняго, какъ также требовали того при редукціяхъ Шведскіе короли у Нѣмцевъ и Польской шляхты. Извѣстны своею придирчивостью катастры Баторія, очиствшія Нѣмецкія матрикулы до минимума, между тѣмъ какъ Польскій сенатъ въ это время натворилъ въ 30 годахъ цѣлую тьму шляхты, возводя въ это достоинство всякаго католика, желавшаго быть шляхтичемъ.

V. Всѣ эти мѣры были косвенными и ни въ какомъ случаѣ карательными, такъ какъ ни права, ни произволъ шляхты ни сколько не былъ ограниченъ, чему служитъ доказательствомъ возмущеніе Яновольской волости, принадлежавшей гр. Борху, противъ его повѣреннаго Корсака и администратора Стемпковскаго. *) Произволъ этихъ повѣренныхъ графа Борха не былъ единственнымъ и исключительнымъ случаемъ въ быту нашей шляхты и былъ заурядным обычаемъ ея отношеній къ своимъ крестьянамъ, а почему мы и считаемъ не лишнимъ внести его въ рядъ фактовъ, характеризующихъ и мотивирующихъ складъ событій нашего времени. Произволъ шляхты до того достигалъ, что упомянутые управители, кромѣ взысканія оброковъ на помѣщика, самовластно вытребовывали на свои пирушки и банкеты со всякаго хозяина въ деревнѣ по рублю с. въ недѣлю, засѣкая розгами въ про-

*) Здѣсь кстати вспомнить о фабулѣ Гильзена, расказанной имъ въ хроникѣ о покорности Латышей XVII вѣка и ихъ преданности своимъ помѣщикамъ, простиравшейся на столько, что, когда Баторій предложилъ имъ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, то они всѣ поголовно отказались отъ этого предложенія?... Но могъ ли Баторій такъ смѣло возстать противъ шляхты, Баторій, который трепеталъ предъ Замойскимъ и Польскимъ сенатомъ, какъ школьникъ предъ своимъ учителемъ?. Но на сколько Гильзенъ и ему подобные историки искажаютъ истину, это мы узнаемъ изъ пѣсни Латыша, въ которой онъ обращается къ Перуну и молитъ его расколоть своими стрѣлами мостъ, по которому Литовцы, т. е. Поляки вступили въ его страну. Въ доказательство недостовѣрности разсказа Гильзена мы и приводимъ исторію Яновольскаго бунта.

тивномъ случаѣ несостоятельнаго крестьянина. Это возмущеніе возникло въ 1839 году и тянулось до 1841 года, когда крестьяне, не видя исхода своимъ бѣдствіямъ, перешли къ явному бунту, избравъ изъ своей среды круля Мосея, вывѣсившаго свое знамя съ надписью: „Круль Мосей“ на дверяхъ Бриговской корчмы, при чемъ всѣ крестьяне поголовно отказались отъ повиновенія мѣстнымъ чиновникамъ. Въ этомъ девизѣ главы бунта—круля, заключалось заявленіе къ Русскому правительству о томъ, что шляхта не отказывалась отъ своихъ прежнихъ притязаній, крыжацкихъ традицій и фанатизма. Бунтъ принималъ широкіе размѣры, распространялись и въ сосѣднія деревни, поднявшія возмущеніе противъ шляхты. Наконецъ, дошло свѣдѣніе объ этомъ бунтѣ до Петербурга, откуда, 26 Марта, прибылъ флигель-адъютантъ полковникъ Арнольди, предъ которымъ крестьяне жаловались на свое разореніе и требовали ключей отъ своихъ общественныхъ магазиновъ. Корсакъ между тѣмъ показывалъ убытки, понесенные помѣщицкою конторою при своевольномъ раскрытіи крестьянами общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, изъ которыхъ крестьяне самовольно взяли хлѣба взаемъ на нѣсколько сотенъ рублей для раздачи между голодавшими своими семействами, отъ уплаты каковаго займа послѣдніе не отказывались. При этомъ они также жаловались на притѣсненія мѣстныхъ чиновниковъ, которыхъ называли наемниками Борха и указывали флигель-адъютанту, что эти чиновники не дозволяли имъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца похоронить мертвое тѣло, каковое недозволеніе приписывали дѣлу мести управляющихъ, отъ которыхъ зависѣли эти чиновники, бывшіе, начиная съ исправника Михайловскаго, Поляками по происхожденію. Крестьяне винили Борха въ своихъ несчастіяхъ, но онъ самъ жилъ на службѣ при дворѣ и, если былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ, то по упустительности и недосмотру. Болѣе всего крестьяне были виноваты тѣмъ, что грозили привязать исправника къ мертвому тѣлу и держать его при немъ, пока онъ не дозволитъ похоронить его. Вслѣдствіе такихъ дерзостей флигель-адъютантъ, къ лошади котораго одинъ изъ крестьянъ бросился съ намѣреніемъ схватить его за ногу, чтобы стащить съ лошади, приказалъ наступить экзекуціи на толпу бушевавшихъ крестьянъ, отчего произошла свалка, въ которой много оказалось убитыми на смерть и много раненыхъ. Мѣсто этого происшествія указываютъ на

долинѣ возлѣ старой Яновольской церкви. 9 человѣкъ, по усмиреніи бунта, были наказаны шпицрутенами и ссылкою въ Сибирь. Для окончательнаго же усмиренія возмутившихся по всей Яновольской волости разставлена была экзекуція, распоряжавшаяся волостью до 1853 года, въ которомъ году было окончено слѣдствіе объ этомъ бунтѣ, вслѣдствіе Высочайшаго личнаго всепрощенія самимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ возмутившихся крестьянъ, павшихъ къ ногамъ его на ст. Попсуйкѣ Себеж. у., во время проѣзда его въ Варшаву, около этого времени. Результатомъ этого протеста крестьянъ былъ выкупъ ихъ правительствомъ изъ крѣпостной зависимости отъ своего помѣщика, получившаго значительную за то сумму, которую правительство до сего времени возвращаетъ себѣ полушками чрезъ отдачу этой земли въ аренду разнымъ лицамъ. Бунтъ этотъ былъ вызванъ самою шляхтою и ксендзами, которые, ввиду обращенія этихъ крестьянъ изъ Уніи въ Православіе, не хотѣли дозволить имъ оставить Унію, а почему, видя недѣйствительность своихъ увѣщаній, стали прибѣгать къ насилію, напр. приходили по субботнимъ днямъ въ избы обращенныхъ въ Православіе, и, найдя въ печахъ ихъ пищу, приготовленную съ мясомъ, вынимали горшки изъ печи и выливали варево на землю. Однакожъ соучастниками возмущенія крестьянъ Православныхъ были также и Католики, также не терпѣвшіе шляхты. Къ началу 50 годовъ должно отнести также закрытіе таможенныхъ заставъ въ Люцинѣ, что послужило къ прекращенію контробандной торговли по Люцинскому уѣзду.

VI. Мы разсказали этотъ эпизодъ, чтобы объяснить одну изъ причинъ также комической неудачи послѣдняго повстанія въ 1863 г. нашихъ Инфлянчиковъ. Въ Апрѣлѣ три брата графа Моля и гр. Плятеръ, которые, не смотря на очевидную антипатію крестьянъ къ ихъ интересамъ, надѣялись во время послѣдняго повстанія Поляковъ въ Варшавѣ, произвести возмущеніе между Латышами, примкнувъ къ такъ называвшемуся подземному или подпольному Ржонду, т. е. правительству повстанцевъ. Причиною этого повстанія многіе выставляютъ освобожденіе крестьянъ отъ подданства шляхтѣ, но это не вѣрно,—шляхта была благодарна правительству за выкупы: это повстаніе есть дѣло болѣе духовенства, чѣмъ шляхты—послѣдняя попытка Польскихъ крыжацкихъ замысловъ. Моли и Плятеръ напали на транспортъ оружія, на-

правленный изъ Динабургской крѣпости въ Двину подъ конвоемъ изъ 8 солдатъ, у которыхъ повстанцы отбили оружіе. Это оружіе Моли привезли къ себѣ въ домъ. Пропировавъ цѣлую ночь по случаю своей школьнической побѣды, предъ зарею, эти герои, уложивъ свою добычу на двѣ простыя телѣги и, усѣвшись сами на нихъ въ своихъ панскихъ костюмахъ, отправились изъ Креславки, направляясь къ имѣнію Молей, тоже Динаб. уѣз. Сборнымъ пунктомъ мятежниковъ назначены были Боловскіе и Маріенгаузенскіе лѣса въ имѣніяхъ Липской и Ульяновскихъ, гдѣ потомъ и открыты были запасы оружія, за что управляющій Липской Полонскій былъ сосланъ въ ссылку, а имѣніе Ульяновскаго, явно участвовавшаго въ мятежѣ, подверглось конфискаціи съ имѣніями Карницкаго въ Франополѣ. Ульяновскій на слѣдствіи дерзко заявлялъ протестъ о непринадлежности нашей страны къ Русской землѣ. Участниками этого бунта была только полякующая наша шляхта и нѣкоторые изъ ксендзовъ, съ которыми никакихъ сношеній не имѣли наши протестанты помѣщики, напр. Корфы, Розены и др. Проѣзжая чрезъ слѣдующую сосѣднюю старообрядческую деревню, повстанцы своими костюмами привлекли вниманіе старухи, вышедшей на улицу для выгона въ поле своей скотины. Старуха тотчасъ разбудила въ домѣ мущинъ, которые, собравъ еще нѣсколько сосѣдей, бросились на лошадяхъ въ погоню за повстанцами, нагнавъ которыхъ они отобрали оружіе и доставили ихъ начальству, впрочемъ не всѣхъ; послѣ чего начали обыскивать сосѣднихъ помѣщиковъ, при чемъ, нашедши еще оружіе у Молей, спалили домъ ихъ. Эти безпорядки, однакожъ, вскорѣ были прекращены съ прибытіемъ войска. Но, и послѣ этой неудачи, мятежники не думали пасовать и снова собрались у станціи Дубно, но крестьяне снова напали на нихъ и ихъ разсѣяли. Шайкой повстанцевъ командовалъ гр. Леонъ Плятеръ, пойманный теперь крестьянами, и, 23 Мая того же года, былъ разстрѣлянъ въ Динабургѣ, по опредѣленію ген. губернатора Сѣверо-Западнаго края М. Н. Муравьева, получившаго на время повстанія диктаторскую власть, отвѣтственную только предъ Государемъ Императоромъ. Леонъ Плятеръ отличался молодостью, красотою, богатствомъ и знатностью своего происхожденія, но Немезида его не пощадила, призвавъ его къ отвѣтственности за крыжацкія иллюзіи и шляхецкія протестаціи, оказывающіяся въ наше-нынѣшнее время несвоевременными. Для

усмиренія нашихъ Инфлянчиковъ былъ командированъ съ ротою капитанъ Божеряновъ. Однакожъ этотъ капитанъ былъ необходимъ не столько для усмиренія возмутившейся шляхты, сколько для усмиренія народа, возставшаго поголовно противъ возмутителей, которыхъ народъ осадилъ въ собственныхъ ихъ домахъ, не выпуская ихъ даже за порогъ своихъ домовъ, предъ выходами изъ которыхъ онъ расположился на сторожѣ и денно, и нощно. Наши паны, готовившіеся къ повстанію съ торжественными надеждами и большими замыслами, очутились въ чрезъ чуръ неловкомъ и глупомъ положеніи, вынужденные попрятать не только свое оружіе, но и свои фіолетовые кунтуши и конфедератки, заготовленные ими для провозглашенія возстановленія Польши въ предѣлахъ, въ какихъ она существовала во время зенита своего могущества, т. е. во времена Баторія. Изъ роли довудцевъ Подпольнаго Ржонда, въ которой они мечтали выступить на арену борьбы за ойчизну, вспоминая о дымахъ пожаровъ крыжацкихъ и о своеволіи Посполитой Рѣчи, они очутились въ роли бродягъ, за которыми гнался и народъ, гнались и солдаты. Въ особенно курьезномъ положеніи очутился одинъ изъ повстанцевъ—Яблонскій, перенесшій много непріятныхъ приключеній, во время укрывательства своего отъ солдатъ. И такого рода рыцари осмѣливаются въ нашемъ XIX вѣкѣ требовать себѣ господства во имя девизовъ невозвратно павшей символо-мистической федераціи, терзавшей столько вѣковъ нашъ край фанатизмомъ, превращавшимъ неоднократно нашу страну въ дикую пустыню! И такіе мечтатели рѣшались заявлять свои іеремiады предъ Европою, вызывая послѣднюю на борьбу съ Россіею! Результатомъ послѣдняго повстанія было возстановленіе въ нашей странѣ Руссификаціи на болѣе прочныхъ началахъ и при болѣе лучшей обстановкѣ, въ какихъ она находилась до сего времени. Описанія этого періода времени мы уже не принимаемъ на себя, такъ какъ оно составляетъ начало новаго времени, совершенно отличнаго по своимъ идеямъ отъ прежняго времени, освѣщавшагося періодическими вспышками Крыжацкихъ пожарищъ, потухшихъ, очевидно, на всегда въ послѣднемъ повстаніи. Что въ основѣ и и послѣдняго повстанія лежали крижацкія традиціи, тому доказательствомъ служитъ формированіе Жмудскихъ и Виленскихъ повстанскихъ бандъ, выступавшихъ въ походъ съ могильными крижами, которые предъ ними несли ксендзы, одѣтые въ бѣлые

абиты, между тѣмъ какъ повстанцы пѣли мятежническіе гимны. Должно сказать, что многіе изъ отцовъ этихъ повстанцевъ запрещали своимъ дѣтямъ участіе въ этихъ возмущеніяхъ, но молодежъ, нафанатизированная своими парохами—ксендзами и стихотворцами, вопила съ девотками и варіатками эти гимны и ляменты и, очертя голову, безумно бросалась въ пропасть. Эти гимны воскрешали въ воображеніи молодежи крыжацкіе подвиги, печальную судьбу пропаганды—и при этихъ воспоминаніяхъ трепетали сердца Польскаго и Инфлянтскаго юношества, братовавшагося при такихъ воспоминаніяхъ объ этой общей исторической своей долѣ у насъ, братовавшейся не смотря на національную рознь. Исторія нашихъ Инфлянтчиковъ, разсказанная Мантейфелемъ на Нѣмецкомъ языкѣ, получаетъ привѣтъ отъ Крашевскаго, являясь потомъ въ переводѣ на Польскій языкъ съ пржедмовою послѣдняго.

VII. Мы считаемъ не лишнимъ перечислить въ концѣ нашего труда изъ историческаго индигената нашей страны уцѣлѣвшее въ ней до сего времени его потомство.

Въ земледѣльческихъ спискахъ нашей страны считаются самыми крупными земледѣльцами изъ древнихъ дворянскихъ фамилій: въ Динабургскомъ уѣздѣ: Корфъ, баронъ Крейцбургскій (50 т. десят. земли им. Крейцбургъ и Козлово), гр. Плятеры (Креславка, Индрицы, Камбуль и Козаново), Плятеры-Зиберги, владѣющіе въ сложности свыше 22 т. десят. земли (у Пл. Зиберговъ,—им. Колупъ съ Амбеймуйжей), Каменскіе (4600), Оскерки (5400 Геронимово и Эйсбахово), Реутъ (16 т. Варково и Конецъ), Тизенгольты (3500); въ Люцинскомъ уѣздѣ: Бениславскіе (въ сложности 36000—Старый Замокъ, Мурованый дворъ и Посинь), Карницкіе 4500 (Ляндкрона и Шкавно), кн. Огинскіе (3200 Ляудеръ), гр. Келлеры (Русскелово), Соколовскіе (3200 Истальсна), Шадурскіе (3502 дес. Звирдзино); въ Рѣжицкомъ: Бениславскіе (16 т. Устьронь, Узульмуйже, Селениоль, Рыконоль), гр. Борхи (14 т.), Мантейфели (5 т. Лесно и Дрицаны), Плятеры-Зиберги (11500 Рудзяты и Борхово), Потоцкая (10 т. Мальта), кн. Сангушки (Варклявы), Шадурскіе (Фейманы, Пуща, и Доротполь), Яновскіе (5 т. Белены, Мальта и Н. Рыково). Изъ прежняго индигената, кромѣ этихъ фамилій, мы еще находимъ потомковъ слѣдующихъ фамилій: Вальдеповъ, Рыковъ, Піотровичей, Щедровичей, Олехновичей, Карвовскихъ, Гедройцевъ, бар. Икскулеи фонъ Гильдебрандтовъ (Зосна), Жабо, Боуфаловъ, Гаевскихъ, Сол-

тановъ, Володкевичъ, Довгялло, Загеровъ, Верещинскихъ, Кроповъ, Бржестовскихъ, Малевичей, Вентко (Берзыгаль 2100 д.) Шахно. Шкультецкихъ, Рацборскихъ, Бейнаровичей, Колоковскихъ, Жолондзей, Савицкихъ, Корней, Радзевичей, Свержевскихъ, Собаньскихъ, Буйницкихъ, Яловецкихъ, Потгофовъ, Вейсенгофовъ (Кревы, Анзельмуйже и Арманы), Полоневичей, Козловскихъ, Богомольцевъ, (Гришаны, Розентово и Арманы), Загорскихъ, Эдановичей, Керновъ, Крейцевъ, Шредерсовъ, Рижи, Кибортовъ, Лабуньскихъ, Оржешковскихъ, Рыковыхъ (Старое Рыково 2100 д.), Павловичей, Буткевичей, Вольскихъ, Витовскихъ, Вольмишевскихъ, Подрѣзовъ, Формулевичей, Будевицевъ, Чеховичей, Зарембо, Оссандовскихъ, Станкевичей, Гуторовичей, Ягпиныхъ, Стабровскихъ, Стемпковскихъ, Рыбинскихъ, Каменскихъ, Бутвиловскихъ (Ильзенбергъ), Длужневскихъ (Шлосш), Шостаковскихъ, и др. Изъ вымершихъ фамилій болѣе замѣчательны: Гильзены, Фелькерзамбы, Селицкіе, Ходкевичи, Елагины, Бутурлины, Кульневы, Бухгольцы, Томковиды и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ фамилій, напр. фамиліи Рыковыхъ, Борховъ, Вальденовъ, Гедройцевъ, Вейсенгофовъ пользовались прежде болѣе обширными владѣніями, но они разорились не отъ конфискаціи, а по своимъ домашнимъ причинамъ, какъ напр. и фамиліи Горожанскихъ, Мориссоновъ, барон. Гротусовъ и друг. Изъ потерпѣвшихъ конфискацію фамиліи извѣстны: Ульяновскіе, Карницкіе (двѣ фамиліи Карницкихъ: одна, имѣющая помѣстья въ Ландкронѣ, никогда не участвовавшая въ повстанцахъ, а другая — потерпѣвшая Фрамполь), Моли и Чеховичи; впрочемъ и у этихъ фамилій имѣются еще значительные остатки изъ прежнихъ владѣній. Изъ водворившихся въ нашей странѣ дворянскихъ фамилій при Русскомъ господствѣ замѣчательны или по своимъ владѣніямъ, или по своему офиціальному положенію слѣдующія: Мофетъ (вице адмиралъ—Коготы), Розенъ (шталмейстеръ—Залѣсье), Жемчужниковъ (Лябарча), Розеншильды- фонъ-Паулины (Залѣсье, Залмуйже, Заболотье, Эверсмуйже и Пильцаны), кн. Голенищевы—Кутузовы (Осунь), Фитингофъ (Котлешп), Транзее (Балтиново), Мирбахъ, Зеновичъ (Шкельбаны), Похвало (Стерняны), Литашевскіе, Дарагани (Замостье), Потгофты, Купчинскій, фонъ-дер-Ропъ (Малново 10 т. д.), де-Іозефи (Голяны), Ферихсъ (Прели), Плеве, Пожнгло, Штадеисъ, Щепсновичъ. Ушинскіе, Ливне-де-Ливскіе (Маріенгаузенъ), Штенгеръ (Сальново), Штейнъ и Родзевичи (Пылда), Ромеръ

(Тискаты, Янополь), Писаревы, Ренгартены, Россетеры, Шильдеры - Шульдперы, Келинсъ (Рогайжъ), Ивашкевичи, Ковалевскіе, Новокщеновъ (Пепяны), Арцимовичъ, старшій сенаторъ (Рупторть), Медемъ, Лебедевъ и Мельницкіе—составляютъ цвѣтъ новаго современнаго геральдическаго сословія нашей страны; а слѣдующія фамиліи принадлежатъ къ разряду богатыхъ землевладѣльцевъ: Дальвицъ (Стружаны), Суринъ, Зори, Сеньковъ, Урбанъ, Каде, Брицъ, Вакзель, Лукашевъ, Макаровы, Малкіелъ (Веленской фабрикантъ—Динабургскій еврей), Крейцъ, Косичъ, Нарбутъ, Колначъ, Бубко, Балашевъ, Шумовичъ, Соколовъ, Толочко, Хлѣбниковъ, Якубовъ, Одумовы, Трейденъ, Гейвардъ, Готшалькъ, Буденцовъ, Цительсонъ, Крузе, Рословъ, Юпатовъ, Страусы, Катешины, Авдощенковъ, Бояриновъ, Татариновы, Торгоньскіе, Акачевъ (въ Пунцелляхъ), Эйсакъ-Некрасовъ, Перенъ, Макѣевъ, Козловы, Бутримы, Черпенокъ, Чекстеръ, Сеньковъ, Мутули, Лоссоны, Микулинъ, Магль, Мисюрова, Лукина, Бодекъ, Горажанскіе, Дременги, Крутовы, Дюбинъ, Курцъ, Зуйтинъ, Поповъ, Карпущенковъ (4000 д.), Кузнецовъ, Хлѣбниковъ, Сурмонинъ и друг. Хотя изъ новаго дворянскаго индигената многія фамиліи владѣютъ значительными участками земли, но всѣ лучшія земли находятся въ рукахъ дворянъ Старо-Польско-Нѣмецкаго происхожденія. Развитіе общественной жизни самымъ замѣтнымъ образомъ резюмируется тремя современными инициативами: лучшимъ устройствомъ путей сообщенія, строгою администраціею страны, устройствомъ народныхъ школъ и Высочайше дарованною свободою крѣпостному сословію въ странѣ, что увеличило народонаселеніе ея въ двойной пропорціи противъ народонаселенія, числившагося подъ Польшею.

VIII. Введеніе новаго индигената въ составъ нашего Нѣмецкаго дворянства и Польской шляхты, въ который до послѣдняго повстанія почти невозможенъ былъ доступъ никакой иной націи, кромѣ Польской и Нѣмецкой націй, парализировало тѣ фанатическія тенденціи, въ которыхъ жила наша шляхта,—парализировало и ея вліяніе на Латышей. На сколько эти фанатическія тенденціи были сильны, мы видѣли тому примѣръ въ Яновольскомъ бунтѣ. Во время существованія Польской администраціи, уже при Русскомъ господствѣ, фанатизмъ Поляковъ проявлялся не только въ захолустьяхъ, но даже на лицевой сторонѣ нашей страны, что оказывается при построеніи Люцинской церкви, мѣсто которой, предназначенное по плану Высочайше утвержден-

въ 1778 г., было застроено, по допущенію мѣстной администраціи, частными постройками, за снесеніе которыхъ хозяева ихъ, при открытіи постройки церкви, получили возмѣщеніе подобно Борху. На этотъ фактъ мы указали, какъ на доказательстельство стремленія нашего Правительства къ легальности до высшей степени, чего мы не видѣли въ дѣйствіяхъ Польскаго Правительства, которое, въ виду возстановленія католицизма и его процвѣтанія, дозволяло всевозможное своеволіе при захватѣ земель подъ костелы. И, конечно, этому своеволію никогда не было бы конца, пока бы существовала Польская администрація въ нашей странѣ, потому что каждый шляхтичъ считалъ нашу страну не Русскою территоріею, а исконною собственностью Посполитой Рѣчи, закрѣпившей за собою ее будто бы многократными, на самомъ дѣлѣ не бывалыми побѣдами, при вымышляемой Польскими историками какой то исторической славѣ нашей страны, осѣнявшей её во время управленія ею рыцарей и Поляковъ, въ силу каковыхъ побѣдъ и славы Поляки не знаютъ предѣловъ своимъ притязаніямъ. Оставляя періодъ этой славы, въ теченіи котораго наша страна не знала ни мира, ни покоя, превратилась въ арену заказной борьбы, гдѣ человѣкъ являлся и рождался на свѣтъ для того только, чтобы умереть на полѣ брани, гдѣ владѣлецъ не могъ считать своего имущества обезпеченнымъ отъ разбойниковъ, мстительныхъ пожаровъ, гдѣ, при непримиримой народной ненависти, не умолкали стоны проклятій и ожесточенія, гдѣ не было мѣста ни для звуковъ пѣсни, ни для народнаго праздника: въ настоящее время страна наша вступаетъ, съ возвращеніемъ своимъ подъ власть Россіи, на путь мирной и спокойной дѣятельности подъ оградою закона и правды. Вмѣсто прежняго маскированія лживою мистификаціею, подавляшею смыслъ народа, вмѣсто корыстной эксплоатаціи вѣрованіями туземца, съ ограниченіемъ замысловъ и тираніи пропаганды, наступаетъ время законнаго и спокойнаго отправленія религіозныхъ обязанностей и братскаго отношенія разновѣрцевъ, возрожденія общественнаго слова, вмѣстныхъ народныхъ стремленій къ развитію образованія, въ чемъ, въ особенности, нуждается наша страна при своей этнографической амальгамѣ. Только съ нашихъ дней для нашей страны воскресли надежды на лучшія времена,—которыя она призвала для себя тяжелыми страданіями, какихъ не испытала ни одна страна въ мірѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
2	17 —	Еверсемуйжемъ	Евересмуйжемъ
4	13 сн.	1 Th. 352 Zheite) Юрзевичъ	1 Th. 388) Юцевичъ,
13	7 сн.	1856 г.	1556 г.
30	10 —	борьбы	борьбу
33	8 —	а по документамъ	и по документамъ
41	11 —	Ишкатской	Тискатской
76	19 —	далеко	далека
78	10 —	Опущено: „въ сапоги“ послѣ слова „обутыхъ“.	
96	8 св.	neminem	nemini
133	4 сн.	временамъ	временемъ
163	13 —	ляндмаршаликъ	ляндмаршалъ
163	17 —	покосу и принѣстъ	полосу и принесетъ
164	8 —	представляется	предоставляется
193	18 сн.	Щеною	Щенею
203	9 —	событія:	событія!
207	13 —	Уфы	Упы
209	15 св.	Эрмисотъ	Эрмисомъ
209	17 —	Опущено: „а Курбскій разбилъ Полубенскаго подъ Венденомъ и Іеронима Ходкевича прогналъ за Двину, послѣ чего съ Барабашемъ поразилъ Нѣмцевъ подъ Эрмисомъ“.	
217	7 —	все и Ливонія	всей Ливоніи
242	2 св.	видѣли,	видѣли, вслѣдствіе
245	3 сн.	Опущено: „іезуитовъ“ послѣ слова „Польщизны“.	
247	14 —	Опущено: „состоялось уже при Сигизмундѣ Августѣ послѣ слова „Польщизну“	
250	4 сн.	пирводило	приводило
—	6 —	злонамѣрно	злонамѣренно
251	8 св.	Залускій:	Залускій.
—	9 —	поднявшійся	поднявшійся?“ какъ онъ выразился, при взглядѣ на развалины Кіева.
261	4 —	Когфъ	Корфъ,
265	18 св.	подробнѣе немъ	подробнѣе о немъ
265	18 св.	немъ	о немъ
270	10 —	Послѣ Читринской	Послѣ Чигиринской
283	16 сн.	въ 1709 году	въ 1710 году
287	19 св.	Сабѣскій	Собѣскій
290	3 сн.	Бѣлорусскій пастырь	Бѣлорусскій архипастырь